

НАТАЛЬЯ Ш.

Судьба

ЛЮБОВЬ - ЭТО НЕ ВЫБОР, А СУДЬБА

Он пытался спасти жизнь одной женщины, разрушая жизнь другой. Она жила прошлым не замечая будущего.

ПРОЛОГ

Огни большого города отражаются в окнах пролетающих мимо машин. Вокруг все так красиво и радужно, что кажется нереальным. Мне так хорошо, легко и свободно, душа парит, хочется петь. Я отворачиваюсь от окна, смотрю в любимое лицо Марка и до сих пор не верю своему счастью. Марк МОЙ!!! МУЖ!!! Хотя мы и поженились около года назад, но все как будто было только вчера. ГОСПОДИ, КАК ОН КРАСИВ: русые волосы, чувственные губы, ровный нос, светлая кожа, но самое главное — глаза: голубые, нереально голубые. Он смотрит на меня, и я вижу в них любовь и теплоту. Не могу оторваться от его глаз, ведь в них отражаюсь Я. Он медленно протягивает руку к моему круглому и довольно внушительному животу, нежно поглаживает его, и наша маленькая принцесса просыпается, толкает его в руку. Марк тормозит на светофоре, наклоняется и целует мой живот. Резкий визг тормозов заставляет меня подскочить на месте. Смотрю в лобовое стекло и вижу огромную грузовую фуру, летящую на нас. Все как будто замедляется. Я смотрю на Марка, он не реагирует. Не пытается свернуть на обочину. Он просто сидит и смотрит на надвигающуюся на нас огромную махину. Я кричу очень громко, меня охватывает ужас, я трясусь Марка. Кричу ему, чтоб он хоть что-то сделал, сама пытаюсь вытолкнуть его из машины. Дергаю за его ремень безопасности, он не поддается. Марк что-то говорит. Очень тихо, не слышу его из-за собственного крика. Прижимаю руку ко рту, заглушаю свои вопли, пытаюсь прислушаться к нему. «Ничего не изменить. Судьбу не изменить» — повторяет он снова и снова. Эти слова проносятся в моей голове без остановки. Я накрываю живот руками, зажимаю глаза, резкий удар — фура налетает на нас, но я чувствую только толчок. Открываю глаза, смотрю на мужа. Он сидит в том же положении и смотрит перед собой, повторяя все те же слова. Мне страшно, очень страшно. Его лицо бледнеет очень быстро, оно уже почти синее. Что-то теплое льется под ногами, очень быстро заполняет салон. Я смотрю вниз и вижу, что это кровь, очень много крови. И мы скоро ей захлебнемся. Я вся в ней, ею пропитана. О пять кричу, надрывая связки, очень громко кричу, крик превращается в вопль, мое горло хрипит.....

ГЛАВА 1

Елизавета

Открываю глаза, темно, очень темно. Несколько секунд не понимаю, где нахожусь, мне не хватает воздуха, дышать тяжело, я вся мокрая. Почему я мокрая? Ощупываю себя руками. Пот. Это пот, должно быть жарко, но мне холодно, я вся дрожу, покрываюсь мурашками. Постепенно осознаю, где я нахожусь. Я дома, в своей кровати. Это сон, просто сон, один и тоже проклятый сон из прошлого. Как давно он мне не снился? Почему именно сейчас? Боже, КАК ХОЛОДНО!!! Натягиваю на себя одеяло, пытаюсь согреться. Не помогает. В голове проносятся мысли: «Ничего не изменить. Судьбу не изменить». Сжимаю голову руками, хочу выкинуть эти слова из нее. Дергаю себя за волосы. Ничего не помогает. Откидываю одеяло, встаю с кровати, иду в ванну. Резкий верхний свет режет глаза и отдает головной болью. Выключаю верхний свет, щелкаю светильником над зеркалом. Так лучше.

Снимаю с себя мокрую от пота пижаму. Включаю горячую воду в душе. Вода обжигает, но мне холодно. Очень холодно, не могу согреться. Оседаю на пол, обнимаю себя руками, хочется плакать, не просто плакать, а рыдать. Но я даже этого не могу. Все свои слезы я уже выплакала. Мне кажется, если я заплачу, станет легче, намного легче. Но я не могу, как будто кончился мой лимит слез. Закрываю глаза, пытаюсь расслабиться. Начинаю глубоко дышать: вдох — выдох, вдох — выдох. Постепенно отпускает. Начинаю чувствовать собственное тело, теплую воду. Уже не холодно, дрожь прошла, почти отпустило. Поднимаюсь. Выключаю воду, выхожу из душа, вытираюсь теплым полотенцем. Смотрю на себя зеркало — красные глаза, бледная кожа. А завтра встреча — надо быть в форме. Черт, надо поспать. Но уснуть не смогу. Открываю шкафчик под зеркалом, достаю снотворное. Одна или две? Да кого я обманываю? Одной будет мало, выпиваю две.

Утро встречает меня громким звуком телефона. Пытаюсь нащупать его на прикроватной тумбе. Глаза не открываются, тяжесть в голове. Черт, все из-за снотворного. Нахожу телефон, провожу по экрану так и не открыв глаза.

— Алло, — говорю я и не узнаю собственного голоса.

— Опять не спала всю ночь? — слышу бодрый голос подруги.

— И тебе доброе утро. И я спала ночью, ты меня разбудила, — прочищая горло, говорю я, с трудом открывая глаза.

— Ну, тогда хорошо, что ты проснулась. Вари кофе, через минут тридцать буду у тебя, — весело говорит она и отключается.

Ну да, хорошо, конечно. У меня никто и не думал спросить, хочу ли я ее видеть? Есть ли у меня время? Хотя я не обижаюсь. Она всегда так делает, в принципе, так же, как и я. Ксюху я знаю давно, а точнее, всю мою сознательную жизнь. Жили в одном дворе, учились в одной школе, поступили в один и тот же университет.

Неохотно встаю с кровати, бреду в ванну, быстро принимаю прохладный душ чтобы проснуться. Смотрю на себя в зеркало. Да уж, видок ещё тот: бледная, глаза опухшие. Вспоминаю про ночной кошмар, но быстро отгоняю от себя эту мысль. Дорогая чудо косметика должна все исправить. Наношу легкий макияж. Сушу волосы феном и иду варить кофе, как было велено Ксюхой. Стою возле барной стойки на кухне, пытаюсь сообразить, чем накормить подругу с утра. Знаю, что она не ела, ее организм очень долго просыпается. Понимаю, что ничего не могу ей предложить — кроме кофе, чая и обезжиренного йогурта у меня ничего нет. Слышу звук открывающегося замка. Это подруга. У нее есть ключ, поэтому она всегда бесцеремонно вваливается ко мне в любое время дня и ночи. Она молча проходит в ванну, слышу шум воды. Я разливаю свежесваренный кофе по чашкам, ставлю на стойку, забираюсь на стул, делаю глоток и все — утро началось не зря. Обожаю свежий молотый кофе.

— Ну, привет, подруга!!! — очень громко и очень счастливо выдает Ксюха, проходя на кухню.

— Привет. Боже, можно потише, — ее голос отдает эхом в моей голове. Она внимательно и уже очень серьезно, без улыбки, всматривается в мое лицо. Я знаю, что она там видит, и не хочу говорить на эту тему, поэтому отворачиваюсь и смотрю в окно.

— Опять этот сон? — уже очень тихо и грустно говорит она.

— Да. И давай сразу закроем эту тему. Ты чего такая счастливая сегодня?

— Я принесла свежие круассаны и они еще теплые, — говорит она, уже опять с улыбкой

на лице, ставит бумажный пакет на стол, от которого исходит чудесный аромат свежей выпечки. Молодец, умная девочка, она знает, что я не хочу и не буду вести душевные разговоры с ней. И не только с ней, вообще ни с кем. Мне этого не надо, мне так легче. Когда я молчу об этом, кажется, ничего нет и не было, все просто кошмарный сон.

— Итак, что случилось? От чего ты так вся светишься, как новогодняя елка? — она кокетливо, даже смущенно, опускает глаза, смотрит на свои руки, на которых я замечаю изящное кольцо с россыпью маленьких камушков.

Я улыбаюсь, искренне улыбаюсь. Ну наконец, это свершилось.

— Это то, что я думаю? Лешка, осмелился и сделал тебе предложение?!

— Да, — очень скромно и опять тихо говорит она. И чего она так стесняется? Понять не могу, это так на нее не похоже.

— А Алексей творит чудеса, куда делась моя подруга? Откуда эта скромница?

— Ой, да ладно тебе. Да, он сделал мне вчера предложение. И я согласилась!!!

— Ну, это я вижу, что согласилась. И когда свадьба? — спрашиваю я, улыбаясь. Внутри все леденеет, тьма накрывает, медленно ползет по всему телу. Ничего не могу с собой поделывать. За подругу я рада, очень рада. Но осколки моего прошлого не дают мне должным образом это принять.

— Двадцать пятого декабря, — быстро выпаливает она.

— Так скоро? Или вы торопитесь, ты что... — смотрю на ее живот, — неужели беременна?

— Нет!!! Что ты, нет конечно!!! А чего тянуть то? Просто мы решили, что отправиться в медовый месяц на Новый Год в Италию было бы очень здорово!!! — говорит она, с энтузиазмом поглощая круассаны.

— Ты бы тогда не налегала так на сладкое и мучное, а то в платья то не влезешь, — шучу я.

— Да нет, ты знаешь, ночные тренировки с Лёхой в кровати, и не только ночные, и не только, кстати, в кровати. Очень эффективно избавляют от лишних калорий.

— Не знаю и знать не хочу. Избавь меня от ваших ванильных подробностей, — смеюсь я.

Она внимательно смотрит на меня, прищуривает глаза, на лице — лисья улыбка. Так, так, не нравится мне этот взгляд, она, что-то задумала. Я вопросительно приподнимаю брови, и она, наконец, выдает:

— Так что мы сегодня празднуем мою помолвку. Сейчас идем по магазинам — мне надо обновить гардероб и тебе бы не мешало. Вечером идем в клуб и хорошенько оторвемся, — тараторит она, не давая вставить мне и слова.

— Ну, во-первых, с моим гардеробом все нормально. Во-вторых, мне через полтора часа надо быть на работе, и в-третьих, какой клуб? Ты о чем? Леха отпускает тебя одну в клуб?

— Конечно отпускает, просто он не знает, куда конкретно меня отпускает. Я сказала, что мы с тобой идем веселиться, — говорит, она, подмигивая мне.

— Уже врешь своему будущему мужу! Нехорошо! — наигранно ругаю ее я.

— Ну почему сразу вру? Просто немного не договариваю. Он улетел утром в командировку на два дня. Велел не скучать и хорошо провести время, так что я следую его указаниям. Я же послушная девочка, — с наглой улыбочкой заявляет она.

— Да уж, очень послушная. Но все равно не могу, мне надо на работу уже собираться. У меня на двенадцать назначена встреча с клиентами по поводу проведения праздника, —

говорю я.

Пытаюсь прикрыться работой, но я не вру, у меня действительно встреча. Но она не надолго, максимум час, потом я могу быть свободна, если захочу. Просто не хочу никуда идти, особенно сегодня, когда ко мне вернулись мои кошмары. Я хотела поехать совершенно в другое место, где мне спокойно, где я могу поговорить с моими призраками.

— Елизавета Андреевна, Вы — хозяйка сего заведения. И можете появляться, когда захотите. Да и твой администратор может провести эту встречу, разве это не его работа? — заявляет она, слегка надувая губки. Такая милая.

Не хочу ее обижать и портить настроение. Ксюша с Лешей — единственные родные мне люди, которых я люблю. Даже когда я отказывалась от их помощи и кричала им уходить, они все равно оставались со мной. Протягивали мне руки, по которым я была, но друзья не отступали. Благодаря им я все еще жива, физически здорова, кажусь нормальной и уравновешенной, но это только видимость. Там, глубоко внутри, ничего нет, пустота и холод, там очень холодно. Огромная ледяная глыба, которая никогда не растает. И тьма. Там очень темно....

— Хорошо, уговорила. Я иду сегодня с тобой, делаю то, что ты хочешь. Но, на работу все равно надо заскочить, у моего администратора сегодня выходной. Встреча уже назначена. Это ненадолго и потом я в полном твоём распоряжении.

Ксюша вскакивает со стула, подходит ко мне, наклоняется к уху и тихо шепчет:

— Скажу тебе по секрету, ты тоже этого хочешь, просто не признаешься, — сказав это, она быстро целует меня в щеку и командует мне собираться. Я смеюсь. Вот за это я ее и люблю, она всегда может мне поднять настроение.

Роберт

Осень — мое любимое время года. Кто-то любит лето или весну. Но для меня в осени есть своё очарование, загадка. Смотрю на эту утреннюю симфонию природы через лобовое стекло своего авто. Дует легкий ветерок, кружа в вальсе пестрые листья. Буйство красок завораживает. Капли мелкого дождя медленно скатываются по стеклу. Я наблюдаю за этим шоу, устроенным природой, и это лучшее представление, которое я когда-либо видел в жизни.

Достаю из кармана очередную сигарету, прикуриваю, делаю затяжку, легкие медленно наполняются дымом, окутывая их. Откидываю голову на сидение, закрываю глаза. Ненавижу ждать, никогда не отличался терпением.

Докуриваю уже третью сигарету подряд, выкидываю её в окно и начинаю нервно бить по сигналу. Почему она всегда меня так бесит, неужели нельзя во время собраться? Я понимаю, что женщины всегда опаздывают и их надо терпеливо ждать, но с ней это не вариант.

Через минуту двери открываются, из них выходит она, женщина, которую я никогда не любил. И эта нелюбовь постепенно превращается в ненависть. Она всё делает для того, чтобы эта ненависть росла с каждым днём все больше и больше. Раздражая меня своим присутствием, голосом, да ВСЕМ!!! Елена садится в машину и салон наполняет тошнотворный, приторный запах её дорогих духов. НЕНАВИЖУ ЕЁ ДУХИ!!! Бросаю на неё мимолётный взгляд — короткие платиновые волосы, неживые, пухлые накаченные силиконом губы, наращенные ресницы, серые как ртуть глаза, тонны макияжа, грудь третьего размера (естественно не своя), которая смотрится нелепо на её худосочном теле. В ней нет ничего настоящего, живого. Такоё ощущение, что её собрали где-то на специальном

"заводе по производству стержней".

— Привет, милый, — говорит она, выдавая мне улыбку во все свои тридцать два до ужаса белых зуба. И, как в замедленной съёмке, я вижу, что она наклоняется к моей щеке для поцелуя. Я резко дёргаюсь назад. Лена поджимает губы, кривится и, слава богу, отстраняется от меня.

— Что, так противно?!

Ничего не отвечаю, завожу двигатель и выезжаю со стоянки дома, который я никогда не считал своим, хотя прожил здесь четыре года. Он такой же холодный, как и его хозяйка.

— Что, даже с женой не здороваешься? — у нее такая тонкая и костлявая шея. Я представляю, как она хрустит у меня в руках. Закрываю глаза, трясу головой, пытаюсь успокоиться, делаю глубокий вздох. Не отвечаю на ее вопрос и, прибавив газа, выезжаю на главную дорогу.

— Скажи мне, Елена, какого хрена день рождения моего сына должен проходить с таким размахом, в непонятном заведении, с кучей людей, которых он даже не знает? А не в кругу любящих его людей в домашней обстановке? — я уже успокоился и выдаю все это ровным, ничего не выражающим тоном.

— Илья сам захотел большой праздник! — самодовольно, с усмешкой говорит, она.

— Да ну, Илья в четыре года решил организовать банкет на пятьдесят человек с зам. префекта, прокурором и прочими? — усмехаюсь я, прикуривая очередную сигарету и выпуская дым ей в лицо. Она морщит нос, машет у себя перед лицом, разгоняя дым.

— Во-первых, это все нужные нам люди и хорошие связи. Во-вторых, они будут с детьми и внуками, мы совместим приятное с полезным — детям хорошо и нам выгода. И заведение это довольно приличное, как раз для семейных праздников. Будет всего двадцать — двадцать пять человек. Так как твои родители не приедут, то после праздника Илья может поехать к ним в твоё захолустье.

МОЕ ЗАХОЛУСТЬЕ. У моих родителей довольно большой и уютный загородный дом. Конечно, я бы хотел видеть своего ребёнка на свежем воздухе! Там, где ему нравится. А не с кучкой влиятельных уродов.

— Кому нужны эти люди, тебе? Мне — нет! — я опять начинаю закипать, повышая на неё голос.

— Роберт, успокойся и не ори, кажется, мы с тобой вчера уже всё решили. Мы проводим банкет здесь, потом ты забираешь ребенка к своим родителям на две недели.

— Это и утешает, что мой сын поживет нормально и спокойно две недели.

— А чем ему со мной плохо? ТЫ намекаешь на то, что я плохая мать? — с обидой и удивлением говорит она, поднимая свои идеальные брови. Чем раздражает меня еще больше.

— Да тебя постоянно нет дома — ты или в салонах и еще хрен знает, где тебя носит. Он постоянно с няней. Я предлагал, чтобы он жил у моих родителей, окруженный родными ему людьми, а не чужой ему женщиной!!! — я достиг своей цели: задел её. Она надувает губы, меняется в лице, похоже, собирается плакать. ДА! Я наслаждаюсь её состоянием, самодовольное и надменное выражение стерто с ее лица.

— Рожая тебе ребенка, я не подписывалась вечно быть к нему привязной. И не собираюсь превращаться в домашнюю клушу-наседку. У меня свои дела и своя жизнь. Ирина Александровна — очень квалифицированная няня. Илье с ней очень хорошо! — боже, как я ненавижу эту суку!

Всю оставшуюся дорогу до кафе мы молчим. Она думает, что сказав последнюю фразу,

была права. Я молчу, потому что еще пять минут таких диалогов, и я ее убью. А она мне еще нужна живая и здоровая.

Наконец, мы доезжаем до злосчастливого кафе. Елена цепляется мне в руку, надев маску образцовой жены. Заходим в заведение с оригинальным названием "Вкусное место". Ну что ж, посмотрим насколько здесь вкусно.

Девушка на входе встречает нас очаровательной улыбкой и, представившись Татьяной, провожает к некой Елизавете Андреевне. Татьяна, покачивает очень аппетитными бедрами, по которым так и хочется шлепнуть. По дороге к кабинету хозяйки заведения она показывает нам зал для проведения торжества. Могу сказать, что здесь довольно милая и уютная обстановка. Пастельные цвета на стенах, панорамные окна с воздушно-белыми шторами, плетеная мебель, накрахмаленные кружевные скатерти, уютные диваны с разноцветными подушками. Довольно мило. Очень уютно и по-домашнему.

Пока Елена осматривает зал, я рассматриваю Татьяну, ее стройные ножки в черном капроне и очень короткую юбку. Девушка смущенно улыбается, не скрывая своего интереса ко мне. Я одариваю ее наглой, похотливой улыбочкой. Но эта игра мне не интересна, в девушке нет никакой загадки, она вся как открытая книга. Елена замечает наши переглядки, бросает злобный взгляд на меня и Татьяну, чем приводит меня в восторг. Я подмигиваю девушке, которая неожиданно вспоминает о своих обязанностях и быстро провожает нас к кабинету. Не успеваем мы дойти до двери, как из нее, громко смеясь, выходит особа с рыжими кудрявыми волосами, миниатюрная как дюймовочка. И почему я раньше здесь не бывал? Тут просто кладезь красивых женщин. Татьяна заходит в кабинет, приглашая нас войти.

— Добрый день, меня зовут Елизавета, — к нам подходит молодая, очень молодая женщина и протягивает руку в знак приветствия.

— Елена, — представляется эта сука, демонстративно игнорируя руку Елизаветы.

Елизавета растеряно моргает, но быстро берет себя в руки, опуская вниз свою руку. Я быстро перехватываю ее и, нежно сжимая, представляюсь.

— Роберт, — не отпуская ее теплую руку, говорю я, заглядывая ей в глаза и начинаю тонуть в карих омутках. Они завораживают и околдовывают меня, сам не замечаю, как начинаю поглаживать ее запястья большим пальцем. Она отводит глаза, мягко вырывая свою руку. Я даже не скрываю своего разочарования.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — говорит она, указывая на кресла.

— Татьяна, принеси нам наш фирменный кофе, — она садится в кресло напротив нас, закидывая ногу на ногу.

— Я так понимаю, вы хотите провести день рождение своего сына? Ему исполняется четыре года? У вас есть особые пожелания? — обращается она к нам.

Елена начинает ей рассказывать, что бы она хотела, сколько будет человек и какие «уважаемые» люди будут находиться на празднике и что все должно быть на высшем уровне, и прочий бред, который я пропускаю мимо ушей.

Потому что я не могу оторвать взгляд от ее прекрасных ног. В чулках или колготках? Хочу, чтобы это были чулки. Поднимаю взгляд выше: на ней — черная, обтягивающая бедра, юбка до колена с маленьким разрезом сбоку. Его так и хочется сделать больше, чтобы убедиться, что на ней все-таки чулки. Сверху — легкая блузка бежевого цвета с кружевными рукавами. Две верхние пуговицы расстегнуты, открывая ложбинку между грудей, по которой я хочу пройти языком. При этой мысли я крепко сжимаю подлокотники кресла, на

котором находятся мои руки. ЧЕРТ!

А этот визит становится все интересней. У нее матовая с легким загаром кожа. Длинная шейка. Красивые, от природы яркие губы, которые так и хочется укусить. Маленький аккуратный носик, пушистые реснички. И длинные роскошные волосы, красиво уложенные на бок, с тонкими осветленными прядками. Волосы — это мой персональный фетиш! Люблю, когда у женщины длинные ухоженные волосы. Хочется до них дотронуться, намотать их на руку. Теперь я уже напрягаюсь всем телом, особенно ощущается напряжение в нижней части" Бл**ь, только этого мне не хватало. Теперь я не смогу встать с этого кресла, пока эта женщина находится со мной рядом. Елизавета показывает моей «жене» презентации детских праздников, на большом экране, висящем на стене. В это время к нам заходит Татьяна с чашками кофе. Она ставит поднос на столик. И через, чур близко наклоняется ко мне. Подавая мне чашку, практически сует мне свою грудь в лицо, чем вызывает мою улыбку. Прости Танечка, но ты мне уже не интересна. Замечая это, Елизавета приподнимет брови от удивления. Окидывает нас хмурым взглядом.

— Танечка, Вы свободны, дальше я справлюсь сама.

Татьяна быстро выходит из кабинета под пристальным взглядом начальницы. Елизавета предлагает кофе моей жене и сама берет чашку. Между тем рассказывает о происходящем на экране. Я отмечаю, что программы праздников довольно неплохи. Илюше должно понравиться.

— Этот кофе просто ужасный! Надеюсь, Ваша кухня намного лучше! Могу ли я поговорить с вашим шеф-поваром? — буквально выплёвывает эта сучка. Елизавета шокировано смотрит на нее, в глазах вспыхивает обида, которую она прячет, отвернувшись к экрану. Говорит, не смотря на Елену:

— Да, конечно, наш повар скоро подойдет, и мы сможем провести дегустацию блюд.

Я делаю глоток напитка, и он просто великолепен, лучший кофе, который я когда-либо пробовал, с добавлением специй и ванили, но не сладкий. Прекрасный букет и аромат.

— Это лучший кофе, который я когда-либо пробовал! Это рецепт Вашего повара или бариста? — говорю я, смотря на Елену, которая открывает и закрывает рот как рыба, и покрывается пятнами от злости, посылая мне взгляд, обещающий долгую и мучительную смерть. Но молчит, и правильно делает.

— Это мой рецепт, — произносит Елизавета, смотря мне в глаза, и я, на минуту теряя нить разговора, погружаюсь в эти карие омуты. В них есть некая загадка, которую хочется разгадать.

Не давая мне ответить, она разрывает наш зрительный контакт, предлагая меню. И как по заказу заходят официанты, приносят нам пробные варианты блюд, вслед за ними идет шеф-повар.

Я не могу оторвать глаз от нее, ее движения плавные и легкие. Елизавета, Лиза. Красивое имя. Подстать королеве, что-то есть в нем аристократичное. КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА!!!

Она склоняет голову на бок, и я замечаю родинку на ее скуле, хочу ее поцеловать. Еще две родинки на шейке, хочу узнать каковы они на вкус, хочу исследовать ее тело и найти все ее родинки.

Закрываю глаза, пытаюсь прийти в себя. Что с этой женщиной не так? Что со мной не так?

Это просто женщина, красивая женщина, каких миллионы. Мне срочно нужно выйти на

воздух, хочется курить. Зачем я здесь вообще нахожусь? Елена могла решить это и без меня. Ах да, я здесь для финансовых вопросов. Поспешно встаю, извиняюсь, ссылаясь на срочный звонок, выхожу. Оказавшись на улице, вдыхаю полной грудью, как будто не дышал все это время. Дышу ещё какое-то время, прихожу в себя. Полностью беру себя в руки и захожу назад. Прохожу в кабинет, но нахожу там только Елизавету.

— Ваша супруга пошла осматривать зал и кухню, так что мы с вами можем обсудить финансовую сторону.

Я медленно подхожу к ней очень близко, так, что почти чувствую жар, исходящий от ее тела, и шумно вдыхаю ее запах. От нее пахнет ванилью и цитрусом, просто божественно. И вся моя собранность миг рассыпается. Я вижу, как она закрывает глаза. И ее дыхание учащается. Но она быстро приходит в себя, отходит от меня подальше, указывает на кресло, предлагая сесть. Черт. Мне срочно нужно уйти отсюда подальше. Я разворачиваюсь и подхожу к двери.

— Куда вы? — не понимает она.

— Пришлите мне счет, я оплачу. Я полностью Вам доверяю. А сейчас прошу меня извинить, мне надо уйти, — я уже открываю двери, как вдруг слышу ее голос, который заставляет меня остановиться.

— А как же ваша супруга? — в недоумении спрашивает она.

— Передайте ей, что у меня появились срочные дела, — сквозь зубы цежу я. И, не слушая ее ответа, ухожу подальше от нее. Выбегаю на улицу, опять вдыхаю. Мое дыхание прерывистое и частое, как будто я пробежал километр. БЛ**Ь!!! ЧТО ЭТО СЕЙЧАС БЫЛО?!

ГЛАВА 2

Елизавета

Дверь моего кабинета с грохотом закрывается, я вздрагиваю. Что сейчас произошло? Что это, твою мать, сейчас было? Господи, какая странная пара. Устало опускаюсь на кресло, откидываю голову на спинку кресла, закрываю глаза. И вижу Его. Его черные обсидиановые глаза, которые впиваются в мои и не отпускают. Чувствую тепло его руки, и машинально глажу запястья, где гладил его палец. Его черные волосы, слегка растрепанные от ветра, черные густые брови, чувственные губы. Легкая щетина, которая так чертовский ему идет. И сексуальный магнетизм, который напрочь сносит крышу. Что это со мной было? Когда он в плотную подошел, у меня подкосились ноги. Казалось, что я сейчас упаду. Клянусь, я слышала, как он вдохнул мой запах! Но почему он сбежал? Он просто вылетел отсюда, с раздражением, что его так взбесило? Оставил свою жену. Хотя эту стерву не жалко. Меня еще ни один человек в жизни так не раздражал. Её высокомерие, и даже отвращение, бесило. Если ей все так не нравится, зачем она тогда вообще здесь находилась? К черту эту сумасшедшую семейку!

— Что здесь произошло? — слышу голос Ксюши где-то сверху.

Вздрагиваю от неожиданности, открываю глаза. Она стоит, нависая надо мной, изучает мое лицо. Я даже не заметила, как она вошла.

— Не знаю. Странная пара.

— А? Они муж и жена? — удивляется она.

— Да, а что удивительного?

— Ну не знаю, когда они входили, он просто пожирал глазами Танечку, даже не скрывая этого от жены, — она отходит от меня и садится на мой рабочий стол, хотя в здесь

достаточно места, где можно сесть.

— Потом он вылетел словно ураган. А когда его так называемая жена вышла за ним, он захлопнул дверь автомобиля, перед ее носом и с визгом умчался. Так что здесь произошло?

— Да нечего не произошло, они просто какие-то сумасшедшие, — я встаю с кресла, беру сумочку и направляюсь к двери.

— Нафиг эту ненормальную семейку. Мы, кажется, куда-то собирались? — говорю я, открывая двери. Пытаюсь отвлечь ее, что бы скрыть своё состояние.

— Ооо, сколько энтузиазма, Елизавета Андреевна, — Ксюха весело спрыгивает со стола, догоняя меня.

Весь оставшийся день мы ходим по магазинам, торговым центрам, испытывая на прочность мои каблуки и нервы. Но Ксюха как маленький метеор, ее ничего не остановит, невольно заражаешься ее энергией. Маленькая рыжая лисичка. Когда-то в прошлой жизни я тоже была такой. Кажется, что это было сто лет назад.

Ксюша скупает все, что попадает на ее пути, и в очередной раз пытается меня убедить, что мне нужно купить новое платье. Запихивая меня в примерочную с очередным нарядом. Примеряю его для успокоения ее души, заранее знаю, что не буду его покупать.

Маленькое черное платье, классика жанра. Кружевной верх от груди до шеи и кружевной низ от бедер до коленей. С открытыми рукавами, до неприличия голой спиной почти до задницы. Но мне нравится, в нем чувствуешь себя уверенно и сексуально, как то по-другому. Кручусь у зеркала. Понимаю, что не хватает подходящих туфель на высокой шпильке.

В примерочную заходит Ксюша, смотрит на меня оценивающим взглядом, одобрительно улыбается.

— Тебе идет. Класс! БЕРЕМ! — восторженно восклицает она.

— Ты серьезно? Нет, платье конечно шикарное, но куда мне его носить? — говорю я, смотря на нее через зеркало.

— Ну как это куда, сегодня в клуб его и наденешь.

Черт, клуб! Она роется в сумочке, вытаскивает какие-то бумажки и машет ими перед моим лицом.

— Что это? — спрашиваю я, снимая платье.

— Это пригласительные в ночной клуб «Чикаго», на закрытую вечеринку, которые вообще невозможно достать, — она самодовольно улыбается. — Но я достала, так что даже не начинай. Мы идем туда и точка, я давно хотела туда попасть. Говорят, там очень круто!!!

— Вот и пошла бы туда с Лехой, — я знаю, что она делает. Она пытается меня вытащить из моего закрытого мира, в котором мне очень комфортно. Это не первая ее попытка, иногда я поддаюсь ее уговорам, только чтоб не обижать ее. Если мы подруги, должны же мы куда-то вместе ходить? Ведь так поступают нормальные люди?

— Хорошо, расскажи мне про этот клуб, что за вечеринка?

— А? Ты не знаешь «Чикаго»? Ну ты даешь! Ты где живешь — на другой планете? — она выгибает брови и надувает губы, как будто я и правда с другой планеты и не знаю элементарных вещей.

Мы выходим из примерочной, Ксюха выхватывает платье из моих рук и идет по направлению кассы. Я закатываю глаза, но смиренно иду за ней. Мы расплачиваемся, выходим из магазина. И вот мы, наконец, садимся в ее машину, и, я надеюсь, направляемся

домой.

— Итак, просветишь меня, что за такой легендарный клуб, о котором я ничего не знаю? — она смеется, выворачивает со стоянки, и, слава богу, едет в направлении моего дома.

— «Чикаго» открылся год назад, кстати, по этому поводу и вечеринка. Очень приличное заведение. Очень строгий фейс контроль. Несмотря на то, что ему всего лишь год, заведение очень популярное. Говорят, там очень необычная обстановка, интересная шоу программа. Сегодня вход только по приглашениям. Обещают электронщика из Европы, парочку знаменитых ди-джеев. И обширную программу до утра. Так что мы обязаны посетить его сегодня, — слово "обязаны" она произносит, так как будто это вопрос жизни и смерти. Похоже, мне все-таки придется посетить этот клуб. Делаю последнюю попытку в надежде ее отговорить:

— Ксюшечка, может, останемся сегодня дома, устроим девичник, возьмем вина. Я так устала — но договорить она мне не даёт, выглядывает в окно, награждает трехэтажным матом водителя впереди нас. Потом поворачивается ко мне, смотрит на меня грозным взглядом и категорично заявляет:

— Елизавета Андреевна, Вы сегодня надеваете это черное сексуальное платье, и тащите свой прелестный зад в клуб, вместе со мной. И это не обсуждается.

На часах восемь вечера, я стою в своей комнате, смотрю на свое отражение, и мне нравится то, что я вижу. Чёрное платье идеально село по фигуре. На мне черные чулки, черные туфли на высокой шпильке с серебряными ремешками. Массивный серебряный браслет. Вечерний макияж в темных тонах. Зачем я все это делаю? Сегодня мне почему-то хочется пойти в это клуб именно в таком виде, как когда-то давно, почувствовать себя красивой женщиной. Я отпускаю все страхи и дурные мысли, и выхожу из комнаты.

Такси тормозит возле клуба. Большая неоновая вывеска горит фиолетовыми буквами «Chicago». Вход обрамляет высокая металлическая арка, состоящая из причудливых геометрических фигур, что впечатляет с первого взгляда. Мимо такого места нельзя пройти, оно притягивает и завораживает. Куча народу толпится возле фейс контроля, охрана отгораживает их, давая места тем, кто проходит по приглашениям. Ксюша протягивает два флаера. Охранник на входе долго их изучает, затем оценивающе осматривает нас, и с вежливой улыбкой пропускает. Мы заходим в фойе, оставляем верхнюю одежду, нас встречает высокая красивая блондинка и провожает к нашим местам. Клуб действительно впечатляет. Два огромных бара по бокам, большая сцена с диджейским пультом наверху. Высокие колонны. У стен расположены низкие столики из тёмного дерева с мягкими диванами. Мы располагаемся на мягких диванах, к нам подходит мальчик официант, услужливо предлагая меню. Пока подруга просматривает меню, не забывая заигрывать с мальчиком, который, смущаясь, краснеет, я не могу оторвать глаз от обстановки. Причудливые геометрические неровные фигуры свисают с потолка. По бокам сцены девочки танцуют гоу — гоу. И все, начиная с мебели, заканчивая потолком, — в разных оттенках фиолетового и сиреневого. Действительно впечатляет. В правом крыле находится металлическая лестница, ведущая на второй этаж с панорамным видом на весь клуб. Там тоже расположены столики и диваны, которые ограждены балдахинами и пафосной табличкой vip — зона.

Меня приводит в себя Ксюха, которая щелкает пальцами у меня перед глазами и

смеется, видимо я действительно увлеклась, рассматривая обстановку.

— Я же говорила что здесь классно!!! Кстати я заказала тебе твое противное пойло, — кривится она.

Для справки, «мое противное пойло» — то всего лишь мартини со льдом и лаймом. Но у меня есть, что ей на это ответить.

— Сказала девушка, которая пьет водку с клюквенным соком! — весело парирую я.

Ксюша вообще девушка противоречивая. В ней как будто живут два разных человека. Один из них — девочка — припевочка с красивыми зелеными глазами, рыжими волосами, любящая шопинг, делать селфи, складывая губы уточкой, и лайкать котят в соц. Сетях. Другая же ее сторона любит пить крепкие напитки, такие как водку, коньяк, текилу и.т.д. Может спокойно собрать, разобрать двигатель автомобиля, и покрыть трехэтажным матом. Полезть в драку если надо. И эти два человека очень гармонично уживаются между собой. Сегодня она в желтом платье а-ля семидесятые с черным ремешком. Она распустила свои красивые огненные волосы. Мои же волосы собраны в тугий высокий хвост. Настолько тугий, что мои глаза стали еще уже.

Официант приносит нам наши напитки, в след за ним к нам подходит еще одна высокая блондинка, очень красивая и эффектная. Вот интересно, их прямо с подиума сюда на работу набирали?

— Здравствуйте, меня зовут Яна. Я администратор клуба, — говорит она с фальшивой улыбкой. Такое ощущение, что мы ей неприятны.

— Произошло небольшое недоразумение, — продолжает она. — Места, на которых вы сидите, забронированы, но не волнуйтесь, сейчас я найду для вас другие. Следуйте за мной. — Все это она говорит, четко, быстро, практически не смотря на нас. Не дожидаясь нашей реакции, разворачивается и просит следовать за ней. Мы с Ксюхой переглядываемся, встаем, идем за ней. Администратор Яна ведет нас на второй этаж.

— Vip — зона, — шепчет мне Ксюха.

Мы проходим в самый дальний угол зала. Но, не смотря на это, здесь очень выгодное место. Весь клуб как на ладони, видно все, что происходит внизу и вся vip — зона. Тебя практически не заметно, но ты видишь всех. Яна показывает нам места и быстро уходит.

— Как это все странно, тебе не кажется? — не успеваю я договорить, как нам подходит официант, приносит нам еще напитки, которые мы не заказывали, фрукты и шоколад. Теперь уже до этого невозмутимая Ксюха поднимает брови в удивлении, и таращится то на меня, то на официанта.

— Но мы не заказывали! — говорит она

— Это за счет заведения, — говорит официант и быстро уходит. Что же они от нас то бегают все.

— Мне кажется, надо пойти выяснить, что происходит, — не унимаюсь я. Ну не бывает таких недоразумений и совпадений, как бы ни правдоподобно это все выглядело.

— Да успокойся ты. Все складывается очень даже хорошо. Посмотри сколько народу. Ну, перепутали они, продали билеты на столик, который заказан. Но они же извинились, предоставили нам другие места. А это, — она указывает на фрукты и шоколад, — извинения, — она съедает дольку шоколада. — Кстати говоря, очень даже вкусные извинения.

— Ты серьезно, поменяли простые места на vip? — что-то здесь не так и мне не дает это покоя.

— Лиза, прекращай свой пессимизм! Посмотри, клуб заполнен до отказа, видимо, это — единственное свободное место. И потом, разве мы не достойны лучшего? Просто наслаждайся!

Я хочу ей возразить, но на сцене начинается выступление акробатического шоу балета, видимо популярного, потому что зал взрывается свистами и аплодисментами. Я смотрю на сцену, на зал внизу, медленно пью свой martini. Все-таки хорошо, что Ксюха выгащила меня сегодня. Место хорошее, давно я нигде не была. Сегодня можно притвориться, что у меня все хорошо и я совсем другой человек. Сыграть другую роль, не мою — чужую

Я откидываюсь на спинку дивана, скольжу взглядом по толпе внизу. Внимательней осматриваю вип-зону. Золотая молодежь, девочки, мальчики, отдыхающие за счет родителей. Перевожу взгляд в другую сторону — рядом с нами сидит веселая и шумная компания. Молодые девушки лет по восемнадцать — девятнадцать. С ними двое мужчин: один довольно внушительный, судя по плечам, он сидит ко мне спиной, рядом с ним еще один, но я его вообще не вижу из-за балдахина. Они громко смеются, подливая девушкам шампанского, похоже, пытаются их спойть. Хотя по вызывающему виду этих особ не видно, что они против.

И тут я застываю. Я вижу ЕГО! Мужчину с черными обсидиановыми глазами, который медленно и уверенно двигается в нашу сторону. Он, как опасный хищник, который преследует свою добычу. Медленно и осторожно, не сводя с нее глаз. А добыча — это Я! Его глаза впиваются в мои и не отпускают. Они гипнотизируют и завораживают, не позволяя отвести взгляд.

На нем черные джинсы, черный клубный пиджак с небрежно поднятым воротником и закатанными рукавами. Под ним белая футболка, обтягивающая рельефный торс. Он очень высок, где-то метр восемьдесят, восемьдесят пять. Он не красивый, не милый. Он опасный, брутальный, хищный, в нем мужская грубая красота и безумная сексуальная энергия.

Мое тело напрягается, сердце бешено бьется в груди, отбивая грудную клетку. В горле пересыхает. Зачем он идет к нам? Что ему надо?

И тут я чувствую себя полной дурой. Потому что он останавливается возле шумной компании, сидящей рядом с нами, а вовсе не идет к нам. Парень с широкими плечами вскакивает, пожимает руку Роберту, хлопая его по плечу. Роберт садится напротив него. Здоровается с остальными. Одна из девушек тянет к нему свою щеку, и он ее целует, от чего меня передергивает. Он что-то им говорит, девушки краснеют и хлопают свои коровьими ресницами.

Ксюха, которая все это время была увлечена происходящим на сцене, переключает своё внимание на меня.

— Тебе вообще не интересно? — обижено надувает губки.

>- Очень интересно, — говорю я и перевожу взгляд на сцену.

— Почему ты тогда не смотришь на шоу? А все твое внимание приковано на то, что творится у меня за спиной? — она начинает разворачиваться, чтобы посмотреть, что же там меня заинтересовало. Вот как у нее это получается, она же вроде даже не смотрела на меня?

— И кто это? — говорит она, посмотрев на них".

— О, боже! Ты можешь так долго не пялиться на них? Не привлекай к нам внимание! — я начинаю нервничать. Ее поведение выходит за рамки приличия. И конечно, это не остается незамеченным. Роберт, хищно улыбается, салютует нам бокалом, наполненным янтарной жидкостью. Я отвожу взгляд, смотрю куда угодно, только не в их сторону. Это становится

нелегкой задачей, учитывая то, что он сидит напротив меня. Я кожей чувствую его взгляд. Ксюха наконец разворачивается, хитро улыбается, задумчиво отпивает из своего бокала. Только она может так, медленно попивать водку с клюквенным соком не морщась, наслаждаясь, как будто это нектар богов.

— А он горяч, — наконец выдает она, закидывая дольку шоколада в рот.

— Кто? — делаю вид, что не понимаю, о ком она. Она не обращает внимания на мою уловку, продолжая говорить.

— Это же он сегодня утром был у тебя в кафе?

— Да, и он был со своей женой, у него есть ребёнок! — быстро выпаливаю я. Сама не знаю, для чего я это говорю. Чувствую себя так, как будто меня поймали за чем-то непристойным.

— О, вот ты и поняла про кого я, — она выгибает брови и строит мне глазки. — И что с того, что у него есть жена? Я смотрю, он здесь без нее и при этом великолепно себя чувствует. Да судя по тому, что я видела сегодня утром, не все так гладко у них складывается. Ты бы видела ее лицо, когда он оставил ее одну на тротуаре, — смеется она. Я осушаю свой бокал до дна, вспоминая, как я реагировала не него в своем кабинете.

— Ну, он только что подошел и возможно его жена где-то здесь, — я не могу понять, зачем мы вообще говорим о нем.

— О, я смотрю, ты давно за ним наблюдаешь, знаешь, кто и когда пришел!

Я хочу ей возразить, но застываю на полуслове, когда вижу, что Роберт подходит к нам.

— Елизавета Андреевна, какой приятный сюрприз, — говорит он, откровенно осматривая меня с ног до головы. И, похоже, ему нравится, что он видит, его глаза загораются, от чего по моему телу проходит жар. Мне хочется убежать, я уже очень жалею, что согласилась на этот поход. Он протягивает ко мне руку, я не понимаю, чего он хочет, медлю, но все-таки протягиваю свою. Он мягко пожимает мою ее, наклоняется и подносит к губам, нежно касаясь. Я чувствую его теплое дыхание. И мой разум прощается со мной. Кружится голова, я прикрываю глаза. Голос подруги выводит меня из транса.

— А я Ксения, — говорит она и тоже тянет руку. Роберт подмигивает мне, оборачивается, представляется, пожимая ее руку. Она двигается, хлопает по дивану рукой.

— Присаживайтесь, составите компанию двум одиноким девушкам, — говорит она, мило улыбаясь.

Вот засранка! ОДИНОКИМ? Она серьезно? Это говорит женщина, которая через дв месяца выходит замуж! Зачем она это делает? Роберт садится напротив меня, откидывается на спинку дивана. Похоже, он раскованно себя чувствует, в отличие от меня. Я вся натянута как струна. Мое сердце начинает учащенно биться. Я отворачиваюсь и смотрю в зал, находя там до фига чего интересного, лишь бы не встречается взглядом с этим мужчиной. К нам подходит официант, подруга просит повторить нам напитки, чему я несказанно рада, потому что чувствую, как в горле становится сухо, от чего я не могу вымолвить ни слово. Роберт заказывает коньяк и обращается к нам.

— Как вам шоу программа в этом клубе? — Мне приходится повернуться, что бы ответить и не показаться невежливой. Но за меня быстро отвечает Ксюша и я мысленно ей благодарна.

— Нам очень нравится, — говорит она, хитро поглядывая на меня. Потому что знает, что я смотрела не то шоу, про которое они говорят, а теперь это шоу сидит напротив меня. Видимо для того что бы я рассмотрела его вблизи. Я только киваю головой, соглашаясь с

ней.

Натыкаюсь глазами на Роберта. Сейчас он совсем другой, клубный стиль в одежде ему идет. На вид он старше меня, лет на пять. Мне двадцать пять, значит ему где-то тридцать.

— Роберт, а сколько вам лет? — неожиданно для себя выдаю я. Чет, нельзя же так напрямую спрашивать людей об их возрасте. Я уже говорила, что мой разум со мной попрощался?

— А на сколько, по Вашему, я выгляжу, Елизавета? — насмешливо произносит он. Видимо он также как я не ожидал такого вопроса. Причем это первые слова, которые я произношу с момента его появления. Я делаю вид что задумалась, но Ксюха меня опережает.

— Лет на двадцать, не больше, — смеется она. Мне одной здесь кажется, что она флиртует? Он поворачивается к ней, смеется вместе с ней. Только мне совсем до смеха. Я смотрю на нее вопросительным взглядом. Какого черта она делает!

— Боюсь вас огорчить, но мне далеко за двадцать, очень далеко. Но, спасибо за комплимент.

— И как далеко? — не унимается она.

Он переводит взгляд на меня, проводит кончиком языка по своему бокалу, делает глоток коньяка.

— Мне тридцать один. Не староват для Вас?

— Нет, что Вы. Тридцать один как раз наш любимый возраст, правда, Лиза? — я уже откровенно злюсь на нее. Слава богу, подходит официант, отвлекая их внимание на себя.

Я перевожу взгляд на сцену внизу, не желая продолжать этот разговор. Подруга мило общается с Робертом. Рассказывает ему, что мы отмечаем ее помолвку. Роберт поздравляет ее. Ксюха не унимается, рассказывая историю о том, как мы попали в vip-зону и много прочей ерунды. Но я уже ее не слушаю.

Меня отвлекают шумные друзья Роберта, которые сидят впереди нас. Смотря на них, я невольно взглядом натыкаюсь на Роберта. Он сморит на Ксюшу, и делает вид, что ему интересно. Опускаю взгляд на его руки, которые лежат на столе. У него такие сильные, мужественные руки. На левом запястье широкий черный кожаный браслет с непонятными знаками. На безымянном пальце правой руки нет обручального кольца. Хотя не удивительно, не все женатые мужчины носят кольца, особенно когда приходят в клуб. Машинально начинаю поглаживать свое кольцо на указательном пальце. Поднимаю глаза выше на его грудь, на шее висит кожаный плетеный шнурок и уходит под футболку. Ловлю себя на мысли, что хочу узнать, что находится под футболкой. Поднимаю глаза выше, к его лицу, и встречаюсь с черными глазами. Как давно он смотрит на меня? Злюсь на себя за то, что так откровенно его рассматриваю, за свою реакцию на него. Все, хватит, пора прекращать этот спектакль. Резко встаю, говорю, что мне нужно выйти. Смотрю на Ксюшу, намекая, чтобы она следовала за мной. Эта маленькая рыжая стервочка невозмутимо сидит, делая вид, что меня не понимает. Хорошо, позвоню ей из туалета

Поспешно удаляюсь. Спускаюсь вниз, нахожу туалет, захожу, быстро закрываюсь, прислоняюсь спиной к двери. Зажмуриваю глаза. Стою так несколько минут. Не хочу, туда возвращаться. Достаяю из сумки телефон, набираю подругу. Слушаю монотонные гудки. Прекрасно! Она еще и трубку не берет. Возможно, не слышит из-за музыки. Подхожу к зеркалу, смотрю на себя. Что со мной происходит? Набираю еще раз подругу. Не берет. Ужасно злюсь на нее за то, что притащила меня сюда, за ее поведение за столом, за флирт с Робертом. Что на нее нашло? Выхожу из туалета с намерением утащить ее домой.

Буквально налетаю на тело, упиравшись лицом в грудь. От неожиданности пошатываюсь, но ловкие руки подхватывают меня за талию. Я окунаюсь в аромат сандала и мускуса. Я знаю, кому он принадлежит, глубоко вдыхаю, наслаждаясь запахом.

Чувствую, как бьется его сердце, отбивая хаотичный ритм в месте с моим. И я плыву, меня уносит волна наслаждения и тепла. Укачивая, кидая в забвение. Мне так хорошо, мне не о чем переживать Я в сильных надежных руках. Поднимаю глаза, встречаюсь с ним взглядом. Чёрные глаза прожигают меня насквозь. Смотрят в самую душу. Роберт проводит рукой по моей голой спине, выводя пальцами узоры. Другой рукой гладит по моим щекам, скулам, подбираясь к губам. Водит пальцами по губам, от чего они приоткрываются. Я чувствую, как учащается его дыхание. Он смотрит в мои глаза, не отпуская ни на секунду, я не в силах противостоять этому взгляду.

— Скажи, что ты тоже это чувствуешь? — Его голос звучит очень низко и хрипло.

Чувствую ли я? Я не просто чувствую, я растворяюсь в этом коктейле чувств и ощущений. Он ощущает то же самое? Его глаза требуют ответа, а рука, которая была на спине, спускается и уже поглаживает мой бедро. Что я должна ответить? Я каким-то чудомрываю наш контакт, отворачиваюсь от него. Он наклоняется к моей шее, проводит по ней носом, глубоко вдыхая мой запах. От чего меня окатывает волна жара.

— Ты чувствуешь, — говорит он мне в шею. Я ощущаю его дыхание.

Вдруг он резко отстраняется от меня, берет меня за руку и тянет за собой. Я стою на месте, наши руки натягиваются.

— Идем со мной, — это вовсе не просьба. Это приказ, которому я не смею противостоять. Я иду за ним.

Где-то глубоко внутри мой разум шепотом спрашивает меня: "Куда я иду? Зачем?" Требуется остановиться. Но мое тело его не слушает, оно плывет за этим мужчиной, не замечая ничего вокруг.

Мы поднимаемся на второй этаж, проходим по темному коридору, останавливаемся возле двери. Роберт достает ключ из кармана, открывает двери, пропуская меня вперед. Мы оказываемся в просторном помещении, похожем на кабинет. Как еще назвать помещение, в котором в одной стороне находится рабочий стол, кожаное кресло, куча мониторов, полки для документов, а рядом висит боксерская груша и стоит беговая дорожка, справа от двери находится большой угловой диван с белыми подушками, и мини бар?

Пока я осматриваюсь, Роберт закрывает двери, снимает пиджак, небрежно кидает его на диван. Подходит к столу, смотрит в один из мониторов, потом в другой. Чему-то улыбается. Обходит стол, прислоняется к нему, опираясь руками. Скользит взглядом по моему телу, спускается к ногам. Задерживается там дольше положенного. И медленно поднимается. Вас когда-нибудь раздевали взглядом? Меня нет. Такое ощущение, что я действительно стою голая перед ним.

— Вы хотели обсудить субботний банкет? — неожиданно для себя выдаю я. Ко мне возвращается разум, а с ним и официальный тон.

— Нет, Елизавета Андреевна. Я не за этим вас сюда позвал, — он растягивает мое имя, как будто пробует его на вкус. И улыбается хищной улыбкой.

— Тогда зачем я здесь? — спрашиваю я, глядя на него в упор. Но он не отвечает, продолжая смотреть на меня и улыбаться, как будто я сказала что-то смешное.

— Что это за помещение? — говорю я.

— Помещение? — Роберт удивленно приподнимает бровь.

— Ну, я не знаю, как все это назвать, — обвожу руками комнату.

— Это мой кабинет.

— Твой кабинет? Ты здесь работаешь? — что за вопрос, конечно, он здесь работает, если это его кабинет.

— Ну да работаю, что-то типа того. Это мой клуб.

— Твой клуб? — скептически произношу я.

— Да. А что Вас удивляет, Елизавета? Молодая женщина вроде Вас может владеть кафе, а я не могу быть хозяином клуба? — Он опять смеется. Я что, такая смешная?

Теперь понятно, как мы оказались в vip-зоне и почему наши напитки и закуски бесплатно. Он изначально знал, что мы здесь.

— Бесплатные напитки и vip-зона, в которой мы неожиданно оказались — твоих рук дело?

— Ну что Вы, Елизавета Андреевна, это просто случайность. Знаете, так иногда бывает.

Он отталкивается от стола и направляется в мою сторону. Я делаю шаг назад, но упираюсь в закрытую дверь, возле которой я все это время стояла. Он медленно идет, его улыбка исчезает, лицо становится серьезным. И вот он возле меня, его грудь практически упирается в мою. Он ставит руки по обе стороны от моей головы, отрезая пути к отступлению. Но мне не хочется отступать. Я заглядываю ему в глаза. И все, мой мир опять фокусируется на нем. Я полностью в его власти. Он выше меня, поэтому ему приходится наклониться, чтобы достать до моих губ. Но он не целует, просто прикасается к ним своими. Шепчет прямо в губы, обдавая меня теплым дыханием с запахом коньяка и сигарет.

— Сегодня утром я сбежал от тебя. Но ты сама ко мне пришла, я не могу теперь тебя просто так отпустить. БОЖЕ. Звучит, как угроза, но я не боюсь. В данный момент я тоже не хочу, чтобы он меня отпускал. Я сама пытаюсь его поцеловать. Но он отстраняется, игриво качает головой, не разрешая мне этого. С моих губ слетает стон разочарования. Роберт смеется.

— Я знал, что ты тоже этого хочешь, — произносит он, снова склоняясь к моим губам.

Я начинаю задыхаться, не понимая, чего он хочет. Он дотрагивается до моих волос в хвосте, пропускает их через пальцы.

— У тебя шикарные волосы, — снова шепчет он в губы.

Резко дергает меня за хвост. Я запрокидываю голову. Он секунду смотрит в мои глаза, проводит языком по моей нижней губе, всасывает ее, нежно прикусывает зубами. Держит меня за волосы, не давая отстраниться. Я приоткрываю губы, и его язык вторгается мне в рот уже совсем не нежно. Его поцелуй страстный и даже грубый. Я сама отвечаю ему той же страстью. Другой рукой он хватается за талию, вжимает меня в себя. Я чувствую его всем своим телом. Моя грудь прижата к его груди. И О, БОЖЕ, чувствую даже через ткань его джинсов и моего платья, как напрягается его член и упирается мне в живот. Становится очень жарко.

Роберт еще сильнее натягивает мои волосы. Открывая себе доступ к моей шее, проходит языком по моей скуле. Спускается ниже, начинает нежно покусывать мою шею, тут же проводя по месту укуса языком. По моему телу проходит дрожь. Чувствую жар и пульсацию между ног. Он водит рукой по моей обнаженной спине. Запускает пальцы под ткань платья.

— Это платье сводит меня с ума, — хрипло шепчет он в мою шею.

Он немного отстраняется, берется за края моего платья на плечах и медленно спускает

его вниз до талии. Прохладный воздух заставляет мои соски затвердеть еще сильнее. Или это происходит от его пристального взгляда на мою грудь? Из него вырывается гортанный стон похожий на рычание. Он проводит пальцами между моих грудей, не сводя с них глаз. Берёт мою грудь в руки, нежно сжимает. Поднимает на меня глаза, они блестят, в них страсть и обещание.

— Ты такая красивая, — шепчет он, поглаживая мою грудь двумя руками. Обводит соски, перекачивает их между пальцами и сжимает.

Его пальцы заменяют губы, он всасывает один сосок, ласкает его языком, а потом больно прикусывает, у меня вырывается стон, который эхом раздается по комнате. Это сладкая боль, которая проносится по всему телу и отдает между ног. Прodelывает тоже самое с другой грудью.

Руками поглаживает мои бедра, сжимает их. Резко задирает подол моего платья. Платье болтается где-то на поясе, но мне все равно, потому что его руки проходятся по кромке моих трусиков, я вся дрожу от его прикосновений.

Роберт отрывается от моей груди, проводит языком по ключице и опять впивается мне в губы. Яростно, высасывает из меня все силы, от чего мои ноги слабеют. Его пальцы впиваются мне ягодицы, внутри меня разгорается желание. Я цепляюсь за его предплечья, что бы найти опору. Мои трусики уже давно намокли.

Я хочу видеть его тело, хватаю за край его футболки и тяну вверх. Роберт ухмыляется, помогает мне ее снять и отшвыривает тряпку на пол. Кладу ладони на его идеальную крепкую грудь, исследую пальцами, провожу ногтями, чуть царапая. Слышу его рычание в мои губы и это заводит еще больше. Он цепляет пальцами мои трусики, отодвигает их в сторону. Мое тело дрожит от предвкушения. Его пальцы касаются моих складочек, поглаживают, распределяя влагу.

— Такая мокрая, — шепчет он в мои губы. Я смотрю в его глаза: там плещется черный океан, в котором я давно утонула. Роберт находит мой клитор, ласкает его, медленно водит пальцами и чуть надавливает, я прикусываю губы, запрокидываю голову, ударяюсь о дверь, но мне все равно. Мне кажется, он делает все медленно, я хочу быстрее. Начинаю стонать от нетерпения. Он чувствует мое желание, начинает ласкать меня быстрее. Его пальцы соскальзывают в мое лоно, один, следом второй. БОЖЕ, КАК ХОРОШО! У меня так давн этого не было, что я готова вот-вот кончить. Но он делает это так медленно, что я начинаю сама насаживаться на его пальцы. Мое возбуждение берет надо мной верх, я хочу большого и начинаю просить.

— Пожалуйста, — не узнаю свой охрипший голос.

— Такая нетерпеливая, — слышу его ответ. Он выполняет мою просьбу. Проникает глубоко в меня двумя пальцами, большим пальцем надавливает на клитор. МОИ глаза закатываются — я уже так близко, мышцы влагалища начинают сжиматься. Роберт резко хватает меня за волосы и рычит мне в губы:

— Открой глаза, смотри на меня. Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, когда будешь кончать.

Я подчиняюсь его приказу, открываю глаза. ЕГО пальцы делают резкие движения внутри меня. Меня накрывает горячей волной оргазма. Я рассыпаюсь на миллионы осколков. Мой крик разносится по всей комнате.

Закрываю глаза, не в силах больше выдержать его взгляда. Утыкаюсь в его шею. Я обессилена, тяжело дышу, меня бьет дрожь. Такого быстрого и сильного оргазма у меня

никогда не было. Не могу стоять на ногах, они подкашиваются. Роберт ловит меня за талию, не давая мне сползти на пол. Он подхватывает меня, поднимает, заставляет меня обхватить ногами его талию. Обнимаю его за шею, чтобы не упасть. Он несет меня, садится со мной на диван. Надавливает на мой затылок сильной рукой, заставляя уткнуться в его шею. От него так сладко пахнет. Непередаваемый мужской мускусный запах, который смешан с запахом табака. Он глубоко вдыхает, запускает свои руки в мои волосы. Распускает мой хвост, стягивая резинку с моих волос. Зарывается пальцами. За годы моего одиночества и тоски, я чувствую себя целой. Он что-то шепчет в мои волосы, целуя их. Губами находит мое ухо, прикусывает мочку, проводит по ней языком.

— Ты такая сладкая, такая красивая, чувственная, — шепчет мне в ухо, от чего по телу проходят миллионы мурашек, он гладит меня по голой спине, успокаивая мою дрожь.

— Хочу тебя, — выдыхает он в мои волосы. И в подтверждение своих слов толкается своим пахом в мою промежность. Я чувствую его желание через ткань его брюк. Волна желания опять проносится по моему телу. С моих губ слетает стон. Просовываю между нами руку, начинаю поглаживать его довольно внушительный член через ткань. Он хрипло стонет, резко хватает меня за запястья, убирает мою руку. Я поднимаю на него глаза и не понимаю, зачем он остановил меня.

— Я чертовски сильно тебя хочу. Но не здесь, я хочу тебя в своей постели. На всю ночь, — говорит он, проводя носом по моей щеке.

— Поехали ко мне? — смотрит мне в глаза. И это уже просьба, не приказ, а мольба. Я ложусь щекой на его грудь и обессилено вздыхаю

— Это да или нет, — смеется он.

— Ммм, — только и могу выдать я. У меня нет сил даже на ответ.

— Приму это за положительный ответ.

Он нежно меня отстраняет, подхватывает, пересаживает на диван рядом с собой. От чего я чувствую потерю. Перестаю чувствовать его тепло. Кладу голову на спинку дивана и закрываю глаза. Слышу, как Роберт поднимается. Снова чувствую его теплое дыхание возле своих губ. Открываю глаза, он нависает надо мной. Проводит языком по нижней губе. Проводит пальцем между моих грудей.

— Мне надо ненадолго выйти, уладить пару вопросов. Подождешь меня? Я скоро, — говорит он, отстраняясь. Оглядывается в поисках своей футболки. У него такое красивое тело. Он находит футболку на полу возле двери. Быстро натягивает ее. Оборачивается ко мне, минуту смотрит, исследуя взглядом мое тело. Закрывает глаза, глубоко вдыхает, как будто пытается прийти в себя. Поправляет свои джинсы в районе ширинки. Подмигивает мне. Разворачивается, подходит к двери, берет за ручку, останавливается, оборачивается ко мне.

— Утром, когда мы были в твоём кабинете, на тебе были чулки или колготки?

— Что? — не понимаю я.

— Это простой вопрос, Лиза. Чулки или колготки, — повторяет он. Ага, конечно, простой вопрос, для меня сейчас любой вопрос сложный.

— Чулки, — наконец отвечаю я, вспоминая как надо говорить.

— Я так и знал, — произносит он с наглой улыбкой. Открывает дверь и уходит.

Я откидываю голову на спинку дивана. Зажмуриваю глаза. И этот его вопрос про чулки, которые были на мне утром, заставляет прийти в себя. На меня обрушивается осознание всего происходящего. Твою мать. Я знаю его один день. Даже не день, а несколько часов. Ну

как знаю, скорей вообще не знаю ничего кроме его имени, его жены и то, что у него есть ребёнок. У него есть семья. А я, как последняя шлюха, стонала рядом с ним. Становится гадко и противно от самой себя. Что я наделала, как я могла? Почему он на меня так действует? Я забыла обо всем, только посмотрев ему в глаза.

На меня накатывает чувство вины. Ужасное чувство, что изменила, предала. Даже в мыслях это звучит абсурдно. Нельзя изменить тому, кого больше нет. Но я ничего не могу с собой поделать. Чувствую себя мерзко и грязно, отдалась незнакомому мужчине прямо возле двери. О, боже, почему я до сих пор здесь? Он же сейчас придет!

Быстро соскакиваю с дивана. Натягиваю платье на плечи, поправляю низ. Пытаюсь разглядеть его. Запускаю руку волосы, черт, где моя резинка. Ищу глазами возле дивана. Ее нигде нет. Пытаюсь пригладить волосы. Нахожу свою сумку, которая валяется возле двери. Быстро выхожу из кабинета. Надо найти Ксюшу. Бегу по коридору в vip-зону. Ищу глазами наш столик. Ее там нет. Черт, где она? Нахожу ее за соседним столиком с шумной компанией. Она сидит рядом с широкоплечим амбалом, веселело смеется. Делает селфис с ним. В руках у нее уже коньяк или виски. И, похоже, она напилась. Что она творит. Что с ней-то не так. Быстро спускаюсь вниз, на ходу набирая ее номер. В клубе грохочет музыка, ничего не слышу. Быстро выбегаю в холл, беру свое пальто. Набираю ее еще раз, слушаю гудки. Один, два, три. Возьми трубку! — говорю я в телефон.

— Алло, — слышу ее пьяный голос и смех того парня. — Ты где пропала? Подходи к нам, у нас тут так весело, — заикаясь, говорит она. Вот вообще не сомневаюсь, что ей весело. Судя по ее довольному пьяному голосу. Видимо, ей очень весело!

— Я на улице возле такси. Выходи, мы едем домой. Быстро!!! — кричу я на всю улицу. Несколько парней поворачиваются в мою сторону.

Сбрасываю звонок. Дышу, пытаюсь, успокоится. Нахожу такси, спешу к нему. Договариваюсь с таксистом. Прислонившись к машине, жду подругу, надеюсь, она выйдет. Или мне придется вытащить ее самой. На улице дует холодный ветер. Меня бьет озноб. Плотнo укутываюсь в пальто. Ненавижу холод. Обнимаю себя руками.

Благо ждать пришлось не долго, вижу, как из клуба выходит Ксюха. Она пошатывается, в одной руке держит куртку, которая волочится по земле, в другой — сигарету. Ищет меня пьяными глазами, машу ей, привлекая внимание. Она меня в упор не видит.

Иду к ней, хватаю ее под руку, тащу в такси. Она даже не сопротивляется. Забираю у нее изо рта сигарету, глубоко затягиваюсь. Выкидываю окуроч. Запихиваю Ксюху на заднее сидение, сажусь рядом с ней. Захлопываю дверь. Называю таксисту адрес. Ксюха решает возмутиться:

— Что ты творишь? Куда ты пропала? И куда мы спешим? — пьяным голосом кричит она. Икает и опускает голову мне на плечо. Похоже, мой ответ ей уже не нужен. Такси выезжает со стоянки. Я оглядываюсь на клуб. И вижу ЕГО! Роберт выбегает из клуба. Оглядывается по сторонам. Находит меня, впивается в меня злыми глазами. Я отворачиваюсь. Такси срывается с места, унося меня от него.

ГЛАВА 3

Роберт

Смотрю в след уносящемуся от меня желтому такси. Она сбежала! Поднимаю голову, смотрю на мрачное ночное небо. Первые холодные капли дождя стекают по лицу, охлаждая мой пыл. Провожу руками по лицу, умываясь дождем. Еще ни одна женщина не сбежала от

меня — это была моя привилегия. Все когда происходит в первые, усмехаюсь сам себе. Убегая от меня, эта женщина еще больше подогревает мой интерес. Хочет побегать — пусть побегает, но я все равно поймаю. И тогда пощады не будет.

Дождь начинает усиливаться. Захожу назад в клуб, ко мне побегает Яна. Начинает что-то нести про поставки некачественного алкоголя. Взмахом руки заставляю её замолчать.

— Не сейчас, — резко говорю я, громче, чем положено. Она весь вечер меня бесит. Понимаю, что она ни в чем не виновата. Она просто делает свою работу, кстати, очень хорошо делает. Но ничего не могу с собой поделать, мне надо на ком-то сорваться. Она послушно закрывает рот.

— Завтра, мы обсудим это завтра, — уже мягче говорю я. Яна кивает головой и уходит.

Быстро поднимаюсь на второй этаж. Подхожу к Дану. Он сидит в одиночестве, откинувшись на спинку дивана. Задумчиво пьет коньяк. Сажусь напротив него. Дан молча наливает мне в бокал коньяка, толкает его в мою сторону. Ловлю его и залпом выпиваю. Сам наливаю себе еще, покрутив бокал в руках, отпиваю глоток. Смотрю на Дана.

Дан, он же Данил, мой армейский друг. После армии его занесло в милицию, но она его быстро разочаровала. Тогда он решил поиграть в Шерлока Холмса, открыв свое частное детективное агентство. Дан пытался и меня туда втянуть, но копаться в чужом грязном белье, следя за неверными супругами, меня не прельщает. Да и «крышевать» чей-то бизнес то ещё занятие. Да, вы не ослышались, девяностые никуда не делись, просто сейчас это все официально называется «защита бизнеса».

— Почему ты один, где все? — говорю я, закуривая сигарету. Запрокидываю голову, медленно выпускаю дым в потолок. — Где Нина? Или как там ее зовут?

— Инна. Хотя можешь называть ее Ниной. Мне без разницы. Так она свалила, после того как ты познакомил меня с рыжеволосой Дюймовочкой в желтом платье.

— Ее зовут Ксения, — Да, я оставил Ксению под присмотром Дана. Попросил его развлечь ее и убедиться, что она благополучно добралась домой. Потому что в мои планы не входило возвращать Лизу до утра. Смотрю на разочарованное лицо Дана, и понимаю, что, видимо, у него были планы на Дюймовочку. Он явно был бы не против позаботиться сегодня ночью о ней.

— И что же произошло, где она? — я знаю, где она, знаю, что она уехала с Лизой. Просто хочу знать, как это было.

— Ксения — девка просто огонь, я поначалу даже забыл, что с нами Инна. Поэтому и она психанула.

— Огонь, значит. Она помолвлена. Они отмечали здесь ее помолвку, — смотрю на него в упор, хотя знаю, его бы это остановило. Дан только хмыкает в ответ.

— Кому-то очень повезет. Или нет, это как посмотреть. Но я бы такую девочку одну в клуб не отпустил. Мне бы больше времени с ней, я бы ее уломал. Но позвонила ее подруга, и она умчалась, даже номер не оставила, — он сканирует глазами зал, ищет новую жертву.

— Где Ромка?

— Рома трахает Ингу в туалете, а может уже уехал, давно его не видно, — ухмыляется Дан

Ну что могу сказать. Все как всегда — мои друзья не меняются. Ладно, пора переходить к главному.

— Итак, что там по поводу Сокола, нашел, что-нибудь? — задаю вопрос, давно не дающий мне покоя.

— Пока ничего конкретного, он практически святой человек, — говорит он, изображая нимб над головой.

— Но мы-то знаем, что это не так. Дан, мне не нужно все его дерьмо. Просто парочку серьезных грешков, — мне нужен компромат на Сокола. Кроме Дана я никому не могу доверить это дело, да ни кто и возьмется рыть под Соколова Владимира Ивановича. Мой тесть — опасный человек, играть с ним чревато потерей здоровья, а иногда и жизни.

— Он хорошо за собой почистил. Тот, кто мог что-то разболтать, давно кормит червей в лесу. Все чисто. Но я найду, мне просто нужно время. Такие дела, сам понимаешь, в спешке не делаются.

— Понимаю.

— Ты знаешь, он храм за городом строит. Пытается откупиться перед ним, — говорит он, показывая пальцем в небо, и начинает ржать.

— Знаю. Все мы не без греха, но ему надо не храм, а собор воздвигать, — Дан встает, подходит к перилам. Смотрит на толпу внизу.

— Ладно, пойду я, сниму какую-нибудь фею на ночь, — оборачивается ко мне. — Ты со мной?

— Нет, я пас. Устал, пойду в кабинет. Заходи, если что, — встаю, подхожу к нему, он хлопает меня по плечу и уходит.

Смотрю вслед удаляющемуся Дану. У него все в жизни просто: работа, спорт, фея на ночь или две, не больше. Почему у меня все так сложно?

Захожу в кабинет. Глубоко вдыхаю. Здесь до сих пор сохранился ее запах. Еще недавно она была в мох руках, а теперь остался только запах. Мои пальцы еще пахнут ей. ЧЕРТ! От одной этой мысли мой член напрягается, да он и не расслаблялся до конца. Ведь я ему уже все пообещал, и ему все равно, что она сбежала. Медленно иду к бару, наливаю коньяка, сколько не пью его, сегодня он меня не берет — голова ясная. Отставляю бокал, беру всю бутылку, делаю глоток из горлышка. Падаю на диван. Мне нужно расслабиться, снять напряжение, которое осталось после Елизаветы. Она такая вкусная и сладкая. Такой бешеной химии я еще не испытывал. Зажмуриваю глаза, запрокидываю голову на спинку дивана. Когда я последний раз столько думал о женщине? Ответ прост — никогда! Беру телефон, набираю Яну.

— Через пять минут у меня в кабинете, — не дожидаясь ее ответа, сбрасываю.

Смотрю на часы. Могу поспорить, придет она раньше, минуты через три. Яна появляется через две минуты. Сегодня она бьет рекорды. Она заходит, сразу закрывает дверь на замок. Она уже поняла, что я ее позвал не дела обсуждать. Яна проходит на середину комнаты, останавливается. На ней — темно-синяя юбка до колена, белый топ, темно синий пиджак. Ее русые волосы собраны сзади. На ногах синие туфли на шпильке и черные чулки.

Я делаю глоток из бутылки, смотрю на нее и молчу. Она тоже молчит. Она знает правила игры. Так проходит минута. Я прикуриваю сигарету, выпускаю дым в ее сторону и нарушаю тишину.

— Сними пиджак! — приказным тоном говорю я. Она медленно его снимает, бросая на пол.

— Теперь топ, — и топик тоже летит на пол. На ней белый кружевной бюстгальтер.

— Продолжай, — приказываю я. Вот и бюстгальтер на полу. Ее грудь покачивается в такт ее учащенному дыханию. Она шумно сглатывает. Могу поспорить, она уже течет. Яна заводит руки за спину, пытаюсь расстегнуть юбку.

— Стой! Разве я говорил тебе снимать юбку? — она останавливается, поднимает на меня глаза и смиренно ждет приказа. Делаю последнюю затяжку, тушу окурков в пепельнице. Отпиваю еще глоток из бутылки, изучая грудь Яны. Она стоит молча и ждет. Интересно, как долго она так может простоять в ожидании приказа?

— Волосы, — она вытаскивает шпильки, которые также летят на пол. Ее волосы падают на грудь.

Я не увлекаюсь БДСМ. Ну, может только немного, в легкой форме. Это наша с ней игра в которую мы играем уже два года. Я не хлещу плетками и прочими атрибутами. Не унижаю. Мне просто нравится жесткий секс.

Яна — красивая женщина. Ей тридцать лет. Была замужем, но ей не понравилось. Хороший работник. Карьеристка. Иногда мне кажется, если бы не она, клуб не поднялся бы так быстро. Она сильная и независимая женщина. Но в сексе предпочитает подчинение и силу. С ее вкусом сложно найти партнера, соответствующего ее требованиям, можно нарваться на извращенца. Правила нашей игры довольно просты: несколько раз в неделю я вызываю ее к себе в любое время дня и ночи, не важно, где она и что делает, жестко ее трахаю, она подчиняется. Вы скажете, что любая женщина всегда хочет больше, чем просто секс. Яна не хочет, я знаю точно. Ее устраивают наши деловые отношения, меня тем более — так что, почему бы и нет.

— Иди сюда! — подзываю ее, широко расставляю ноги, между которых она встает. Она знает что делать. Падает на колени, расстегивает ширинку, спускает боксеры, высвобождая жаждущий член. Сегодня это не ее заслуга, но она этого не знает и довольно улыбается. Ее ладони движутся вверх — вниз по моему члену, усиливая нажим. Я слежу за ее действиями. Яна берет мой член в рот, начинает жадно сосать, дразня меня языком. Хватаю ее за волосы, направляю в нужном мне темпе, вхожу в ее рот глубже. Теперь я контролирую весь процесс. Упираюсь в ее гортань, снова и снова погружаюсь в нее резкими толчками. Но я ничего не чувствую, я хочу другую женщину. Резко отстраняю ее от себя за волосы. Смотрю ей в лицо. Она дрожит от возбуждения, глаза затуманены. Еще вчера меня это заводило, а сегодня нет, все не то.

— Хватит! Иди к столу, сними юбку и трусики, ложись на живот! — приказываю я. Мне срочно нужна разрядка или я взорвусь.

Она быстро встает, поспешно подходит к столу, раздевается, оставляя чулки и туфли. Ложится животом на стол, расставляя ноги и открывая мне обзор на свои прелести. Даже отсюда вижу, какая она мокрая. Я слышу ее тяжелое дыхание. Делаю глоток из бутылки. Наконец чувствую действие алкоголя: мозг затуманивается. Закрываю глаза, вижу перед собой Лизу, в ушах стоят ее стоны, чувствую ее пальчики на своей груди. Ее мягкие губки. БЛ*ТЬ! Я ХОЧУ ЕЕ И ТОЛЬКО ЕЕ!!! Делаю еще глоток, пытаюсь отогнать мысли о ней напрочь забывая о Яне, которая покорно ждет меня и уже стонет от нетерпения.

— Пожалуйста, — начинает просить она.

Встаю, медленно подхожу к ней, провожу пальцем по позвоночнику, поглаживаю бедра, она стонет и начинает ерзать. Замахиваюсь, сильно шлепаю ее по заднице, оставляя красный отпечаток.

— Стой смирно, — говорю я. — Расставь ноги шире.

Она послушно выполняет приказ. Глажу ее бедра, подбираюсь к ее промежности, открываю половые губы, нахожу клитор, поглаживаю его круговыми движениями. Другой рукой опять шлепаю по заднице, Яна протяжно стонет, поддается вперед, прося еще.

Шлепаю еще раз, оставляя красные следы. Резко проникаю в нее пальцами, трахаю ее так, растягивая влагалище. Чувствую, как сокращаются мышцы. Резко останавливаюсь, вынимаю пальцы. Она разочаровано хнычет. Слегка шлепаю ее по промежности. Достая из заднего кармана презерватив, быстро открываю, раскатываю по члену. Хватаю ее бедра, тяну на себя, резко вхожу одним толчком до упора.

— Держись, — рычу я, она берется за края стола. Выхожу полностью и опять врываюсь в нее. Вдалбливаю в нее жесткими грубыми толчками. Яна кричит, поддается ко мне. Сжимаю ее бедра до синяков, злюсь на себя за то, что не могу в полной мере насладиться этой женщиной за, то, что хочу другую. Чувствую, как ее мышцы начинают ритмично сжиматься, останавливаюсь, наклоняюсь к ней и буквально кричу:

— Не смей кончать, пока я тебе не скажу! Поняла? — Она послушно кивает.

Опять начинаю в нее долбиться, сильнее и сильнее, стол ходит ходуном. Хватаю за волосы, тяну на себя. Она уже кричит на весь кабинет. Закрываю глаза и представляю себе Лизу. Чувствую нарастающий оргазм.

— Давай, Яна, можешь кончить, — разрешаю я, ее мышцы начинают ритмично сжиматься. Бью ее по заднице, и она кончает. Я следую за ней, получая долгожданную разрядку. Выхожу из нее, снимаю презерватив, завязываю узлом, бросаю в корзину для бумаг возле стола. Застегиваю ширинку на джинсах.

Иду назад к дивану, падаю на него, закуриваю сигарету. Яна до сих пор лежит на столе, постанывая от удовольствия. Ну, хоть кому-то из нас было хорошо. Хоть я и кончил, но долгожданного облегчения так и получил. Все-таки правильно кто-то сказал, что оргазм — он в голове.

Делаю глубокую затяжку, откидываюсь на спинку дивана, курю, смотря в потолок. Чувствую себя уставшим и опустошенным. Слышу, как Яна поднимается со стола, ходит по комнате, собирая одежду. Одевается. Подходит ко мне, садится рядом на диван. Поднимаю голову, смотрю на нее, вижу в ее руках бокал, который она мне протягивает. Беру бутылку со стола, наливаю ей. Она делает глоток. Берет мои сигареты. Подношу ей зажигалку, она подкуривает, удовлетворенно мне улыбаясь.

— Что с тобой сегодня? Что-то не так? — говорит она, делая еще один глоток.

— Нет, все нормально, — вру я. Да, со мной что-то не так, но это никак не относится к ней. Она долго изучает мое лицо, как будто хочет найти там ответ.

— Ты какой-то напряженный, не знаю, как объяснить, не такой как всегда.

— Тебе не понравилось?

— Нет, конечно, понравилось. Ты как всегда был на высоте, — смеясь, говорит она. — Если бы мне не нравилось, я бы сейчас здесь не сидела. Так что случилось? Опять Елена исполняет?

— Елена всегда исполняет, я уже привык, — устало говорю я.

— Это как-то связано с теми девушками, которых ты просил пересадить в vip? Кстати, кто они? — с лукавой улыбкой спрашивает она.

— Слишком много вопросов, Яна, — уже раздраженно одергиваю ее. С каких пор она стала такой любопытной?

— Все, все, не злись, я просто спросила. Не хочешь — не отвечай. Ты же знаешь, что всегда можешь на меня положиться, — говорит она, поглаживая мне плечо.

— Иди домой, отдохни, ты сегодня проделала хорошую работу, устала наверное, — говорю я, сбрасывая ее руку.

— Уже выгоняешь? — смеется она.

— Нет, мне просто кажется, что ты слишком много работаешь. Возьми пару выходных, проведи их с дочкой. Отдохни, в конце концов.

— Хорошо, — говорит она. — Спасибо за выходные, мой господин.

— Иди, Яна. С поставками алкоголя я сам разберусь.

Она поднимается и молча уходит, посылая воздушный поцелуй возле двери. Я скидываю все подушки с дивана, ложусь, закрываю глаза, проваливаясь в глубокий сон. Последнее, что я вижу — это карие омуты Елизаветы.

Елизавета

Утром просыпаюсь от того, что кто-то плюхается рядом со мной на кровать и громко стонет. И этот кто-то — конечно же Ксюха. Судя по ее вчерашнему состоянию, чувствует она себя, мягко говоря, не очень. Сама удивляюсь, как я ее дотащила до своей квартиры. Слава богу, шла она на своих двоих я просто ее поддерживала. Как только мы зашли в квартиру, она сразу же отключилась на диване, мне осталось только снять с нее обувь и укрыть.

Поворачиваюсь к подруге. Она лежит с закрытыми глазами, растирает виски и стонет.

— Доброе утро, — с ехидной улыбкой приветствую ее я.

— О боже! Ты что, надо мной издеваешься? — морщась, говорит она.

— Да, — смеюсь я, потягиваясь.

Она открывает глаза, осматривает свое помятое платье. Растрепанные волосы и черные круги под глазами из-за размазанной косметики довершают картину

— Мне срочно надо в душ и переодеться, — она медленно встает с кровати, идет ванну. — Лизочка, Солнышко, свари, пожалуйста, кофе покрепче и, я надеюсь, у тебя найдется, что-нибудь от головной боли, — кричит она уже из ванны.

— Найдется. Одежду возьми в шкафу, выбери сама, что тебе подойдет, — кричу ей в ответ.

Встаю с кровати. Иду на кухню. Включаю музыкальный канал, делаю погромче. И начинаю варить кофе. Ксюха выходит через двадцать минут, одетая в мой серый спортивный костюм, мокрые волосы собраны в хвост. Выглядит она уже лучше. Садится напротив меня. Ее уже ожидает сваренный кофе, таблетка от головы и стакан холодной минеральной воды. Она кладет в рот таблетку, выпивает всю воду. Просит еще воды, я, смеясь, наливаю ей еще.

— Ты бы высушила волосы феном, — говорю я, смотря на нее.

— Не могу, фен слишком громко гудит, — она со стоном кладет голову на стол.

— Ну, ясное дело. Не надо было столько пить. И после водки ты еще пила коньяк с тем амбалом, — упрекаю ее я.

— Почему сразу амбалом? Просто Дан увлекается бодибилдингом. У него красивое рельефное тело, а в сочетании с его ростом, так вообще улет. Он такой огромный, — с восхищением произносит она.

— Интересно. Надо будет на досуге поведать это Леше. Думаю, ему будет интересно послушать.

— Ну что ты сразу начинаешь! Ты же знаешь, что я очень люблю Лешку и ни на кого его не променяю. Если я выхожу замуж, это же не значит, что я не могу смотреть на других мужчин.

— Смотреть можно, но, ты-то не просто смотрела — ты пила с ним коньяк и делала селфи, — с укором говорю я. — Просто мне кажется, девушка, которая через пару месяцев

выходит замуж, не должна себя так вести.

Ксюха непонимающе на меня смотрит, видимо, она этого не помнит. Встает со стула, находит свою сумку, достает телефон. Садится на диван, что-то пролистывает, долго смотрит на телефон. Сдвигает брови, хмурится.

— Блин, блин! — повторяет она, кидая телефон на диван, закрывает лицо руками. Я не понимаю, что происходит, похожу к ней.

— Да что случилось? — спрашиваю я, садясь напротив нее.

— Я вчера выложила фото в сеть, я не помню этого. Я такая дура!!! — восклицает она, не отрывая рук от лица. — И Леша уже их просмотрел. Мне срочно нужно ему позвонить. — Она берет телефон, набирает номер, долго ждет и опять отшвыривает телефон. — У него не доступно. Не удивлюсь, если он уже летит назад.

— Не расстраивайся, все будет хорошо, ты же ничего такого не делала, — пытаюсь ее утешить. — Ну, хочешь, я скажу, что это был мой знакомый.

— Конечно скажешь, в этом есть и твоя вина.

— Моя? А я-то тут причем? — Она что, серьезно пытается обвинить меня?

— Это ты убежала куда-то, оставив меня одну. Роберт познакомил меня со своими друзьями и умчался за тобой. Где вы были? А? — подняв брови, смотрит на меня,

— С чего ты взяла, что я была с ним?

— Ох, Елизавета Андреевна, не стройте из себя святую невинность, Вам не идет, — говорит она, уже улыбаясь. Как быстро меняется ее настроение. — Он весь вечер трахал тебя глазами. Да, да, не смотри на меня так! Именно трахал, по-другому не назовешь. И я видела твою реакцию на него.

— Какова же была моя реакция? — неужели было так заметно?

— Реакция женщины, у которой давно не было мужчины. Нет, я тебя, конечно, понимаю. Мимо такого мужика и я бы тоже спокойно не прошла, если была бы свободна, — она выдает мне свою хитрую лисью улыбку. — Так где вы так долго были?

— Мы обсуждали субботний банкет в его кабинете, — вру я. Мое сердце начинает учащенно биться при воспоминании о том, что мы делали в его кабинете. Я пытаюсь сохранить невозмутимое выражение на лице, но Ксюшу не обманешь.

— Лиза, врать ты не умеешь, так что рассказывай!

— Что рассказывать?

— Ну, например, как он целуется. Тебе понравилось?

— Мы ничего такого не делали, — опять вру я. И целуется он замечательно и не только целуется.

— Ну да, не делали, — Ксюха изучает мое лицо. На котором кажется, все написано.

— Хочешь, скажу свое мнение? Даже если не хочешь, я все равно скажу. Роберт — как раз то, что тебе сейчас нужно.

— В каком смысле? Зачем он мне нужен? — Я не понимаю, что она хочет мне сказать. Мне никто не нужен. Мне хорошо в моем маленьком мире.

— Лиза, последние два года ты отдала всю себя работе. Ты там практически живешь, но мир не ограничивается только стенами твоего кафе. Пора подумать о себе. Я понимаю, что тебе не нужны отношения. Но ты — молодая женщина Тебе нужен мужчина. Хотя бы ради секса. Я видела твою реакцию на Роберта. Твое тело просто требует внимания!

— Все, хватит, Ксюша! Остановись! Ты себя слышишь? Что ты несешь! Мне никто не нужен! Никто. Мне хорошо одной! Я просто НЕ МОГУ! — Я кричу на нее, меня охватывает

злость. Неужели она меня не понимает?

— Лизочка, солнышко, пожалуйста, успокойся, — она подходит ко мне, садится рядом, обнимает за плечи.

— Он женат. Ты серьезно мне сейчас предлагаешь стать любовницей женатого мужчины?

Она, девушка, которая скоро станет женой, предлагает мне стать любовницей.

— Да, он женат. Как правило, женатые мужчины заводят любовницу ради секса, чтобы отвлечься от семейной рутины. Нагулявшись, они возвращаются в семью. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Я отрицательно качаю головой. Я действительно не понимаю, зачем она мне все это говорит.

— Это значит, что он не ищет серьезных отношений, не ищет любви, никаких привязанностей, просто легкое общение на нейтральные темы и секс. И это — то, что тебе сейчас нужно. Ну, теперь ты понимаешь меня?

Я все понимаю. Но я не уверена, нужно ли это мне. Хочу ли я быть любовницей? Той женщиной, которую будут ненавидеть и проклинать.

Я ничего не отвечаю Ксюше. Встаю с дивана, собираю грязные чашки, ставлю их в раковину. И ухожу в душ — мне надо на работу. Мне надо подумать. Не имеет смысла отрицать, что мое тело действительно реагирует на НЕГО.

Спустя два часа я захожу в свое кафе. Здравуюсь с Танечкой, которая почему-то загадочно мне улыбается. Улыбаюсь ей в ответ. Прохожу в свой кабинет. На моем столе стоит большая корзина с бледно розовыми и бордовыми пионами. Цветы просто великолепны. Подхожу ближе, провожу пальцами по нежным лепесткам, вдыхаю их аромат. Сажусь за стол, долго смотрю на цветы, замечаю в них карточку. Беру ее в руки, не решаясь открыть. Я догадываюсь, от кого они. Все-таки открываю ее и читаю:

«Букет — всего лишь слабая попытка сравнить тебя с цветами. Но куда им...»

Я закрываю глаза и улыбаюсь. На карточке нет подписи, но она и не нужна. Подношу карточку к лицу, вдыхаю, она пахнет его парфюмом. Он сам ее подписывал? Думаю о вчерашней ночи, о его руках, которые так властно меня прижимали к себе, о его губах, которые сминали мои губы. О его пальцах, которые довели меня до безумия. О его обсидиановых глазах, которые лишили меня воли. О том, как он управлял мной словно опытный кукловод. Может Ксюша права — это действительно то, что мне нужно. Если он позволяет себе делать такое с другими женщинами, значит не все так гладко у него с женой. Меня это не должно волновать.

Мои размышления прерывает телефонный звонок. Смотрю на дисплей. Это — Леша.

— Алло. Привет, — радостно говорю. Леша мне дорог не только как жених моей подруги. Он — двоюродный брат Марка. Он — единственный человек из семьи Марка, который поддержал наши отношения и брак. Вся остальная семья Марка меня не приняла, а иногда мне даже казалось, что они просто меня ненавидят.

— Привет, солнце. Ты на работе?

— Да, где мне еще быть? — смеюсь я.

— Тогда я через полчаса подъеду, накормишь? А то я просто умираю с голоду.

— Ты только с самолета? Ксюха знает, что ты прилетел?

— Нет, солнце, не знает, и не вздумай ей звонить. Приеду, все объясню.

— Хорошо, я жду, — говорю я и скидываю звонок. Похоже, мне все-таки придется разьяснить ситуацию с фотографиями в сети.

Через полчаса в дверях моего кабинета появляется Леша. Я соскакиваю со своего места и падаю в его объятия, он прижимает меня к себе. Леха одет в свой неизменный строгий костюм, белую рубашку с черным галстуком. Год назад он открыл свою строительную компанию, сейчас пытается выйти на Европу, поэтому часто бывает в деловых поездках.

— Как ты, Солнце?

— Все хорошо, — улыбаюсь я. Иногда мне кажется, что с Лешей мы ближе, чем с Ксюхой. Что он больше понимает меня, а я его. Нас объединило одно горе. И в нем есть маленькая частичка Марка.

— Ну давай, корми меня, с утра ничего не ел, — говорит он, отстраняясь от меня. И тут он замечает на моем столе цветы.

— Цветы. У тебя появился поклонник? — с улыбкой на лице говорит он. Мне становится не по себе, улыбка исчезает с моего лица. Я не хочу, чтобы он узнал, от кого эти цветы.

— Ну какой поклонник? Это просто благодарность от клиентов. — Мне кажется, он видит мое смятение, и я спешу перевести тему. — Ты сделал Ксюше предложение! Я так рада за вас.

— Видел я, как вы вчера были рады, — хмурясь, говорит он.

— Ладно, пошли в зал, сначала поешь, потом поговорим, — беру его под руку и вывожу из кабинета.

Мы сидим за столиком возле окна, Леха поглощает обед, параллельно рассказывая о своей поездке, о встрече, которая так и не состоялась по нашей вине. О том, как он увидел фото Ксюхи с этим амбалом и первым же рейсом вылетел сюда.

— Тебе не о чем было волноваться. Все хорошо. Мы были в клубе, случайно встретили моего клиента, а на фото был его друг. Просто Ксюша немного перебрала, и ее потянуло на селфи, — смеюсь я. — Ты же знаешь, что она тебя очень любит. Ей очень стыдно, она очень переживает. А ты, вместо того, чтобы быть с ней, сидишь тут со мной. Она звонила тебе все утро.

Леша довольно улыбается, похоже, его отпустило. Я знаю, он не умеет долго злиться, особенно на Ксюшу. Он думает, что в их отношениях он, как мужчина, доминирует, он главный и принимает все ответственные решения. На самом деле это не так. Ксюха грамотно и не заметно, управляет Лешей, позволяя ему думать, что он главный, и что все решения, которые он принял, были его. Ну что я могу сказать, Ксюха по образованию — психологи этим все сказано. Не удивлюсь, если сегодня вечером прощение будет просить именно Леша. А она его великодушно простит.

Мы с Лешей молча пьем кофе: он задумчиво крутит чашку в руках, думая о своем. Я смотрю в окно на проходящих мимо людей, на унылую осеннюю погоду. Дождь мелкими каплями стекает по стеклу, оставляя мокрые дорожки. Мое внимание привлекает большой черный внедорожник, паркующийся на стоянке. На левом боку автомобиля, аэрография грустного Джокера кидающего карты. Рисунок выполнен в черно-белых тонах. Интересно, зачем люди наносят такие рисунки на автомобили, для красоты? Рисунок отражает философию хозяина машины?

Мое сердце пропускает удар — из машины выходит Роберт. Поднимает воротник черной кожаной куртки. Слегка запрокинув голову, смотрит на серое мрачное небо, капли

дождя падают на его лицо. Прикуривает сигарету, делает пару затяжек и выкидывает окурок в урну. Быстрым шагами направляется к парадной двери кафе. Я закусываю губы, охваченная диким волнением. Внутри все скручивается в тугий узел. Сердце учащенно бьется. Да что с мной такое? Почему я на него так реагирую?

Мой взгляд направлен на вход в зал в ожидании ЕГО. И он не заставляет себя долго ждать. Роберт входит в зал, на нем, так же как и вчера, белая футболка, кожаный браслет на руке темно серые джинсы. Его волосы слегка намочены от дождя. Он лениво осматривает зал, не замечая меня. К нему подходит официант, Роберт, что-то у него спрашивает, официант указывает на стол, где сидим мы с Лешей. И все вокруг останавливается, замирает, когда его глаза встречаются с моими. Он обжигает меня холодным взглядом, кривовато улыбается. Я чувствую прикосновение к моей руке, которая лежит на столе. Опускаю глаза, смотрю на руку, которую сжимает Леша.

— С тобой все в порядке? — с волнением спрашивает он.

— Да, все хорошо! — отвечаю я, пытаюсь выглядеть как можно спокойнее. Леша всматривается в мое лицо, я пытаюсь выдавить из себя улыбку. Украдкой смотрю на то место, где стоял Роберт, но не нахожу его там. Осматриваю зал и вижу его за соседним столиком. Он не смотрит в нашу сторону, изучает меню, разговаривает с официантом.

— Точно все хорошо? — спрашивает Леша.

— Да, все нормально, я просто задумалась. Ксюша так переживала утром. Может ты, все же, позвонишь ей, скажешь, что прилетел? — вру я. За Ксюшу я, конечно, переживаю, но в данный момент мое волнение никак не связано с ней, чего Леше знать не нужно.

— Ничего, пусть поволнуется, ей будет полезно, — с ухмылкой говорит Леша. Я ерзаю на стуле, не могу сидеть на месте, потому что кожей чувствую взгляд с соседнего столика, прожигающий меня.

— Может, пройдем в мой кабинет, поговорим там? — мне срочно надо уйти отсюда.

— Да нет, я, наверное, уже поеду.

— Да, конечно, — говорю я, поспешно поднимаюсь со своего места. Леша обнимает меня за талию.

— Пока, солнце, — Леша целует меня в щеку, тепло мне улыбается, я улыбаюсь ему в ответ, провожая взглядом.

Когда Леша скрывается в холле, направляюсь в свой кабинет, практически бегу, чувствуя тяжелые шаги позади. Забегаю в кабинет, пытаюсь закрыть дверь. Но ее с силой дергают с другой стороны, отчего я по инерции лечу в направлении открывающейся двери. Сильные руки ловят меня, вталкивая обратно в комнату. Роберт закрывает за собой дверь, вынимает ключ из замка и засовывает его себе в карман. Да что он себе позволяет? Мое сердце стучит как бешеное, кажется, оно вот-вот вырвется из груди. Я тяжело дышу, сжимаю руки в кулаки, смотрю на Роберта. Он медленно разворачивается, прислоняется к двери, складывает руки на груди. Его глаза горят черным пламенем, губы сжаты, он напряжен. Взгляд Роберта скользит по моему телу, останавливается на моих руках, сжатых в кулаки. Я разжимаю руки, закрываю глаза, глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться. Отворачиваюсь от него, подхожу к окну. Смотрю на улицу. Мне не хватает воздуха, открываю окно, прохладный ветер врывается в помещение, обдувая мое лицо. Роберт подходит ко мне, прижимается к спине, чувствую его тяжелое дыхание. Его запах окутывает меня, глубоко вдыхаю его. Он перемещает руки на мою талию, чуть сжимает.

— Как давно ты с ним? — тихо и вкрадчиво говорит он, усиливая хватку на моей талии.

— С кем? — спрашиваю я, не понимая, про кого он говорит.

— С тем, с кем ты сейчас так мило ворковала! Как давно ты с ним?! Отвечай! — резко говорит он, повышая голос, впивается пальцами в мою талию, делая мне больно.

— Ты делаешь мне больно! Отпусти! — кричу я, пытаюсь вырваться. Он ослабляет хватку, но не отпускает. Почему он так себя ведет? Кто дал ему такое право?

— Тише. Прости. Просто ответь. Он устраивает тебя в постели? Он удовлетворяет тебя? — уже спокойно, но с напряжением в голосе говорит он.

Мне становится смешно. Он что, ревнует? Может сказать ему, что да, я давно с Лешей, что я его люблю, и меня все устраивает, а вчера я просто была пьяна? Прогнать ЕГО, велеть больше не появляться в моей жизни. Так будет лучше для всех. Но говорю я совсем не то, что думаю:

— Леша — просто мой друг, он жених моей подруги.

Я слышу, как Роберт глубоко вдыхает, как будто не дышал все это время. Проводит руками вдоль моего тела, вызывая во мне легкую дрожь. Разворачивает меня лицом к себе. Резко подхватывает, усаживает на подоконник. Встает вплотную ко мне, смотрит в глаза, как будто ищет там подтверждения моих слов. Он очень напряжен, хочется протянуть руку и прикоснуться к его щеке, успокоить его. Но я сжимаю руками подоконник, чтобы не сделать этого. Он сам берет мои руки. Подносит их к своим губам и целует. Я только сейчас замечаю, что мои руки очень холодные. Роберт тоже это чувствует. Отпускает меня и закрывает окно.

— Почему ты вчера от меня сбежала? — говорит он, растирая мои руки в своих больших ладонях. Что я должна ему ответить? Сказать, что потеряла с ним голову, а когда он меня оставил, пришла в себя и ощутила себя шлюхой? Озвучить очевидные факты? Что ему, будучи женатым человеком нельзя себя так вести. Что не хочу быть его очередной любовницей? Что я вообще не должна быть с ним, потому что предаю своего мужа, которого уже нет?

Я молчу, опускаю взгляд на наши руки. Роберт берет меня за подбородок, поднимает мое лицо, заставляя смотреть ему в глаза. Наклоняется ко мне и нежно целует. И я забываю все, о чем думала. Мой мозг отключается, просто чувствую его теплые губы, которые нежно порхают на моих губах. Его руки зарываются в мои волосы. Тепло растекается по моему телу, неся за собой лавину желаний. Роберт останавливается, снимает меня с подоконника. Ставит на ноги.

— Поужинай сегодня со мной, — мягко и нежно говорит он.

— Нет, — очень тихо отвечаю я почти шепотом.

— Почему ты отказываешь мне? Это просто ужин. Обещаю, ничего не будет, если ты не захочешь.

— Роберт, скажи прямо, чего ты хочешь от меня?

— Разве это не очевидно? — усмехается он. — Я хочу тебя! — Вся мягкость и нежность пропадает из его голоса — на смену им приходит жесткость, властность.

— Тогда можно обойтись и без ужина, — говорю я, прямо смотря на него и пытаюсь выдержать взгляд, прожигаящий меня насквозь. Роберт усмехается, качает головой.

— Ах, Елизавета Андреевна, Вам не терпится сразу приступить к делу? Так не надо было от меня вчера сбежать. Получили бы, что хотели в полной мере. А теперь, увы, Вам придется терпеть ужин со мной, и может потом я удовлетворю Ваши желания, — он хищно мне улыбается, берет мою руку, целует.

— Сегодня в восемь я заеду за тобой сюда. Будь готова. Я украду тебя на всю ночь! — говорит он приказным тоном. От чего я просто теряю дар речи. Роберт отпускает меня, разворачивается и быстро уходит, захлопывая за собой дверь. Я стою посреди своего кабинета и пытаюсь понять, что сейчас произошло? А может и правда, послушаться Ксюшиного совета и меньше думать? Возможно именно это мне сейчас нужно.

ГЛАВА 4

Елизавета

Весь оставшийся день я работаю на автомате, разрываясь от противоположных желаний. С одной стороны мне хочется просто убежать домой, закрыться в квартире, спрятаться под одеялом и никуда не ходить. С другой — я жду, надеюсь, волнуясь. И все-таки, желание встретиться, побеждает. К пяти часам вечера я мчусь на такси домой.

Принимаю долгий душ, используя все имеющиеся у меня скрабы, гели, бальзамы. Выхожу из душа, сушу волосы феном, обдумывая, какую следует сделать причёску. Накручиваю волосы крупными локонами, оставляя распущенными, закалываю мелкими заколками по бокам. Подвожу глаза черной подводкой, крашу ресницы, немного бежевого блеска на губы. Выхожу из ванны, открываю шкаф, с ужасом понимая, что у меня нет подходящего платья.

Хотя зачем волноваться из-за платья, если его все равно придется снимать? А вот что надеть под платье, это действительно проблема — у меня нет подходящего белья.

Стоп! Что я делаю?

Волнуюсь и переживаю из-за одежды, как будто собираюсь на первое свидание. В итоге надеваю темно-синее атласное платье до колен, с рукавами в три четверти и маленькими пуговицами спереди. На мне черные чулки и черный кружевной комплект дорогого белья, подаренного Ксюхой на Новый Год, который я так ни разу и не надела. Наряд довершают темно-синие шпильки. Мчусь назад в кафе.

Без пятнадцати восемь я сижу в своем кабинете, борясь с желанием снова сбежать домой. Смотрю на тикающие стрелки часов, висящие на стене, которые приближают меня к неизбежному. Боже, почему я так нервничаю? Мое сердце готово выпрыгнуть из груди, ладони вспотели. Чувствую себя девственницей, которая точно знает, что сегодня ее лишат невинности. От этой мысли начинаю нервно смеяться. Закрываю глаза, глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. Слышу звук открывающейся двери. Ну, вот и все, назад дороги нет. Открываю глаза, на пороге стоит Роберт. На нем черные брюки, белая стильная рубашка с высоким воротником и черными манжетами. Верхние пуговицы небрежно расстегнуты. Он всегда в белом. Любимый цвет? И черный неизменный кожаный браслет. Интересно он, что значит для него. Талисман? Оберег? Вопрос вертится у меня на языке, но я его не задаю. В конце концов, это не мое дело. Роберт просто стоит, откровенно меня рассматривая.

— Встань! — властно приказывает он. Я непонимающе смотрю на него.

— Встань, я хочу посмотреть на тебя, — уже мягче говорит он.

И я встаю, выхожу из-за стола, останавливаюсь посреди комнаты. Разве я могу его послушаться? Его голос, приказной тон, гипнотизируют меня, заставляя, подчиняться. И мне это нравится, мне не надо думать, анализировать, принимать решения, я просто делаю все, что он мне говорит. С ним нельзя по-другому. Он — полная противоположность Марка, и это очень хорошо. Это то, что мне сейчас нужно.

— Ты прекрасна! — говорит он. Хищно улыбаясь, подходит ко мне, протягивает руку. Я

вкладываю в нее свою.

— Пойдем или я за себя не ручаюсь, возьму тебя прямо здесь! — говорит он, сжимая мою руку.

Роберт тянет меня к выходу, и я иду за ним. Куда? Зачем? Мне все равно. Сегодня я отдаюсь в его сильные руки. Я не хочу ни о чем думать. Пусть все решает он. Роберт быстро ведет меня за собой. Проходя мимо Татьяны, я ловлю ее удивленный взгляд. Она подает нам верхнюю одежду. Роберт забирает у нее мое пальто, помогая мне одеться. Мы выходим на улицу, подходим к его внедорожнику, он открывает для меня переднюю пассажирскую дверь. И тут я застываю. Я не езжу на передних сидениях. Но как ему это объяснить, что бы он не понял, насколько я сумасшедшая? Он вопросительно смотрит на меня, не понимая моего замешательства.

— Я сяду на заднее сиденье, просто я не езжу спереди, — пытаюсь оправдаться. Молю про себя, чтобы он не спросил, почему.

Он долго изучает мое лицо и, слава богу, ничего не говоря, открывает заднюю пассажирскую дверь. Помогает мне сесть, захлопывает дверь. Пока он обходит машину, я изучаю салон. Внутри пахнет сигаретами и его парфюмом — смесь этих запахов просто убивает меня. Я глубоко вдыхаю, наслаждаясь, растворяясь в этом мужском аромате.

Роберт садится в машину, смотрит на меня через зеркало заднего вида, тепло улыбается, подмигивает. Включает негромкую музыку, выезжает со стоянки. Я кладу голову на спинку кресла, закрываю глаза. Мое волнение прошло, мне уютно и спокойно, хорошо. Как будто все так и должно быть, все идет своим чередом.

Всю дорогу мы молчим, я даже не смотрю, куда он меня везет. Через какое-то время машина останавливается, я открываю глаза, оглядываюсь. Мы заехали в жилой комплекс. Странно, я думала мы едем ужинать, но здесь явно нет никакого ресторана или кафе. Роберт выходит из машины, открывает мне дверь, подает руку. Я нерешительно выхожу, осматриваясь по сторонам.

— Я думала, мы едем ужинать? — говорю я, пока Роберт ведет меня к подъезду.

— Так и есть. Наберись терпения, скоро ты все поймешь.

Мы заходим в подъезд, поднимаемся на лифте на десятый этаж, подходим к квартире под номером тридцать один. Роберт открывает дверь, пропускает меня вперед, я нерешительно захожу. Квартира-студия, сплошное открытое пространство. Кухня, гостиная и даже спальня в одной большой комнате. Все разделено на зоны, интерьер выполнен в бежевых и тепло коричневых тонах. Зону кухни и гостиной разделяет стеклянный стол, который накрыт на двоих. Там уже стоит еда, вино, красивые высокие фужеры. И свечи? Никогда бы не подумала, что он романтик. Такое ощущение, что стол только что накрыли. Интересно, кто это сделал, ведь здесь никого нет, если этот кто-то не прячется в ванной.

— Теперь все понятно. Мы будем ужинать здесь, — утвердительно говорю я.

Роберт усмехается, помогает снять мне пальто, берет меня за руку и ведет к столу. Помогает сесть, отодвигая для меня стул. Берет с кухонной столешницы пульт, нажимает на кнопку, и я слышу легкую музыку, которая льется из стерео системы. Похоже, он очень тщательно подготовился. Все предусмотрел.

Я смотрю на тарелку с запеченной форелью с соусом, картофелем и овощами.

Что-то похожее готовит мой повар. Он заказал это все в ресторане? Роберт наполняет наши бокалы белым сухим вином. Садится напротив меня. Я осматриваюсь по сторонам: на кухонном столе справа от меня, в прозрачных креманках, стоят два десерта из жидкого

шоколада, украшенные миндалем и мятой. Ого, даже десерт предусмотрен.

— Надеюсь, ты любишь рыбу? — спрашивает Роберт, нарушая наше молчание.

— Да, спасибо, — отвечаю я, отпивая глоток вина.

Итак, мы сидим за столом, пьем вино, едим рыбу, очень вкусную, кстати. Никто из нас не произносит ни слова. Молчание затягивается, я соображаю, о чем завести разговор, ведь мы не можем просидеть весь вечер, не говоря ни слова.

Роберт, в отличие от меня, выглядит расслабленным, он медленно пьет вино и следит за каждым моим движением, от чего мне становится неловко.

Я отвожу взгляд, опять осматривая квартиру. В зоне спальни стоит большая двуспальная кровать, застеленная черным бельем, с белыми подушками разных размеров. Ловлю себя на мысли, что очень долго ее рассматриваю и, конечно, это не остается незамеченным. Роберт ухмыляется, предлагает мне еще вина, я киваю в ответ.

— Что это за квартира? — спрашиваю я, решая, наконец, нарушить неловкое молчание.

— Это моя квартира. Я здесь живу.

— Живешь? — недоумеваю я. Как то нет так я представляла его жилище. В каком смысле он здесь живет? Разве он не должен жить с женой и ребенком?

— Да. А что тебя удивляет? — говорит он, слегка приподнимая брови.

— Что-то это эта квартира не похожа на семейное гнездышко.

— Видимо, потому что я живу здесь один.

— А где живет твоя жена? — спрашиваю я и тут же жалею об этом. Слова вылетели сами собой. Меня не должно это волновать.

— Тебе назвать точный адрес моей жены? — усмехается он. — С моей женой у меня очень сложные отношения. Хочешь поговорить об этом? — резко говорит он, меняясь в лице.

— Эм... Нет, не хочу, — тихо произношу я, мне самой неприятна эта тема. Черт, и кто дернул меня за язык. Я опускаю взгляд на свои руки, лежащие на столе, не желая смотреть ему в глаза.

— Посмотри на меня, — слышу мягкий вкрадчивый голос Роберта.

Я поднимаю глаза на него и встречаюсь с его черными глазами, вижу в них блеск и похоть, они прожигают. Я нервно сглатываю, по телу проносится дрожь предвкушения. Мое дыхание учащается, сердце начинает биться в хаотичном ритме. Я зажмуриваю глаза, не в силах больше это выдержать. Слышу, как Роберт резко встает со своего места, чувствую, как он подходит ко мне. Одним рывком поднимает меня со стула, от чего тот опрокидывается.

Роберт

ВСЕ. Моей выдержки хватило на сорок минут. Я хотел поужинать с ней, расположив ее к себе. Я не романтик и не никогда им не был, мне просто хотелось немного ее расслабить, что бы она почувствовала себя более расковано. Но дольше я бы уже не смог продержаться, я хотел ее как сумасшедший, голодный, дикий зверь. Прямо здесь, прямо сейчас! Поэтому я выбрал для ужина свою квартиру. Я знал, что у меня снесет крышу, я не выдержу и трахну ее где-нибудь в темном углу ресторана. Но она достойна лучшего.

Держу ее в своих объятьях, мысленно уговариваю себя не делать это слишком быстро и жестко. Между нами струится электричество. Ее пальчики прикасаются к моей груди. Проходятся по мышцам, тянутся к пуговицам, расстегивая их. Я наблюдаю за ней, она медленно расстегивает мою рубашку, вся дрожа от возбуждения. Ее лицо очень близко и я опять тону в кариш омутах. Ее глаза полны всем, чем только можно пожелать. Я помогаю ей

стянуть с меня рубашку.

— Лиза, — шепчу я, растягивая буквы. Вдыхаю ее аромат, прикасаясь губами к ее шее, целуя ее нежную кожу. — Ты божественно пахнешь.

Прижимаюсь к ней сильнее, пусть чувствует, как я ее хочу. Подбираюсь к ее ушку, слегка прикусываю мочку. Она со стоном начинает оседать у меня на руках. Такая чувствительная! Я подхватываю ее, вынуждая обернуть ее стройные ножки вокруг себя. Она цепляется за мои плечи. Сажая ее на кухонную стойку там, где стоит десерт. Беру ее за подбородок, грубо захватываю ее губы своими. Углубляю поцелуй, терзаю ее рот. Она такая вкусная, сладкая. Меня потряхивает от возбуждения, чувствую, что не могу быть больше нежным. Пытаюсь расстегнуть мелкие пуговицы на ее платье, но, черт, их так много. Рывком разрываю платье за края, пуговицы со звоном разлетаются по всей кухне. Понимаю, что возьму ее сейчас, на этом столе и ничто мне не помешает, даже она. А когда чувствую, как Лиза хрипло стонет мне в губы, просто схожу с ума. Смотрю на ее красивую грудь в кружевном белье, на красивые маленькие трусики, ножки в черных чулках. Судорожно сглатываю, мое возбуждение достигает своего предела. Желание обладать этой женщиной сводит меня с ума.

Буквально срываю с нее бюстгальтер, кидаю его на пол. Смотрю ей в глаза, они потемнели от желания, она закусывает свои красивые губки. Ее грудь с розовыми маленькими сосками колыхается от частого дыхания. Захватываю ее сосок, дразня его языком и зубами. Она хрипло стонет, впиваясь своими ноготками в мои плечи. Подбираюсь к ее трусикам, губами продолжая терзать ее грудь. Мои пальцы жестко и быстро поглаживают ее нежные складочки, находя заветную вершинку. Поглаживаю ее круговыми движениями. Отрываюсь от груди, ловлю своими губами ее стоны удовольствия, поглощая их. Быстро стягиваю с нее трусики. Прижимаю ее к себе, рычу от ощущений накрывающих меня. Раздвигаю ее ноги шире, продолжая ласкать клитор.

Она дышит часто и быстро. Запускаю руки ей в волосы, отстраняю от себя, смотрю в ее глаза, продолжая терзать плоть. Чувствую, что она уже близко. Чувствую ее удовольствие. БОЖЕ! Как я ее хочу! По ее телу проходит судорога оргазма. Задыхаюсь от собственных подкатывающих ощущений. Она закатывает глаза, бьется в моих руках, закусывает губы, сдерживая себя.

— ДА! Вот так моя хорошая. Не сдерживайся, кричи, я хочу слышать тебя! — жадно шепчу я.

И она громко, протяжно стонет. Да! ДА! Невероятные ощущения! Лиза открывает глаза, смотрит на меня затуманенным взглядом. Такая красивая! Лиза неожиданно подается вперед. Дергает за мой ремень, расстегивает ширинку. Ее пальцы касаются моего напряженного члена. Я вздрагиваю, ловлю ее руки, отстраняю от себя. Она непонимающе смотрит на меня, в ее глазах мольба.

— Да, моя девочка, сейчас, подожди, — говорю я, достаю, из кармана презерватив, разрываю зубами упаковку, быстро раскатываю его по члену, под пристальным взглядом Лизы.

Хватаю ее за бедра, тяну на себя, она откидывается назад задевая руками посуду с десертом. Слышу звон. Врываюсь в ее тело до упора одним резким толчком. Мне кажется, что я сейчас закричу, но кричит она. Обхватывает меня своими ногами. Делаю резкий толчок под ее хриплый стон. Ее бедра дрожат в моих руках.

Я начинаю двигаться быстрее. Ее теснота и сколькая влага моментально сносят мне

крышу. Быть в ней, чувствовать, как ее плоть тесно обхватывает меня — просто блаженство! Я двигаюсь быстрее и быстрее. Она окликается на каждый мой толчок. Мы ловим один ритм. Она приподнимается, ищет мои губы своими. Впиваюсь них. Сжимаю ее ягодицы и двигаюсь в бешеном темпе. Она кричит в мои губы. Мышцы ее лона ритмично сжимаются вокруг моего члена, ее тело дрожит. Чувствую, как пот скатывается по моей спине. Погружаюсь в нее глубже. Она хватается воздух губами. Ее пальчики впиваются в мою спину.

— Давай, малышка, кончай вместе со мной! — рычу ей в губы, чувствуя приближение собственного оргазма.

Мы стонем одновременно друг другу в губы. И вот опять волна удовольствия прокатывается по ее телу. Я слеую за ней, утыкаюсь ее в шею, слегка прикусываю ее нежную кожу. Лиза дрожит в моих руках. Мы оба тяжело дышим, ее пальчики гладят мою спину. Я плавлюсь от этих прикосновений.

Отстраняюсь, смотрю на нее. Она такая красивая! Лиза опускает руки на стол, ищет равновесие. Ее пальчики попадают в разлившийся по столу десерт. Беру ее руку, слизываю шоколад с ее пальчиков, чуть-чуть посасывая.

— А вот и десерт, — усмехаюсь я. — Какие вкусные пальчики, хочу еще. — Она послушно погружает палец в шоколад, протягивает мне. Облизываю его снова.

— Вкусно! Хочешь попробовать? — дразню я. Она кивает головой, облизывая губы. Погружаю свой палец в шоколад, подношу к ее губам. — Открой ротик.

Ее губки приоткрываются. И обхватывают мой палец.

Ее язычок скользит по моему пальцу.

— Пососи, — прошу я. Ее ротик втягивает мой палец. Аккуратно вынимаю его, снова обмакиваю в шоколад, протягиваю ей, она опять его обхватывает губами. Ее глазки начинают блестеть. Я смотрю на нее и представляю, как эти губы обхватывают мой член. Черт, я опять ее хочу!

Вынимаю палец, снова погружаю в шоколад, размазываю его по губам Лизы. Беру еще шоколада, втираю его в сосок, поглаживая круговыми движениями, она тихо хнычет, запрокидывая голову назад. Хватаю ее за волосы. Притягиваю к себе, слизываю с ее губ шоколад, наслаждаясь вкусом. Опускаюсь ниже, ловлю губами ее сосок, всасывая его, слегка прикусывая повторяю то же самое со вторым. Отстраняюсь, смотрю в ее блестящие глазки, она хитро улыбается.

— Такой вкусный десерт, — пробегаюсь глазами по ее телу и только сейчас замечаю большой продольный шрам внизу ее живота, как после операции. Что с ней случилось, с моей девочкой? Лиза замечает мою реакцию на шрам, хмурится, спрыгивает со стола, пытается обойти меня. Ловлю ее, подхватываю на руки, она ахает от неожиданности.

— Ты куда-то собралась? Я еще с тобой не закончил! — усмехаюсь я и уношу в ванну под ее возмущенные возгласы.

Елизавета

Просыпаюсь от ощущения чего-то теплого и тяжелого на моем животе. Открываю глаза и первое, что вижу — большое окно, за которым идет снег. Прихожу в себя, понимаю, где нахожусь. Слышу за спиной размеренное дыхание. Я прижата к Роберту, его большая рука обвивает мою талию. Он такой горячий, в его объятиях жарко. Аккуратно освобождаюсь. Поворачиваюсь к нему. Во сне он кажется моложе, мягче. Смотрю на его слегка приоткрытые губы. Вспоминаю, что эти губы делали со мной всю ночь.

После невероятного взрыва, произошедшего между нами на кухонном столе, Роберт

отнес меня в душ. Он намывал мое тело, скользя по моей груди, животу, целуя меня медленно и мучительно. Я дрожала в его руках, теряя разум. Он шептал мне ласковые слова. Играл со мной, дразнил, мучил. Я таяла в его руках, медленно сходила с ума. Его прикосновения были то нежными и умелыми, то грубыми и жесткими. Его черные наглые глаза горели и обжигали. Роберта не смущал мой уродливый шрам на животе, он опускался передо мной на колени и покрывал его поцелуями.

Он вынес меня из душа, вытер полотенцем. Отнес в постель. И там все началось заново. Я хотела его каждой частичкой своего тела, я растворялась в нем. Мы уснули уже под утро.

От воспоминаний меня отвлекает жужжащий звук телефона. Я сморю на Роберта, он крепко спит. Тихонько встаю с кровати и иду на поиски раздражающего звука. Нахожу на журнальном столике телефон Роберта, который вибрирует без остановки. Смотрю на телефон, на экране светится имя «Елена». Это его жена! Конечно, уже утро, она, наверное, беспокоится. Телефон замолкает. Я сажусь на диван, стоящий возле окна, смотрю на белые чистые снежинки, падающие с неба. Как себя вести, когда он проснется, что говорить?

Решаю уйти, пока он спит, чтобы избежать неловкого разговора. Осматриваю комнату в поисках одежды, нахожу свое платье и белье возле кухонного стола. Иду в ванну, там остались чулки, туфли, которые вчера снял с меня Роберт. Надеваю белье, чулки, умываюсь холодной водой, на раковине нахожу свои заколки. Закалываю волосы. А вот с платьем большая проблема — все пуговицы оторваны и разбросаны по всей кухне. Надеваю платье, застегиваю две верхние, чудом уцелевшие, пуговицы. Хорошо, что у меня длинное пальто. Тихо выхожу из ванны, молясь, чтобы Роберт еще спал. Смотрю в сторону кровати: он лежит в той же позе, крепко спит. Надеваю пальто, беру свою сумку, туфли несусь в руках.

Выхожу в подъезд, тихо прикрываю за собой двери. Обуваюсь. Уже в лифте достаю из сумки телефон, который был отключен. Включаю его. Обнаруживаю кучу пропущенных звонков от Ксюши и Леша. Вызываю такси, еду домой. В голове полный бардак, мне почему-то очень грустно и тоскливо. Я уже сама себя не понимаю. Все мысли и чувства смешались. Хочется к маме, уткнуться ей в колени, что бы она как маленькую девочку погладила по головке и сказала, что все будет хорошо. Но моей мамы тоже нет, она уже давно не ходит по этой земле.

Захожу в свою квартиру, закрываюсь на все замки. Из гостиной выбегает Ксюха, у нее в руках телефон. Она смотрит на меня серьезным обеспокоенным взглядом, подносит телефон к уху и говорит:

— Да она пришла. Да с ней все в порядке, — осматривает меня с ног до головы, хорошо, что под пальто не видно моего разорванного платья. — По крайней мере, визуально. Не знаю. Я перезвоню, — говорит она, как я понимаю, Леше. Только они могут так за меня беспокоиться. Она засовывает телефон в карман, скрещивает руки на груди и выжидающе смотрит на меня. Ксюха ждет от меня объяснений. Но мне ничего не хочется объяснять.

Я снимаю туфли и молча прохожу мимо нее, направляюсь в ванну и закрываюсь. Только там снимаю с себя пальто, срываю платье, белье. Включаю горячий душ, встаю под струи воды. Мои мышцы ноют, напоминая мне о вчерашней ночи. Мои глаза начинают щипать от подступающих слез, из горла рвется вой. Я не верю сама себе! О боже, я плачу! Это СЛЕЗЫ Я опять могу плакать! Я не плакала уже два года! Я просто не могла. Вы сочтете меня сумасшедшей, но я рада этим слезам и наслаждаюсь этим моментом. Начинаю рыдать в голос, оседая на пол душевой кабины. Мне действительно становится легче за все годы, прожитые без слез. Что со мной происходит? Я впервые себя не понимаю.

Через полчаса успокаиваюсь, закутываюсь в теплый халат. Выхожу из ванны. Прохожу в гостиную, Ксюша сидит на диване. На журнальном столике стоит чай. Сажусь рядом с ней на диван, кладу голову ей на плечо. Она вздыхает, обнимает меня за плечи. Мы какое-то время сидим молча, ни одна из нас не произносит ни слова.

— Я всю ночь была с ним, — решаюсь я нарушить тишину. Она разворачивает меня к себе, всматривается в мое лицо.

— Он тебя обидел, сделал больно?! — Обеспокоено спрашивает она. — Что он тебе сделал?!

— Он не сделал ничего против моей воли.

— А что тогда случилось? Тебе не понравилось?

— В том то и дело что все было великолепно! — устало говорю я, опуская голову на подушку.

— Тогда я вообще ничего не понимаю. — Говорит она, поглаживая меня по спине.

— Я сама себя не понимаю. Ты же у нас психолог, вот ты и скажи мне, что со мной происходит?

Ксюша долго смотрит на меня, потом неожиданно начинает улыбаться загадочной улыбкой. Похоже, она уже все сложила у себя в голове. Я вопросительно на нее смотрю, жду ответа. Что же ее во всем этом так радует? Она ничего не отвечает, качает головой. Забирает остывший чай и уходит на кухню. Я глубоко вздыхаю. Удобнее устраиваюсь на диване. Бессонная ночь дает о себе знать, и я погружаюсь в сон.

Просыпаюсь от громкого звона, доносящегося из кухни. Слышу, как Ксюша тихо ругается и Лешин голос, который ее одергивает. В комнате темно. Я что, проспала весь день? Медленно поднимаюсь с дивана, иду в ванну, умываюсь холодной водой. Прохожу на кухню, Ксюша готовит что-то очень вкусно пахнущее, от чего мой желудок скручивает, напоминая мне, что не ела целый день. Леша нарезает салат. На нем мой фартук, он очень смешно выглядит, и я не могу сдерживать улыбку. Они одновременно поворачиваются в мою сторону. Видя мою улыбку, тоже улыбаются.

— Блин, извини, не хотела тебя будить, — виновато говорит Ксюша.

— Да нет, надо было раньше меня разбудить. Я проспала целый день. Что готовишь? Тебе помочь?

— Да нет, у меня уже все почти готово. Лучше помоги Леше разобраться с салатом, — с хитрой улыбкой говорит она.

— А что я сделал не так? — обижено спрашивает он. — Помогай вам после этого.

Я забираю у Лешки овощи и продолжаю делать салат, думая о том, что же подруга сказала Леше на счет моего исчезновения. Ужин проходит гладко: мы разговариваем на отстраненные темы, обсуждаем предстоящую свадьбу. Выясняется, что с завтрашнего дня я назначена главной Ксюшиной помощницей по подготовке сего мероприятия. И мои возражения вообще не принимаются.

Не знаю, что подруга сказала Леше, но он ничего у меня не спрашивает. Я благодарна ей за это. Не хочу ему врать и правду тоже сказать не могу. Он брат Марка, и я боюсь, что он может меня не понять. Да что там, я сама-то себя не понимаю.

Всю следующую неделю я помогаю подруге в подготовке к свадьбе, параллельно пытаюсь работать. Сразу стоит сказать, что эта задача — не из легких. Ксюша оказывается очень капризной невестой. Теперь я понимаю Лешу, который не согласился в этом

участвовать, отделяваясь красивой фразой «Я полностью доверяю своей невесте. Все, что она делает, будет прекрасно».

С Робертом мы больше не встречались, но забыть о себе он тоже не позволял. Каждое утро в кабинете меня встречал новый букет цветов, который, если быть до конца откровенной, очень поднимал настроение. Эти цветы помогали выдержать Ксюхины капризы.

Сегодня суббота. Сегодня я не иду на работу, не помогаю, Ксюше, потому что сегодня должен состояться банкет в честь дня рождения сына Роберта. Я не хочу там находиться, встречаться с его семьей. Я просто не смогу смотреть в глаза его жене и сыну. Поэтому я остаюсь дома, ссылаясь на плохое самочувствие, доверив проведение праздника своему администратору.

Но, черт, еще раз убеждаюсь, что судьба ко мне не благосклонна. Мой администратор умудрился подвернуть ногу, поскользнувшись на полу кухни. И как бы я не хотела, мне придется ехать в кафе. Еще никогда в жизни я так долго себя не уговаривала, борясь с желанием все пустить на самотек, но деньги за праздник уже заплачены. Я не могу подрывать репутацию своего кафе.

И вот я здесь. На часах пять часов вечера, праздник в полном разгаре. Стою за стойкой бара, контролирую работу персонала и детских аниматоров. Как бы я не старалась не смотреть на происходящее, мои глаза жили собственной жизнью. Роберт не отходит от своего сына, участвуя с ним в играх и конкурсах. В отличие от других официально одетых людей, (что, кстати, кажется не уместно, это же детский праздник, а не благотворительный бал) на нем простые синие джинсы и белая футболка с мультяшными героями, точно такая же, как у его сына. Рядом с ребенком он выглядит другим человеком. Из опасного хищника он превратился в домашнего котика. Сама не замечая того, я улыбаюсь, наблюдая за ним. Судя по его поведению, он очень хороший отец. Чего нельзя сказать о его жене. На ней блестящее серебряное платье с очень глубоким декольте, которое она с гордостью всем демонстрирует.

Елена вообще не обращает внимания на своего ребенка, а гордо и с натянутой улыбкой принимает поздравления. Вальяжно расхаживает по залу, беседуя с гостями. Среди гостей замечаю мужчину лет шестидесяти с сединой в волосах. На нем дорогой костюм, который еле сходится на его животе. Примечателен этот мужчина тем, что все гости, особенно мужчины, крутятся возле него, заискивая. Ловлю себя на мысли, что мне очень знакомо его лицо, но ни как не могу понять, где я его видела. Я точно с ним не знакома.

— Я ты не знаешь кто это? — интересуюсь я у бармена, стоящего со мной.

— Так это Соколов.

— Кто? — не понимаю я, но фамилия тоже кажется знакомой.

— Соколов Владимир Иванович. Депутат законодательного собрания.

— Да, что-то припоминаю, — теперь мне ясно, почему вокруг него крутится столько народу. Каждый хочет, что-то урвать от этого знакомства.

— Поговаривают, что в девяностые он был в криминальных кругах. Тогда такие люди практически управляли страной. Да и сейчас, в принципе, ничего не изменилось. Все-то же самое, только легально.

— Откуда такие познания? Ты в девяностые был еще ребенком.

— Так это общеизвестные факты- как маленькому ребенку объясняет мне он — Ты что, вообще не интересуешься, кто у тебя праздники заказывает?

— Он ничего у меня не заказывал. Заказывала она, — я указываю на Елену.

— Так это его единственная дочь, насколько я знаю, — говорит он.

Елена — дочь Соколова? Ну, теперь понятно, откуда в ней столько высокомерия.

Ищу глазами Елену. Она общается с каким-то не очень молодым мужчиной. Громко смеется. Мужчина откровенно пялится на ее грудь, слегка приобнимает за талию, что-то шепчет на ухо.

Перевожу взгляд на Роберта: он полностью увлечен сыном, не замечая происходящего. Да уж, веселая у них семейка. А может у них свободные отношения? Кажется, сейчас это модно. Каждый гуляет на стороне и все всех устраивает.

Где то через час вся развлекательная программа с аниматорами заканчивается. Дети разбегаются кто куда по залу. Внимательно слежу за ними, чтобы ничего не произошло, ни с ними, ни с моим кафе. Замечаю сына Роберта, сидящего в дальнем углу зала возле окна. Он не играет с другими детьми, просто сидит и смотрит в окно. У него пухлые щечки, темные вьющиеся волосики. Он очень похож на своего папу. Почему он один? Когда были аниматоры, он играл с ними, но от него не отходил Роберт. Он кажется грустным. Ищу глазами его мать. Елена по-прежнему увлечена беседой и флиртом.

В конце детских праздников, когда все уже расходятся, мы дарим имениннику подарок от заведения. Как правило, это мягкие игрушки. Я решаю поднять ребенку настроение, подарив игрушку сейчас. Подхожу к мальчику.

— Привет, — говорю я, садясь с ним рядом. Он поднимает на меня свои большие круглые глазки, хлопая длинными пушистыми ресничками.

— Здравствуйте, — вежливо отвечает он.

— Меня зовут Лиза. А тебя?

— Илюша, — тихо говорит, стесняясь, выводит пальчиком узоры на скатерти стола.

— Тебе понравился праздник?

— Да, понравился, — уже смелее говорит он.

— А что тебе больше всего понравилось? — интересуюсь я, улыбаясь.

— Большие мыльные пузыри, пираты и торт. Он был такой большой, — восхищенно делится впечатлениями мальчик. Широко улыбаясь мне милой улыбкой.

— Ну, раз тебе все у нас понравилось, тогда тебе полагается еще один подарок, — говорю я, протягивая ему пакет.

— Спасибо, — смущаясь, забирает пакет из моих рук.

— О, еще один подарок! — слышу до боли знакомый голос позади. Роберт подхватывает Илью, сажает себе на плечи, от чего мальчик визжит и заливисто смеется. Мне становится неловко, как будто я вмещалась туда, куда не следовало.

— Ты сказал Елизавете «спасибо»? — спрашивает Роберт, смотря на меня тепло улыбаясь.

— Ее зовут Лиза! — говорит Илья, не понимая, что Елизавета — мое полное имя.

— Лиза, значит. Я смотрю, ты уже познакомился с красивой девушкой, — комментирует он, удерживая мой взгляд. В черных глазах появляются искорки.

— Извините, но мне надо идти работать, — сообщаю я официальным тоном. — До свидания.

— До встречи, Лиза. До скорой встречи, — хищно улыбаясь, говорит он.

— Да, — зачем-то соглашаюсь я и поспешно удаляюсь, что бы больше ничего не ляпнуть.

Весь оставшийся вечер я сижу в своем кабинете. Выхожу только перед закрытием. Домой решаю пойти пешком — живу я не далеко. Выхожу из кафе, прощаясь с персоналом, вместе со мной выходит Татьяна, жалуясь мне на мозоли от новых туфель. Я делаю вид, что слушаю и сочувствую, на самом деле — это не так. Мои мысли очень далеко от этого места. Прощаясь с Татьяной, провожаю ее взглядом, пока она, прихрамывая, идет к стоянке напротив кафе. Мои глаза замечают знакомый черный внедорожник, возле которого стоит ОН. Роберт прислоняется к внедорожнику спиной, закуривает сигарету и прожигает меня пронзительным взглядом своих обсидиановых глаз. Я стою на месте, не решаясь подойти. Перевожу взгляд на Танечку, которая садится в машину. Жду, когда она уедет. Она и так уже достаточно видела. Мне не нужно, что бы она начала распускать сплетни о том, что я сплю с женатым мужиком.

Наконец девушка уезжает. Я делаю нерешительные шаги в его сторону. Роберт выбрасывает окурочек, быстро преодолевает расстояние между нами. Подходит в плотную ко мне, подхватывает меня за талию, прижимает к себе. Я пытаюсь вырваться, но он сильнее. Не то, что бы я не хочу находиться в его объятиях, но мы стоим на улице напротив моего кафе, откуда выходят люди, с которыми я работаю. Они могут увидеть нас. И если ему все равно, то мне не нужна такая слава.

— Роберт опусти меня. Нас могут увидеть, — еле слышно шепчу я. Он ничего не говорит, прижимая меня еще крепче. Я неподвижно застываю, стараясь унять свое волнение. Его губы скользят по моему лицу, подбираются к уху.

— Пусть смотрят, мне не жалко, — говорит он мне на ухо.

— Но... — пытаюсь возразить, однако мои слова теряются, когда он прикусывает мою мочку. Я ахаю, цепляюсь за его плечи от наплывших чувств.

— Никаких «но». Тебе надо меньше думать, отпусти все это, — продолжает шептать мне в ухо. Я глубоко вдыхаю его мускусный запах с нотками сандала, пытаюсь успокоить свой сердечный бунт.

— Просто отвези меня домой, — тихо говорю я.

— Хорошо, как скажешь. — Обжигает мои губы мимолетным поцелуем. Отпускает меня, берет за руку и ведет к машине. Открывает заднюю пассажирскую дверь. Он запомнил, что я не езжу спереди и до сих пор не задал ни одного вопроса. Надеюсь, все так и останется, потому что я не смогу ему этого объяснить.

Он садится в машину, поворачивается ко мне и вопросительно на меня смотрит. Я пристегиваю ремень, он улыбается, продолжая на меня смотреть. Черт, чего он хочет?

— Адрес, Лиза. Скажи мне свой адрес? — нежно говорит он, протягивает руку, захватывает мой подбородок, проводит пальцами по моим губам, вынуждая их открыться. О, Боже! О чем он спросил? Он видит мое замешательство, усмехается, убирает руку.

— Назовите мне свой адрес, Елизавета Андреевна, — говорит он, игриво качая головой. Ах да, точно. Адрес.

Я называю свою улицу. Роберт заводит машину и везет меня домой. Всю дорогу я стараюсь не смотреть в его сторону. Но черт, это так сложно. Иногда Роберт ловит мой взгляд в зеркале заднего вида. Улыбается уголками губ. Мы довольно быстро доезжаем до моего дома. Роберт паркуется возле подъезда. Выходит из машины, я выхожу следом за ним. Он подходит ко мне, берет за руку, поглаживает мое запястье.

— Может, пригласишь меня на чашку кофе? — говорит он, и, не дожидаясь моего ответа, тянет меня в сторону подъезда. И зачем тогда было спрашивать меня, если мой ответ

ему не нужен?

Мы добираемся до моей квартиры. Я открываю дверь, молча молюсь про себя, что дома не оказалось Ксюши или, еще хуже, Ксюши вместе с Лешей. Раньше я не жаловалась на их неожиданные визиты. У Ксюши есть ключ от моей квартиры на крайний случай. Но крайний случай не наступал, а пользуется она им часто. Мы заходим в квартиру. Слава Богу, там никого не оказывается. Роберт помогает снять мне пальто, снимает свою куртку. На нем по-прежнему темно синие джинсы, но вместо забавной футболки, белый джемпер с V-образным вырезом. Опять в белом?

Мы проходим в гостиную. Роберт без приглашения садится на диван, я просто застываю посреди комнаты, не зная как вести себя дальше.

— Ну что, угостишь меня кофе или нет? — спрашивает он, приподняв брови.

— Да, конечно. Только кроме кофе у меня ничего нет, — виновато говорю я.

— А ничего больше и не нужно, все уже есть.

Я поспешно удаляюсь на кухню. Достаяю кофе, заправляю кофе-машину. Упираюсь руками в кухонную стойку. Слышу, как Роберт заходит на кухню. Я застываю, нервно сглатываю. Господи, ведь у нас уже все было, почему я продолжаю так на него реагировать? Он подходит ближе. Я стою спиной к нему, не решаясь обернуться. Он совсем рядом, я чувствую его теплое дыхание. Он не прикасается ко мне, но мне и не надо. Каждая клеточка моего тела чувствует его. Я сумасшедшая! Боже, это хотя бы лечится?

Все вокруг исчезает, кроме этого мужчины только ОН!

Его руки обвивают мою талию. Роберт аккуратно отодвигает мои волосы. Слегка тянет их, открывая себе доступ к моей шее. Его мягкие губы оставляют влажную дорожку поцелуев от уха до ключицы.

— Ты опять от меня сбежала. Почему? — шепчет он в мою шею, обжигая меня своим дыханием.

— Я не сбежала, просто меня срочно вызвали на работу, — вру я

— Надо было меня разбудить, я бы тебя отвез, — парирует он, прикусывая чувствительное местечко за моим ухом.

— Я не хотела тебя будить, ты так крепко спал, — дрожащим голосом оправдываюсь я. Вдыхаю тяжелый аромат его парфюма, по моему телу пробегает дрожь. Его руки скользят по моему телу. Становится невыносимо жарко. Я хочу утонуть и раствориться в его объятиях. Его руки забираются под мою блузку, ласкают мой живот. Чувствую ягодицами его возбуждение. Руки Роберта сжимают мою грудь, вызывая у меня стон удовольствия. Он резко разворачивает меня к себе, впивается в мои губы, дразнит меня языком. Я отвечаю ему, втягиваю нижнюю губу, ласкаю языком. Его рука зарывается мне волосы, оттягивая мою голову назад. Прикусывает мою губу. Роберт отстраняется, удерживает меня за волосы, смотрит мне в глаза. Просто умираю от одного его взгляда. Он хватает меня за бедра, прижимает к себе, я чувствую его желание. Его глаза затуманены страстью. Роберт резко отстраняется от меня. Отходит к противоположной стене, облакачивается на нее, скрещивает руки на груди и просто смотрит на меня. Я уже ничего не понимаю. Делаю нерешительные шаги в его сторону.

— Стой! Оставайся там! — властно говорит он.

А? Что за игру он затеял? Я останавливаюсь, тяжело дышу, смотрю на него. Что же будет дальше?

— Расстегни блузку, — приказывает он.

— Что? — недоумеваю я. Хочет посмотреть стриптиз?

— Ты слышала меня, Лиза!

Я начинаю медленно расстегивать блузку, с дрожащими руками — это очень сложная задача. Я, наконец, справляюсь. Опускаю руки, смотрю на него.

— Сними ее! — следует очередной приказ. Блузка летит на пол.

— Хорошо, — говорит он, хищно улыбаясь. — Теперь бюстгальтер.

Завожу руки за спину, расстегиваю лифчик, медленно снимаю его, бросаю на пол. Грудь обжигает холодный воздух. Мои соски тут же напрягаются. Роберт торжественно смотрит на меня. У меня захватывает дух. Желание горячей волной пробегает по моему телу.

— У тебя очень красивая грудь, Елизавета, — с придыханием говорит он. Его язык пробегается по нижней губе.

— Поласкай свою грудь. Хочу посмотреть, как ты это делаешь.

Вот какую игру он затеял! Черт, я никогда такого не делала. Боюсь выглядеть нелепо. Медленно поднимаю руку. Глажу свою грудь.

— Обведи пальчиком соски и сожми их! Они просто требуют внимания, — Шепчет он с хрипотцой в голосе.

Я делаю все так, как он говорит. Обвожу пальцем вокруг соска, чуть сжимая его. Прodelываю тоже самое на второй груди. Черт! Под его пристальным взглядом мне холодно и жарко одновременно. Я запрокидываю голову, закрываю глаза, продолжая ласкать грудь. Прикусываю губы, пытаюсь заглушить рвущейся из груди стон.

— Ты так прекрасна! Не кусай свои губки, не сдерживайся, покажи, как тебе хорошо.

И вдруг я слышу пронзительную мелодию его телефона, она громким звуком врывается в комнату, разрушая мою эйфорию. Я распахиваю глаза, застываю на месте. Роберт ругается сквозь зубы. Вытаскивает телефон из кармана. Долго смотрит на дисплей.

— Извини, мне надо ответить, — говорит он. Выходит из кухни.

— Алло! — раздраженно кричит из гостиной. Кто бы это ни был, я бы не хотела оказаться на его месте.

Я поднимаю свою блузку с пола. Быстро надеваю ее, застегиваю все пуговицы. Прислушиваюсь к разговору в гостиной.

— Ясно! Соберите его вещи, через пару часов я приеду и заберу его. Да! — кричит он на всю квартиру.

Я тихо захожу в гостиную. Останавливаюсь в дверях, не решаясь пройти дальше. Роберт стоит у окна, смотрит на ночное небо. В руках у него телефон, он набирает чей-то номер. Долго ждет. Видимо там не отвечают. Сбрасывает звонок, набирает еще раз. Нет ответа. И еще раз. Он сбрасывает звонок.

— СУКА!!! — зло кричит он, бьет кулаком в стену возле окна.

Я вздрагиваю. Вскрикиваю, не от испуга, а скорее, от неожиданности. Что его так разозлило? Что случилось? Роберт застывает, медленно разжимает кулак, поворачивается ко мне. Его брови опущены и сведены вместе, губы сжаты. Кажется, каждый мускул его тела напряжен. Да что же его так разозлило? Он смотрит на меня, а мне хочется спрятаться от его тяжелого взгляда. Роберт зажмуривает глаза. Глубоко вдыхает. Открывает глаза, Его лицо становится чуть мягче. Он подходит ко мне. Обнимает меня, прижимает к своей груди. Я слышу, как часто стучит его сердце, его грудная клетка поднимается и опускается в такт тяжелому дыханию. Он утыкается мне волосы, целует их. Глубоко вдыхает.

— Прости. Я тебя напугал. Я не хотел, — говорит он в мои волосы и еще крепче меня

сжимает. Я обнимаю его в ответ, нежно глажу его спину, пытаюсь чуточку успокоить. Он немного отстраняется, смотрит мне в глаза. Я поднимаю руку, кладу ладонь на его щеку. Роберт отрывает мою руку от своей щеки и целует мою ладонь.

— Что-то случилось? — тихо спрашиваю я.

— Да. Что-то случилось, — вздыхает он. — Не бери в голову, это мои проблемы. И мне надо идти их решать, — устало произносит он. Нежно целует меня в губы. Берет меня за руку, ведет коридор. Отпускает меня. Быстро одевается. Подходит ко мне, еще раз целует, поглаживает по лицу.

— Я позвоню, — говорит он, пытаюсь мне улыбнуться.

— У тебя все будет хорошо? — с беспокойством спрашиваю я.

— Да, все будет хорошо, — отвечает он, и, кажется, сам себе не верит. Господи, да что же с ним происходит?

Он разворачивается и быстро уходит, захлопывая за собой дверь. Я поворачиваю замок. Захожу в гостиную, подхожу к окну. Смотрю во двор. Через минуту Роберт буквально вылетает из подъезда, разговаривая с кем-то по телефону. Он быстро садится в машину и с визгом покидает стоянку.

ГЛАВА 5

Роберт

Выбегаю из подъезда, на ходу набирая номер Дана. Мне нужно знать, где находится эта ТВАРЬ! Сажусь в машину, выезжаю со стоянки на предельной скорости. Куда я мчусь? Я еще не знаю, где находится эта сука. Но нервы просто на пределе. Мчусь в сторону центра. Я знаю, Елена где-то там. Но где? Дан наконец отвечает на звонок. Вот сейчас то он мне и расскажет, где я убью эту мразь.

— Пробей мне телефон этой суки! Найди мне ее! — кричу я. Дану не надо объяснять, про кого я говорю, он слишком хорошо меня знает и не первый раз ищет Елену.

— Ты знаешь, что это незаконно? — говорит он насмешливым тоном.

— Дан, просто найди ее и побыстрее! Мне сейчас не до шуток!

— Хорошо, хорошо, уже ищу. Тебе повезло, что я еще в офисе. Что она в этот раз натворила? — уже серьезно спрашивает он.

— Она опять накачалась дурью и свалила с каким-то мудаком! Опять взялась за старое, а скорей всего она и не завязывала, просто хорошо скрывала.

— Тебе опять настучал твой шпион, — смеется он.

«Мой шпион» — это няня моего сына, Ирина Александровна. Она — практически вторая мать Илье. Женщина проводит с моим сыном гораздо больше времени, чем Елена.

У нее особая неприязнь к наркотикам. Ее единственный сын был наркоманом, пока не умер от передозировки. Первый раз она заметила пристрастия Елены ещё два года назад. И посчитала нужным сообщить об этом мне.

Тогда Елена клялась, что это было лишь один раз. Закатила истерику, как всегда, обвиняла во всем меня. Я думал, в прошлый раз доходчиво ей объяснил, что больше не потерплю ее пристрастие к наркотикам.

Ненавижу наркоманов. Они гниют изнутри. Они — ходячие, дышащие трупы. Они мертвы как физически, так и морально.

Если быть до конца откровенным, Елена для меня не так важна. Если бы не было сына, мне было бы абсолютно плевать, где она, с кем, как деградирует, убивая себя. Но она — все

же мать моего ребенка, не очень хорошая, но мать. Я не хочу, что бы потом моему сыну тыкали, что его непутевая мамаша сдохла от передозировки.

Дан довольно быстро определяет район нахождения Елены. Там только одно место, где она может находиться. Клуб «Лавина». Место для сборища дилеров и дешевых шлюх.

В считанные минуты доезжаю до клуба. Охрана на входе ни какая, пропускает всех подряд. Залетаю в клуб, сканирую толпу. Понимаю, что ее здесь, скорее нет. Подхожу к бару, заказываю двойной виски, залпом выпиваю. Узнаю у бармена, где находятся vip-комнаты. Иду туда. Открываю первую. Пустая. Вторую. Бинго! Мне сегодня везет.

В комнате с бордовыми обоями, зеркальным потолком, на кожаном черном диване сидит какой-то малолетний мудака, на вид ему лет двадцать-двадцать два не больше. У него на коленях расположилась моя жена с обнаженной грудью, которую тискает этот урод. Ревную ли я? Нет. Мне абсолютно плевать, кто ее трахает. Они слишком увлечены процессом, чтобы заметить меня.

Смотрю на стеклянный низкий стол перед ними, на маленьком зеркале остатки белого порошка, красное вино, фрукты. И бюстгальтер моей жены. Прямо картина маслом! Хоть фотографируй и отправляй ее папочке, чтобы полюбовался на свою замечательную, любимую дочурку.

Резкий хлопок дверью приводит в чувства одурманенную алкоголем и наркотой парочку. Елена соскакивает с колен своего хахала и с недоумением в глазах отстраняется от него. Возбужденный и не понимающий происходящего, парень хватает ее за руку. Она честно пытается вырваться. С равнодушием наблюдаю всю эту мерзкую картину. До чего же она низко пала. Пренебрежение проходит током по спине. Наконец то, придя в себя, этот урод бросает на меня враждебный взгляд. Ненависть и злоба, подогретые алкоголем, делают свое дело. Он не обдуманно делает два резких шага в мою сторону. Резкий замах правой рукой. Мышечная память тут же срабатывает уклоном и ответным ударом на встречу. Он тут же обмяк и мешком свалился на пол. Жаль, что этот слабак не дал мне выплеснуть весь негатив, накопленный за этот день, хорошая разрядка мне бы не помешала.

— Пошел вон, — спокойным, ровным тоном говорю я. Он приходит в себя, поднимается и уходит. Смотрю на Елену. Она сидит на диване с голой грудью, зрачки расширены, на лбу испарина, на носу остатки порошка. Да она убитая в хлам!

Елена вальяжно закидывает ногу на ногу. Берет бокал вина, отпивает глоток. Дурь ей придает смелости и уверенности. На моем лице маска непроницаемости. Единственное, что выдает мое состояние, — это напряженные мышцы.

— Оденься, — приказываю я все тем же ровным тоном.

— Тебе не нравится моя грудь? — С усмешкой интересуется она, выставляя свои сиськи вперед. — А раньше нравилась. Так ты присмотришься, в ней ничего не изменилось.

Твою мать! Да она возомнила себя бессмертной! Я медленно подхожу к дивану смотря в ее затуманенные глаза. Сметаю все со стола. Звон стекла эхом отдается по комнате. Брызги вина разлетаются, обливая ее. Елена роняет бокал, и бордовая жидкость заливает подол ее платья.

Хватаю эту тварь за горло. Сжимаю. Она впивается своими наманикюрными ногтями мне в руки, расцарапывая кожу в кровь. Хватает ртом воздух, пытается что-то сказать. Я усиливаю хватку, слова застревают у нее в горле.

— Слушай. Меня. Внимательно. Сейчас ты оденешься. Встанешь. И едешь со мной домой. Закрой глаза, если поняла!

Она закрывает глаза и тут же открывает. Медленно разжимаю руку. Отхожу от нее на несколько шагов. Елена хватается ртом воздух, тяжело дыша.

— Ты, долбаный псих! Что ты творишь? Ты чуть меня не задушил! — хрипит она. Похоже, она меня не поняла. Что ж придется объяснить еще раз.

Резко хватаю ее снова за шею. Впечатываю в стену.

— Я забыл уточнить. Ты не разговариваешь, даже не смотришь в мою сторону. Или я за себя не отвечаю, — сквозь зубы цежу я. — Поняла меня?! — она кивает. Отпускаю ее.

Елена откашливается, потирает свою шею, на которой наверняка останутся синяки. Молча. Одевается, берет свою сумку. Хватаю ее за предплечья, веду за собой. Выходим из клуба, я открываю дверь машины, впихиваю ее на переднее сидение. Со всей силы захлопываю дверь перед ее носом.

Какое-то время едем молча. Елена достает из сумки свой телефон и начинает с кем-то переписываться. Внутри все закипает. Сжимаю руль так, что, кажется, он начинает трещать у меня в руках. Не могу найти ни одного нормального чувства к этой женщине. Испытываю только злобу, ненависть, омерзение, презрение...

— Я забираю Илюшу, — говорю я, глубоко вдохнув, чтобы не сорваться и не убить ее.

— Да, конечно, мы же договорились, что ты забереешь его утром, на две недели. Я помню, — она не смотрит на меня, продолжая писать в телефоне.

— Нет. Ты меня не поняла. Я забираю его прямо сейчас! — не выдерживаю, кричу.

— Ну сейчас, так сейчас. Какого хрена ты орешь? Я не глухая. Успокойся, — Елена поворачивается ко мне, кладет руку на мою ногу и начинает ее поглаживать. — Не нервничай. Ты такой ревнивый. Ты знаешь, я не жалею о своем поступке. Это стоило того. — Рука Елены медленно ползет к моему паху.

Похоже, наркота вообще отшибает ей мозги и инстинкт самосохранения. Пора ей кое-что объяснить!

Резко сворачиваю на обочину. Останавливаюсь. Хватаю ее запястье. Сжимаю. Ей больно, она кривится, но мочит, с вызовом смотрит мне в глаза. Поддается ко мне, облизывает свои надутые губы.

— Хочешь сделать это здесь, прямо на дороге? Вспомнить старые времена? Так ты же знаешь, я только «за». Давай, сделай это жестко, как ты любишь, — тянется к моему лицу. В нос бьет запах алкоголя с примесью ее тошнотворных духов. Хватаю ее за волосы, отстраняю о себя.

— Не лъсти себе! Ты путаешь чувство отвращения с ревностью. Мне все равно, кто тебя имеет, мне глубоко плевать на то, что ты травмируешь себя дурью. Просто отдай мне ребенка, и ты — свободная женщина, можешь катиться на все четыре стороны. Он все равно тебе не нужен, — шиплю ей в лицо, отталкивая от себя.

Прикуриваю сигарету. Открываю окно, впуская холодный свежий воздух, которого сейчас катастрофически не хватает. Елена откидывается на спинку сиденья и начинает смеяться. Ее смех переходит в истерику и рыдания. Вот и вторая стадия нашего диалога. Все как всегда! Ничего нового! Сейчас пойдут взаимные упреки, оскорбления и угрозы.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять!

— Да тебе всегда было плевать на меня! Признайся, ты никогда меня не любил. Ты женился на мне ради своей выгоды, — истерически кричит она. Хочется просто зажать уши руками. — Ребенка ты никогда не получишь! Даже не мечтай! Развод тоже! И даже не пытайся ничего предпринять! Иначе ты вообще больше никогда не увидишь Илью. И своего

бизнеса тоже!!! — что я и говорил. Она до ужаса предсказуема.

Никак не реагирую на ее слова, продолжаю курить и смотреть в окно, на проезжающие мимо машины. Все это я слышал миллион раз. Елена не оригинальна в своих угрозах. Не стоит сказать, что ее угрозы не беспочвенны. Если она захочет, ее папаша все это организует. Поворачиваюсь к ней. Смотрю, как черные мокрые дорожки слез катятся по ее лицу. Она размазывает их. Я даже жалости к ней не чувствую! Ничего не испытываю кроме отвращения! Она успокаивается. Берет мои сигареты, прикуривает. Ее трясет. Действие кокса заканчивается.

— Елена, не смей мне угрожать! Ты шантажируешь меня ребенком. Это ребенок. Не игрушка, Не котенок. Понимаешь? Ребенок. Твой Сын. Нельзя с помощью него манипулировать мной. — Пытаюсь объяснить ей, что она мать. Но вижу, что мои попытки тщетны. Это бесполезно. Она любит только себя. — Елена, я предупреждал тебя на счет наркоты? Предупреждал! — опять закипаю я.

— А тебе то что? Ты сам только что сказал, что тебе на меня плевать.

— Мне не плевать на нашего сына! Я не хочу, чтоб его мать была наркоманкой!

— Не преувеличивай! Я не наркоманка! Я просто хотела немного расслабиться. Ты сам в этом виноват. Ты не живешь со мной. Уже год не спишь со мной. Я устала! Понимаешь, устала! — Она опять начинает рыдать. Но ее слезы меня не трогают, больше раздражают.

— И сколько раз в неделю ты расслабляешься? Или лучше спросить, сколько раз в день? От чего, позволь спросить, ты так устала, а, Елена!? От чего, твою мать, ты УСТАЛА!? — опять срываюсь я. Подаюсь к ней, заношу кулак, бью в спинку кресла рядом с ее лицом. — СУКА!!!

Елена вся сжимается. Зажмуривает глаза. Закрывает рот руками, заглушая свои вопли. Отстраняюсь от нее. Выхожу из машины. Тру лицо руками, пытаюсь прийти в себя. Закрываю глаза, начинаю глубоко дышать.

Я устал от этой женщины. Но она в этом не виновата. Виноват только я. Елена всегда была такой, она не поменялась. Я осознавал, на ком женюсь. Но меня это не остановило. Все зашло слишком далеко.

Возвращаюсь в машину. Елена. Сидит молча. Смотрит в одну точку, тихо всхлипывая. Вот и третья стадия: полная отрешенность, уход в себя. Слава богу, я ждал эту стадию. Теперь можно спокойно доехать до дома, она не скажет ни слова.

Останавливаюсь возле ворот. Глушу двигатель. Елена сидит в той же позе. Набираю номер няни, прошу выйти ее вместе с Илюшей к машине. Елена поворачивается ко мне, долго смотрит на меня. Вздыхает и говорит:

— Через две недели я улетаю на Бали. Может... — она останавливается, опять вздыхает, молчит около минуты, потом продолжает. — Я тут подумала. Может, мы попробуем начать все сначала? Помнишь, как в наш медовый месяц? Как будто ничего и не было. Я прошу всех твоих шлюх. Может...

— Нет, Елена, не может. Что ты несешь? Ничего не вернуть. Да и возвращать-то, собственно говоря, нечего, — прерываю ее бред. Она отворачивается от меня, долго смотрит в окно.

— Значит, я права. Дело не в наркотиках, не в моем характере. Или в чем-то другом. Ты просто меня никогда не любил, — тихо говорит она, не поворачиваясь ко мне.

Я молчу. Что я могу ей сказать? Она права. Я не любил. А есть ли вообще эта любовь? Только она ошибается, она тоже не умеет любить. Даже собственного ребенка она так и не

научилась любить.

Из ворот выходит Ирина Александровна, неся спящего Илюшу на руках. До чего мы дошли, дергаем ребенка среди ночи. Выхожу из машины, забираю сына. Целую моего мальчика в пухлую щечку. Аккуратно кладу его на заднее сидение. Предлагаю подвезти няню до дома, нам все равно по пути. Елена выходит из машины. Подходит к воротам. Оборачивается.

— Две недели, Роберт. Через две недели Илюша должен быть дома! Надеюсь, ты не будешь ничего усложнять. И да, кстати, мой отец приглашает нас в среду на ужин. И ему очень не понравится, если я приду одна. Это и в твоих интересах тоже, — она разворачивается и уходит.

Я остаюсь стоять возле машины. Усмехаюсь сам себе. В моих интересах. Черт бы побрал эти интересы. Я так сильно увяз во всем этом, что уже, кажется, никогда не выберусь.

На следующий день отвожу Илью к родителям. Два дня провожу там, наслаждаясь общением с сыном, природой, свежим воздухом. Мама балует нас вкусной едой. Хожу с отцом на рыбалку. Но как бы хорошо и комфортно мне там не было, приходится возвращаться к реальности.

По приезду в город первым делом еду в клуб. Целый день провожу за работой. Выкидываю все мысли из головы, концентрируюсь на работе. После обеда ко мне заходит Яна с накладными и документами на подпись. На ней как всегда строгий костюм, белая блузка. Волосы, собраны в конский хвост.

В течение следующего часа обсуждаем с ней рабочие вопросы. Когда все решено, Яна не уходит. Она пересаживается на диван, смотрит на меня пристальным взглядом.

— И где ты пропадал? — спрашивает она, расстегивая две верхние пуговицы на блузке.

— В каком смысле пропадал? Мы виделись с тобой два дня назад в этом кабинете, — делаю вид, что не понимаю.

— Ты знаешь, о чем я спрашиваю, Роберт! — говорит она, растягивая мое имя. Я знаю. Я понимаю, что она делает и чего хочет. Но она мне больше не интересна в плане секса. Я уже не хочу ее. Наигрался. Не хочу ее обижать. Но я никогда ничего ей не обещал. Да и она не наивная девочка.

Встаю из-за стола, подхожу к бару, наливаю немного виски. Кручу бокал в руках, обдумывая, как мягче ей преподнести эту новость. Яна неправильно понимает мои действия. Она плотоядно улыбается, облизывает губы.

— Что-то здесь жарко, тебе не кажется? — игриво спрашивает она, снимая пиджак. Кладет его на стол и как бы невзначай толкает пепельницу. Хрусталь со звоном разлетается на мелкие кусочки.

— Ой, извини, я не хотела, — с притворным ужасом, говорит она. Черт. Это будет сложнее, чем я думал.

— Не извиняйся. Эта пепельница не так мне дорога, — покручиваю бокал в руках, смотрю на осколки. Яна в недоумении смотрит на меня. На ее лице отражаются несколько эмоций: недоумение, непонимание, удивление.

— Что-то случилось? — спрашивает она, хмуря брови.

— Ничего не случилось, все нормально, — отвечаю я, смотря ей в глаза.

— Почему я тогда до сих пор не наказана за этот опрометчивый поступок? — говорит она, указывая на осколки стекла. — Раньше я бы уже, как минимум, стояла на коленях. Или

ты затеял какую-то новую игру?

— Нет, Яна. Никакой игры я не планировал. Мы больше не играем. Любая игра, когда-нибудь, заканчивается. Вот и наша игра подошла к концу. Я надеюсь, это никак не повлияет на твою работу. Не хотелось бы терять столь ценного сотрудника. — Отпиваю виски, жду реакции.

— Что?! Ты меня бросаешь?!

— Нет, Яна, я тебя не бросаю. Что бы кого-то бросить, нужно быть с человеком. Мы не были вместе, нас связывала только работа и секс. Сейчас ограничимся только работой, — допиваю виски, прикуриваю сигарету. Яна встает с дивана, сама себе наливает коньяка. Подходит ко мне. Смотрит в глаза.

— Ты кого-то себе нашел? — со злой усмешкой спрашивает она. Отхожу от нее, сажусь за рабочий стол. Яна поворачивается, приподнимает брови. Ждет ответа.

— Это никак тебя не касается! — огрызаюсь я, не собираясь перед ней отчитываться.

— Значит, нашел! — утвердительно говорит она. Медленно идет ко мне. Встает позади меня, кладет руки мне на плечи, массируя их. — Ты же знаешь, я не против твоих связей с кем-либо, но не разрывай нашу игру. Ты же знаешь, мне это не обходимо. Ты прекрасно знаешь, как мне трудно найти партнера.

— Нет, Яна. Я все понимаю, но — нет. Давай закончим этот разговор, — сбрасываю ее руки с моих плеч.

— О, хотелось бы мне посмотреть на эту женщину, ради которой ты разрываешь все связи. Ты и по шлюхам больше не будешь ходить, да? Может, ты еще и с Еленой разведешься? — с ехидной улыбкой роняет она.

— ЯНА! Остановись! — взрываюсь я, бью кулаком по столу. — Ты забываешься! Сейчас я сделаю вид, что ты ничего не говорила, спишу все на твою обиду. — Поднимаюсь с кресла, иду к бару, наливаю еще виски. Сажусь на диван, делаю глоток. Закрываю глаза, глубоко вдыхаю.

Я думал, с Яной будет проще. Но, черт, еще раз убеждаюсь, что все женщины одинаковы. Яна садится рядом со мной на диван, кладет руку мне на ногу, чуть сжимает.

— Прости. Я просто немного разочарована. Ох, я не знаю что со мной. Ты просто только что оставил меня без качественного секса, — грустно усмехается она, откидывая голову на спинку дивана.

— Яна, ты — красивая, сексуальная женщина. Если ты захочешь, все мужчины будут у твоих ног, стоит только тебе щелкнуть пальцами, — уже спокойно говорю я.

— В том то и дело, что у ног хочу быть я! — смеется она. — Где мне взять такого мужчину, который удовлетворит все мои запросы? Не в интернете же мне его искать, — вздыхает она.

Я молчу. Она права, но я уже ничем не могу ей помочь. Все мои мысли занимает одна женщина, на данный момент я хочу только ЕЕ. Она въелась мне под кожу, и потекла по моим венам. Я совершенно ее не знаю. У меня много вопросов, на которые я хочу получить ответы. Она — загадка, которую я хочу разгадать. Елизавета не так проста, как кажется.

Почему она не ездит на переднем сидении? Откуда у нее шрам на животе? Это как-то связано? Как в таком молодом возрасте она стала хозяйкой столь успешного заведения? Богатые родители? Подарок мужчины? Черт, от мысли, что это подарок богатенького любовника, все внутри закипает. Ход моих мыслей прерывает Яна.

— Кто она? — спрашивает Яна. Я ничего не отвечаю, глубоко вдыхаю.

— Ясно! Можешь не отвечать, — в ее голосе слышны нотки сожаления. — Наверное, сейчас мне стоит, как положено нормальной женщине, закатить тебе истерику, обозвать тебя козлом и мудаком. — грустно усмехается она. Послать тебя, куда подальше, уйти, хлопнув дверью. А потом напиться с подругами, перебивая тебе кости. И всю ночь плакать в подушку. — Мы смеемся уже вместе. Нет, я все-таки не ошибался в этой женщине.

— Тогда, наверное, мне стоит произнести банальную фразу: «Давай останемся друзьями».

— Тогда мне, наверное, стоит послать тебя куда подальше.

— Пошли, если тебе от этого станет легче.

— Да нет, я, наверное, воздержусь. Ты все-таки мой начальник. — Яна встает с дивана, надевает пиджак, застегивает верхние пуговицы на блузке, поправляет прическу. — Ладно, раз тебе больше нечего мне предложить, тогда я пойду, поработаю, как ценный сотрудник, — повторяет мои же слова.

— Очень ценный, — усмехаюсь я.

Елизавета

Два дня. Прошло всего два дня. Он так и не позвонил. Два дня я думаю о нем. Не нахожу себе места. Что у него случилось? Боже, надеюсь, с ним ничего плохого не произошло. Два дня я спорю сама с собой, уговариваю себя перестать думать о нем. В сотый раз порываюсь набрать его номер сама. Но во время себя останавливаю. Да что со мной такое?! «Перестань, Лиза! Прекрати сейчас же! С ним все хорошо. Настолько хорошо, что он и думать про тебя забыл» говорю я сама себе. Но мое глупое сердце не слушает.

Пытаюсь отвлечься от навязчивых мыслей. Целый день провожу с Ксюшей, занимаясь подготовкой к свадьбе. Мы выходим из очередного цветочного магазина. Ксюше, как всегда, ничего не нравится. Все букеты для невесты, предложенные флористами, ей не по душе, но и объяснить им, что она хочет, она тоже не может. По ее словам, она должна увидеть этот злосчастный букет и влюбиться в него. Иногда мне просто хочется убить свою подругу. Но я стойко переношу очередные Ксюшины капризы. В конце концов, это помогает мне какое-то время не думать. О НЕМ. Мы идем к ее машине. Подруга что-то бурчит о бездарности флориста.

— Дюймовочка!!! — слышим грубый мужской голос позади. Одновременно оборачиваемся. Видим надвигающегося на нас амбала из клуба, с которым напилась Ксюша. Он подходит к нам, улыбаясь лучезарной улыбкой. Смотрю на подругу: на ее лице точно такая же улыбка, она вот-вот треснет от радости.

— Ну, здравствуй, красавица. Вот я тебя и нашел, — говорит он, протягивая ей руку. Ксюша пожимает его ладонь. Рукопожатие затягивается.

— А ты меня искал? — с хитрой улыбкой спрашивает она. Они стоят, держась за руки. И, похоже, им так очень даже комфортно. Интересно. А что вообще происходит?

— Конечно искал, ночей не спал, постоянно думал о тебе, — усмехается он. — Ты так быстро тогда убежала из клуба, оставила меня одного. А я скучал, Дюймовочка. — Ксюхина улыбка становится еще шире. Меня они как будто вообще не замечают.

— Ты называешь меня Дюймовочкой, потому что не можешь вспомнить, как меня зовут, Дан? — смеется она, подчеркивая его имя. Дает понять, что она помнит, как его зовут. — И кстати, почему Дюймовочка?

— Я помню, как тебя зовут, Ксения. — Он тоже намерено выделяет ее имя. — Просто ты похожа на Дюймовочку, — говорит он, откровенно осматривая ее.

Они, наконец, отпускают свои руки. Вся эта ситуация немного бесит меня, они откровенно флиртуют друг с другом, продолжая мило беседовать. Он просит у нее номер телефона. Подруга, не задумываясь, называет свой номер. Дан протягивает ей свою визитку.

Дан — друг Роберта. Порываюсь просить о мужчине, который не покидает моих мыслей вот уже долгих два дня. Слова практически слетают у меня с языка, но я до боли прикусываю губы, что б не сделать этого. Господи, как у этого мужчины получилась за такой короткий срок занять все мои мысли. Мне нужно выкинуть его из головы.

Ксюша продолжает мило щебетать. Она рассказывает Дану, что скоро выходит замуж. И приглашает его на свадьбу в качестве друга. О, боже, зачем она это делает, после того как Леша видел ее фото с ним. Дан просит передать поздравления счастливому жениху, и обещает, что обязательно придет, и будет тем, кто по традиции украдет невесту. На что подруга только закатывает глаза. Они, наконец, прощаются. Дан подходит к низкой спортивной машине, садится в нее. Выезжает со стоянки, сигналист нам. Ксюша машет ему рукой.

— Что это было? — осуждающе спрашиваю я, смотря в ее светящиеся глаза.

— Что? — она делает вид, что не понимает. Или она действительно не осознает своей реакции на этого мужика.

Ничего не отвечаю, просто качаю головой. Сегодня я так устала, что у меня нет сил читать ей нотации о том, как должна вести себя без пяти минут замужняя женщина.

Чувствую слабость в теле, пульсирующую боль в висках. Мышцы ноют так, словно я пробежала марафон. Подруга замечает мое состояние.

— Что с тобой? Я тебя совсем измотала, да? Ты выглядишь такой усталой и бледной, — подруга прикасается к моим щекам. Трогает лоб. Хмурится. Наверно я действительно плохо выгляжу. — Да ты заболела! Ты вся горишь. У тебя температура! И ты молчишь! Лиза, нельзя же так! — она отчитывает меня как маленькую девочку, напоминая мне мою маму.

— Прости, я не чувствую, что у меня жар. Думала, что просто усталость, — виновато говорю я.

— Так, немедленно садись в машину. И жди меня там. Я быстро. Только забегу в аптеку, — говорит она, вручая мне ключи от машины. Пытаюсь возразить, но она не дает мне сказать ни слова. Быстро убегает со стоянки в сторону торгового центра.

Сажусь в машину. Меня начинает лихорадить. Мне холодно. Плотно закутываюсь в пальто, обнимаю себя руками. Как меня угораздило заболеть? Хочу побыстрее оказаться дома, в своей кровати. Меня клонит в сон. Перед глазами все плывет. Закрываю глаза. Не знаю, сколько времени так сижу. Чувствую прикосновение холодных рук к моему лицу. Открываю глаза, пытаюсь сфокусироваться, вижу обеспокоенный взгляд подруги.

— Тебе совсем плохо, да? Может, стоит вызвать врача? — смотрю в лобовое стекло и понимаю, что мы стоим возле моего дома. Я что, уснула? Мне кажется, что я только закрыла глаза.

— Нет, не надо никого вызывать. Мне просто надо поспать, — смотрю на кучу пакетов возле себя. Она что, скупила всю аптеку?

— Тебе надо принять лекарства! — она замечает мой скептический взгляд на пакеты. — Это — еда. Я знаю, что твой холодильник как всегда пустой. Тебе надо хорошо питаться. И хватит разговаривать, пошли домой! — командует Ксюша.

Дома подруга поит меня всевозможными лекарствами, укладывает в кровать. Даже пытается меня переодеть, тут я не выдерживаю, говорю, что это уже слишком. Переодеваюсь

сама в самую теплую пижаму. Мене ужасно холодно. Укрываюсь теплым одеялом.

— Иди домой, тебя Леша ждет. Нет смысла сидеть со мной, пока я сплю.

— Нет! — упрямится она. — Мне нужно сварить тебе бульон. Да и Леша меня поймет. Он просто не простит меня, если я оставлю тебя одну! И не спорь со мной! Спи, — не дожидаясь моего ответа, выходит из комнаты. Я закрываю глаза и проваливаюсь в темноту.

Просыпаюсь от того, что чувствую, как кто-то гладит мои волосы, в нос бьет до боли знакомый тяжелый мускусный запах. Резко поворачиваюсь, сажусь. Роберт сидит на кровати. Застывает, просто смотрит на меня. В комнате полумрак: за окном темно. Облегченно вздыхаю. Он здесь. С ним все хорошо. Сползаю назад на подушку. Закрываю глаза. Моя пижама насквозь мокрая. Я представляю, как сейчас выгляжу. Господи, о чем я думаю?

— Что ты здесь делаешь? И где Ксюша? — спрашиваю, так и не открыв глаза.

— Она ушла, — спокойно отвечает он.

— Как тебе удалось ее выпроводить?

— У меня свои методы, — усмехается он. Слышу, как он встает с кровати, выходит из комнаты. Тут же возвращается. Открываю глаза, у него в руках моя кружка. Подходит ко мне.

— Тебе надо это выпить, — говорит, протягивая мне кружку. Чувствую запах лекарства.

— О, нет, — ною я, — мне уже лучше, я не хочу это пить. Ненавижу лекарства.

— Пей! Немедленно! — приказывает он. Его брови сдвинуты, губы сжаты в жесткую линию. О, черт, он злится.

Быстро беру кружку, от чего чуть-чуть напиток капает мне на пижаму. Морщась, выпиваю теплую, противно сладкую жидкость.

— Умница, хорошая девочка, — хвалит он меня как маленького ребенка.

Забирает кружку, ставит ее на тумбочку, садится рядом со мной, трогает мой лоб. Его рука такая холодная или я очень горячая? Но мне так приятно ощущать его прохладные прикосновения. Роберт гладит мое лицо, убирает со лба прилипшие, мокрые от пота волосы. Смотрит на меня невероятными обсидиановыми глазами. Завораживает. Гипнотизирует.

— Ты вся мокрая, тебе надо переодеться, — он встает с кровати. — Где у тебя одежда? — спрашивает, осматривая комнату.

— Там, — указываю на комод. — В верхнем ящике есть футболки, — говорю я, наблюдая за Робертом. Он, как всегда, в чисто белой футболке. В комод много разных футболок, но он достает именно белую. Подходит ко мне, садится рядом, начинает расстегивать пуговицы на моей пижаме. Я ловлю его руки, останавливая. На меня неожиданно накатывает стеснительность.

— Я сама могу переодеться, — тихо говорю я, отпуская его руки.

Роберт усмехается, качает головой, продолжая медленно расстегивать мою пижаму. Я слежу за его руками. Вот они расстегивают последнюю пуговицу. Аккуратно спускают ее с моих плеч. Нежно пробегаются по моим рукам. Отшвыриваю одежду на пол. Под пижамой я совершенно нагая. Мое дыхание учащается и это никак не связано с моей болезнью. Роберт шумно сглатывает. Прикасается подушечками пальцев к моим затвердевшим соскам. По моему телу проходит дрожь. Он убирает руки, замуривает глаза. Трясет головой. Быстро надевает на меня футболку. Встает с кровати.

— Думаю, штаны тебе лучше снять самой, — охрипшим голосом говорит он, и выбегает из моей комнаты.

Я быстро снимаю штаны, встаю с кровати, иду в ванну. Кидаю мокрую пижаму в корзину для белья. Смотрю на себя в зеркало. Испытываю ужас от увиденного там. Косметика немного размазана, красные воспаленные глаза, влажные от пота волосы, растрепанные в разные стороны.

Быстро умываюсь теплой водой. Расчесываюсь, пытаюсь хоть как-то привести себя в порядок. Возвращаюсь в комнату, вижу Роберта, сидящего на кровати. Он поправляет мои подушки, рядом на тумбочке стоит поднос с бульоном, белым хлебом, горячим чаем. Роберт пробегаются взглядом по моим голым ногам. Откидывает одеяло.

— Ложись! — приказывает. Он — такой командир. Я быстро подхожу к кровати, сажусь, откидываюсь на заботливо поднятые подушки. Роберт укрывает мои ноги одеялом. Ставит поднос рядом со мной.

— Я не хочу есть. Я выпью только чай, — понимаю, что сейчас веду себя как капризная девочка, но мне действительно не хочется есть.

— Елизавета Андреевна! Вы больны. И вы будете есть, хотите вы этого или нет! — говорит он серьезным и опять приказным тоном. Берет ложку бульона и подносит к моим губам.

— Любишь покомандовать? — спрашиваю я, приподняв бровь.

— Да! Ешь! — уголки его губ немного приподнимаются.

— Хорошо, — говорю я, вздыхая. — Но я могу, есть сама, не обязательно меня кормить. — Хочу забрать у него ложку, но он не дает. Я хмурюсь и смотрю на него.

— Не спорьте со мной, Елизавета Андреевна. Ешьте, — уже мягче говорит он, тепло мне улыбаясь. И я ем. Этот мужчина не терпит отказов.

Он скармливает мне почти весь бульон, иногда отламывает кусочки белого хлеба, кладет мне их в рот, намеренно задевая мои губы. Где-то на третьей ложке понимаю, что я действительно проголодалась. Ксюха сварила очень вкусный бульон. Чай, слава богу, мне разрешают выпить самой. Роберт уносит поднос на кухню. Быстро возвращается, встает возле кровати, долго смотрит на меня. Молча снимает футболку, я с интересом рассматриваю его красивое подтянутое тело. Он подмигивает мне, усмехается. Достает из кармана джинс свой телефон, ключи от машины, бумажник. Складывает все на прикроватную тумбу. Снимает джинсы, остается в одних черных боксерах. Тут уже я шумно сглатываю. Не могу оторвать глаз от его тела.

— Нравится? — интересуется он, хищно мне улыбаясь. Я ничего не говорю, спускаюсь ниже, накрываю лицо одеялом. Я и правда, сегодня веду себя как маленькая девочка. Может это болезнь так действует на меня?

Чувствую, как прогибается кровать. Роберт стягивает с меня одеяло. Я закрываю глаза, чтобы не смотреть на него. Чувствую его теплое дыхание.

— Лиза, открой глаза, — мягко и нежно просит он. Я открываю. Встречаюсь с его черными океанами глаз. — У тебя невероятно красивые глаза, — шепчет он в мои губы. Нежно целует, всасывает мою нижнюю губу, слегка прикусывает. Он нависает надо мной, опираясь на руки.

— Ты очень красивая, — говорит он, осматривая мое тело.

— Даже сейчас? — скептически спрашиваю я. Потому что сейчас выгляжу я ужасно.

— Даже сейчас, — он целует меня в лоб. — Ты все еще горячая. Тебе надо поспать.

Роберт ложится рядом со мной, притягивая меня ближе к себе. Я разворачиваюсь к нему спиной, прижимаюсь к его груди. Его руки обхватывают мою талию. Он целуют мои волосы,

утыкается в них, глубоко вдыхает.

— Спи, малышка, — тихо говорит он. — Тебе надо отдохнуть.

Я чувствую его тело, его дыхание в моих волосах, его крепкие руки, обнимающие меня. Нотки нежности и заботы в его голосе. Что-то тревожное мелькает в моей голове. Грудную клетку сдавливает. Так не должно быть. То, что сейчас происходит между нами, никак не входило в мои планы. Мне не нужна была ласка и забота. Мне нужно все это остановить. Но не сегодня. Завтра, я сделаю это завтра. Сегодня нет сил, болезнь не позволяет с ним бороться. С этими сумбуром в голове я проваливаюсь в сон.

Мне страшно, очень страшно. Что-то теплое льется под ногами, очень быстро заполняет салон. Я смотрю вниз и вижу, что это кровь, очень много крови. И мы скоро ей захлебнемся. Я вся в ней, ею пропитана. Я опять кричу, надрывая связки, очень громко кричу, крик превращается в вопль, мое горло хрипит.

Где-то вдалеке слышу глухой зовущий меня голос. Меня начинает трясти. Мне холодно. Очень холодно. Я вся дрожу. Я ничего не вижу. Я в темноте. Я слышу только голос, зовущий меня. Он становится громче. Я хочу идти на этот голос. Я знаю, он выведет меня из темноты и холода. Я встаю, иду на зовущий меня голос. Он все ближе и ближе. Он почти рядом. Яркий свет слепит глаза. Зажмуриваюсь. Чувствую сильные руки, которые обхватывают мое лицо. Голос что-то шепчет. Не могу понять ни слова, слышу только собственное имя. Открываю глаза. Вижу черные глаза. Я смотрю в них, боюсь отпустить этот взгляд. Он — мое спасение, мой шанс выбраться из темноты.

Меня трясет, мне холодно. Я покрываюсь холодным потом. Мои губы дрожат. Сильные руки начинают хаотично гладить мое лицо. В черных глазах тревога, волнение.

— Вот так, моя хорошая. Все хорошо, малышка. ДА. Вот так, смотри мне в глаза. Это сон. Всего лишь сон, — шепчет мне спасительный голос. И я ему верю.

— Мне холодно, — охрипшим от крика голосом, говорю я. — Мне так холодно, — сильные руки крепко меня обнимают, прижимают к своему теплему телу. Поглаживают, успокаивая меня. Прижимаюсь лицом к сильной груди, слышу учащенное сердцебиение. Начинаю глубоко дышать, считая удары этого сердца. С каждым ударом становится немного легче, но холод не отпускает. Сильные руки выпускают меня из своих объятий.

— НЕТ! — кричу я. Тянусь назад к этому сердцу, которое стучало для меня.

Меня укутывают в теплое одеяло и опять прижимают к сильной груди. Сильные руки укачивают меня, теплые губы целуют мои волосы. Я не знаю, сколько проходит времени, минуты, часы не важно. Я готова просидеть так вечно, лишь бы это сердце билось для меня, а руки не отпускали.

— Малышка, отпусти меня, пожалуйста. Я сам не могу тебя отпустить. Тебе всю трясет. Нужно набрать тебе горячую ванну, — шепчет Роберт.

Я отпускаю его. Чувствую холод и потерю. Меня действительно до сих пор трясет. Но уже не так как раньше. На самом деле, мне уже на много легче. Но Роберт прав: горячая ванна мне не помешает, я все мокрая от холодного липкого пота.

Роберт уходит в ванну, слышу шум воды, наполняющий ванну. Осматриваюсь по сторонам в комнате по-прежнему темно. Сколько сейчас времени? Еще ночь? Или уже утро? Черт, этот сон. Опять этот навязчивый сон из моего прошлого. Почему он приснился именно сегодня, когда я была не одна? Теперь он увидел одну из сторон моего сумасшествия. Радует только одно: эта сторона — не самая худшая и он никогда не увидит мое настоящее безумие.

Потому что мы больше никогда не увидимся.

ГЛАВА 6

Человек не умер, просто вышел...

Он оставил в доме всё, как есть...

Просто он не видит и не слышит,

Хлеб земной ему уже не есть...

Просто стал он не таким, как люди,

Он открыл другой... астральный путь...

Где иная жизнь... иная мудрость

Где иная соль... иная суть...

В книжице останется закладка

На странице о его любви...

На столе записка... очень кратко:

«Вспоминай, но только ... не зови...

Человек не умер... просто вышел

И развёл воздушные мосты

Между берегами прошлой жизни

И ещё невидимой черты

(Елена Громцева)

Елизавета

Я лежу на кровати, слушаю шум воды, доносящийся из ванны. Зарываюсь лицом в подушку, вдыхаю тяжелый аромат сандала и мускуса, оставленный мужчиной, который сейчас набирает для меня ванну. Мужчина, который был заботлив и ласков со мной. А я, сейчас пойду и оттолкну его от себя. Навсегда. И никогда его больше не увижу. Все заходит слишком далеко, по крайней мере, для меня. Мне не нужна его забота и ласка. Я просто хотела физической близости. Сегодня все вышло за рамки «просто секс». Мне не следовало вообще все это начинать.

Я решительно встаю с кровати. Захожу в ванну, останавливаюсь в дверях. Роберт сидит на краю ванной. Замираю, смотрю на него. Он чувствует мое появление, медленно поворачивает голову в мою сторону, внимательно смотрит на меня. Его глаза отражают заботу, нежность. Но мне это не нужно.

— Как ты? — спрашивает он.

— Уже лучше. Спасибо, — холодным тоном отвечаю я.

Берусь за края футболки, медленно снимаю ее с себя. На мне остаются только трусики. Роберт напрягается, осматривает меня с ног до головы. Я знаю, он хочет меня, но не может себе позволить, думая, что мне сейчас это не нужно. Но он ошибается. От него мне нужен только секс. Сегодня я получу то, что хочу, в последний раз. Мне нужно стереть с его лица эту нежность и заботу. Нужно, чтобы в его глазах горела похоть и дикое желание. Медленно спускаю руки к трусикам, пальчиком прохожусь по кромке. И также медленно снимаю их. Дыхание Роберта становится глубже. Но это еще не то, что мне надо. Он сдерживает себя. Смотрю ему в глаза,

намеренно провожу кончиком языка по нижней губе, слегка прикусываю ее.

— Что ты делаешь, Лиза? — с хрипотцой в голосе говорит он.

— А на что похоже? — с вызовом отвечаю я. Ласкаю свое тело руками. Обвожу соски,

слегка сжимаю их, перекатываю между пальцами, они напрягаются от возбуждения, которое проходит волной по моему телу. Закрываю глаза, полностью отдаюсь ощущениям, выкидывая все из своей больной головы. Веду пальцем между грудей, спускаюсь ниже к животу, замираю. Открываю глаза, смотрю на Роберта. Он сидит неподвижно, все его мышцы напряжены. Глаза горят черным пламенем. Да! Это то, что нужно: теперь в них страсть.

— Продолжай! — приказывает он. В нем нет мягкости и нежности. Да! То, что нужно.

Я учащенно дышу, хочу почувствовать его руки на моем теле. Слегка раздвигаю ноги, запускаю между ними руку, медленно поглаживаю. Забираюсь пальцами глубже между ног. Чувствую свою влагу. Задеваю пульсирующий клитор. С моих губ непроизвольно слетает стон. Я закрываю глаза.

— Открой глаза! Смотри на меня! — следует очередной приказ, я подчиняюсь, продолжаю ласкать клитор. По моему телу проходит дрожь — так хочется закрыть глаза, но черные омуты не отпускают меня.

— Стоп. Остановись, — я замираю. Вижу его возбуждение. Сама вся дрожу от нахлынувших ощущений. Роберт встает, снимает себя боксеры, продолжая смотреть мне в глаза.

— Иди сюда, — просит он, протягивая мне руку.

Подхожу к нему. Он берет меня за руку, тянет за собой. Мы заходим в наполненную ванну. Роберт садится первый, тянет меня за собой. Сажусь спиной к нему, откидываюсь на его грудь, кладу голову ему на плечо. Я чувствую его тело, его твердый член упирается мне в ягодицы. Он целует меня в висок, спускается ниже, прикусывает мочку уха. Я начинаю ерзать и извиваться. Почему он медлит? Я хочу его сейчас.

Роберт отстраняется от меня, берет гель для душа, выдавливает себе на ладони. Нежно и мягко скользит мыльными руками по моим плечам, рукам. Обводит грудь, задевая мои затвердевшие соски. Его руки скользят вниз по моему телу, гладят мой живот, спускаются ниже. Он раздвигает мои ноги шире, скользит по внутренней стороне бедра. Меня охватывает желание, непреодолимое, бешеное желание. Его рука прикасается к моей промежности, нежно поглаживает мои складочки. Я издаю громкий стон. Роберт замирает, убирает руки. Берет меня за подбородок нежно целует, ласкает мои губы языком. Я не хочу этой нежности, я хочу страсти, грубости. Мои зубы впиваются в его нижнюю губу. Он останавливается, смотрит на меня своими невероятными черными глазами.

— Чего ты хочешь, Елизавета? — с придыханием спрашивает он.

— Тебя. Я хочу, чтобы ты меня взял. Мне не нужна твоя нежность и ласка. Я просто хочу, чтоб ты сделал это грубо и жестко, — с вызовом смотрю ему в глаза, в которых отражается непонимание.

— Не уверен, что это нужно тебе сейчас, — мягко говорит он, проводя пальцем между моих грудей.

— Зато я уверена, — отталкиваю его руку. — Ты можешь просто жестко трахнуть меня, без всякой ванили?! — Сама не знаю, почему я кричу и злюсь. Но мне так нужно.

— Могу, — на его лице расплзается хищная улыбка. — Но не буду. По крайней мере, не сегодня. — Он притягивает меня к себе, зарывается в мои волосы. — Просто расслабься, почувствуй меня малышка.

— Нет! — кричу я, отталкивая его от себя. — Мне это не нужно! Я думала, ты другой! Я думала, ты дашь мне то, что я хочу! И не называй меня малышкой! — зачем я кричу? Но меня

несет по полной программе, меня уже не остановить.

Я вырываюсь из его рук, быстро встаю, выбираюсь из ванны, закутываюсь в полотенце. Все это время Роберт просто сидит и смотрит на меня недоумевающим взглядом. Теперь он видит, насколько я сумасшедшая, больная.

Решительно выхожу из ванны, оставляя его одного. Захожу в комнату, надеваю халат. Нервно прохожусь по комнате. Боже я сама не понимаю, что творю и чего хочу. Все мысли спутаны. Четко понимаю только одно: я хочу, чтобы он ушел из моей жизни навсегда. Оставил меня и больше не появлялся.

Сердце колотится как бешенное. Выхожу из комнаты, направляюсь на кухню. Открываю все ящики, ищу Ксюхины сигареты. Нахожу, быстро прикуриваю дрожащими руками. Делаю глубокую затяжку. Открываю окно, холодный воздух обдувает мое разгоряченное тело. К горлу подступает ком. В груди все выворачивается наизнанку. Черт бы побрал этого мужика! Все из-за него. Зачем он появился в моей жизни и разрушил мой привычный мир?

Слышу, как Роберт заходит на кухню. Не оборачиваюсь, просто продолжаю стоять возле окна. Он подходит ко мне, резко разворачивает к себе, забирает сигарету, делает пару глубоких затяжек, выпуская дым мне в лицо. Выкидывает окурочек в окно. С грохотом закрывает его. Он полностью одет.

— Что ты творишь? Ты болеешь и после ванны стоишь с открытым окном. Хочешь осложнений? — зло шипит он. В глазах черный злой блеск. Вот и хорошо, это лучше, чем нежность.

— Мне не нужна твоя забота! — небрежно кидаю я. Пытаюсь обойти его, уйти от него, но он не дает. Хватает меня за руку, резко прижимает к себе. Его пальцы до боли сжимают, впиваясь в кожу. Запускает руку в мои волосы, смотрит в глаза. Что он там ищет? Там давно ничего нет. Там пустота!

— Что происходит, Лиза? Что с тобой? Объясни мне? Помоги понять тебя, малышка.

— Ничего не происходит. Уходи! Оставь меня в покое! — кричу ему в лицо. Пытаюсь вырваться, но он не позволяет. Берет меня за подбородок, вынуждая смотреть в его черные океаны глаз. С вызовом смотрю в них, пытаюсь вложить в свой взгляд всю свою решительность.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ушел? — со злой усмешкой спрашивает он.

— Да! Уходи! И больше никогда не появляйся в моей жизни. Оставь меня в покое! — выплевываю я в его лицо, надеясь, что он меня послушает. Роберт наклоняется к моему уху и шепчет:

— Если я уйду, я никогда больше не возвращаюсь. Подумай еще. Ты действительно хочешь, чтобы я ушел от тебя навсегда?

— Да. Я действительно, хочу, чтобы ты ушел. Навсегда, — решительно говорю я.

Роберт зло усмехается мне в ухо, отпускает меня, смотрит в глаза. Понимаю, что еще минута, и я не выдержу его взгляда, заберу свои слова обратно. Я отворачиваюсь. Проходят минуты, никто из нас не говорит ни слова, я смотрю в окно, он смотрит на меня, я кожей чувствую его прожигающий взгляд.

Через какое-то время он подходит ко мне вплотную прижимается к моей спине. Ставит руки, на подоконник, прижимая меня к нему. Проводит носом по моим волосам, глубоко вдыхает мой запах. Ведет губами по моей шее. Слегка всасывает кожу. Боже, зачем он это делает? Я же не выдержу, кинусь в его объятия и никуда не отпущу. Резко отстраняется от меня. Я слышу тяжелые шаги. Оборачиваюсь. Роберт, молча выходит из кухни, не

оборачиваясь. Еще через минуту утреннюю тишину разрывает громкий хлопок дверью.

Прислоняюсь к стене. Сползаю по ней на пол. Вот и все. Он ушел. Он сделал так, как я просила. Он услышал меня и ушел. Так и должно быть, все правильно. К горлу подступает ком. Глаза щиплет от подступающих слез. «Ты этого хотела Лиза. Так чего же ты не радуешься!» Обнимаю свои колени, начинаю раскачиваться из стороны в сторону. Слезы ручьем беззвучно текут по моим щекам.

«Марк, где ты? Я одна, я совсем одна. Мне так одиноко. Зачем ты меня оставил? Почему не забрал меня с собой? Прости меня, пожалуйста, я предала тебя. Я предала нашу любовь. Я изменила. Прости меня. Забери меня с собой. Я хочу к тебе. Я так запугалась. Помоги мне. Я люблю тебя! Я так сильно тебя люблю!»

Помнишь, как я плакала, когда на УЗИ нам сказали, что у нас будет девочка? Потому что ты хотел мальчика. Ты помнишь, как вытирал мне слезы, называл меня своей маленькой дурочкой? Ты говорил, что у нас будет маленькая принцесса, самая красивая девочка в мире. Ты гладил и целовал мой живот, разговаривал с нашей принцессой. Ты помнишь, Марк? Как там наша принцесса? Я знаю, она с тобой. Какие у нее глазки? Я так ее и не увидела. Я знаю, она похожа на тебя. Где ты Марк...»

Комнату наполняет утренний солнечный свет. Я до сих пор сижу на полу, обнимая свои колени. Слез уже нет. Смотрю на тикающие часы на стене. Десять утра. Сколько я так просидела? Понимаю, что надо встать и продолжать свою никчемную жизнь. Куда-то идти, что-то делать. Но тело не слушается, оно приросло к этому месту. Опускаю голову на колени, закрываю глаза и погружаюсь в забвение.

Слышу звук открывающейся двери. Легкие тихие шаги по комнате, они приближаются ко мне, они совсем близко. Кто-то останавливается передо мной.

— Лиза! Лизочка!!! — слышу взволнованный голос подруги. Она садится рядом со мной, тянет меня на себя. Обнимает, гладит по спине.

— Что случилось?! Тебе плохо? Да? — трогает мой лоб, щеки. — У тебя температура! Почему ты здесь сидишь? Где Роберт? Он обещал мне позаботиться о тебе. Где ОН? ОН оставил тебя одну? — Господи, как много вопросов. Не хочу на них отвечать. Ксюша заглядывает мне в глаза. — Не молчи. Ответь мне, пожалуйста! Что случилось?

— Я его прогнала. ОН ушел. Навсегда. — Тихо и отрешенно отвечаю я.

— Что? Зачем? Что он сделал? Он обидел тебя?

— Нет. Он не обидел. Просто так надо. Так лучше. Он вообще не должен был появляться в моей жизни. А теперь все встало на свои места. — Уверенно говорю я.

Подруга прижимает меня к себе, обнимаю ее в ответ. Она больше не задает вопросов. Мы просто сидим молча в полной тишине. Она покачивает меня как маленького ребенка.

— Вставай, тебе нужно в кровать. Надо выпить лекарства, — она встает, тянет меня за руку.

Я подчиняюсь, молча, иду за ней. Выполняю все, что она говорит: пью лекарства, горячий чай с медом. Ксюша меняет постельное белье. Я смотрю, как простыни и наволочки, на которых остался его запах, летят на пол. Ложусь в кровать, подруга ложится рядом со мной. Обнимает меня. Жаропонижающие со снотворным погружают меня в глубокий сон.

Всю последующую неделю я болею. Ксюша ухаживает за мной, как за маленьким

ребенком. На все мои просьбы оставить меня одну и, наконец, заняться подготовкой к свадьбе, она никак не реагирует, отвечая тем, что в наш век можно делать это не выходя из дома, по телефону и интернету. По вечерам к нам заходит Леха, отчитываясь по работе моего кафе. На время моей болезни он взял эту работу на себя, за что я ему очень благодарна. Ксюха готовит много вкусной еды, и даже пытается печь. У нее не всегда это получаются, но она не отчаивается, продолжая снова и снова портить продукты. За ужином мы все вместе смотрим дурацкие Ксюшины сериалы. Я возвращаюсь в привычный для меня мир. Мой дом. Моя работа и друзья.

К концу недели выхожу на работу. Ксюша крутится вместе со мной. Подруга готовит сюрприз Леше в честь его дня рождения. Сегодня ему исполняется тридцать лет. Ксюша занимает отдельный зал дня малых торжеств, украшает его воздушными шарами, цветами. На все мои подколы, что все это смотрится неуместно на день рождения мужчины, она лишь обижено фыркает.

К восьми вечера собирается небольшая компания. Я с Ксюшей. Пара друзей со своими девушками. И Лешин закадычный школьный друг Денис. Когда Леша появляется на пороге зала, мы все кричим «Сюрприз». На Лешинем лице удивление и растерянность. Но что-то мне подсказывает, что его удивление наиграно, похоже, он заранее знал, что его ожидает. Он принимает подарки и поздравления, целуя нас Ксюхой.

К десяти вечера наша скромная компания, подогретая алкоголем, превращается в шумную. Ксюха требует громкой музыки и танцев, увлекая всех за собой. Ко мне подсаживается Денис. Довольно милый парень, среднего роста, у него светло русые волосы, серые глаза, красивая заразительная улыбка, но алкоголь делает его очень навязчивым. Денис решает, что раз мы оба без пары то должны ею стать, хотя бы на этот вечер. Наиграно смеюсь над его неуместной шуткой, пытаюсь переключить свое внимание на других. Но Денис очень настойчив, он подливает мне вина, рассказывает несмешные, а временами глупые анекдоты, как бы невзначай прикасается к моей руке, по-хозяйски кладет свою руку на спинку моего стула. Я мило ему улыбаюсь, иногда киваю, делаю вид, что мне интересны его рассказы. Но когда он пытается утащить меня танцевать, сбегая от него, ссылаясь на дела в кафе, которые никак не решить без меня. Поспешно выхожу из зала, захожу в свой кабинет, сижу там довольно долго, обдумывая как незаметно уехать домой, не обидев при этом Лешу. Слышу тихий стук. Дверь медленно открывается, на пороге стоит Ксюша.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Можно войти? — на ее лице хитрая улыбка.

— Входи. С каких это пор ты стучишься и спрашиваешь моего разрешения?

— Ну не знаю, а вдруг ты не одна? Тебя так долго не было, — усмехается она. Садится рядом со мной на диван, складывает ноги на журнальный столик. Оставляю ее жест без комментариев — Ксюша всегда использует мебель не по назначению. — Почему ты здесь прятаться? Не нравится наша компания? — в ее голосе проскальзывает обида.

— Ну что ты такое говоришь? Все мне нравится. Просто Денис очень навязчив.

— Он клеится к тебе? — смеется она. — Почему ты не сказала Лехе? Он бы его быстро остудил.

— Да зачем? Они друзья. И Денис не делает ничего плохого. Он довольно милый парень. Он не виноват, что выбрал не ту девушку. — Смеюсь я.

— Ну хорошо. Но если он будет переходить границы, обязательно скажи, — уже серьезно говорит она. Я киваю ей в ответ.

— Слушай, у меня к тебе маленькая просьба, — подруга заглядывает мне в глаза, делает очень милое и невинное лицо. Так, так. Начало мне уже не нравится. Что она задумала? Обычно все ее сумасшедшие просьбы, ведущие к приключениям на ее, а иногда на мою попу, начинаются именно с такого выражения лица.

— Так, и что ты затеяла на этот раз? — скептически спрашиваю я.

— Просто мы все хотим в клуб. Но ты же знаешь Леху, он не согласится. Помоги нам его уговорить. Если ты попросишь, он обязательно поедет, — умоляющим голосом говорит она.

— Ксюша, ну какой клуб? Чего тебе здесь не хватает? Музыка есть, просторный зал тоже. Чего тебе еще нужно — Подругу как всегда тянет на пьяные приключения.

— Лизочка, не обижайся, твое кафе очень даже милое, но это не клуб. Ну, пожалуйста. Тебе и делать то ничего не нужно, мы сами уговорим Леху. Когда он начнет отказываться, ты просто скажешь, что тоже хочешь поехать. Он обязательно согласится.

— Ты переоцениваешь мои возможности. Как я могу просить Лешу поехать в клуб, если я сама не хочу туда ехать? Давайте как-нибудь без меня, — я действительно не хочу никуда ехать, я хочу домой.

— Лиза, не веди себя как старая бабка. Мы — молодые женщины и должны веселиться на полную катушку, пока можем, — решительно говорит подруга. Встает с дивана, берет меня за руку и тащит в зал. Ну вот, похоже, она как всегда выиграла.

И действительно, все получается так, как сказала подруга. После моих слов, что я тоже не прочь поехать в клуб, Леша быстро соглашается. Он заботится обо мне. Делает все, чтоб мне было хорошо и комфортно. После того, как не стало Марка, Леша сам взял на себя такую непосильную задачу, а подруга очень умело этим пользуется.

Наша шумная и немного пьяная компания рассаживается по двум такси. Я сажусь на заднее сидение вместе с Ксюхой. К нам некстати, присоединяется Денис, опережая Лешу. Он втискивается на заднее сидение, придавливая меня своим телом. Леше ничего не остается, как ехать впереди, рядом с водителем. По дороге Денис как всегда травит свои ужасно пошлые и глупые анекдоты. Но Ксюша с Лешей, и даже водитель, умирают со смеху. Да уж, похоже, у меня совсем нет чувства юмора.

Мы быстро добираемся до клуба. Выхожу из машины, игнорирую поданную Денисом руку. На что он обиженно хмурит брови. Смотрю на горящую фиолетовую неоновую вывеску, причудливую металлическую арку. И застываю на месте. Твою же мать! Это клуб «Chicago»! Как я пропустила название места, куда мы едем? Зло смотрю на подругу, ни капельки не сомневаясь, что она знала, куда мы едем. Скажу больше, мне кажется, что она вообще все это сделала специально. Хватаю ее за локоть, отвожу в сторону.

— Ты издеваешься надо мной? — зло шиплю я.

— Что? — Ксюша делает вид, что не понимает.

— Только не говори, что это случайность! — указываю пальцем в направлении клуба. — Ты специально меня сюда привезла?

— Елизавета! Прекрати панику! Я действительно не знала, куда мы едем, — оправдывается она.

— Прекрасно! — кричу я. Оглядываюсь по сторонам, вижу, что привлекаю к себе внимание. Глубоко вдыхаю. — Я еду домой, — уже тише говорю я. Разворачиваюсь, иду к такси. Ксюха ловит меня за руку. Останавливает.

— Лиза, остановись. Что подумает Леша, если ты уедешь? Он согласился только из-за

тебя. Подумаешь, «Chicago». Ну и что? Здесь полно народу. Мы сольемся с толпой. Или ты думаешь, что Роберт следит за каждым посетителем в клубе? — усмехается она. Только мне совсем не до смеха.

К нам подходит Леша со словами: «Девочки, хватит секретничать», подхватывает нас за талии, ведет в клуб. Девушка из нашей компании говорит, что здесь строгий фейс-контроль, сомневаясь, что нас пропустят. Я ухватываюсь за эту мысль. Молю про себя, чтобы так и случилось. Но, когда мне везло? Охрана без проблем нас пропускает.

Через час наша компания уже навеселе, включая меня. Я пью коктейль за коктейлем, пытаюсь заглушить волнение. И у меня получается! Немного расслабляюсь, понимая, что зря волновалась. Действительно, нет никакой гарантии, что ОН вообще здесь. А даже если так, то Роберт явно меня не заметит.

Подруга вовсю отплясывает, увлекая всех за собой. Она как маленькая зажигалка. Откуда в ней столько энергии? Денис весь вечер крутится возле меня, выпитый мною алкоголь делает его истории более забавными и интересными. Он пытается утащить меня на танцпол. Встретив мое сопротивление, Денис заявляет, что раз я не танцую, он будет сидеть со мной весь вечер.

Осматриваю танцующую толпу, перевожу взгляд на бар, находящийся напротив нас. Застываю на месте. Черт! Черт! Я так и знала! Зачем я послушала Ксюшу! Он здесь. Напротив меня! Роберт стоит возле бара! Что-то объясняет бармену, указывая на разноцветные бутылки, рядом с ним стоит красивая, высокая блондинка в строгом сером костюме. На нем белая рубашка с закатными рукавами, черные брюки. Черные волосы немного взъерошены. Я замечаю даже легкую щетину, впитывая его образ.

Прихожу в себя, разворачиваюсь к Денису, молясь Богу, что бы Роберт меня не заметил. Смеюсь над очередной шуткой Дениса, который уже осмелел настолько, что позволяет себе обнимать меня за талию. Я осторожно убираю его руки. Беру со стола Ксюшину водку, залпом выпиваю ее под удивленным взглядом Дениса.

Все мое тело начинает покалывать, острая нехватка кислорода заставляет меня жадно хватать воздух ртом. Денис смеется надо мной, забирает из моих онемевших пальцев пустую рюмку. Подносит к моим губам стакан сока, пытается меня напоить. Выхватываю стакан из его рук, выпиваю сок, пытаюсь затушить пожар внутри меня, это состояние никак не связано с водкой.

Я просто чувствую кожей взгляд черных глаз, чувствую на подсознательном уровне, как они в меня впиваются и не отпускают. Борюсь с желанием развернуться и убедиться, что я права. Но это сильнее меня.

Медленно разворачиваюсь в сторону бара, встречаюсь с наглым взглядом черных глаз. На его губах играет циничная ухмылка, которую хочется стереть с его самоуверенного лица. Не могу оторваться от его глаз. Пялюсь на него как ненормальная. Он как яд, отравляющий мою опустошенную душу, медленно проникающий в мою кровь. Его бездонные черные океаны глаз манят меня. Я цепляюсь за край стола, пытаюсь прийти в себя. Блондинка, стоящая рядом с Робертом, кладет руку ему на плечо, наклоняется к его уху, что-то шепчет ему. Она кажется мне знакомой. Точно. Это администратор клуба, это она тогда пересаживала нас Ксюшей в vip. Роберт усмехается ей в ответ. Бармен подает ему бокал с янтарной жидкостью, он салютует мне, отпивает немного, не отрывая от меня глаз.

Денис слегка касается моей руки, которая впивается в стол. Следит за моим взглядом. Смотрит на Роберта, потом на меня, не отпуская моей руки.

— Кто он? Ты его знаешь? — спрашивает мужчина. Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Нет. Не знаю. Впервые вижу, — уверено вру я. Алкоголь придает мне смелости. Роберт не может на меня так влиять, в этот раз я не поддамся ему.

— Пошли, потанцуем. А то мы что-то засиделись, — неожиданно для себя заявляю я. Денис заметно оживляется, быстро встает, берет меня за руку, тянет за собой. Боже, что я творю? Мне просто надо немедленно уехать отсюда. Но алкоголь делает свое дело, придавая мне уверенности, и, видимо, отшибает все мозги.

Я поворачиваюсь спиной к бару, закрываю глаза, и отдаюсь во власть ритмичной музыки. На мне строгое черное платье до колен, с серебряной вышивкой, черные классические лодочки на высоком каблуке. Когда я танцую, подол моего платья собирается очень высоко на бедрах, открывая вид на резинку моих чулок. Где-то вокруг меня крутится Денис, иногда прикасаясь ко мне руками. Но я его не замечаю. У меня сейчас свой, определенный зритель. И я уверена, мое представление не остается незамеченным.

Быстрая музыка смолкает, на смену ей приходит медленная. Денис подходит ко мне и резко притягивает за талию. Мои руки по инерции оказываются на его плечах. Он сжимает меня. Чувствую его дыхание с запахом алкоголя. Во время танца он разворачивает меня лицом к бару. Роберт сидит на барном стуле, курит сигарету, выпуская дым через нос. Его брови сведены. Смотрит пристально. Прожигает взглядом. Он похож на зверя, выслеживающего свою добычу.

Рядом с ним до сих пор находится блондинка, она, что-то говорит ему, но, похоже, он ее не слушает. Все его внимание приковано к нам. Сглатываю, совершенно забывая как дышать. Руки Дениса начинают наглеть, плавно пробегаются по моей талии, направляясь к бедрам, но замирают на моей поясице. Роберт следит за каждым движением наглых рук. Напрягается. Зло усмехается. Резко хватая блондинку за ворот костюма и впивается ей в губы. Меня бьет током. Подбрасывает на месте. Бросает в жар и холод одновременно. Я зажмуриваю глаза, не желая видеть этот спектакль, устроенный специально для меня. Быстро же он нашел себе новую любовницу. А может, у него их было несколько одновременно, включая меня? От этой мысли становится гадко и противно.

Открываю глаза, вижу опешившую блондинку, которую он держит за талию, что-то шепчет ей на ухо. Она сексуально ему улыбается, разворачивается, он шлепает ее по заднице, она уходит в направлении лестницы, поднимается на второй этаж. К горлу подступает ком. Закрываю глаза. Кладу голову на плечо Дениса лишь для того, чтобы не смотреть в эти наглые чертовы глаза. Денис неправильно понимает мои действия, спускает руки на мои ягодицы, чуть сжимая их. Эти действия отрезвляют мой затуманенный мозг. Боже, что я творю? Зачем я все это делаю? Даю надежду одному мужчине, пытаюсь привлечь внимание другого. Мне срочно надо вырваться отсюда. Упираюсь руками Денису в грудь, пытаюсь оттолкнуть от себя. Вырываюсь, но он не отпускает. Убирает руки с моих ягодиц, просто обнимает за талию, прижимая к себе.

— Лизочка, ну что ты? Не сопротивляйся, расслабься. Я тебя не обижу, — нежно мурлычет мне на ухо. От чего меня передергивает. Становится противно. От него. От себя, за то, что все это сама ему позволила, дала повод так себя вести. Ищу глазами Ксюшу, Лешу, но не нахожу. Черт, где они?

— Отпусти меня! Немедленно! — кричу Денису в лицо.

В следующую секунду Денис резко отрывается от меня, летит на пол, задевая танцующих рядом людей. Не сразу понимаю, что происходит. Слышу визиг девушек,

стоящих рядом с нами. Вижу Роберта, который молниеносно налетает на ничего не соображающего Дениса. Резко впечатывает свой кулак ему в челюсть. Вижу кровь на губах Дениса. Роберт хватается за рубашку, притягивает к себе, что-то кричит ему в лицо. Ничего не слышу из-за нарастающего шума в ушах. Меня словно парализовало. Наблюдаю весь этот ужас и не могу пошевелиться. К нам подлетает, охрана, тоже застывает на месте, видя, что в драке участвует хозяин клуба. В их глазах замешательство. Роберт сам отпускает бедного парня. Резко встает, поворачивается ко мне, награждает презрительным взглядом, от которого просто хочется провалиться сквозь землю.

Ничего не понимающий Денис медленно садится, сплевывает кровь. К нему подлетают два охранника, поднимаю его на ноги. Спрашивают у Роберта, что с ним делать. Роберт приказывает не трогать его, говорит, что где-то здесь его. друзья, нужно передать Дениса им, и больше не пускать его на порог клуба.

Не давая опомниться мужчина хватается за запястье, сильно сжимает, тащит за собой через весь к клуб к лестнице. Я ничего не понимаю, просто бегу за ним как в прострации. На лестнице начинаю спотыкаться на каблуках. Роберт останавливается, резко подхватывает меня, забрасывает себе на плечо, продолжая подниматься. Да что он себе позволяет! Кто дал ему такое право! Сначала избил бедного парня. Теперь тащит меня неизвестно куда, как будто я его собственность. Вещь. Я начинаю дергаться у него в руках. Бью его кулаками по спине.

— Отпусти меня!!! — кричу. Роберт резко хлопает меня по заднице.

— Успокойся. Не дергайся. Все равно не отпущу, — зло произносит он, продолжая идти.

Мы доходим до двери его кабинета. Роберт пинком открывает дверь. Заходит. Проходит на середину кабинета. Ставит меня на пол. Отходит от меня. Встает возле своего стола, опираясь на него руками. Смотрит исподлобья. Взгляд тяжелый, прожигающий насквозь. Тяжело дышит. В моей голове вертится только одна мысль. Уходи! Беги отсюда!

Краем глаза замечаю, что мы не одни. Справа от меня, на диване, сидит блондинка, с интересом наблюдая за развернувшейся перед ней картиной. Она самодовольно улыбается, рассматривая меня. Становится так мерзко. Я стою, словно парализованная, лихорадочно соображая, что вообще происходит? Роберт тоже не сразу ее замечает, резко поворачивает голову в ее сторону.

— Яна! Выйди вон! — громко и властно. Яна не торопится. Она медленно поднимается с дивана, окидывает меня презрительным взглядом, проходит мимо, намерено задевая плечом. Вот сука!

— Яна!!! — зло кричит Роберт. Блондинка прибавляет шаг. Выходит из кабинета, громко хлопнув дверью.

Роберт отталкивается от стола, надвигается на меня. Его взгляд пугает. Глаза горят гневом. Я отступаю, пока не оказываюсь прижатой к стене. Роберт обхватывает мою шею, не сжимает, просто удерживает на месте, не позволяя пошевелиться. Тишина. Мы оба молчим. Сверлит меня своим пронзительным взглядом, смотрит в самую душу. Я не уступаю, не сдаюсь, пытаюсь выдержать его взгляд. Это борьба. Но стоит ли бороться? Сил больше нет.

Роберт наклоняется, прикасается к моим губам, но не целует, просто дышит мне в губы, продолжая удерживать за шею. Другая его рука сжимает мою талию. Дергает на себя, и вот уже я крепко прижата к нему. Ведет рукой вниз, сжимает мою попу, рука спускается к ноге. Поднимает ее, заставляет обхватить его бедро. Я ощущаю его возбуждение.

— Он трахает тебя без ванили!? — зло шипит прямо в губы. Я отчаянно не понимаю, о чем он говорит.

— Что? — выдыхаю я.

— Ты слышала! Отвечай! — зло рычит он, продолжая удерживать мою ногу на своем бедре, вдавливая меня еще сильнее. Огонь в моем теле разжигается мгновенно. Мои руки впиваются в его рубашку, сильно сжимая ткань.

— Ни кто меня не трахает! Отпусти! — кричу я. Вот она, причина его поведения, он ревнует!

— Хорошо. Правильный ответ, — его голова наклоняется, он проводит носом по моей щеке. Убирает руку с моей шеи, заменяя ее губами, прокладывает дорожку из жарких поцелуев. Прикусывает чувствительную кожу. Возвращается назад к губам.

— Никто, слышишь? Никто! Не имеет права к тебе прикасаться! ТЫ. МОЯ! Только Моя, — властно, с триумфом в голосе говорит в мои губы. — Это тело принадлежит мне! — заявляет он. Его пальцы впиваются в мою ногу.

— С каких это пор я твоя? Я не принадлежу тебе! Я не вещь, — я просто задыхаюсь от его самоуверенности. Я не ЕГО! Я никому не принадлежу!

— Ошибаешься. Ты МОЯ! С тех самых пор, как отдалась мне вот здесь, в этом кабинете. А потом у меня дома на моем столе. И еще несколько раз в моей постели, — сквозь зубы цедит он. Его глаза наполнены гневом и похотью одновременно. В моем воображении тут же всплывает образ блондинки, которую он тянет на себя и целует. И сколько у него таких ЕГО?

— Отпусти! — кричу ему в лицо. Пытаюсь вырваться. — Иди, целуй свою Яну. И рассказывай Ей, что она ТВОЯ! А я не принадлежу тебе, понятно?! — Он не отпускает меня. Выпускает мою ногу. Его руки крепче сжимают мою талию. Долго смотрит мне в глаза. Запрокидывает голову, начинает смеяться, чем злит меня еще больше. Что его так развеселило?

— Ревнуешь? — наконец успокоившись, говорит он, приподнимая свои черные брови.

— Нет. Не ревную. Не обольщайся! — уверенно отвечаю я. А сама с ужасом понимаю, что я действительно ревную. Безумно ревную. Черт. Что со мной не так?

— Ревнуешь, — утвердительно говорит он. Роберт как будто видит мое замешательство и смятение. Его лицо становится серьезным. Мое дыхание становится частым. Роберт с силой хватая меня за волосы, наматывает их на кулак. Дергает, запрокидывая мою голову. Смотрит мне в глаза.

— Неужели ты не понимаешь, что со мной делаешь, Лиза? растягивает мое имя. — Хочешь ты этого или нет, ты — моя! — впивается в мои губы, жестко и властно целует, сминая мои губы. Доказывая своим поцелуем, что Я — ЕГО. Спускается ниже, начинает агрессивно целовать мою шею. Прикусывает кожу, тут же зализывая место укуса. Я вся дрожу от похоти и возбуждения. Мои ноги подкашиваются. Роберт крепко держит меня, не давая мне сползти на пол. Выгибаюсь, поддаюсь ближе к нему. Хотя кажется это уже невозможно.

— Ты же сказал, что не возвращаешься, — вспоминаю его слова и возвращаю их ему. Роберт отстраняется, хищно усмехается. Прикасается губами к моему уху и шепчет:

— Я и не возвращался. Ты сама ко мне пришла, — прикусывает мочку, вызывая в моем теле дрожь.

Он останавливается, выпускает из своих объятий. Резко разворачивает меня к стене.

— Положи руки на стену, — командует он.

— Что ты делаешь? — непонимающе спрашиваю я.

Он подходит вплотную ко мне, убирает мои волосы в сторону. Проводит пальцем по моей шее. Находит молнию на платье, медленно тянет ее вниз. Спускает платье с моих плеч. Резко дергает за подол. Платье падает на пол.

— Перешагни! — приказывает он.

Я перешагиваю платье. Роберт поднимает его с пола. Кидает на диван. Расстегивает мой бюстгальтер. Быстро снимает, кидает его на платье. Волна возбуждения проходит по моему телу, вызывая дрожь и слабость в ногах. Слышу шуршание материала. Вижу, как его рубашка тоже летит на диван.

Подходит вплотную ко мне, проводит пальцем по моему позвоночнику. Его горячее дыхание обжигает мне шею. Прикусываю губы, когда он прикасается к моей груди, сжимает набухшие соски. Не могу больше терпеть эту сладостную пытку. Я слишком возбуждена.

Роберт продолжает гладить мою грудь, спускается ниже, к моему животу. Тянет меня на себя, заставляя прогнуться. Я поднимаю руки, хочу прикоснуться к нему.

— Я сказал, руки на стену! — приказывает он.

Я подчиняюсь. Опираюсь руками на стену, еще больше прогибаюсь, подаюсь к нему.

— Молодец. Хорошая девочка, — хвалит он, поглаживая мои бедра. — Сейчас, Елизавета, Я жестко тебя трахну! Без всякой ванили. Все, как ты хотела! — он возвращает мне мои слова, наказывая ими. Немного грубо и пошло, но я же сама так хотела.

— Раздвинь ноги шире, — следует очередной приказ. И я подчиняюсь. Мои ноги дрожат, совсем не держат. Роберт пальцами поддевает мои трусики. Медленно тянет вниз, снимает их, отшвыривает сторону. Запускает пальцы мне между ног, находит чувствительное местечко, медленно его потирает круговыми движениями. Я постанываю в такт его движениям. Я задыхаюсь, плавлюсь. Хочу большего, хочу все и сразу. Не могу больше терпеть.

— Да, Да... Еще, пожалуйста, — прошу я, сама не понимая чего. Роберт останавливается, чем вызывает мой разочарованный стон. Я готова взорваться от желания.

Слышу звук расстегивающейся молнии. В нетерпении подаюсь попкой еще ближе к нему. Хочу почувствовать его. Упираюсь ягодицами в его твердый член, бесстыдно трусь об него. Роберт рычит, хватая меня за бедра. Толчок. Резко входит в меня на всю длину. Не давая передышки, начинает яростно двигаться во мне.

По моему телу разливается жар, наполняя меня. Я вся дрожу. Пульс зашкаливает, из горла рвется крик наслаждения. Упираюсь руками о стену. Роберт обхватывает одной рукой меня за талию, не давая мне упасть. Хочу его больше, глубже. Начинаю сама вращать бедрами, мышцы моего лона сжимаются. Роберт останавливается, со всей силы шлепает меня по заднице. Вскрикиваю от обжигающей боли. Но это — такая приятная боль, которая растекается по всему моему телу, отдавая жаром между ног

— Утомись, — шипит он. — Не двигайся. — Полностью выходит из меня. Толчок, и он снова во мне. Шлепает еще раз по тому же самому месту. Я не сдерживаю крик удовольствия. Роберт тянет меня на себя, заставляя встать вплотную к нему. Проходится кончиком языка по моему уху.

— Нравится боль? — шепчет мне в ухо. — Хочешь еще? — медленно двигается во мне. Я не отвечаю, просто постанываю. Боюсь признать, что да, мне черт побери, это нравится!

— Отвечай! — рычит он.

— Да! ДА! — не выдерживаю я. — Да, мне это нравится!

— Хорошо! — шепчет он в мое ухо. Надавливает мне на спину, заставляя опять прогнуться вперед.

Резким толчком врывается в мое тело до основания. В моих ушах начинает шуметь, я теряю связь с реальностью. Ничего больше не существует, только он и я. Все как в тумане, я ничего не вижу, только чувствую его руки на моих бедрах, его пальцы, которые впиваются в мою кожу до синяков. Его грубые толчки внутри меня. Жар между ног расплзается выше по моему телу. Он двигается во мне быстро, жестко. Я уже не кричу, я скулю. Чувства настолько смешаны, что мне хочется взорваться и разлететься на мелкие осколки. Мышцы лона судорожно сжимают его член. Невыносимо хорошо. С каждым движением мне нужно больше. Слышу тяжелое со свистом дыхание Роберта, которое смешивается с моими гортанными стонами и разлетается эхом по всей комнате.

— Давай, малышка, кончай! — слышу его хриплое рычание. За ним следует очередной обжигающий удар по моей ягодице. И все. Я разлетаюсь на атомы, на мелкие кусочки.

Кто Я? Меня нет. Есть только неземное наслаждение. Я падаю, падаю, плыву по волнам блаженства. Ничего не понимаю, только чувствую его последние грубые, резкие толчки. Его гортанный стон. Ощущаю его удовольствие внутри себя. Прижимается к моей спине, слегка прикусывает кожу на моем плече.

Мои ноги дрожат, я не могу больше стоять. Голова идет кругом. По моему телу расплзаются тысячи мурашек. Я начинаю оседать в его руках. Роберт разворачивает меня к себе, подхватывает на руки, несет к дивану, садится вместе со мной. Я обессилено кладу голову на его голую грудь. Слушаю хаотичный ритм его сердца. Я до сих пор немного подрагиваю. Роберт нежно гладит меня по спине, успокаивает, целует меня в волосы. Глубоко вдыхает.

— Ты такая вкусная и сладкая, — шепчет в мои волосы. — Как ты, малышка? Достаточно жестко для тебя? — усмехается он. Ничего не отвечаю, просто нет сил, даже говорить. — Этого ты хотела?

— Да, — наконец выдыхаю я в его грудь. Чувствую, как Роберт замирает, напрягается. Поднимаю голову, смотрю ему в лицо, в его глазах растерянность, замешательство, и даже некий страх. Вопросительно смотрю на него. Я что-то не то сказала?

— Черт, малышка, мы не предохранялись. Я просто потерял с тобой голову, — виновато говорит он. Я облегченно вздыхаю, опять кладу голову ему на грудь.

— Не волнуйся, все нормально, ничего не будет, — тихо говорю я.

— Ты принимаешь таблетки?

— Нет. Но я не забеременею, если ты об этом, — Роберт крепче прижимает меня к себе. Зарывается в мои волосы. Мне тепло, хорошо, комфортно, не хочу двигаться, ничего не хочу. Хочу просто вот так сидеть вместе с ним, слушать ритм его сердца.

Через несколько минут моего блаженства, дверь кабинета резко открывается. Роберт напрягается, рефлекторно прижимает меня к себе, пытая руками прикрыть мое оголенное тело. Поднимаю голову, вижу, как в кабинет влетает моя разъяренная подруга. Черт! Я совсем про нее забыла.

— Какого хрена! — сквозь зубы ругается Роберт. Ксюха растеряно моргает. Ее глаза бегают по моему голому телу. Слава Богу, Роберт сидит в брюках. Подруга быстро отворачивается.

— Вот блин! Извините! — виновато оправдывается она.

— Твоя подруга всегда так врывается в чужие кабинеты? — насмешливым тоном спрашивает Роберт. Быстро берет свою рубашку, лежащую рядом с нами на диване. Натягивает ее на меня. Я хочу встать, но он мне не позволяет, прижимая меня к себе.

— Уже можно повернуться? — спрашивает подруга.

— Да, — говорю я. Ксюша медленно поворачивается, с интересом рассматривает нас с хитрой улыбкой на лице.

— Еще раз извините. Но блин, вы не пробовали закрывать двери? Знаете ли, умные люди придумали замки для таких случаев, — смеется она.

— Умные люди стучат, прежде чем войти в чужое помещение, — парирует ей Роберт, целуя меня в висок. Улыбка Ксюши становится еще шире. Она так увлечена разглядыванием нас, что пропускает намек мимо ушей.

— Слушай, Лиза, я, конечно, все понимаю, — наконец говорит она, указывая на нас, — но если ты в ближайшее время не появишься на глаза Леше, он подаст заявление о твоей пропаже.

Черт, Леша. Мне срочно надо идти к нему и успокоить его. В очередной раз пытаюсь встать, но Роберт не дает мне это сделать.

— Кто такой Леша? — насторожено спрашивает он, смотря на мою подругу. Ксюша закатывает глаза, фыркает.

— Леша — это мой жених, — объясняет она. — Просто сейчас там сидит избитый, я так подозреваю тобой, Денис, — она указывает пальцем на Роберта, — и рассказывает всем, что его неожиданно избил хозяин клуба, и утащил куда-то несчастную Лизу. — Она усмехается на слове «несчастную». — Денис что, к тебе приставал?

— Да, он распускал свои грязные руки! Пусть скажет спасибо, что я ему их не сломал, — грозно рычит Роберт.

— О, даже так, интересно, — в ее голосе слышна ирония. Похоже, она уже сделала для себя какие-то выводы.

— Мне срочно нужно идти туда, — обращаюсь я к Роберту. Надо успокоить Лешу. Сказать, что со мной все в порядке и как-то объяснить всю эту ситуацию. Он смотрит мне в глаза, поднимает руку, тыльной стороной ладони проводит по моей щеке.

— Ты никуда не пойдешь! Я сам во всем разберусь. Подождешь меня здесь, — решительным, не терпящим возражения тоном, говорит он. Пересаживает меня на диван. Встает. Подходит к шкафу возле двери, достает белоснежный джемпер, быстро надевает его.

— Нет! — пытаюсь возразить я, соскакивая с дивана. Я не могу допустить, чтобы Леша узнал о нашей связи с Робертом. Он оборачивается. Смотрит на меня властным взглядом.

— Елизавета, ты остаешься здесь и ждешь меня, — приказным тоном говорит он.

Роберт открывает дверь, жестом приглашает Ксюшу идти за ним. Подруга растерянно моргает, смотрит то на меня, то на Роберта.

— Вот это да! — произносит она, качая головой. Выходит следом за Робертом. Да уж. Вот это да. Что, черт возьми, сейчас произошло?

Я растеряно стою посреди кабинета в одних чулках, рубашке Роберта на голое тело. Мне срочно нужно одеться и идти туда, пока не поздно. Поднимаю с пола свои трусики, кое-как натягиваю их на свое липкое от пота тело. Быстро надеваю бюстгальтер, платье. Пытаюсь, как-то пригладить свои растрепанные волосы. Выбегаю из кабинета. Быстро спускаюсь вниз. В клубе столько народу. Я теряюсь, мои глаза лихорадочно бегают по залу. Пытаюсь уловить хоть одну знакомую фигуру. Минут двадцать метаясь по залу, но никого не нахожу. В

полном отчаянии выхожу в холл, надеваю свое пальто. Покидаю клуб. Останавливаюсь, с ужасом понимая, что у меня нет сумки, она осталась у Ксюши. И как мне теперь добраться домой? Я даже позвонить никому не могу, мой телефон остался в сумке.

Неожиданно меня резко подхватывают сильные руки, разворачивая в свою сторону. Робеет мягко и нежно мне улыбается. Прижимает к своему сильному телу.

— Ты куда-то собралась? Снова решила от меня сбежать?

— Нет. Я просто искала вас. Где Леша? Что ты ему сказал? — взволновано спрашиваю, заглядывая в его глаза, пытаюсь найти там ответ.

— Да все нормально с твоим Лешей и с Денисом, кстати, тоже, — усмехается он. — Он понял, что был не прав. Больше он к тебе не прикоснется. Поехали домой. Ты устала. — Роберт берет меня за руку и тянет в сторону стоянки.

— Нет. Стой. Что ты сказал Леше? Где он? — не унимаюсь я. Роберт останавливается. Устало потирает лицо руками.

— Елизавета Андреевна. Повторяю еще раз, все в порядке с вашим Лешей. Они уехали домой. Мы поговорили и поняли друг друга. ВСЕ. Пошли, — он опять берет меня за руку тянет к машине. Черт. Они друг друга поняли! О чем они говорили? Что он наговорил Леше? У меня так много вопросов. На которые он так и не дает мне ответов.

Через полчаса Роберт привозит меня к себе в квартиру. Молча, переодевает меня в свою футболку. Раздевается сам, ложится рядом со мной, прижимает меня к себе.

— Давай поспим, малышка, мы оба сегодня устали. Я отвечу на все твои вопросы завтра, — он гладит меня по волосам, пропускает их сквозь пальцы. И я успокаиваюсь. Сегодня выдался очень нервный, насыщенный день. Я действительно очень устала. Удобнее устраиваюсь у него в руках. Погружаюсь в глубокий сон.

Утром просыпаюсь от прикосновения к своей ноге. Медленно открываю глаза. Вижу Роберта, стоящего возле меня. Он ведет пальцами по моей ноге, подбираясь к бедру.

— Доброе утро, малышка, — игриво говорит он, хлопая меня по попке. Он уже полностью одет в черные джинсы, кожаную куртку и футболку. Угадайте, какого она цвета? Не правильно. Она — Черная! Но с белым рисунком. Какие-то замысловатые белые узоры, больше похожие на непонятные знаки. Но она ЧЕРНАЯ. Первый раз вижу на нем футболку черного цвета. Роберт замечает мое замешательство.

— Что? — удивленно вскидывает брови.

— На тебе черная футболка, — поясняю я.

— Да, правда черная, — усмехается он. — И? С ней что-то не так?

— Нет, просто ты всегда носишь белые футболки. Белые рубашки. Расскажешь, почему?

— Может быть и расскажу, — усмехается он. — Но не сейчас. Я сажусь на кровати. От резкого движения стреляет в голове. В горле все пересохло. Черт, зачем я вчера столько пила? Закрываю глаза, медленно сползая на подушку.

— Ай, ай, ай, Елизавета Андреевна! Похмелье — тяжелая штука, — наигранно ругает меня. — Но, я позаботился о Вас, — он берет с прикроватной тумбочки стакан с апельсиновым соком. И таблетку. Протягивает мне.

— Спасибо, — я выпиваю весь сок, запивая им таблетку. — Ты уходишь?

— Хотел накормить тебя завтраком. Но мой холодильник пуст. Так что я быстро съезжу в супермаркет и вернусь к тебе, малышка. Не скучай, — он наклоняется ко мне, проводит языком по моей нижней губе, слегка прикусывает ее. Отстраняется. Берет меня за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза.

— Не нужно никуда ехать. Я не хочу есть. И потом, мне нужно домой. Так что... — он не дает мне договорить.

— Тсс. Сегодня ты останешься здесь. Со мной. На весь день. И не вздумай от меня бежать. Просто оставайся в этой постели, жди меня, — Роберт проводит по моим губам большим пальцем. Быстро целует их. Встает в полный рост. Осматривает мое тело. — У меня сегодня на тебя большие планы. Так что, полноценный завтрак тебе необходим. Тебе понадобится очень много сил, — он разворачивается, подходит к входной двери. Оборачивается.

— И да, душ тоже без меня не принимай, — подмигивает мне и скрывается за дверью.

Я зарываюсь лицом в его подушку. Вдыхаю тяжелый аромат его мускусного парфюма, который разливается по моему телу. Вчера я четко поняла, что не могу сбежать от этого мужчины. Судьба сводит нас. Или имя этой судьбы Ксюша. Меня не покидает ощущение, что она намеренно вчера привела меня именно в этот клуб. Не важно, с ней я разберусь потом. Сегодня я хочу провести этот день с Робертом. И узнать о его больших планах.

Я наверное задремала, потому что меня будит пронзительный звук дверного звонка. Резко соскакиваю с постели, осматриваю комнату, Роберта нет. Кто это может быть? Медленно крадусь к двери. Замечаю на тумбочке связку ключей. Все понятно, Роберт забыл ключи. Иду в одной футболке на голое тело по холодному полу прихожей, Параллельно выдумывая шутку, которую ему скажу. Что-то типа: «Я мальчиков не заказывала» или «Вы кто? Мы Вас не ждали». Открываю замок, резко распахиваю дверь. Улыбка медленно сползает с моего лица. На пороге во всей своей красе стоит... ЕЛЕНА!

ГЛАВА 7

Елизавета.

Вы когда-нибудь ощущали, как жар резкой волной проносится по вашему телу? Как сердце пропускает удар и со всей скорости набирает обороты, отбивая грудную клетку? Как этот хаотичный стук отдается в ваших ушах, заглушая все вокруг?

Мои ноги прирастают к полу, тело парализовано. Не могу пошевелиться. Встречаюсь с надменным взглядом Елены, которая медленно осматривает меня, начиная с голых ног, до растрепанных волос. На ее лице появляется циничная улыбка. Она делает шаг в мою сторону, заставляя меня отступить и пропустить ее вперед. Стук ее каблуков разносится по квартире, заставляя меня вздрагивать при каждом ее шаге. Она медленно идет на кухню, на ходу снимает пальто, кидая его на диван. Открывает холодильник, достает бутылку вина. Поочередно открывает шкафчики, находит нужный фужер, наполняет его вином. Отпивает. Подходит к дивану, осматривает комнату. Задерживает свой взгляд на кровати. Ухмыляется. Поворачивается ко мне, смотрит надменно. От этого взгляда чувствуешь себя ничтожеством. Грязью, которая некстати, налипла на ее идеально чистые сапоги.

Елена садится на диван, закидывает ногу на ногу. Покручивает бокал в руках, немного отпивает, продолжая изучать меня.

— Ну что ты там застыла? Закрой двери и проходи. Эм... — она останавливается, скидывает руку в мою сторону. — Напомни мне, как там тебя зовут?

— Елизавета, — говорю я, пытаясь держать себя в руках. Закрываю дверь. Поворачиваюсь, облакачиваюсь на тумбу, цепляюсь за нее руками. Я в полной растерянности. Не знаю как себя вести. Что сказать? Открываю рот и тут же закрываю. Слово нет.

— Ах да, точно. Елизавета, — мое имя в ее устах звучит как ругательство. — Елизавета. Провела праздник для моего сына и прыгнула в койку к моему мужу. А строила из себя королеву. А на деле, оказалась просто маленькой шлюшкой! — Ее слова бьют пощечиной наотмашь. Жестко, хлестко. Прямо в цель.

Больно, нестерпимо больно, можно иногда словами ударить так, что лучше бы тебе дали настоящую пощечину. Она права, имеет полное право так говорить. Все так и есть. Я знала, что он женат и все равно прыгнула к нему в койку как шлюха. Хочется просто раствориться, испариться, отмотать время назад, чтобы этого ничего не было.

— Ну, что ты растерялась? Знаешь, мне не впервой вышвыривать шлюх из постели своего мужа. Так что давай обойдемся без истерик. Ни тебе, ни мне этого не нужно. Просто собирай свои вещи, — она указывает на мою одежду рядом с ней на кресле, — и беги. Беги подальше. И никогда не попадайся на моем пути. Это тебе мой совет, — усмехается она, залпом выпивая все оставшееся вино в своем бокале.

Быстро подхожу к креслу. Беру свою одежду, стараясь не смотреть на Елену. Глаза щиплет, к горлу подступает ком. Но я держусь. Нет, я не буду плакать перед ней. Она не увидит моей ничтожности. Вся реальность обрушивается на меня, спуская с небес на землю. Боже, какая я дура. Все это так мерзко, меня тошнит от самой себя.

Забегаю в ванну, предательские удушливые слезы все-таки катятся по моим щекам. Умываюсь холодной водой. Быстро одеваюсь. Глубоко дышу. Вдох, еще один. Я должна взять себя в руки. Я не должна плакать перед ней. Выхожу из ванны, быстро прохожу в прихожую, хватаю свое пальто, беру в руки ботильоны. Не хочу, больше здесь находится ни минуты. Вылетаю из квартиры, слышу смех Елены, брошенный мне в спину.

Роберт

Я мчусь по утреннему городу. Домой. К моей девочке. Почему то сейчас я точно уверен, что она не сбежала. Она там, в моей постели. Лиза ждет меня. Она МОЯ. Вот сейчас, в эту самую минуту я понимаю, что попался, что больше не смогу без нее. Я всегда боялся этой зависимости, но черт, у меня ни кто не спрашивал, судьба просто окунула меня во все это. Я уже не смогу выплыть и не хочу этого делать. Я хочу тонуть в этом до последнего вздоха. Это зависимость, которая возникла слишком быстро, которой просто не должно было быть.

Я понимаю, что совершенно не знаю ее. А хочу знать все. Вплоть до того, что она любит есть на завтрак, какой ее любимый цвет, о чем она думает перед сном, как называются ее духи и многое другое. Но самое главное, что творится в ее душе? А то, что там, что то нехорошее, я даже не сомневался. Там боль.

В ту ночь меня разбудил пронзительный, нечеловеческий крик. ЕЕ крик. Крик, который отдавался по стенам темной комнаты, пропитывая меня изнутри, внушая ужас. Она кричала, металась по кровати. Я не понимал, что делать, я прижимал ее к себе, тряс, пытаюсь разбудить. Она кричала, не просыпаясь, ее лихорадочно трясло. Раз за разом повторял ее имя, просил открыть глаза. Меня самого трясло. Внутри все скручивало узлом. Я чувствовал ее боль, которая передавалась мне, сдавливала грудную клетку, не давая дышать. Обхватил ее лицо, просил открыть глаза, посмотреть на меня. Она слышала. Ее глаза были затуманены. Не живые. Но она смотрела мне в глаза и успокаивалась. Обнимал ее, укачивал как ребенка. Мы очень долго сидели в ночной тишине. Прижимал ее к себе, боясь отпустить.

Когда она вошла в ванну, ее взгляд изменился, он стал холодным и отрешенным. Черт. Она требовала, чтобы я жестко ее оттрахал. В любой другой ситуации я бы не задумываясь, воспользовался этим предложением. Но я хотел дать ей тепло и заботу, одарить нежностью

и лаской. Хотел, чтобы она почувствовала меня. Хотел понять ее боль. Забрать ее себе.

Она оттолкнула меня, кричала, что думала, что я другой. Просила уйти и не появляться в ее жизни. Тогда меня охватил гнев, эти слова задели мое самолюбие: ни одна женщина не вышвыривала меня. Я нес ей какую-то чушь про то, что не возвращаюсь. Я и сам тогда верил в свои слова. Я просто вдохнул ее запах, пытаюсь его запомнить. Ушел, громко хлопнув дверью.

Всю неделю пытался не думать о НЕЙ. Хотел выкинуть ее из головы. Сравнивал ее с другими женщинами и все больше понимал, что она не такая. Она — одна единственная. Такой больше нет. И мне чертовски повезло, что я встретил ее. Сам на себя злился за эти мысли, пытался уйти в работу. Забыть. Вычеркнуть. Но ни работа, ни алкоголь не помогали. Становилось только хуже.

В один из вечеров я сорвался и опять трахнул Яну. Просто вымещая на ней весь свой гнев, злобу, отчаяние. Я делаю это с изощренной жесткостью. Доводил ее до слез, смотрел, как они катятся по ее раскрасневшимся щекам. Мой зверь ликовал и просил большего. И я давал ему все, что он хотел. Яна кричала как резанная, получая свой мазохистский кайф. Я раньше говорил, что не унижаю. В тот вечер я унижал. Ставил на колени, заставляя ползать у моих ног. И она смиренно выполняла мои приказы, скуля, просила еще. После всей этой грязи Яна была опустошенной, но очень довольной. Она льнула ко мне как кошка. Я оттолкнул ее, выгнал. Бросил в след, чтобы не обольщалась, это была разовая акция. Да, я самоутверждался. Что и кому я хотел доказать?

На следующее утро я сам себе стал омерзителен. Даже пытался извиниться перед Яной. Но эта чертова мазохистка смеялась мне в ответ, говоря, что кто-бы не разбудил этого зверя во мне, она была рада с ним познакомиться и была бы не прочь все повторить.

Следующим вечером я четко понял, что все мои принципы могут катиться на хрен. Я хочу видеть Елизавету. Хочу чувствовать и ощущать ее. Хочу вдыхать ее чистый цитрусово — ванильный аромат, сжимая в своих объятиях.

Я никак не ожидал увидеть ее в своем клубе. Вот так просто. Она сидит напротив меня. Какой-то белобрысый мудака рядом нагло сжимает мою девочку.

Я держался как мог, не хотел вмешиваться. Хочет быть с другим, пусть будет. Внутри все кипело, сжигая внутренности, выворачивая их наизнанку. Хлестал виски и просто не мог оторвать взгляда от этой парочки. Мысленно я уже придушил и уничтожил их обоих.

Рядом крутилась Яна. Я сорвался, притянул ее к себе, впиваясь жестким поцелуем в губы. Яна была ошарашена. Я практически никогда ее не целовал. И этот поцелуй тоже не принадлежал ей. Это было показательное выступление дешевого театра для Елизаветы. Прошептал Яне на ухо, чтобы шла и ждала меня в кабинете. Зверь проснулся. Его надо было кормить.

Я сидел и впитывал в себя каждое их движение, каждый жест. В следующую секунду Лиза начала вырываться, отталкивая этого мудака. Я практически вздохнул с облегчением. Но это мудака не отпускал, лапал мою женщину своими грязными руками.

Я сорвался. Да. Вот что нужно моему зверю. Молниеносно оказываюсь возле них. Отрываю его от моей девочки, швыряя на пол. В ту минуту я готов был убить за то, что позволил прикоснуться своими грязными руками к Елизавете. Налетаю следом, не давая ему опомниться, бью резко, прямо в челюсть. Хватаю за грудки, что-то кричу. Не знаю, что тогда меня остановило. Полный клуб народу или охранники, смотрящие на меня в растерянности. Скорее всего, это была Елизавета — в ее глазах я видел ужас от происходящего. Схватил ее,

утащил к себе в кабинет. Совершенно забыл про Яну, которая там находилась.

Потом все как в тумане. Почувствовал чистый запах Елизаветы и сошел с ума. Я доказывал ей, что она МОЯ. И никто не имеет право к ней прикасаться.

И вот, сейчас она лежит у меня в постели, ждет меня. Подъезжаю к своему подъезду. Глупая улыбка не сходит с моего лица. Паркуюсь. Не успеваю выйти из машины, как замечаю Елизавету, которая буквально вылетает и подъезда. Остановившись, в растерянности смотрит по сторонам. Черт. Она что, серьезно опять решила сбежать от меня? Выхожу из машины, намеренно громко хлопаю дверью, привлекая ее внимание. Елизавета вздрагивает. Замечает меня, резко разворачивается и быстро уходит. Догоняю, ловлю за руку, разворачиваю к себе. На ней нет лица. Она в полной растерянности.

— Какого хрена, Елизавета?! Ты опять от меня сбегаешь? — Смотрю в ее растерянные глаза и не понимаю. Что-то не так. Что могло случиться за сорок минут моего отсутствия? Она вырывает свою руку. Оглядывается на подъезд.

— Там... — говорит тихо, взволновано. Обрывается на полуслове, глубоко вдыхает. Опять оглядывается на окна дома.

— Что там? Что случилась? — не могу понять ее поведения, почему она сама не своя.

— Там твоя жена, — не смотрит мне в глаза, отворачивается.

— Елена? Елена в моей квартире? Зачем ты еепустила?! — какого хрена эта сука делает в моей квартире? Она вообще должна была улететь на Бали.

— Как я могла не впустить твою жену?! — пытается вырваться, но я не отпускаю. Обхватываю руками ее лицо, вынуждая смотреть на меня. Ее прекрасные глаза красные и воспаленные. Она плакала. Хочется просто подняться и задушить эту суку голыми руками за слезы моей девочки.

— Лизочка, малышка, посмотри на меня. Что наговорила тебе Елена?

— Ничего. Ничего, что не было бы неправдой, — она закрывает глаза. — Пожалуйста, отпусти меня, — тихо просит она.

— Нет, малышка. Я не могу тебя отпустить, — поглаживаю пальцем ее дрожащие губки, целую закрытые глазки. — Пожалуйста, подожди меня в машине. Я ненадолго поднимусь.

— Нет, не надо. Просто вызови мне такси, у меня нет телефона, — маленькая наивная девочка думает, что теперь я ее просто так отпущу.

— Хорошо. Поехали, — беру ее за руку, веду к машине. Открываю заднюю дверь, приглашаю жестом сесть. Моя растерянная девочка просто стоит на месте.

— Роберт, прошу, не надо. Просто вызови мне такси и иди к своей жене.

— К какой черту жене? Жена она мне только по документам. Пожалуйста, сядь в машину. Я все равно никуда тебя одну не отпущу, — Лиза долго смотрит в мои глаза. Кусает свои вкусные губки. Но все-таки садится в машину.

Облегченно вздыхаю, закрываю дверь машины, оборачиваюсь на дом, смотрю в окна своей квартиры. Я бы конечно хотел подняться к себе и кое-что объяснить Елене. Вышвырнуть ее из своей квартиры. Но я боюсь, что Лиза не дождетя меня. Да и не захочет после этого туда возвращаться. Поэтому, к черту Елену. Я хотел провести этот день с Елизаветой и я его проведу, не смотря на испорченное утро.

Елизавета сворачивается на сидении, поджимает свои красивые ножки под себя. Ее глаза закрыты, кажется, она задремала. Какое-то время просто сижу и смотрю на нее. У нее нежная бархатная кожа, красивые шелковые волосы. Родинка на скуле и две маленькие на шейке. У нее такие мягкие и нежные губы. Она прекрасна.

— Может, мы уже поедем? — не открывая глаз, тихо говорит она. Черт, я думал, она спит. Ничего не отвечаю. Усмехаюсь, качая головой. Отворачиваюсь от нее, завожу двигатель. Выезжаю со стоянки, везу мою девочку домой.

Довольно быстро доезжаем до квартиры Елизаветы. Забираю купленные продукты, поднимаемся на нужный этаж. Лиза молчалива, выглядит очень уставшей. Проходим в квартиру, несем пакеты на кухню. Я все-таки должен накормить свою девочку, как и обещал. На кухне, как ни в чем не бывало, сидит подруга Елизаветы, пьет кофе и что-то пишет в телефоне. Заметив меня, хитро улыбается, прищуривая глаза. И почему Дан называет ее Дюймовочкой? Она скорее лиса. Хитрая рыжая лиса.

— Привет. Я думала, что уже не дождусь вас, — она встает, подходит ко мне, забирает из моих рук пакеты, ставит их на стол. — Наконец то, нормальная еда. А то, думала, умру здесь с голоду. У Лизы вечно пустой холодильник, — она заглядывает в пакеты, начинает их разбирать.

Подхожу к приоткрытому окну, на подоконнике стоит пепельница, рядом лежат женские сигареты. Достая свои, прикуриваю, медленно выдыхая сигаретный дым в окно.

— Давно ты здесь? — слышу голос Елизаветы.

— И тебе привет, — смеется ее подруга. — Вообще-то я привезла твою сумку.

— Привет. Извини. Спасибо, — говорит Елизавета, выделяя каждое слово.

Делаю еще пару глубоких затяжек, выкидываю окурок в окно, поворачиваюсь. Лиза переделалась. На ней длинный белый шелковый халат с темно-синим замысловатым узором. Мое воображение тут же подкидывает десятки картин, как я буду снимать этот халат, и что находится под ним. Отхожу от окна, сажусь на кухонный диван, беру мою маленькую девочку за руку, тяну на себя. Она хочет сесть рядом, но я не позволяю, усаживаю ее себе на колени. Одной рукой прижимаю к себе за талию, другую запускаю под халат, поглаживаю ее бедра. Лиза смотрит на меня, удивленно приподнимает брови. Я улыбаюсь ей в ответ, подмигиваю. Мои руки продолжают свое путешествие под шелковым материалом. Чуть-чуть раздвигаю ее ножки, пробегаюсь пальцами по внутренней стороне бедра. Елизавета прикусывает свои вкусные губки, переводит взгляд на подругу, которая складывает продукты в холодильник. Усмехаюсь, убираю руку. Просто прижимаю ее к себе.

— Надеюсь, я вам не помешаю, — говорит ее подруга, оборачиваясь к нам. — Через час за мной приедет Леха, и я вас покину. Я могу быть полезна, — смеется она. — Например, приготовлю вам завтрак.

— Конечно, оставайся, сколько хочешь, — великодушно разрешает Лиза. Надеюсь, ее подруга достаточно умна, чтобы отказаться от ее предложения.

— Нет. Спасибо конечно, но у меня на сегодня еще очень много дел. А с тобой, — она указывает пальцем на Елизавету, — мы поговорим завтра. — Ну, слава Богу, через час я смогу остаться со своей малышкой наедине.

— Давай я помогу тебе с завтраком, — неожиданно заявляет Лиза. Ну нет, у меня на нее совсем другие планы.

— Нет малышка, твоя подруга справится сама. У тебя есть дела поважнее, — я беру ее за руку и веду за собой.

— Какие дела? — упирается она.

— Очень важные, — подхватываю девушку на руки и уношу в ванну. Ставлю ее на пол, закрываю дверь.

— Мы так и не приняли душ, — подхожу к ней вплотную, тяну за пояс ее халата,

развязывая его. Елизавета хватает меня за руки, вынуждая остановиться.

— Стой. Тебя не кажется, что нам надо поговорить? — пристально смотрит мне в глаза, погружая меня в карие омуты. Я тону в них.

— Кажется. Нам действительно надо поговорить. Мне так много надо о тебе узнать, — медленно поднимаю руку, веду пальцем по ее щеке. — Но не сейчас, позже. Давай просто примем душ.

— Хорошо, — говорит моя девочка, сама развязывает пояс.

Останавливаю ее, сам спускаю с плеч халат, он падает к ее ногам. На ей только маленькие черные трусики. С жадностью осматриваю предмет моего вожделения. Наклоняюсь, целую ее мягкие губки, нежно провожу по ним кончиком языка. Лиза втягивает мою нижнюю губу, слегка посасывает, перехватывает инициативу на себя, лаская мои губы своим язычком. Позволяю ей вести, просто наслаждаюсь моментом. Ее пальчики цепляются за мои плечи, сжимаются. Прикусываю ее вкусные губки, разрываю поцелуй.

— Теперь твоя очередь, — одариваю ее наглой улыбочкой.

— Что? — не понимает она.

— Твоя очередь меня раздевать, — поясняю я.

Лиза растеряно моргает, нерешительно берется за края моей футболки, тянет ее вверх. Поднимаю руки, помогая ей. Она замирает на месте, просто рассматривая меня. Беру ее руки, кладу себе на грудь. Невыносимо хочется почувствовать ее прикосновения. Отпускаю ее руки, дальше она продолжает сама. Нежно ведет вниз к моему животу. Мне хочется большего, но я позволяю ей действовать самой. Чувствовать ее теплые руки — чистое удовольствие. Она подбирается к ремню на моих джинсах, медленно расстегивает, поднимает на меня свои красивые глазки, как бы спрашивая разрешения. Киваю головой, разрешая продолжать. Лиза расстегивает ширинку, медленно спускается вниз, снимая мои джинсы. Ее вид на коленях просто сводит с ума, будоража мое воображение. Она снимает с меня джинсы, уже более смело берется за резинку боксеров, продолжая стоять передо мной на коленях. Ее ласковые пальчики стягивают мои боксеры, и мой член буквально упирается ей в губы. Лиза инстинктивно облизывается, сама не понимая, что делает со мной этим жестом. Глубоко вдыхаю. Не сейчас. Я не за этим ее сюда позвал. Поднимаю ее за плечи. Сам прикасаюсь к ее груди, нежно веду вниз, повторяя ее движение. Так же поддеваю пальцами ее трусики, медленно стягиваю их вниз. Теперь моя очередь облизывать губы. Хочу ее попробовать. Черт, зря я затеял эту игру. Не выдерживаю, нежно веду губами по ее стройным ножкам вверх, целую ее гладкий лобок. Быстро поднимаюсь, пока не передумал. Позже. Мысленно уговариваю сам себя, что сейчас моя цель — просто расслабить ее. Она слишком напряжена из-за утреннего инцидента.

Включаю душ, настраиваю теплую воду. Беру Елизавету за руку, увлекая за собой в душевую кабину. Мы встаем под теплые струи воды, смотрю, как капли воды стекают по ее прекрасному телу. Ничего прекраснее в жизни не видел. Притягиваю ее к себе. Просто стоим в обнимку под струями воды. Чувствую, как моя девочка медленно расслабляется, ее шаловливые пальчики пробегаются по моей спине, как ее сосочки трутся об мою грудь, вызывая в моем теле приятную дрожь.

— Ну, нет, — усмехаюсь я, качая головой. — Я не за этим Вас сюда позвал, Елизавета Андреевна, — чем вызываю ее разочарованный стон.

Резко разворачиваю ее к кафельной стене. Елизавета ахает, упирается руками в стену.

— Ты же сказал, что не за этим меня сюда позвал? — с придыханием спрашивает она.

Она так невыносимо красива, когда возбуждена.

— Все правильно, не за этим. Просто держи руки на стене, — моя послушная девочка подчиняется. Черт, я и сам держусь из последних сил. Но предвкушение иногда лучше самого секса. И потом, я не уверен, что мы будем вести себя тихо с Елизаветой. Это невозможно. Не хочу, чтобы кто-то слышал оргазмы моей девочки, даже ее подруга. Они мои! Беру гель для душа, растираю между ладоней, осторожно касаюсь губами ее ушка, медленно спускаюсь все ниже и ниже. Одновременно нежно скольжу руками по ее мокрому телу, не прекращая целовать ее шею. Елизавета отталкивается от стены, откидывает голову мне на плечо, закрывает глаза.

— Да, вот так, малышка, просто расслабься, — шепчу ей на ушко.

Нахожу ее губы, целую нежно, исследую ее губы, язычок. Плавными движениями намыливаю ее тело. Сегодня она мягкая и податливая, никакого сопротивления, она принимает мою ласку, чувствует меня. С ее прекрасных губ срывается стон, ловлю его своими губами, поглощая. Понимаю, что еще пять минут, и мы не сможем остановиться. Со стоном отстраняюсь от нее, разворачиваю к себе. На лице моей девочки недоумение и разочарование. Да, она завелась по полной. Но мы играем по моим правилам. Усмехаюсь, беру гель для душа, протягиваю ей.

— Твоя очередь, — поясняю я. Хочу почувствовать ее прикосновения.

Елизавета берет гель, растирает между ладошек нерешительно подходит. Медленно скользит по моей груди, плечам, рукам, животу. Поворачиваюсь, ее мыльные ладошки проходятся по моей спине. Боже, как приятно, я просто плавлюсь от ее ласк. Ее руки подбираются к моему паху. Перехватываю их.

— Это очень опасная зона, — игриво предупреждаю я. — Лучше мне сделать это самому.

Лиза отстраняется. Беру еще немного геля, провожу рукой по твердому члену. Черт. Под ее пристальным взглядом, в котором горит огонь и предвкушение, понимаю, что я зря это затеял. Быстро убираю руки. Притягиваю ее к себе, направляя нас под струи воды, смывая всю пену.

— Ну вот, по-моему, мы чистые, — говорю я мимолетно, касаюсь ее губ. Тяну за собой из душа. Вытираю полотенцем. Сегодня она такая послушная, все принимает, не сопротивляясь, не требуя от меня грубости и жесткости. Что изменилось за неделю? Надеваю на нее ее прекрасный халатик. Вытираюсь сам, быстро одеваюсь.

Проходим на кухню. Ее подруга действительно полезна, на столе нас ждет завтрак на троих. Весь завтрак девушка рассказывает про подготовку к свадьбе. Лиза молчалива, отвечает односложными предложениями, иногда просто кивает. Интересно, она всегда такая или только в моем присутствии? Чувствую вибрацию телефона в кармане, достаю его, смотрю на экран. Это Елена. Замечаю десять пропущенных звонков от нее же и три сообщения. Видимо, она звонила, когда мы были в душе. Просто отключаю телефон, не хочу сегодня даже вспоминать о ней. Наконец, Ксения нас покидает. Быстро одевается, целует Лизу в щеку, что-то шепчет ей на ухо, усмехается, и мчится к ожидающему ее жениху. Иду на кухню, приоткрываю окно, прикуриваю сигарету. Ко мне подходит Елизавета. Тянет руку к моим сигаретам, перехватываю ее, отдаю ей свою. Она делает довольно глубокую затяжку, выпуская дым в окно.

— Давно ты куришь? — интересуюсь я.

— Я вообще не курю, — усмехается она. — В институте как то баловалась, потом

бросила. Сейчас — очень редко, только когда хочу немного расслабиться, и то, так пару затяжек.

— Пара затяжек уже кончились, — забираю у нее сигарету, курю сам. — Сейчас ты напряжена? — Елизавета не отвечает, отводит взгляд. Выкидываю окурочек в окно, закрываю его. Подхватываю Лизу, сажаю на подоконник, раздвигаю ее ножки, встаю между них. Беру за подбородок, вынуждая смотреть мне в глаза.

— Ты не ответила, — она смотрит мне в глаза.

— Ты обещал поговорить, — нерешительно произносит она.

— Обещал. Хочешь начать первой? — чувствую, что после встречи с Еленой ей есть, что мне сказать.

— Эм... — она останавливается, собирается с мыслями. — Твоя жена, — опять замолкает.

— Ну же, малышка, задай свой вопрос.

— Какие у вас с ней отношения? — не совсем то, что я ожидал, но все же она решилась. Решаю ей помочь, избавить ее от неприятных ей вопросов.

— И так, моя жена. Женаты мы уже шесть лет. Как ты могла заметить, мы с ней не живем вместе, уже около года. В данный момент нас связывает только Илюша. Развод, к сожалению, пока не возможен. У нас очень сложные отношения. Но я работаю над этим. Все, конец истории, — она хмурит бровки, отворачивается от меня, смотрит в окно. Наклоняюсь, провожу носом по ее шейке, вдыхаю ее божественно чистый аромат. Обвожу кончиком языка ее вкусную родинку.

— Поговори со мной, расскажи, что творится в твоей замечательной головке, — поворачиваю ее лицом к себе. Мне нужно видеть ее глаза.

— Просто чувствую себя шлюхой, которая прыгнула в кровать к женатому мужчине. Это так мерзко, — чувствую почерк Елены. Она слово в слово повторяет ее слова. Я когда-нибудь все-таки придушу эту суку.

— Во-первых, ты — не шлюха. Не смей так себя называть! Во-вторых, ты никуда не прыгала. Ты считаешь, что то, что между нами происходит — это мерзко? — Лиза отрицательно качает головой, пытается что-то сказать, но останавливается. — Ты — самое прекрасное, что случилось в моей жизни.

— Не надо, — тихо говорит она. — Черт, последняя фраза явно была лишней. Но она вырвалась сама собой. Елизавета пока не готова слышать таких громких слов. Да я и сам от себя не ожидал.

— Теперь моя очередь задавать вопросы, — спешу перевести тему.

— Что ты хочешь знать?

— Все! Я хочу знать о тебе абсолютно все, — уверенно заявляю я. Действительно хочется знать о ней все. Но начну с более безопасных тем. Она еще не доверяет мне, чтобы открыть передо мной душу. Боюсь ее спугнуть своей настойчивостью.

— Например? — Елизавета заметно напрягается.

— Ну, начнем сначала. Когда у тебя день рождения?

— Двадцать восьмого декабря, — расслабившись, отвечает она.

— Хорошо, — улыбаюсь ей в ответ. — Какие ты любишь цветы?

— Пионы.

— Значит, я тогда угадал? — говорю я, вспоминая, как послал ей корзину пионов. Лиза кивает головой в знак согласия. Целую ее губки, просто не могу не прикасаться к ней.

— Это все твои вопросы? — спрашивает она, когда я прерываю наш поцелуй.

— Нет, Елизавета Андреевна, это только начало. Когда дело касается Вас, я становлюсь очень любопытным, — подхватываю ее на руки, понуждая ее закинуть ноги мне на пояс.

— Что ты делаешь?! — возмущается она.

— Переносу нас в боле удобное место для разговоров, — усмехаюсь я.

Несу ее в спальню. Кидаю на кровать. Лиза взвизгивает от падения, но матрас достаточно мягкий. Падаю рядом с ней.

Последующее несколько часов мы просто лежим на кровати, я задаю ей кучу вопросов. Не могу перестать прикасаться к ней, мои руки тянутся сами по себе. Дразню свою девочку, запуская руки ей под халатик, при этом не забывая задавать вопросы. Иногда Елизавета теряет, забывая, о чем я спросил. Смеюсь, убираю руки с ее сладких местечек, и тогда она вспоминает. Из всего нашего разговора я понял одно: Лиза очень одинока, не смотря на окружающих ее людей. Я чувствую ее боль, которую она умело пытается скрыть. Хотел бы я понять источник ее боли, забрать ее себе. Но пока она не готова открыться передо мной. Я подожду.

После обеда прошу ее сварить кофе, которым она покорила меня в нашу первую встречу. В процессе наблюдения за ней, у меня возникает замечательная идея.

— Елизавета Андреевна, может нам прогуляться по городу, посидеть где-нибудь в кафе? Очень хочется накормить Вас каким-нибудь вкусным десертом, чтобы Ваши губки стали еще слаще, хотя это, наверное, невозможно, — она лукаво мне улыбается.

— Вот никогда бы не подумала, что ты любишь сладкое, — смеется она.

— Я и не люблю, только если на твоих губах или теле.

— Роберт, ну какие прогулки? Мы ведь уже не дети. Давай останемся дома.

— У тебя пятнадцать минут, чтобы собраться. Время пошло, — с Елизаветой я понял одну вещь: ею нужно управлять, нельзя давать ей время для раздумий.

— Зачем ты у меня спрашиваешь, хочу ли я поехать, если мой ответ тебе не нужен? — возмущенно говорит она.

— Тринадцать минут. Если ты не оденешься за это время, я утащу тебя в этом халате, — серьезно говорю я, демонстративно смотря на часы.

Лиза хмурит брови, но подчиняется. Ровно через десять минут она предстает передо мной в чертовски сексуальных джинсах, плотно обтягивающих ее соблазнительную попку. На ней белый свитер. Волосы собраны в хвост. И ни грамма косметики. Она кажется такой юной и невинной, моей маленькой девочкой.

На город медленно спускаются сумерки, в свете ярких фонарей и неоновых вывесок кружат белые хлопья снега. Угрюмые прохожие после рабочего дня торопятся домой. Мы гуляем по парковым аллеям, центральным улицам. Белые снежинки падают на пушистые ресницы Елизаветы. Я грею ее холодные ладошки, растирая в своих руках. Чувствую себя подростком. Но, черт, мне все это безумно нравится. Кажется, я вообще никогда так не гулял с девушкой, даже в школьные годы. Елизавета немного смущена и опять молчалива. В это момент я бы многое отдал, чтобы узнать, что творится в ее голове.

Мы греемся в маленькой уютной кофейне. Кормлю ее шоколадным десертом. Она сопротивляется, хочет забрать у меня ложку, чтобы есть самой. Но когда я ей уступал? Мне безумно нравится кормить ее самому. Смотреть, как ее губки обхватываю ложечку, как кончик ее языка проходится по губкам, которые я намеренно пачкаю, чтобы вновь наслаждаться этим эротичным видом. Скармливаю последнюю ложку, поддаюсь к ней,

целую ее сладкие шоколадные губы.

— Десерт был великолепен, — шепчу ей прямо в губы.

— Но ты даже не попробовал, — отвечает она.

— Я только что его попробовал, мне безумно понравилось, — смотрю в ее затуманенные глазки. Ее дыхание учащается. Чувствую, как она сжимает ножки под столом. Опускаю руку на ее коленку, чуть сжимаю, веду выше, поглаживаю ее бедра. Эмоции на ее лице меняются мгновенно, глаза становятся темнее и насыщеннее.

— Ты специально это делаешь? — с придыханием спрашивает она. Конечно специально. Это игра называется «отложенное удовольствие». Но ей не обязательно это знать.

— А что я делаю? — делаю вид, что не понимаю. Лиза ничего не отвечает, тянется ко мне. Я отстраняюсь. Она хмурит брови, поджимает свои красивые губки.

— Ты ничего не делаешь, только дразнишь меня весь день! — возмущается она.

— Чего ты хочешь, Елизавета? — хочу, чтобы она произнесла это вслух.

— Ничего. Спасибо за прогулку, вкусный десерт. Уже поздно и мне пора домой, — на ее лице играет наглая, дерзкая улыбка. Лиза решила поменять правила в моей игре? Ну что ж, это забавно. Пожалуй, я подыграю ей. Посмотрим, сможет ли она так же уверенно дойти до конца.

— Да конечно, позволь я довезу тебя до дома? — я тоже одариваю ее дерзкой улыбкой.

Мы поднимаемся, обнимаю ее за талию, веду к машине. Едем мы в полной тишине. Иногда ловлю ее взгляд в зеркале, но она тут же отворачивается, делая вид, что ее интересует вид за окном. Что ж, Елизавета Андреевна, в эту игру можно играть вдвоем. Посмотрим, надолго ли Вас хватит. Довольно быстро доезжаем до дома. Выхожу из машины, открываю ей дверь, помогаю выйти из машины.

— Позвольте проводить Вас до квартиры, — не дожидаясь ее ответа, беру за руку, веду за собой.

Доходим до квартиры, останавливаемся. Резко беру ее за талию, прижимаю к стене, хватаю за шею, впиваюсь в ее губы. Елизавета ахает, цепляется руками за мою куртку, тянет на себя. Мой язык нагло вторгается в ее рот, сплетаясь с ее. Она полностью обезоружена, отдается во власть моих рук. Замираю, вдыхаю ее запах. Моя девочка облизывает свои губы, начинает подрагивать. Она хочет меня здесь и сейчас.

— Спасибо за приятно проведенный вечер, — прямо в губы говорю я. Отстраняюсь от нее, беру за руку, подношу к своим губам, нежно целую. — Доброй ночи, Елизавета Андреевна. Я Вам позвоню. — Опускаю ее руку, отталкиваюсь от двери. Вижу в ее глазах разочарование, растерянность. Хищно улыбаюсь, разворачиваюсь, медленно ухожу. Давай, Лиза, реагируй, я не люблю проигрывать. Меня самого разрывает от желания.

— Ты что, действительно вот так уйдешь? — Да! Есть! Я выиграл. Один-ноль, Елизавета Андреевна. Один-ноль. Медленно поворачиваюсь, подхожу к ней.

— Что ты хочешь, малышка? Ты должна это сказать, — она поджимает губы, злится. Но все-таки произносит:

— Тебя. Я хочу тебя! — усмехаюсь ей в ответ.

— Я здесь, ты должна сказать конкретней.

— Я хочу, чтобы ты меня взял, — она учащенно дышит. Кажется, я довел ее до предела, и это очень хорошо.

— Давай идем. Не хочу, чтобы твои соседи знали о твоих желаниях, — Лиза быстро

разворачивается к двери, ищет в сумочке ключ. Кое-как находит, пытается вставить его в замок. У нее не получается, она нервничает. Забираю у нее ключ, сам открываю дверь. Пропускаю внутрь. Снимаю куртку, помогаю снять ей пальто. Веду в спальню, остаиваюсь возле кровати. Отпускаю ее, отхожу на несколько шагов назад, облокачиваюсь на стену.

— Итак, чего конкретно ты хочешь? — мне нужны подробности, я хочу, чтобы она сказала мне о своих желаниях.

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул! Ты это хотел от меня услышать? — раздраженно выдает она. Моя девочка злится, когда не удовлетворяют ее желания. Хватит ее мучать, пора переходить к делу.

— Не совсем то, что я хотел, но для начала достаточно, — усмехаюсь я. — Раздевайся!

Утром просыпаюсь от ощущения пустоты. Открываю глаза, ее нет. Не могла же она сбежать из собственной квартиры? Или могла? Встаю, надеваю джинсы, выхожу из комнаты. Нахожу Елизавету в гостиной. Она сидит на диване спиной ко мне. В моей футболке, ее волосы собраны в небрежный пучок. Солнечные лучи играют в ее волосах, переливаясь разными оттенками. Она божественна. Черт, как я мог так быстро стать зависимым от этой женщины? Медленно подхожу к дивану, обхожу его. Опускаюсь на корточки перед Елизаветой, заглядываю в глаза.

— Доброе утро, малышка. Ты рано встала, — беру ее руки, поочередно целую каждый пальчик.

— Доброе. Мне надо на работу, — немного скованно отвечает она. Пытается вырвать руки, но я не отпускаю. У нее такое переменчивое настроение. Замечаю, что ее волосы слегка влажные.

— Ходила в душ? Без меня?

— Да. Это проблема? — слегка приподнимает брови.

— Это правило. Когда ты вместе со мной, душ мы принимаем вместе.

— Не знала, что у нас есть правила, — слегка улыбается, но улыбка затрагивает лишь ее губы.

— Теперь есть, — уверенно говорю я. Смотрю в ее грустные глазки. Хотел бы я знать ее печаль. — О чем ты думаешь?

— Да так, ни о чем. Мне просто действительно надо на работу, — ушла от ответа. Но я узнаю, позже, но узнаю. — Я приготовила завтрак. Иди в душ, у меня есть еще немного времени, чтобы позавтракать с тобой, — нерешительно поднимает руку, ведет по моей щеке. Кладу свою руку по верх ее нежной и теплой ладонки, крепче прижимаю к своей щеке. Закрываю глаза, просто наслаждаюсь моментом.

— Роберт, у меня действительно мало времени, — тихо говорит она. Подаюсь к ней, нежно целую в губки.

— Хорошо, я в душ, — отпускаю ее. Встаю, помогаю ей подняться. Тяну на себя, обнимаю за талию.

— Мне чертовски нравится, что ты в моей футболке, — шепчу на ушко, шлепаю по попке, и быстро ухожу в ванну.

Завожу мою девочку на работу, в течение получаса не могу выпустить ее из машины. Пересаживаюсь к ней на заднее сидение, целую все доступные мне места. Вдыхаю ее аромат, никак не могу насытиться ей. В кармане жужжит телефон. Не выпуская Лизу из своих

обьятий, необдуманно достаю его. На экране большими буквами высвечивается имя «Елена». Елизавета смотрит на дисплей, на меня. На лице маска полного безразличия.

— Отпусти меня, мне действительно пора, — отпускаю ее. Елизавета незамедлительно открывает дверь, быстро выходит из машины. Не оборачиваясь, торопливо бежит в сторону кафе. Телефон не прекращает вибрировать, что ужасно раздражает. Хочется просто разбить его к чертовой матери. Выхожу на улицу, глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться, прикуриваю сигарету. Звонок прерывается. Сажусь за руль, кидаю телефон на панель, делаю пару глубоких затяжек. Если вам кто-нибудь когда-то скажет, что сигареты успокаивают, не верьте. Ни черта они не успокаивают. Это просто привычка, вредная психологическая привычка. Телефон опять начинает вибрировать. Что ж этой СУКЕ надо от меня? Отвечаю на звонок.

— Да! — пытаюсь держать себя в руках.

— Привет, милый! — слышу приторно слащавый голос Елены.

— Давай ближе к делу. Если ты просто позвонила поздороваться, ты не по адресу.

— А почему это я не могу просто так позвонить любимому мужу и узнать как у него дела? — усмехается она.

— Смешно. Я оценил твою шутку, Елена. И так, что ты хотела? И почему ты не улетела?

— Мне очень лестно, что ты за меня переживаешь, — язвит она. — Моя поездка немного задержалась. Были проблемы с документами. Но, спешу тебя обрадовать, все уже решилось. Я вылетаю сегодня ночью.

— Прекрасно! Счастливого пути. Это все, что ты хотела сказать?

— Нет, не все! Поскольку я задержалась, Илюша может остаться у твоих родителей еще на неделю.

— А вот это — действительно хорошая новость. У тебя все? — с каждой секундой нашего разговора мне все сложнее держать себя в руках.

— Да, милый, это все. И передай от меня привет своей новой маленькой шлюшке. Интересно, она знает, какая она у тебя по счету? — сжимаю руль так, что, кажется, мои кости сейчас треснут. Глубоко вдыхаю. Пытаюсь подавить в себе желание просто поехать и придушить эту тварь. Елена пользуется моментом и скидывает звонок. Сука, Сука! Только у нее получается за несколько минут испортить мне настроение на весь день.

Весь оставшийся день работаю. Буквально насильно отправляю Яну на выходной, она последнее время очень навязчива, чем ужасно бесит меня. К вечеру понимаю, что ужасно соскучился по моей малышке. Несколько часов без нее мне кажутся вечностью. Черт, я, похоже, окончательно влип. Эта зависимость до ужаса пугает меня. В десятый раз порываюсь набрать ее номер, но останавливаю себя. А, к черту все. Срываюсь. Сажусь в машину, мчусь к ней. Буквально насильно утаскиваю ее к себе в клуб. Всю дорогу Елизавета хмурится, что-то бурчит себе под нос. Но едет со мной. Поскольку я отправил Яну домой, я не могу оставить клуб. Просто хочу, чтобы Елизавета была со мной рядом. Просто сидела у меня в кабинете. Хочу и все. Да и кто мне сможет запретить?

Сажусь за рабочим столом, просматриваю бумаги, иногда просматриваю камеры наблюдения на мониторах, стоящих рядом со мной на столе. Да, я привык все контролировать сам, поэтому изображения с главных камер выводятся не только к охране, но и в мой кабинет. Елизавета сидит на диване, пьет кофе, лениво листает каталог с какой-то косметикой. Вздыхает, поворачивается в мою сторону.

— Напомни мне еще раз. Зачем я здесь нахожусь? — внимательно смотрит на меня.

— Потому что я так хочу, — самоуверенно заявляю я. Но это, черт побери, правда. Другого объяснения у меня по просту нет.

— Интересный аргумент, — смеется она. Вот и хорошо, она уже злится на меня. Встаю из-за стола, сажусь рядом с моей девочкой. Притягиваю к себе, наклоняюсь к ней, провожу языком по губам. Легонько всасываю нижнюю губу. Слышу, как резко распахивается дверь. Оборачиваюсь. Вижу на пороге Дана, который ухмыляется, с интересом рассматривая мою девочку.

— На моей двери что, висит табличка «Входить без стука»? — Недовольно смотрю на него. Елизавета смущается, пытается отстраниться, но я не отпускаю.

— Ох, извините меня, большой начальник. Я исправлюсь. — смеется этот гад. Проходит в кабинет, садится за мой рабочий стол. — Не познакомишь меня со своей королевой?

— Да, конечно, знакомься. Лиза — это Данил. — Намеренно называю его полное имя, зная, что он этого не любит.

— Можно просто Дан, — его взгляд обещает мне долгую и мучительную смерть. — Лиза, не подскажите, почему Вы мне кажетесь знакомой?

— Может потому, что мы виделись неделю назад? — смеется Елизавета. Интересно, и где это они могли видеться? — Но Вы так были увлечены беседой с моей подругой, что забыли познакомиться со мной.

— Ах, да, вы подруга Дюймовочки, — заметно оживляется он. — Извините меня, Лизочка, но тут я не виноват, ваша подруга настолько меня очаровала, что я никого вокруг не замечаю, — смеется он. — Кстати, передавайте ей большой привет. — Лиза просто кивает в ответ. Слышу тихий стук, дверь медленно приоткрывается, на пороге появляется официантка, на ее подносе две чашки кофе.

— Ты уже и кофе заказал, — прищурившись, смотрю на Дана.

— Конечно, от тебя ведь не дождешься, — смеется он. — А между тем, я пришел не просто так, — он достает из своей сумки черную папку и игриво машет ей. Надеюсь, это то, что я так долго от него ждал. Тогда я должен ему не просто кофе, а целую кофейную плантацию. Внимательно и серьезно смотрю ему в глаза. Дан также серьезно кивает мне в ответ, подтверждая мои догадки.

— Юлечка, задержитесь на минутку, — обращаюсь к официантке. Поворачиваюсь к Елизавете, наклоняюсь, шепчу на ухо:

— Малышка, пожалуйста, подожди меня в зале, я не долго. Очень важный разговор, — целую чувствительное местечко за ушком. — Только, пожалуйста, не сбегай от меня.

— Хорошо, я постараюсь. — на ее лице хитрая улыбка.

— Юлечка, проводите, пожалуйста, Елизавету к моему столику в vip-зоне. И принесите ей кофе и наш фирменный десерт, — официантка кивает в ответ, жестом приглашает Лизу идти за ней. Провожая ее взглядом. Когда за ними закрывается дверь, Дан с грохотом кидает папку на стол. Встаю с дивана, подхожу к нему, сажусь за стол напротив него.

— Елизавета значит. А она ничего, — ухмыляется этот гад. — Поделишься? — по мне проходит волна гнева. Я на секунду забываю, что он мой друг, и что у него такое чувство юмора. Я просто готов скормить ему его собственный язык за такие слова. Дану ничего не надо объяснять, он все понимает, лишь просто посмотрев мне в глаза.

— Да успокойся ты, я просто пошутил. Согласен, шутка не удачная, — он поднимает руки вверх, как бы показывая, что сдается. — Что, все так серьезно? — игриво подмигивает он.

— Дан, давай ближе к делу.

— Давай, — он толкает папку в мою сторону, ловлю ее.

— Это то, что я думаю?

— Не знаю, смотря о чем ты думаешь, — улыбается.

— Дан, мне не до шуток, — сверлю папку глазами. — Насколько здесь все серьезно?

— Достаточно, чтобы осуществить все, чего ты хочешь, — уже серьезно говорит он. —

Только советую тебе все очень хорошо обдумать.

— Думаешь, я не знаю этого? Я последние два года только занимаюсь тем, что думаю.

— Я не сомневаюсь в том что ты думаешь, но и Сокола просто так не подцепишь на крючок, — и это он мне будет рассказывать, каков мой тесть? За шесть лет я довольно хорошо его изучил. — Есть определенные мысли? — с интересом спрашивает он.

— Есть. Скоро важные выборы для Сокола. Сам понимаешь, он должен выглядеть просто ангелом перед лицом избирателей. Да и конкуренты ему на пятки наступают, — прикуриваю сигарету, выпускаю дым в потолок.

— Конкуренты. — заинтересовано произносит Дан, — а это не плохая идея. Кто там его главный оппонент? Ветлитцкий?

— Он самый. Но я пока обдумываю это идею.

— Обдумай, Роберт. Хорошо обдумай. Изучи содержимое папки и еще раз обдумай, стоит ли игра свеч, — предупреждает он. Только я давно решил, что стоит. — Могу помочь, если что.

— Спасибо, Дан. Но ты уже и так достаточно сделал. Не хочу еще больше втягивать тебя во все это дерьмо. Мне и так за всю жизнь перед тобой не рассчитаться.

— Ох, не преувеличивай. Мне будет достаточно пожизненной золотой vip-карты твоего клуба, — усмехается он.

— Я знал, что у тебя свой корыстный интерес, — шучу я.

— Ну а ты как думал. Ни кто ничего просто так не делает, — смеется он. — Ладно, пойду я, у меня еще куча дел. Беги к своей Королеве.

Мы поднимаемся, я прячу папку в сейф, вместе выходим в коридор. Возле лестницы прощаюсь с Даном, который еще раз настойчиво предлагает мне все обдумать. Хлопает меня по плечу и удаляется. Я обдумую, но не сегодня.

Направляюсь в vip-зону, ищу Елизавету. Натыкаюсь глазами на ошеломительную картину. За моим столиком вместе с Лизой сидит Яна. Твою мать! Яна. Что она вообще здесь делает, ведь я отправил ее домой. Она что-то весело и даже дружелюбно щебечет моей девочке. Со стороны может показаться, что они лучшие подруги. Какого черта она делает? Все мои бывшие женщины решили лично познакомиться с Елизаветой?

ГЛАВА 8

Роберт

Передо мной разворачивается очень интересная картина. Яна что-то воодушевленно рассказывает Елизавете, улыбаясь во все свои тридцать два зуба. Лиза повернута ко мне спиной, я не вижу ее реакции. За два года я очень хорошо изучил Яну. Она ничего не делает просто так. Яна будет льстить Вам в лицо, мило улыбаться. А в голове строить планы, какую выгоду можно извлечь из вашего знакомства. В окружении Яны нет случайных людей, все для чего-то ей нужны. Если вдруг Вы стали ей не выгодны и не полезны, она, просто не задумываясь, вычеркнет Вас из жизни. Так было с ее мужем. Именно поэтому она работает у

меня. Тем она и ценна как сотрудник. В этой ситуации мне ближе Елена. Моя жена всегда говорит что думает. Грубую, жесткую, надменную, циничную, иногда глупую, но правду. Елена никогда не всадит Вам нож в спину, при этом мило улыбаясь. Чего нельзя сказать про Яну. Когда-то именно этим она меня и привлекла, в ней была загадка, которую я долго разгадывал. Что она задумала?

Облокачиваюсь рукой о стену, наблюдаю. Яна будто чувствует, что я наблюдаю, смотрит на меня. Медленно встает, пожимает руку Лизе, приближается. Сворачиваю в коридор, чтобы нас не было видно из зала.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю ее, когда она подходит ближе. Поднимает руку, пытаюсь прикоснуться ко мне. Перехватываю, сжимаю запястья, понимаю, что Яну это не остановит, она любит боль. Быстро отпускаю. — Отвечай, — требую я, начиная закипать.

— Я что, не имею права в свой выходной просто прийти отдохнуть? — усмехается она.

— Яна, что ты задумала? — она приподнимает брови, делая вид, что не понимает меня.

— Ты о чем? — ох, актриса из нее плохая. Все она понимает.

— Ты знаешь о чем! Не зли меня, Яна. Не советую.

— Может я этого и добиваюсь? — дерзко говорит она, смотря мне в глаза. Глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться и не сорваться.

— Яна! — предостерегаю ее от опасной игры.

— Хорошо, хорошо, успокойся. Я просто познакомилась с Елизаветой. Кстати, она довольно милая. Всегда говорила, что у тебя хороший вкус. Не боишься, что наиграешься с ней, и она тебе наскучит? Жалко будет девочку, — ехидно улыбается она.

— Яна, не лезь не свои дела! — зло усмехаясь ей в ответ. — Ты ничего не делаешь просто так. Зачем тебе это нужно?

— Я, между прочим, тебе помогла. Я все ей объяснила.

— Я не просил тебя о помощи. Что значит, ты все объяснила? — какого черта творит эта женщина?

— Сказала, что мы с тобой просто друзья. И тот поцелуй ничего не значил. Ты просто ревновал ее.

— Она тебя спрашивала об этом?

— Нет. Но...

— Какого черта, Яна, ты лезешь не в свои дела?! — срываюсь я, перебивая ее бред. — Она тебя не спрашивала, я не просил о помощи! Знаешь что, заканчивай свою самодеятельность. Не приближайся больше к Елизавете.

— Ты такой сексуальный, когда злишься, — мурлычет она, кладет руку мне на грудь, поглаживая ее.

— Все, разговор окончен, — убираю ее руку, слегка отталкивая. — Я надеюсь, ты меня поняла. Поняла?!

— Да, конечно, Роберт, я тебя поняла, — что-то подсказывает мне, что она ни хрена не поняла.

Отодвигаю Яну в сторону, быстро удаляюсь. Теперь мне надо поговорить со своей малышкой. Узнать, насколько все усложнила Яна в наших далеко не идеальных отношениях.

Елизавета

Я сижу за столиком, слушаю тихую, медленную, приятную музыку. Сегодня будний день, еще рано, клуб только начинает свою ночную жизнь. Смотрю на причудливо свисающую металлическую фигуру на потолке — она медленно крутится по часовой

стрелке, поблескивая в свете неоновых огней. В моей голове крутится куча разных мыслей, наслаиваясь друг на друга, никак не собираясь в одну. Я пытаюсь осмыслить все, что произошло со мной за последние сутки. Роберт вроде тот же, но в то же время другой. Я четко видела перемену в его взгляде, поведении. И эти перемены до ужаса пугали. Пугал его через мерный интерес ко мне, его многочисленные вопросы. Каждую секунду я боялась, что он задаст вопрос, на который я не смогу дать ответ. Вопрос, который выведет меня из такого уравновешенного состояния. И я закачу очередную истерику, выкинув нечто не адекватное. Но он легко обходил острые углы, разговаривая со мной на безопасные темы. Ночью он одаривал меня лаской и нежностью, я терпела, сколько могла. Да, именно терпела. Пыталась отдаться чувствам, эмоциям. И у меня даже получилось на некоторое время, пока что-то не щелкнуло в моей больной голове. Роберт уловил эту перемену. Как же быстро он меня изучил. Он точно знал, что делать. Оставаясь нежным, он доминировал, управлял, разжигал страсть, огонь, дарил мимолетную ласку, чередуя ее с обжигающей болью, не оставляя ни единого шанса на раздумья, делая все, чтобы я улетала в космос. Если быть честной, я новичок в таких играх в постели. Роберт — второй мужчина в моей жизни. Да, да, Вы не ослышались. Мне двадцать пять лет, и он — второй. Хотя я наивно полагала, что судьба дарует мне только одного. Раз и навсегда. Марк был полной противоположностью Роберта. Он всегда был нежен, мягок, заботлив. Наш секс ассоциировался у меня с чем-то мягким, воздушным, неземным. Никакой грубости, никакой жестокости. Мы не трахались, мы занимались любовью. Нежной, ванильной любовью. Он называл меня своей принцессой, я смеялась и говорила, что тогда он — мой принц. Именно поэтому я требовала от Роберта страсти, жестокости, чтобы ничего не напоминало мне о моем муже.

Из моих размышлений меня выводит теплое прикосновение мужских рук к моим плечам. Роберт обходит стол, садится напротив меня. Берет мои руки, слегка сжимает. Заглядывает в глаза.

— Привет, — мягко произносит он.

— Привет, — смотрю в его черные глаза и вижу в них тревогу. Я догадываюсь, из-за чего.

Яна. Очень интересная особа. Полчаса она уверяла меня, что они с Робертом просто друзья, их связывает просто работа. И тот поцелуй ничего не значил. Хотя я у нее ничего не спрашивала и не просила объяснений. Мне очень не понравилась ее фальшивая улыбка. Говорила она одно, но всем своим видом показывала, что знает его гораздо ближе.

— Она твоя бывшая любовница? — напрямую спрашиваю я.

— Откуда такие выводы, Елизавета Андреевна? Это Яна Вам сказала? — он улыбается, но рефлекторно сжимает мои руки. Я права. У них была связь. А может она и не закончилась. И Яна пришла оценить меня как соперницу.

— Может я и похожа на дурочку, но таковой не являюсь. Ты так не ответил на мой вопрос, — пытаюсь вырвать руки, он не отпускает.

— Да, — отвечает Роберт.

— Что — да?

— Да, она — моя бывшая любовница, хотя к ней больше подходит определение бывшая подчиненная, — смотрит на меня, ждет моей реакции.

— В смысле «бывшая подчиненная», ты ее уволил? — Роберт усмехается, качает головой.

— Нет, Лиза, я не это имел в виду. Яна — подчиненная в постели, — в моем

воображении молниеносно проносятся тысячи картинок.

— Ты, эм... — слова застревают, сглатываю. — Доминант? — сама не верю, что я это говорю. Роберт прищуривает глаза, внимательно смотрит на меня.

— Если я скажу «да», ты от меня сбежишь? — серьезно спрашивает он. Нет, я, конечно, догадывалась что он властный, не любит отказов, но чтобы на столько. Роберт начинает смеяться, наклоняется ко мне, целует в щеку.

— Видела бы ты сейчас свое лицо, — он что, издевается надо мной? — Нет, Елизавета, я не доминант. Я просто даю женщинам то, чего они хотят. Я люблю секс в разных его проявлениях. — Он дает женщинам, что они хотят. Женщинам! Сколько у него таких женщин?

— Лиза, не хмурь брови, и прекрати думать. Да, у меня было много женщин до брака. Во время брака. Я не святой, — Роберт подносит мою руку к губам и нежно целует. — Но, такую как ты, я никогда не встречал. — Он встает, подходит ко мне, тянет за руку, вынуждая встать. Обнимает за талию и ведет в сторону своего кабинета. — Пожалуйста, пообещай мне никогда не общаться с Яной. Она не та, за кого себя выдает, — говорит он, пока мы идем по коридору.

— Вообще-то, я и не собиралась общаться с твоими бывшими или настоящими подружками, — Роберт открывает дверь своего кабинета, пропуская меня вперед. Когда я прохожу мимо него, хватает меня за руку, быстро закрывает дверь. Прижимает меня к ней.

— Нет никаких настоящих. Только ты, — уверено заявляет он, впиваясь в мои губы жестким, но таким сладким поцелуем.

Последующие две недели мы видимся с Робертом практически каждый день. Он не звонит и никак не оповещает меня о своих неожиданных визитах. Хотя последние несколько дней они стали вполне ожидаемы. Он просто появляется в любое время дня и ночи на пороге моей квартиры или в моем кафе. Иногда он просто сидит в моем кабинете, пьет кофе и смотрит, как я работаю. Мы часами можем не сказать ни слова. По началу, это сильно раздражало. Попробуйте хоть раз поработать, зная, что за вами пристально наблюдают. Но человек быстро ко всему привыкает. Я привыкла к его молчаливому присутствию. Иногда, когда его не было, я ловила себя на том, что постоянно смотрю на кресло, где он обычно сидел. Он приручал меня. И надо сказать, у него это получалось. Я привыкла. Уже не так нервничала в его присутствии, чувствовала себя более раскованно. Несколько дней назад мы даже поссорились. Этот гад, да именно гад, в тот момент у меня в голове вертелось много «эпитетов» в его адрес, решил указать мне на мои ошибки в работе с персоналом, и организации работы МОЕГО кафе. Наша не долгая, но очень бурная ссора закончилась безумным и неожиданным сексом на моем рабочем столе. После чего Роберт нагло заявил: «Вот она, настоящая Лиза». Он сделал это специально! Роберт спровоцировал ссору, чтобы вывести меня на эмоции! После его заявления мы чуть не поссорились во второй раз, но уже по моей инициативе. Остановила меня только очередная фраза Роберта: «Можешь продолжать в том же духе. В твоём кабинете очень много поверхностей, на которых я хочу тебя взять».

Меня будит негромкий хлопок входной двери. Открываю глаза — его нет. Переворачиваюсь на спину, разминая ноющие мышцы. Ох, права была Ксюха, регулярный, бешеный секс определенно избавляет от лишних калорий. Мое тело ноет в определенных

местах, Рука нащупывает что-то шуршащее на соседней подушке. Беру листок бумаги. Читаю.

«Елизавета Андреевна, во сне Вы просто прекрасны! Ваши сладкие, чуть приоткрытые губки становятся еще вкуснее. Да, я Вас целовал, пока Вы спали! Ваши бровки чуть-чуть хмурятся, а пушистые реснички слегка подрагивают. Очень хотелось попасть в Ваш сон и узнать, что же Вам снится. Остается только надеяться, что это был я. Простите, что покинул Вас. Работа не стоит на месте. На кухне Вас ждет кофе и ароматная выпечка. Но, прежде чем отправиться на кухню, потрогайте Ваши щеки, и губки. Я оставил там поцелуи».

Медленно встаю с кровати. Надеваю халат, иду на кухню. На столе лежат аппетитные булочки. Вдыхаю аромат свежей выпечки и кофе. Наливаю себе еще горячий напиток, делаю глоток. А этот мужчина умеет варить кофе. В груди появляется щемящая, ноющая боль. В моей руке до сих пор записка от Роберта. Кладу ее на стол. Еще раз пробегаюсь глазами по тексту. Подношу руку к лицу. Трогаю свои щеки, губы. Мое сердце начинает учащенно биться. Тело сковывает ледящий душу страх. Зажмуриваю глаза. Трясу головой. Нет! Нет! Не хочу этого чувствовать. НЕТ!!! Кричу на всю комнату. Кричу сама себе, пытаюсь достучаться до себя. Смахиваю чашку кофе со стола, звон стекла глухим эхом отдается в моей голове. Мне не хватает воздуха, не могу вдохнуть, судорожно открываю рот, пытаюсь сделать драгоценный глоток кислорода. Все нутро сжимается в агонии. Трясущимися руками открываю окно, впуская свежий воздух, пытаюсь вдохнуть. Внутри меня все сжимается от боли, невыносимой, нестерпимой боли. Нет. Не хочу. Не хочу ничего чувствовать. С трудом получается вдохнуть. Что-то мокрое катится по щекам. Подношу руку к лицу — это слезы. Они просто медленно скатываются по моим щекам. Господи, Боже. Зачем? Почему? Я не хочу! Зачем он появился в моей жизни? Ведь я знала, знала что мне не следовало с ним встречаться. Почему не послушала внутренний голос, который вопил убежать. Нет, Лиза, все не так, тебе показалось. Этого просто не может быть. Твое сердце давно мертво. Выбегаю из кухни, мне нужно в душ. Включаю воду, встаю под обжигающие струи воды. Беру мочалку, тру щеки, губы, царапая кожу. Мне нужно стереть все прикосновения и поцелуи этого мужчины. Моя кожа горит, но мне кажется, что я не достаточно хорошо все смыла. Его следы везде. Они внутри меня. Бросаю мочалку на пол. Медленно сползаю по стенке, закрываю лицо руками. Пытаюсь взять себя в руки.

Слышу звонкий, зовущий меня голос подруги. Быстро встаю, выключаю воду. Кричу ей, что скоро выйду. Она не должна видеть мое состояние. Привожу себя в порядок. Пытаюсь выглядеть спокойной, насколько это возможно. Одеваюсь. Выхожу из ванны. Нахожу подругу на кухне. Она рассматривает разбитую чашку.

— Привет, — пытаюсь выглядеть максимально приветливой.

— Привет. Ты одна? — настороженно спрашивает она. Ничего не отвечаю, просто киваю головой. Беру тряпку, собираю осколки.

— Ну наконец то застала тебя одну. Я, конечно, очень рада за твою личную жизнь, но хотела бы видеть тебя чаще, — на ее лице лукавая улыбка. — Что здесь произошло? — Ксюша указывает на осколки и брызги кофе.

— Ничего, просто случайно разбила чашку.

— Лиза, посмотри на меня, — черт, я не умею скрывать свои эмоции. Поднимаю голову, смотрю на подругу. И понимаю, что она все видит. Она всегда читает меня как открытую книгу.

— Лиза, что случилось? — серьезно спрашивает она.

— Ничего. Ничего не случилось. Все в порядке, — отворачиваюсь, выкидываю осколки в ведро. Вытираю с пола разлившийся кофе.

— Ага, — говорит Ксюша. — Все в порядке. Но в порядке бреда. Поговори со мной, — просит она. Садится на диван, внимательно смотрит на меня.

— Хочешь чаю? — спрашиваю ее, ставлю чайник. Открываю шкафчик, достаю чашки, сахар. Подруга внимательно следит за мной. Не обращаю никакого внимания на ее вопросительный взгляд. — У меня где-то было твое любимое печенье. Хочешь?

— Лиза! — поворачиваюсь к ней.

— Ну что ты заладила: Лиза, Лиза? Я же сказала, у меня все в порядке. Не о чем нам разговаривать! — я практически кричу. Почему все хотят залезть мне в душу?

— Лиза, ты пила таблетки? — настороженно спрашивает она.

— Нет. Они мне не нужны. Ты же знаешь, как я их ненавижу. Я два года обходилась без них. И сейчас они мне тоже не нужны. Повторяю еще раз. У меня все хорошо. Я контролирую себя, — все это я говорю быстро, на одном дыхании, на последних словах начинаю задыхаться. Глубоко вдыхаю. Отворачиваюсь от Ксюши, продолжаю делать чай.

— Хорошо. Я поняла. Да, я буду чай и печенье, кстати, тоже, — грустно говорит она.

Вот и прекрасно. Наливаю чай, ставлю на стол, достаю печенье. Сажусь рядом с ней. Какое-то время мы просто сидим молча. Подруга вздыхает, хмурится, но молчит.

— Как подготовка к свадьбе? — решаюсь нарушить наше неловкое молчание.

— Хорошо. Все практически готово. Осталось только девичник организовать, — заметно оживляется она.

— Как Леша? давно его не видела.

— У него много работы. Он пытается закончить важные дела перед свадьбой, — улыбается она. — Кстати, по этому поводу я и пришла. Леша завершил большой проект по строительству гостиничного комплекса.

— Это хорошо, — улыбаюсь ей в ответ. Я знала, что у Леша все получится.

— Так вот. Заказчик приглашает нас на открытие. Презентация там и все такое. Леша хотел, чтобы ты пошла с нами.

— А я то здесь причем?

— Елизавета, ты говорила, что давно не видела Лешу. Ты всегда пережевала за его начинание. А теперь не хочешь порадоваться вместе с ним? Тем более он сам настаивал, чтобы ты пошла с нами, — возмущается подруга.

— Это был нечестный ход.

— Да, я знаю, — смеется она. — Но по-другому ты не пойдешь. Да и Леша сказал не принимать от тебя отказов.

— Хорошо, я пойду. Во сколько надо быть готовой?

— Леша сказал, что заедет за нами к семи.

— Хорошо к семи так к семи, — пожимаю плечами. — У тебя есть сигареты?

— Лиза, может, все-таки прекратим мило друг другу улыбаться и ты, наконец, скажешь, что с тобой? — не унимается подруга.

— Просто дай мне чертову сигарету. Со мной все в порядке. Сколько можно тебе это повторять! — не выдерживаю я. Встаю из-за стола. Подхожу к окну. Ксюша подходит ко мне, протягивает сигарету, приоткрывает окно. Обнимает меня, поглаживает по спине. Также берет сигарету, прикуривает.

— Ты же знаешь, что я тебя люблю? — тихо говорит она. — Но иногда ты просто

невыносима. — Ты всегда можешь на меня положиться.

— Я знаю. Я тоже тебя люблю как подругу, даже больше, ты мне родной человек. Извини, — делаю глубокую затяжку, выпускаю сигаретный дым в окно. — Но я пока не настроена разговаривать, просто я сама еще не определилась, что со мной происходит, — усмехаюсь я. — Кому, как не тебе не знать, насколько я ненормальная.

— Хорошо. Я все понимаю. Обещай, что когда будешь готова, поговоришь со мной.

— Обещаю. Спасибо что понимаешь меня.

— Слушай, до вечера еще куча времени. Может, займемся чисто женскими делами? — хитро улыбается она.

— О нет, по магазинам я не пойду.

— А кто говорит про магазины? SPA, салон красоты — вот что действительно расслабляет, а не эта гадость. — Она забирает у меня сигарету, тушит ее в пепельнице.

— Ну, не знаю. Мне на работу надо, — смотрю на подругу и понимаю, что для нее это вовсе не аргумент.

— Ой, ничего не случится с твоей работой за один день. Все, решено, собирайся! — командует она. — Заодно обсудим мой девичник.

Весь оставшийся день мы проводим в spa-салоне. Чудо-массаж действительно очень расслабляет. Арома-масла, тематическая музыка, и золотые руки массажистки, погружают меня в nirvanу, заставляя потерять счет времени.

После чудо массажа, и еще кучи заказанных Ксюхой процедур. Я чувствую себя заново родившейся. К вечеру мы с подругой как подростки, закрывшись в моей комнате, красим друг друга, делаем прически. Примеряем кучу одежды, скидывая ее на кровать. Ксюха роется в моем шкафу, я поправляю макияж. Натягиваю телесного цвета чулки.

— Вау!!! — восклицает подруга. — Откуда у тебя это шикарное платье? — она указывает на длинное платье в пол, с широкой юбкой. Низ платья серебряный с отливом, верх же выполнен в виде узорчатого черного рисунка, напоминающего кружево. У него открытые плечи и спина.

— О, это — особое платье, — усмехаюсь я. — Дизайнерское, в единственном экземпляре. — Ксюша открывает рот, смотрит то на меня, то на платье, непонимающе качает головой.

— Где ты его взяла?

— Обидно, Ксения Владимировна. Обидно. Вы считаете, что я не могу себе позволить подобное платье? — я наигранно вопросительно приподнимаю брови. Смотрю на нее с укором.

— Нет, я так не считаю. Я просто спросила, — оправдывается она.

— Да расслабься ты. Я пошутила, — смеюсь я. — Просто ко мне в кафе в течение полугода ходит один молодой дизайнер. Ее зовут Маша. Так вот, она часами просиживает в кафе, пьет наш фирменный кофе, заказывает десерты. А между тем, придумывает вот такие замечательные платья. Мы с ней замечательно пообщались. В один прекрасный день она показала мне набросок вот этого платья. Маша сказала, что придумала его, наблюдая за мной. Не знаю уж, чем я ее вдохновила, но платье действительно замечательное.

— Ты просто обязана меня с ней познакомить. У нее определенно талант! — восторженно восклицает Ксюша.

— Хорошо, хорошо. Познакомлю. Кстати можешь его сегодня надеть, раз оно тебе так

понравилось.

— Ну, нет. Его наденешь ты. Оно действительно создано для тебя.

— Ну не знаю. Не слишком ли для такого официального мероприятия?

— В самый раз, — отвечает подруга. — Лехин заказчик — какая-то большая шишка. Так что народ соберется соответствующий. Это платье в самый раз.

— Ну, хорошо, уговорила, — забираю у нее платье. Надеваю его. Кручусь перед подругой. Ксюха восторженно хлопает в ладоши как маленькая девочка.

— Ты просто красавица. Но волосы надо собрать наверх. Это платье нельзя закрывать. Давай, я помогу тебе с прической.

К семи вечера мы абсолютно готовые выходим из дома. При виде нас Леха присвистывает, галантно открывает нам двери. Делает комплименты по поводу нашей красоты. Мы добираемся до места. Выходим из машины. И тут мне самой хочется присвистнуть. Даже не верится, что всю эту красоту построила Лешина команда. Вот у кого определенно талант. Внутри гостиница выглядит не менее впечатляюще, чем с наружи. Огромнейшее фойе с высоким потолком, квадратными черными каменными колоннами, белым глянцевым полом. Весь интерьер выполнен в современном стиле лофт. И откуда у людей столько денег, чтобы создавать вот такие вот гостиницы? В данный момент фойе переделано в зал для приема гостей, вокруг снуют официанты с полными подносами шампанского. Возле стен накрыты фуршетные столы с закусками. За стойкой администратора стоит ведущий этого мероприятия. Как и предсказывала Ксюша, народ собрался пафосный. Мужчины все как один в дорогих костюмах. Женщины, или в данной ситуации лучше сказать, дамы, в вечерних нарядах, увешанные драгоценностями.

Леша отходит от нас, чтобы поговорить с коллегами по работе. Ксюха хватается шампанское, подает его мне.

— Ну что, Елизавета, выпьем за моего будущего мужа и его великолепную работу, — улыбается гордой сияющей улыбкой, чокаясь со мной бокалом.

— Да. Тебе с ним повезло. Береги его, — улыбаюсь ей в ответ.

Минут через сорок начинает говорить ведущий, переключая внимание аудитории на себя. Представляет нам владельца данного заведения. Им оказывается женщина. На вид ей около пятидесяти лет. Очень статная и красивая дама. На ней белый элегантный костюм, нитка жемчуга на шее. Такая вполне себе бизнес леди. Она произносит речь, заканчивая ее благодарностями. В последнюю очередь она благодарит своего мужа за его колоссальную поддержку. К ней выходит пожилой мужчина с проседью. Зал взрывается аплодисментами. Им оказывается Соколов Владимир Иванович.

Я застываю на месте, мои ноги прирастают к полу. Хаотично осматриваю зал. И нахожу объект. Земля уходит из-под ног. С левой стороны от стойки, возле каменной колонны, стоит Роберт. Мое сердце пропускает удар, замирает на месте, чтобы потом понестись с удвоенной скоростью. Он стоит в пол оборота, совершенно не интересуясь происходящим. На нем черный костюм, белая рубашка с высоким воротником. Даже здесь, среди всего этого пафоса, он выделяется. На нем нет галстука, как на других мужчинах. Две верхние пуговицы на рубашке небрежно расстегнуты, из-под манжет выглядывает черный кожаный браслет, с которым он никогда не расстанется. Рядом с ним стоит Елена. На ней ярко красное платье. В ушах поблескивают бриллианты. Ее алые губы растянуты в притворную улыбку. Елена цепкой хваткой держит своего мужа под руку. Роберт не обращает на нее никакого внимания, продолжая разговаривать с рядом стоящим мужчиной. Мне кажется, я не могу

больше вздохнуть, я лечу в пропасть все глубже и глубже. А потом, Роберт поворачивается ко мне, глаза моего любовника темнеют. Мне кажется, время остановилось, все вокруг замерло, пропало, стихли все голоса. Никого больше нет, только он и его черный обжигающий взгляд. Я слышала голос подруги, стоящей рядом, но ничего не соображала. Все как тумане. Я видела, как Елена сначала посмотрела на мужа, потом на меня. На ее лице появилась циничная надменная улыбка. Она наклоняется к Роберту, что-то шепчет ему. Он усмехается ей в ответ. Елена придвигается к нему еще ближе, она практически висит на нем, кладет руку ему на грудь, медленно поглаживая ее, не забывая при этом посматривать на меня. Я вижу, как напрягается Роберт, как ему не приятны ее прикосновения, но не отталкивает ее, а наоборот прижимает к себе за талию. Мне хочется провалиться сквозь землю. Грудь жжет от невыносимо бешеной ревности, на которую я не имею никакого права. Ну вот и все, я в водовороте, из которого не выбраться, и я скоро захлебнусь. Мне кажется, что я сейчас не выдержу, сделаю какую-нибудь глупость. Сжимаю руки до боли. Пытаюсь держать себя в руках. Вижу, как к Роберту подходит его тесть с женой. Вот и вся семейка в сборе. Они мило о чем-то беседуют, награждая друг друга фальшивыми улыбками. Чувствую, как Ксюша дергает меня за руку. Медленно поворачиваюсь в ее сторону.

— Лиза, в чем дело, ты вообще не слушаешь нас, — замечаю, что рядом с нами уже стоит Леша.

— Нечего, все нормально, я просто немного задумалась, — отвечаю я. Мой взгляд возвращается к нему. Роберт стоит ко мне спиной. А вот Елена, наоборот, не сводит с меня глаз. Замечая, что я на них смотрю, улыбается злорадной улыбкой, поглаживая Роберта по спине. Я не умею играть в такие игры. Я не готова к этой битве. Я заведомо проигравшая. Вижу, как Соколов с Робертом медленно отходят от женщин. Роберт бросает в мою сторону предостерегающий взгляд, скрываясь в темном коридоре. Я больше не силах сдерживать свои эмоции. Я должна немедленно уйти отсюда. Говорю подруге, что мне нужно в туалет, срываюсь с места. Ксюха бежит за мной. Проталкиваюсь через толпу, бегу, никого не замечаю. Бегу не от него, от самой себя. Подруга что-то кричит мне в след, не слушаю ее. Нахожу туалет, влетаю в него, следом забегает подруга. У меня кружится голова, смотрю на себя в зеркало и ужасаюсь: бледная, ужасно бледная. Ксюха запирает за нами дверь.

— Да что происходит? От кого ты так бежишь? — смотрит на меня непонимающим взглядом. Поворачиваюсь к ней, прислоняюсь к раковине.

— Ты знала, кому принадлежит этот проект? Знала, кто заказчик?

— Ну, знала. Соколовой. И что? — ее глаза бегают. Она действительно ничего не понимает.

— А Соколова — жена Соколова Владимира Ивановича, — поясняю ей.

— Ну и? — разводит руками, не понимая, к чему я веду.

— А Елена — их единственная дочь, — нет, она все-таки меня не понимает. — Елена — жена Роберта. И они сейчас здесь всем своим счастливым семейством. — Иронично, сквозь грусть, улыбаюсь.

— Лизочка, милая. Я действительно не знала. Ты же не думаешь, что зная это, я бы притащила тебя сюда, — с волнением оправдывается Ксюха.

— Я знаю. Я верю, что ты не знала. Мне надо немедленно убраться отсюда.

— Да, конечно. Сейчас я скажу Леше, что нам надо срочно уехать, — Ксюха разворачивается, идет к двери.

— Стой. Нет, не нужно говорить Леше. Тем более, увозить его отсюда. Для него это

важно. И ты тоже должна остаться с ним, — глубоко вдыхаю, не знаю, почему я так волнуюсь, мне не хватает воздуха. Открываю воду, брызгаю на лицо, пытаюсь привести себя в порядок.

— Прости меня, — тихо говорит подруга. — Это я во всем виновата. Это я толкнула тебя к нему. Я думала... — она прерывается, сама глубоко вдыхает. — Я думала, так будет лучше. Ты просто... — опять замолкает. — Если б я знала, что для тебя это станет так серьезно. Я бы никогда, слышишь никогда....

— Прекрати! — тут уже я прерываю ее тираду. — Ты ни в чем не виновата. Я взрослая женщина. Должна была думать сама. И о какой серьезности ты говоришь? Ты прекрасно знаешь, что это невозможно.

— Лизочка, я же вижу твое состояние, — в ее глазах тревога, такое ощущение, что она понимает то, чего не понимаю я. Она сложила мой пазл, я вижу картинку, но не вижу смысла.

— Со мной все будет хорошо. Просто иди к Леше. Передай ему, что у меня разболелась голова, и я уехала домой. Я еще немного посижу, вызову такси и поеду домой, — упираюсь руками о раковину, смотрю на подругу сквозь зеркало.

— Ладно. Хорошо. Я передам. Пообещай, что, как доберешься до дома, позвонишь мне.

— Да, конечно. Я позвоню. Иди, — Ксюха еще с минуту смотрит на меня, разворачивается и молча выходит. Я смотрю на себя в зеркало, зажимаю глаза. Это какой-то злой рок, судьба, фатальность. Последнее время, куда-бы я не пошла, я все время нарываюсь на него. Слышу, как открывается дверь туалета. Ну что же ей нейдет, я же сказала, что со мной будет хорошо.

— Ксюша, я сказала, что... — резко разворачиваюсь. Это не Ксюша. В дверях стоит Елена. Она осматривает меня с ног до головы. Закрывает за собой дверь. Подходит к соседней раковине. Смотрит на себя в зеркало, как ни в чем не бывало, поправляет свой и без того идеальный макияж. Достает из сумочки алую помаду, красит губы. Я медленно обхожу ее, хочу выйти. Она резко разворачивается, преграждая мне путь. Черт, черт, только этого мне не хватало. Она что, пришла добить меня?

— Ну, куда ты убегаешь, Елизавета, — на ее лице расплывается надменная улыбка. Интересно, у их семейства рты не болят вот так постоянно всем улыбаться? — Не хочешь со мной посплетничать. Мне кажется, у нас есть общие темы для разговоров.

— Что тебе нужно, Елена? — неожиданно выпаливаю я. Не знаю, откуда у меня взялось столько наглости. Но я не позволю вытирать о себя ноги. Если ее муж гуляет, пусть ищет причины этому в себе.

— Мне? — Усмехается Елена. Мне от тебя ничего не нужно. А вот ты, — тычет в меня пальцем. — Покусилась на то, что принадлежит мне. Я ведь тебя предупреждала, по-хорошему предупреждала. Но ты не поняла меня, — я пытаюсь обойти ее, оттолкнуть, не хочу ее слушать. Мне ничего не нужно, ни на что я не покушалась. Ксюха была права. Если бы в их семье было бы все гладко, Роберт, наверное, и не смотрел бы на сторону. Вот пусть сама с ним и разбирается. Елена не отпускает меня, чуть толкает меня в сторону. Я упираюсь спиной в стену. К горлу подступает ком. Глаза начинают слезиться. Она достает из сумочки сигареты, прикуривает. Жестом предлагает мне. Игнорирую ее. В туалете висит табличка «Не курить». Но кто же ей запретит? Это все принадлежит ее семье.

— Ты знаешь, я никому не даю второго шанса, — она медленно выпускает дым в мою сторону. Ее голос спокойный, пугающе спокойный. Она вполне серьезна. — Я устранила

всех его шлюх, но он даже этого не замечал. Ему в принципе было наплевать на них. Мне кажется, он был даже рад, что избавлялся от них не своими руками. — Елена горько усмехается. Вот сейчас в эту самую минуту я смотрю на нее, и мне кажется, что она предельно честна и откровенна со мной. — Кто-то устранялся сам, — продолжает она. — Роберт, знаешь ли, не постоянен в своих увлечениях. Но были и особы посложнее. Однако ко всем можно найти свой подход. Кто-то падок на деньги, кто-то слишком труслив, — она замолкает, минуту просто смотрит в сторону, думая о чем-то своем. Докуривает сигарету, тушит ее в раковине. — Но тебе я дам второй шанс. Жалко мне тебя. Нелегкая судьба, — ничего не понимаю, в голове полная каша. Да что она вообще может знать о моей судьбе? — На днях читала твою биографию. И знаешь, даже прослезилась. — Что? Мою биографию? Как? В голове куча вопросов. Не могу произнести ни одного слова. Что она узнала обо мне? Как вообще это возможно? — Да, да, — усмехается она, видя мое замешательство. — Я все про тебя знаю. И про недолгое замужество, и про то, что было после. И про твое состояние здоровья, — злорадно продолжает она. — Очень хотелось поговорить с доктором Новицким, но его, к сожалению, нет в городе. За то его ассистентка Любочка очень разговорчива. А после небольшого денежного вознаграждения она вспомнила всю твою историю в подробностях. — Я леденею. Застываю на месте. Тело начинает бить озноб. Она все знает, действительно все про меня ЗНАЕТ! — Я так поняла, ты еще не просветила Роберта о своем прошлом? Кончено же нет. А то бы он давно сбежал бы от тебя. Слушай, а мне не опасно находится с тобой в одном помещении, мало ли что тебе может взбрести в голову.

— Что ты хочешь от меня, Елена? — резко говорю я.

— Я все знаю! Я знаю про каждую вашу встречу в течение двух недель, — она что, следила за мной? Елена отходит от меня, смотрит на себя в зеркало, поправляет прическу. Подходит к двери, оборачивается, стреляет холодным, леденящим кровью, взглядом. — Последний шанс, Елизавета, — открывает дверь, уходит. Она что, только что угрожала мне? Только этого и не хватало для полного счастья.

Я запрокидываю голову, бьюсь об стену. Как моя спокойная размеренная жизнь могла превратиться в такой балаган? В одном она права — с этим надо заканчивать. Так будет лучше для всех: для меня, для их семьи. Я не испугалась ее угроз, ну чем она меня может испугать? Мне нечего терять, у меня и так ничего нет. Просто все заходит слишком далеко. Поиграли и хватит. Конец игры!

Я вызываю такси. Незаметно покидаю гостиницу. По дороге телефон в руках оживает. Не глядя, беру трубку, наивно полагая, что это подруга. Слышу его голос. Взволнованный, до боли знакомый голос. Он спрашивает, где я. Ничего не отвечаю, скидываю звонок. Телефон не замолкает, он звонит снова и снова. Просто смотрю на него, как загипнотизированная. Ничего не хочу. Ничего не чувствую, устала. Хочу просто домой. Хочу побыть одна. Пишу Ксюше сообщение, что добралась до дома. Выключаю телефон, запикиваю его подальше в сумку.

Захожу домой, снимаю туфли, раскидываю их в разные стороны. Распускаю волосы, скидывая шпильки на пол. Подхожу к холодильнику, достаю бутылку мартини, открываю, делаю глоток прямо из бутылки. Холодная жидкость медленно растекается по телу, принося тепло. Делаю еще пару глотков, и еще. Иду в гостиную, включаю медленную музыку. Прислоняюсь к стене возле окна, медленно сползаю на пол. Ни о чем не думаю, в голове пустота. Просто методично напиваюсь. Погружаюсь в забвение. Не знаю, сколько проходит времени, слышу звонок. раздающейся из домофона. Поднимаюсь на ноги, слегка

пошатываюсь. Поднимаю трубку. Молчу.

— Елизавета, открой, — слышу голос Роберта. Нажимаю на кнопку. Распахиваю входную дверь. Это разговор должен когда-то состояться, чем раньше, тем лучше. Тем более, сейчас я пьяна, значит, смогу сделать это безболезненно. Опять иду в гостиную, сажусь на пол, в то же самое место. Делаю еще глоток. Закрываю глаза. Жду. Слышу звук закрывающейся двери, шуршание одежды. Тяжелые шаги, которые я, наверное, могу определить из тысячи. Усмехаюсь сама себе. Черт, я такая пьяная. Мои глаза по-прежнему закрыты. Интересная должна быть картина со стороны. Я сижу на полу возле стены с закрытыми глазами, в моих руках бутылка мартини. Помятая юбка серебряного платья окружает мои ноги, мои волосы растрепаны. А на лице идиотская улыбка.

Слышу, как Роберт садится на пол напротив меня. Открываю глаза, смотрю на него. Выглядит он не лучше меня, его черные волосы взлохмачены, на нем нет пиджака, идеально белая рубашка слегка помята, рукава закатаны. В его руках тоже бутылка, но с коньяком. И она почти пустая. Но его чертов браслет на месте. Я усмехаюсь.

— Что значит этот браслет? — неожиданно спрашиваю я первое, что пришло в мою пьяную голову. Роберт смотрит на браслет, потом на меня, слегка приподнимает брови, чокается со мной бутылкой. Отпивает. Я следую его примеру.

— Браслет, — хмыкает он. — Семь лет назад мне подарил его один маг, колдун, или как там их сейчас называют? — усмехается он. — Так вот, он сказал, что если я не буду его снимать, он будет приносить мне удачу, и еще наговорил мне кучу философской ерунды, которой я не придал значение.

— И что? Он принес тебе удачу? — спрашиваю я.

— Знаете ли, Елизавета. Я полагал, что да. Но сейчас не уверен, удача ли это была, — он опять чокается со мной. Отпивает. — Но, по-моему, последнее время у него кончился срок годности.

— Зачем ты тогда продолжаешь его носить?

— Действительно, зачем? — расстегивает браслет, швыряет его вглубь комнаты. Я смотрю на летящий браслет, потом на его запястье. Он действительно никогда его не снимал. На его запястье кожа немного светлее.

— Сумасшедший выдался денек, констатирует он, — берет меня за руки, заглядывает в глаза. — Да Вы пьяна, Елизавета Андреевна.

— Вы тоже, — смеюсь я.

— По какому поводу напиваемся? — приподнимает брови, поглаживает мои запястья.

— Да так, поводов море. А ты? — указываю на его бутылку.

— Тоже есть причины. Но сейчас я хочу о них забыть. И Вы можете помочь в этом.

Наклоняется ко мне. Тянет на себя. Обхватывает одной рукой мой затылок, проходится кончиком языка по моим губам. Врывается в мой рот. Я издаю стон прямо ему в губы. Черт, не так я планировала провести наш разговор. Но мое тело не слушается головы. Оно безумно хочет этого мужчину. И Роберт не оставляет мне ни единого шанса на раздумья, поглощая меня. Да к черту все! Мой затуманенный мозг ничего не соображает. Завтра, я прогоню его завтра.

Его рука поглаживает меня по спине. Губы Роберта спускаются ниже, он целует мою шею. Откидываю голову, открывая ему доступ. Просто отдаюсь полностью в его руки, пусть делает со мной сегодня все, что хочет. Нетерпеливо прижимаюсь к нему. Он отстраняется от меня, мы смотрим друг другу в глаза. Я ощущаю жар, исходящий от нас. Роберт опять целует

меня, жадно, страстно. Ощущаю пьянящий вкус коньяка на его губах. Прохожусь пальцами по его груди. Медленно расстегиваю его рубашку. Он помогает мне ее снять, отшвыривает в сторону, поднимается, тянет меня за собой. Пытается снять мое платье. У него ничего не получается.

— Сними эту чертову тряпку! Иначе я ее разорву! — рычит мне в губы. Я подчиняюсь. Снимаю платье, кидаю его на пол. На мне нет бюстгалтера. Только трусики и чулки. Роберт хищно улыбается, осматривая мое тело.

— Твое тело прекрасно. Ты божественна, — подходит ко мне, берет меня на руки, я вскрикиваю от неожиданности. Несет меня в спальню. Аккуратно опускает меня на кровать. Встает рядом. Снимает свои брюки, боксеры. Наклоняется ко мне, цепляет пальцами мои трусики, стягивает их, кидает на пол. Так же медленно, поочередно, стягивает мои чулки. Забирается на кровать, нависает надо мной. Чувствую, как его твердая и внушительная плоть упирается мне в бедро. Сглатываю. Смотрю на него.

— Сегодня, Елизавета, я буду заниматься с тобой любовью. Нежной, ванильной. Очень медленно и долго. Всю ночь. И только попробуй мне сопротивляться, привяжу! — звучит как угроза. Заниматься любовью. А смогу ли я это принять? Выдержу ли я?

— Я не могу, — тихо говорю я.

— Можешь! И тебе понравится! — в его голосе твердая уверенность. Хотела бы я быть такой уверенной. — Закрой глаза. Расслабься. Ни о чем не думай. Просто почувствуй каждое мое прикосновение.

Киваю ему в ответ. Вот сейчас посмотрим. Возможно, я не смогу. В моей больной голове что-то щелкнет, и я прогоню его. Так будет даже лучше. Делаю так, как он говорит. Закрываю глаза. Пытаюсь наслаждаться. Чувствую прикосновение его губ. Он целует меня медленно, мучительно медленно. Его поцелуй нежен, но в тоже время обжигает. Я начинаю пылать. Его руки блуждают по моему телу, медленно исследуя каждый миллиметр. Губы спускаются ниже, прокладывая дорожки поцелуев по моей шее, ключицам, плечам, подбираясь к груди. Покрывает жаркими поцелуями мою грудь. Языком обводит соски, слегка всасывает их. Нестерпимо хочется больше, все и сразу. Но я сжимаю руками простыни, пытаюсь отдалиться от ощущений. Чувствую, как он возвращается к моим губам. Целует. Отвечаю на его нежный ласковый поцелуй. Провожу кончиком языка по его губам. Всасываю нижнюю губу, наши языки сплетаются. Роберт разрывает наш сладкий поцелуй.

— Умница. Вот так. Просто почувствуй это, — шепчет в мои губы.

Его рука медленно ползет вниз, поглаживает мой живот. Раздвигает мои ноги. Ведет рукой по внутренней стороне бедра. Я чувствую, как он дышит в мои губы. Смотрит на меня, изучая мою реакцию. Боюсь открыть глаза, чтобы все не разрушить. Его рука накрывает мою плоть, медленно поглаживает. Начинаю задыхаться от ощущений. Кусаю губы. Его пальцы ласкают мои складки, растворяюсь в его руках. Хочется раствориться в нем, что я и пытаюсь сделать. Слегка постанываю. Когда Роберт медленно ведет языком по моей шее плечам. Чуть прикусывает грудь. Спускается ниже. Не прекращая ласкать мои складочки, обводит пальцами клитор, слегка надавливая на него. Со стоном прогибаюсь под ним. Он спускается все ниже и ниже. Разум отключается. Резко дергаюсь, когда чувствую его горячие губы на своей киске. Роберт властно еще шире раздвигает мои ноги, забрасывает их себе на плечи. Языком проходится по моим складочкам, раздвигая их, по клитору, обводит его, слегка всасывает. Боже, так невыносимо хорошо. Волна жара прокатывается по моему телу. Извиваюсь, не могу лежать на месте. Роберт хватает меня за талию, удерживая на месте.

Стоном отзываюсь на каждое его прикосновение. Запрокидываю голову на подушку, хватаю губами воздух, когда движение его губ и языка ускоряются, то всасывая мой клитор, то лаская его языком. Чувствую, как он проникает в меня двумя пальцами. Ласкает стеночки моего влагалища, доводя меня до экстаза. Меня начинает трясти. Замираю в немом крике. Мышцы влагалища сжимают его пальцы. Я на грани оргазма. Его умелый язык последний раз проходится по моему клитору, пальцы проникают глубже. Волна оргазма проносится по моему телу. Я издаю громкий стон, выкрикивая его имя. Не давая мне опомниться, Роберт резко поднимается, нависает надо мной, открываю глаза. Смотрю на него, его губы блестят от моей влаги. Он впивается в мои губы. Я чувствую собственный вкус.

— Чувствуешь, какая ты вкусная и сладкая у меня, — о, Господи. Да, черт побери! Я чувствую. Сейчас я много чего чувствую. То, в чем сама себе боюсь признаться. Он приподнимает меня за бедра, медленно и плавно проникая в меня. Скользит во мне медленными толчками. Я хочу быстрее, больше, подаюсь вперед. Роберт останавливается, отстраняется от меня.

— Нет, — игриво качает головой. — Я сказал, все будет медленно. Хочу насладиться тобой. Закидывает мои ноги себе на талию. Подается вперед, проникая глубже. Он, то увеличивает темп, доводя меня до безумия, то останавливается. Наклоняется, нежно целует меня. Ласкает мою грудь, чтобы потом все начать заново. Все это время он не сводит с меня глаз, улавливая каждую реакцию. Не знаю, сколько продолжается это безумие. Минуты, может часы. Я теряю счет времени, связь с реальностью. Ничего не важно. Мир останавливается, замирает. Существоем только мы. Мы оба мокрые от пота. Наши тела скользят друг по другу. Наконец Роберт ускоряет темп. Толчки становятся глубже, быстрее, грубее. Я опять взрываюсь, улетаю в свой космос. Из глаз катятся слезы от долгожданного оргазма. Впиваюсь ногтями в его спину, расцарапывая ее. Он жадно ловит мои стоны губами. Делает два последних резких толчка. Я чувствую, как его удовольствие растекается во мне. Он продолжает смотреть мне в глаза, в самую глубину, как будто высасывая всю душу из меня. Закрываю глаза. Роберт нежно стирает пальцами мои слезы. Целует мои глаза. Он до сих пор во мне. Проводит носом по моей щеке. Зарывается руками в волосы. Целует. Целует.

— Посмотри на меня, открой глаза, — просит он. Открываю, он долго смотрит мне в глаза. — Ты чувствуешь это?

— Что? — Тихо спрашиваю я.

— Я люблю тебя! — с придыханием и нежностью говорит он.

Я замираю. Тело сковывает. НЕТ! Он не говорил этого. Мне показалось! Мне просто послышалось. Нет! Нет. Нет. Зажмуриваю глаза. Отворачиваюсь от него. С трудом сглатываю. Тело как ватное. Все чувства разом отмирают. Не могу пошевелиться. Не могу дышать. Хватаю ртом воздух. Пытаюсь вдохнуть.

— Елизавета, — берет меня за подбородок, поворачивает к себе. Я, как кукла, подчиняюсь. — Открой глаза, посмотри на меня. — Нет, я не могу. Не могу.

— Черт, Малышка, пожалуйста, посмотри на меня, — его голос звучит растерянно, встревоженно. — Лиза, я...

— Нет! — Кричу я. Зажимаю уши руками. — Замолчи! — пытаюсь вырваться. — Отпусти. Выйди из меня, наконец! — Он отпускает меня. Отстраняется.

Быстро соскакиваю с кровати. Бегу в ванну, закрываюсь. Глубоко дышу. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Воздуха все равно катастрофически не хватает. Меня бьет озноб. Холодно.

Боже, как холодно. Открываю шкафчик под зеркалом. Ищу свои таблетки. Попутно опрокидывая все лекарства в раковину. Что-то со звоном разбивается, не обращаю никакого внимания. Наконец, нахожу заветный пузырек. Достаю две таблетки. Руки трясутся. Лекарства рассыпаются на пол. Закидываю пару таблеток в рот. Две мало, надо еще. Нет, не надо. Спорю сама с собой. Больше нельзя. Нельзя, Остановись. Лиза. Открываю кран запиваю таблетки прямо из-под крана. Слышу громкий стук в дверь.

— Лиза, открой немедленно! — кричит Роберт.

— Нет!

— Если ты сейчас не откроешь, я сломаю эту чертову дверь. Открой! — подхожу к двери, облакачиваясь на нее. Сползаю на пол.

— Пожалуйста, не надо. Со мной все в порядке. Мне просто надо побыть одной. Пожалуйста! — Прошу я.

— Хорошо. Ты уверена, что с тобой все в порядке? — кричит через дверь.

— Да, — слышу удаляющиеся шаги. Обнимаю себя руками. Дышать становится легче. Но до сих пор очень холодно. Мне нужен горячий душ. Медленно поднимаюсь на ноги, иду в душ. Настраиваю воду погорячее. Встаю под обжигающие струи воды. Это не может снова повториться. Нет. Я не хочу. Сердце колотится как бешенное, отбивая грудную клетку. В груди невыносимо жжет. Прислоняюсь головой к душевой кабине. Просто стою и жду, пока подействует чертово лекарство.

Дыхание нормализуется. Мне уже почти не холодно. Дрожь прошла. Боль в груди медленно отпускает. Появляется апатия и привычная пустота. Хорошо. Таблетки подействовали. Накатывает невероятная усталость. Выхожу из душа. Медленно вытираюсь. Еле натягиваю халат. Руки просто не слушаются меня. Медленно ползу к двери. Открываю. Роберт сидит на полу, возле двери, сжимает голову руками. При виде меня, тут же поднимается. Обхожу его. Подхожу к кровати, ложусь на нее. Сворачиваюсь. Накрывают себя одеялом. Закрываю глаза. Голова идет кругом, в ушах шумит, ничего не слышу. Роберт что-то говорит. Ничего не понимаю.

— Все хорошо, — медленно говорю я. — Мне просто надо поспать. — Отключаюсь. Последнее что я чувствую — как сильные руки прижимают меня к теплой груди.

Роберт

После сумасшедшего дня я просто хотел к своей девочке. Прижать ее к себе, почувствовать ее тепло. Я нуждался в ней. Несмотря на страх в ее глазах, я дарил ей нежность и ласку. Я буквально заставил ее принять это. Всю ночь я не сводил с нее глаз. Я видел перемену. Она приняла все, что я хотел ей дать. Первый раз в жизни хотел отдать женщине всего себя. Я отчаянно не понимал, почему она не может принять мою ласку и нежность, заботу. Разве не этого хотят все женщины? Мне хотелось кричать от переполняющих чувств, отдаваться каждому мгновению, что дарит нам судьба. После сокрушительного совместного оргазма ее дрожащее тело в моих руках отключило мне разум. Время остановилось, оставляя только нас двоих. Я был безумно опьянен ею. Это непостижимое чувство захлестнуло меня. Твою мать. В это самое мгновение я понял, что такое любовь! Вот она — в моих руках, и она так прекрасна. Внутри все перевернулось и начало гореть. Приятное, безумно приятное чувство окутывало меня. Я не понимал, что творю. Мне просто хотелось поделиться с ней этим чувством здесь и сейчас. Я говорю эти слова, хочу, чтобы она это чувствовала. Хочу, чтобы, не смотря ни на что, знала. Это пока единственное что я могу ей дать. Хочу, что бы знала, я люблю ее. Безумно, одержимо,

нежно, неистово. ЛЮБЛЮ!

Уловил перемену мгновенно. Нет, я не ожидал, что она бросится ко мне в объятия и признается в ответной вечной любви. Но и такой реакции тоже не ожидал. Елизавета вся съеживается, напрягается, в глазах появляется страх. Зажмуривает глаза, не хочет даже смотреть на меня. Чувствую, что вот, вот оттолкнет меня. Мое сердце начинает отбивать грудную клетку. Прошу ее посмотреть на меня. Произношу ее имя. Она напрягается до предела, становится каменной, не живой. Как будто ей противны и неприятны мои слова. Вырывается из моих объятий, бежит в ванну. Я — чертов идиот. Как наивный подросток распустил нюни. Кому нужна моя любовь? Кто дергал меня за язык? Бегу за ней, дверь закрыта. Слышу шум, что-то разбивается. Кричу, чтобы открыла. Я готов был выбить эту чертову дверь. Елизавета говорит, что с ней все в порядке. Не верю. Ничего не в порядке. Она просит дать побыть ей одной. Что-то в ее голосе заставляет подчиниться. Выхожу на кухню, курю. Возвращаюсь назад. Слышу шум льющейся воды. Сажусь на пол возле ванны, просто жду ее.

Елизавета выходит оттуда со стеклянными глазами. Она как будто вообще меня не замечает. Медленно идет к кровати. Сворачивается. Подхожу, ложусь рядом, прошу поговорить со мной. Зову ее. Она будто не слышит. В очередной раз повторяет, что все в порядке. Ни хрена не в порядке, но я прижимаю ее к себе. Твою мать, что я натворил? Зачем? В голове полная каша, хаос. Лиза мгновенно засыпает в моих руках. Долго не могу уснуть. Какой, к черту, сон. Пытаюсь понять, что произошло. В голове крутятся тысячи мыслей. Ни одна из них не может связаться воедино. Сам не понимаю, как отключаюсь. Просто проваливаюсь в сон.

Утром просыпаюсь от ощущения пустоты. Ее нет рядом. Резко соскакиваю с кровати. Я еще не знаю где она, но внутри зарождается тревога. Обхожу всю квартиру, ее нигде нет. Захожу в ванну. В раковине валяется куча медикаментов. Какие-то таблетки разбросаны по полу. Черт, где она? Быстро одеваюсь. В прихожей замечаю ее сумку, телефон, лежащий на тумбочке, ключи. Она ничего с собой не взяла. Как давно она ушла? Мне нужно найти ее. Убедиться, что с ней все хорошо. Выбегаю из квартиры. Закрываю дверь ее ключами. Мчусь к ней в кафе. Обшариваю там каждый уголок, не веря персоналу который говорит, что ее нет. Бегу назад к машине. Куда теперь? Подруга. Ксения. Если она не у нее, то подруга должна знать, где ее искать. У меня нет ее телефона. Вспоминаю, что телефон Елизаветы остался дома. Еду назад, надеясь на то, что она все-таки вернулась домой, что моя паника беспочвенна. Моя надежда умирает, как только я переступаю порог квартиры и понимаю, что ее нет. Хватаю ее телефон, еще раз обхожу квартиру. Попутно ищу номер ее подруги. Тревога нарастает. Не знаю почему, но чувствую, что-то не так. Она не просто сбежала. Слышу звук открывающейся двери, выбегаю в прихожую. На пороге стоит ее подруга. При виде меня нехотя здоровается. Не обращаю никакого внимания на ее недовольный вид.

— Где Елизавета? — мне плевать, что я кричу. Я просто хочу найти ее.

— В смысле, где? Ее нет дома? Ты тогда что здесь делаешь? — недовольно спрашивает она. Понимаю, что сейчас не время взрываться. Если я хочу найти Лизу, надо все спокойно ей объяснить. Кратко, без подробностей, излагаю ей происшедшее. Ксения осматривает ее сумку. Поджимает губы. Ее глаза начинают бегать по квартире.

— Что произошло перед тем, как она ушла? — с волнением спрашивает она.

— Ничего, мы просто спали. Я проснулся, ее уже не было! — зачем я кричу? Но я уже не могу контролировать свои эмоции.

— Хорошо. Что произошло до того, как вы уснули? Может ей приснился кошмар?

— Нет. Не знаю! Черт!

— Может, прежде чем заснуть она как-то странно себя вела? — настороженно спрашивает она. Рассказываю ей, как Елизавета закрылась в ванной, как долго не выходила. А когда вышла, была сама не своя.

— Что ты сделал перед этим? Может, что-то сказал?! — уже кричит сама Ксения.

— Ничего. Ничего особенного я не сказал, — я не собираюсь открывать перед ней душу. В конце концов, какое отношение имеет то, что я сказал. Я просто хочу знать, как мне найти Елизавету.

— Ты говоришь, закрылась в ванной? Как долго ее не было?

— Не знаю, минут сорок! — Ксения срывается с места, бежит в ванну, иду вслед за ней. Она осматривает таблетки. Поднимает те, что на полу. Разворачивается ко мне.

— Сколько она их выпила?!

— Я не знаю. Не знаю. Я вообще не знал, что она что-то пила, пока не обнаружил вот это утром, — указываю на бардак в ванной.

— Черт! — ругается сквозь зубы Ксения. — Этого просто не может быть. Она не могла сорваться просто так. Что ты сказал или, может, сделал перед этим?

— Ничего особого я не сказал! Что значит, не могла сорваться? Ты знаешь, где она? И что это за таблетки? — сжимаю руки в кулаки. Я не могу тут стоять, обсуждать все это, пока моя девочка неизвестно где.

— Я догадываюсь, где она. И лучше ей, конечно, там не быть. Что ты сказал ей? Это важно! — требует ответа.

— Я сказал ей, что я ее люблю! Какое это вообще имеет отношение к ее месту нахождения?! — не выдерживаю я.

— Что? Что ты ей сказал? Охренеть. Просто охренеть. Зачем ты это сделал? Ромес хренов. Не нужна ей любовь, понимаешь. Не нужна! — кричит мне в лицо. Срывается с места, бежит к двери. Я за ней. — Черт, моя машина в ремонте! Надо вызвать такси. — торопливо говорит Ксения. Ищет телефон в сумке.

— Не надо. Поехали, я машине, — одеваюсь, беру свои ключи. — Ксения поднимает на меня свои зеленые глаза. Злорадно усмехается. Качает головой.

— Нет, ты не поедешь со мной! Катись к своей жене! А к Елизавете больше не приближайся! — я не выдерживаю, срываюсь. Нервы просто на пределе. Бью кулаком в стену. Вижу ошарашенный вид девушки. Глубоко вдыхаю. Закрываю глаза.

— Послушай меня, Ксения. Я знаю, я не идеальный. Да что там говорить, я еще та сволочь. Но я действительно ЛЮБЛЮ ЕЕ! Мне очень важно найти ее. И убедиться, что с ней все в порядке! Пускай потом сама прогонит меня. Пожалуйста, поехали. Мы теряем время, — девушка растерянно моргает. Вдыхает.

— Ладно. Хорошо. Поехали. Я знаю, где она. Черт, она мне не простит, что я привезла тебя туда, — берет свою сумку, направляется к двери. Ну, слава тебе, Господи! Иду за ней.

— Стой! Подожди, — разворачивается, бежит на кухню. Быстро возвращается. В ее руках какая-то ампула и шприц. А это еще что такое?!

ГЛАВА 9

Роберт

Мы выбегаем из подъезда. Садимся в машину. Ксения называет адрес, понимаю, что

где-то полчаса езды. Район мне знаком. Там, в основном, частный сектор. Что там делает Елизавета? Смотрю на Ксению, она вся на нервах. Ее даже немного потряхивает. Ее волнение передается мне, смешивается с моим. Гоню на полной скорости, нарушаю все возможные правила. Девушка не возражает, наоборот поторапливает меня. Ее руки сжимают приборную панель.

— Что это за место? Почему ты уверена, что Елизавета именно там?

— Роберт, пожалуйста, не спрашивай меня. Она там! Точно там! Хотя мне хочется верить, что я ошибаюсь. Я не могу тебе всего объяснить. Сам все увидишь, — она сжимает голову руками. Трясет головой. — Этого просто не может быть. Все же было хорошо, — говорит она, кажется, самой себе. — Боже. Она не простит меня, что я тебя туда привела!

— Ксения! Объясни мне, что происходит. Куда туда? Что это за место? — в моей голове полный раздрай. Ничего не понимаю.

— Я не могу. Если Лиза захочет, она сама все объяснит. И пожалуйста, Роберт, когда мы приедем, что бы ни случилось, что бы она не говорила, не вмешивайся, пожалуйста. Черт! — срывается она. — Я не знаю, в каком она состоянии. Но если она там, это уже плохо.

В каком состоянии? Что с моей девочкой? Почему я, мать твою, не должен вмешиваться? Мою душу выворачивает наизнанку, рвет на части. Я слишком взвинчен, выбит из колеи, потому что я не знаю, что, черт подери, происходит! Мы заезжаем на жилую улицу.

— Не гони здесь, мы уже близко! — Ксения отстегивает ремень безопасности, она готова в любую минуту выскочить из машины. — Вот здесь останови! — кричит она. — Но выходить не торопится. Мы перед небольшим двух этажным коттеджем. Довольно милый домик. Из белого кирпича, с темно синей крышей, кованым забором. Он кажется заброшенным, нежилым. Все занесено снегом. На не расчищенных дорожках виднеются одинокие следы. Моя малышка там! Я чувствую ее. Открываю дверь, спешу выйти.

— Подожди! — Ксения хватает меня за куртку. Поворачиваюсь к ней, вопросительно смотрю, не понимая, почему мы медлим? Она глубоко вдыхает. — Сейчас мы зайдем. Лиза она... — останавливается, подбирает слово, — она может вести себя необычно, странно. Пожалуйста, подыгрывай мне.

— Что? О чем ты говоришь?!

— Сейчас все увидишь. Это важно, понимаешь?! — киваю в ответ. Хотя я ни хрена не понимаю!

— Все, пошли, — она выходит из машины, хватая свою сумку.

Елизавета

«Я строю мысленно мосты,
Их измерения просты,
Я строю их из пустоты,
Чтобы идти туда, где Ты.
Мостами землю перекрыв,
Я так Тебя и не нашла,
Открыв глаза, а там... обрыв,
Мой путь закончен, я — пришла»

(Валентин Гафт. «Мосты»)

Я медленно открываю глаза. По комнате разливается рассвет, играя блеклыми

красками. Душу рвет от нестерпимого желания. Я хочу домой, очень хочу. Поднимаюсь с кровати. Голова такая тяжелая. Где-то в глубине сознания понимаю: что-то не так. Встаю с кровати. Меня шатает из стороны в сторону, опираюсь на стену. Дохожу до шкафа, открываю его. Провожу рукой по одежде, не узнаю ни одной вещи. Беру первые попавшиеся свитер и джинсы. Одеваюсь. Выхожу в прихожую. Надеваю сапоги пальто. Спускаюсь на улицу. Район мне не знаком. Просто бреду вдоль дороги. На обочине стоят такси. Засовываю руку в карман. У меня есть деньги. Хорошо. На поездку до дома должно хватить. Сажусь в такси. Называю адрес дома. Откидываю голову на спинку сидения. Почему у меня так болит голова?

Слышу грубый хриплый голос таксиста, который говорит, что мы приехали. Смотрю по сторонам, вижу наш дом. Расплачиваюсь с таксистом. Выхожу из машины.

Все дорожки занесены снегом. Наверное, ночью был сильный снегопад. Еле как, сквозь сугробы, пробираясь к воротам. Дергаю за ручку, закрыто. Шарю по карманам. Ключей нет. Растерянно смотрю по сторонам. Ищу в кармане телефон. Его тоже нет. Ничего не понимаю. Где я могла все забыть? Навстречу мне из соседних ворот выходит пожилая женщина. Подходит ко мне. Мило улыбается.

— Здравствуй, Лизочка. Тебя так давно здесь не было. Как ты? Я все жду новых соседей, — отчаянно не понимаю, о чем она говорит. Какие новые соседи? Ее лицо мне кажется знакомым. Очевидно, это моя соседка. Почему я ее не помню?

— У меня нет ключей, — зачем-то говорю я. Женщина как-то странно на меня смотрит. Прищуривается. Достает из кармана связку ключей, протягивает мне. Нерешительно забираю у нее ключи. Почему она так странно на меня смотрит? Со мной что-то не так?

— Спасибо, — благодарю ее. — Извините, мне надо домой.

Отворачиваюсь от этой странной женщины, подхожу к воротам. Открываю их. Во дворе тоже все занесено снегом. Добираюсь до двери. Открываю. Наконец я дома. Снимаю пальто. Холодно. Господи, почему здесь так холодно? Включаю свет. Осматриваю гостиную. Так тихо. Поднимаюсь на второй этаж. Прикасаюсь к фотографиям, висящим на стене. Где-то внутри зарождается тоска. Вожу пальцами по родному лицу. В груди разрастается боль. Никак не могу распознать свои ощущения. Все хорошо. У меня все хорошо. Произношу вслух, пытаюсь убедить саму себя. Почему вокруг столько пыли? Прохожу в коридор второго этажа.

Захожу в детскую. В ней так светло, столько солнца. Розовые обои с яркими бабочками выглядят настолько реально, что кажется, эти бабочки летают, заигрывая с солнечным светом. Смотрю на детскую кроватку с белоснежным балдахинном. Медленно иду к ней. Она так близко. Но каждый мой шаг дается мне с трудом. Ноги тяжелеют. Кажется, мой путь занимает вечность. Вот я у цели. Смотрю на пушистое розовое одеяльце. Провожу по нему рукой. Оно такое мягкое и нежное. Сворачиваю его, беру в руки. Подношу к лицу, вдыхаю. Покачиваю медленно туда-сюда. Спи, моя маленькая принцесса. Я с тобой. Я всегда с тобой. Потихоньку подхожу к стоящему рядом креслу-качалке. Сажусь в него. Тихонько раскачиваюсь. На душе спокойствие, умиротворение. Начинаю напевать ей: «Спи, моя прекрасная девочка. Пусть тебе приснятся пушистые мягкие облака. Ничего не бойся. Там густые облака. Ты плывешь в далекий край. В том краю, что в долгом сне, кто-то помнит о тебе».

Моя принцесса засыпает. Тихонько встаю, боясь потревожить ее сладкий сон. Аккуратно кладу в кроватку. Долго смотрю. Выхожу из комнаты, оставляя дверь приоткрытой.

Спускаюсь вниз. Здесь так много пыли. Я так запустила наш дом. У Марка аллергия на пыль. Нахожу ведро, тряпку. Открываю кран с водой. Воды нет. Спускаюсь вниз к трубам. Вода перекрыта. Кто это сделал? Открываю воду. Начинаю уборку. Методично убираю гостиную. Перехожу на кухню. Мою там полы.

Вздрагиваю, когда кто-то прикасается к моему плечу. Резко разворачиваюсь. Ох, это Ксения.

— Ты меня напугала, — говорю ей, продолжая мыть полы. Мне надо успеть все убрать до прихода Марка.

— Лизочка, милая, что ты делаешь? — спрашивает подруга. Ее голос такой тихий и обеспокоенный. Это так на нее не похоже, она всегда такая заводная.

— Я так сильно запустила дом, мне надо все убрать до прихода Марка. Ты же знаешь, что он не переносит пыль, — отвечаю я.

— Лиза, ты можешь на минуту прерваться и посмотреть на меня? — поворачиваюсь к ней. Сегодня она какая-то странная.

В дверном проеме стоит темноволосый высокий мужчина. Внимательно смотрит на меня, не сводя глаз. Это пугает меня. У него такой тяжелый взгляд.

— Ты не одна? — спрашиваю ее. Отвожу глаза от мужчины. Слышу, как он шумно вдыхает. Ксюша поворачивается в его сторону, растеряно смотрит то на меня, то на мужчину. Решаю ей помочь.

— Твой новый друг? — улыбаюсь ей. Она такая не постоянная. У нее каждые полгода новый «друг».

— Да, что-то типа того, — да что с ней сегодня такое? Она вся какая-то взвинченная.

— У тебя что-то случилось? — спрашиваю ее, продолжая мыть полы. Ксюша ничего не отвечает, обходит меня. Забирает из рук швабру. Берет за руки, внимательно смотрит мне в глаза.

— Лиза, поехали домой, — ее голос мягкий. Она обращается ко мне, как к ребенку.

— Ксюша, я и так дома. О чем ты говоришь? — никак не могу понять ее.

— Просто, поехали со мной, — настойчиво просит она.

— Я не могу, у меня еще много дел. Скоро должен прийти Марк. И ты же знаешь, я не могу оставить мою девочку одну. А она еще так мала для поездок по гостям. — Вижу, как подруга меняется в лице. Ее руки начинают дрожать. Она подносит ладошку ко рту.

— Что с тобой? У тебя что-то случилось? — никогда не видела ее в таком состоянии. Она всегда такая жизнерадостная. Вижу, как мужчина медленно приближается к нам. Почему он не сводит с меня глаз? Он кажется мне таким знакомым. Должно быть, мы где-то встречались.

— Лиза, пожалуйста, просто поехали с нами! — подруга срывается на плач, хаотично поглаживая меня по руке.

— Тихо, не кричи, — подношу палец к губам. — Ты можешь ее разбудить. Смотрю в сторону лестницы. Мужчина приближается ко мне. Отступаю назад на несколько шагов. Что, вообще, происходит?

— Роберт! Не надо, остановись. Я справлюсь! — Ксюша почти кричит.

— Да что происходит? Что с вами такое? — требую ответа.

— Лиза, там наверху никого нет. Ты здесь одна, — она говорит медленно, выделяя каждое слово, при этом цепляется за мои руки, как будто пытается меня удержать.

— Как нет?! Ты в своем уме?! Она там. Моя девочка там. Просто она спит, — хватаю ее

за руку, тяну за собой. — Пойдем, я тебе покажу, — подруга сопротивляется.

— Нет, не надо. Просто поехали домой, — ничего не понимаю. Моя головная боль усиливается. В висках начинает стрелять. Срываюсь с места, бегу на второй этаж. Моя малышка там, она там. Почему они не понимают меня?

— Лиза, пожалуйста, — слышу надрывный голос подруги. Она бежит вслед за мной.

Вбегаю в детскую. Остановившись возле кровати. Ее нет! Моей принцессы НЕТ! Беру в руки розовое одеяльце. Пусто. Где она? Она ведь была здесь. Я качала ее на руках. А теперь ее нет! Грудь сдавливает невыносимая боль. Меня начинает трясти. Хватаюсь рукой за горло. Дыхание сбивается, задыхаюсь. Глаза мечутся по комнате в поисках спасения. Мир меркнет. Боль вскрывает сердце. В комнату нерешительно входит Ксения. Подбегаю к ней.

— Ее нет! — кричу ей. — Ты сказала, что ее нет, — цепляюсь за ее плечи. — Где она? Ты знаешь, где она?! — она ничего не отвечает, качает головой. В ее глазах застыли слезы и такая безнадежность. Меня начинает трясти. Холод. Ледяной холод. Тело покрывается мурашками. — Отвечай! — кричу я. — Что же ты молчишь?! — отталкиваю ее в сторону. Выбегаю из комнаты. Мне срочно надо позвонить Марку, сказать, что наша малышка пропала. На лестнице врезаюсь в мужчину, пришедшего с подругой. Он хватается за меня, сжимает, силой притягивает к себе. В нос бьет знакомый тяжелый аромат. Такое ощущение, что я его знаю, не просто знаю, я вдыхала этот запах не раз. Пытаюсь вырваться, толкаю мужчину, бью кулаками по спине. Он не отпускает. Да кто он такой? Что ему надо от меня? Почему он меня держит?

— Отпустите меня!!! Что вам надо?! — кричу, мой голос срывается.

— Елизавета, это я. Посмотри на меня. Посмотри мне в глаза, — мужчина обхватывает мое лицо, вынуждая посмотреть на него. Выворачиваюсь. Отталкиваю его. Спотыкаясь, бегу вниз по лестнице.

— Лиза!!! — кричит мне вслед мужчина. Не обращаю на него внимание. Ищу телефон, его нигде нет. Замечаю Ксению.

— Дай мне телефон, мне срочно надо позвонить Марку. Он найдет ее, — подруга берет свою сумку, что-то там ищет. Достает оттуда ампулу и шприц.

— Что это? — спрашиваю я. — Я просила телефон.

— Лиза, пожалуйста. Это успокоительное. Это тебе поможет, — объясняет она. Трясущимися руками раскрывает ампулу, наполняет шприц. Медленно подходит ко мне. Отступаю от нее, забиваюсь в угол. Мне холодно, очень холодно, меня трясет. В горле образовывается ком, никак не могу его сглотнуть. По щекам катятся слезы.

— Ксюша, что ты делаешь? Мне не нужно никакое успокоительное. Почему ты меня не понимаешь? Да что с тобой такое? Мне просто нужны мой муж и моя дочь, — я не узнаю свою подругу. Она продолжает надвигаться на меня. Мне так страшно.

— Лизочка, их нет. Они ушли. Просто позволь мне сделать тебе укол. И тебе станет легче, — не понимаю, о чем она говорит. Сжимаюсь в углу, оседаю на пол. В глазах все мутнеет. Голова кружится. Чувствую, как немеют губы. Закрываю себя руками. Из горла рвется рыдание. Слезы градом льются из глаз.

— Ксения!!! Отойди от нее немедленно! — слышу голос мужчины. Поднимаю голову, вижу, как он отодвигает мою подругу в сторону. Подходит ко мне. Зажмуриваю глаза. Чувствую, как он обхватывает руками мое лицо. У него такие теплые руки. Его запах успокаивает, дает мне дышать полной грудью. Я дышу им.

— Елизавета, открой глаза, посмотри на меня, — спокойно, с нежностью в голосе,

просит он. Открываю глаза, смотрю на него. Боже, почему он кажется мне таким знакомым.

— Вот так, хорошо. Посмотри мне в глаза, малышка. Просто смотри мне в глаза, — его бархатистый голос заставляет подчиниться. Я почему-то верю ему. Смотрю в его черные глаза и вижу там спасение, защиту. С ним ничего не страшно, с ним у меня все будет хорошо. Он решит все мои проблемы. Продолжаю смотреть ему в глаза, боюсь отпустить этот взгляд.

— Мне так холодно, — говорю ему. — Очень холодно.

— Я знаю, малышка, знаю. Иди сюда, — он тянет меня на себя, прижимает к своему теплему, сильному телу. В его объятиях так тепло и уютно. Чувствую, как что-то острое обжигает мою руку...

Роберт

Мне казалось, будто я попал в другую реальность. Вокруг меня разворачиваются нереальные, не поддающиеся объяснению события, значение которых я не могу понять. Я не мог пошевелиться, смотрел на Елизавету, не отводя глаз. Я был готов разгадать секрет бытия лишь для того, чтобы понять что происходит! В голове крутилась тысяча вопросов, и с каждой минутой их становилось все больше и больше. Дернулся вперед, желая подойти к ней, посмотреть ей в глаза и прочесть там ответы. Она все та же, но в то же время — другая. Чужая, не моя. Я не узнавал женщину, стоящую рядом со мной. Она здесь, она рядом со мной, стоит протянуть руку, и я смогу заключить ее в свои объятия. Но невидимые стальные оковы сковывали мое тело. Елизавета узнала Ксению. Но не узнавала меня! Когда она спросила, с кем пришла ее подруга, у меня внутри что-то оборвалось. Казалось еще чуть-чуть, и я сорвусь, закричу.

Она утверждала что там, наверху, у нее спит дочь. И скоро должен прийти ее муж! Муж, мать вашу! Ксения утверждала, что их нет, они ушли. Меня разрывало изнутри. Тупая боль была в виски. А потом начался полный хаос. Елизавета в панике помчалась на второй этаж, доказывать, что ее дочь там. Я спросил у Ксении, где на самом деле ее дочь и где этот чертов муж. Она лишь только покачала головой и обреченно посмотрела наверх. Я ясно понимал, что их нет в этом доме. Мой мозг отказывался работать, пока мои глаза не наткнулись на композицию из фотографий, висящих на стене. В центре — большое фото, на нем Моя Елизавета в прекрасном свадебном платье, вся в солнечных лучах, кажется, она и есть само солнце. Рядом с ней — высокий светловолосый мужчина. Лиза улыбается ему такой лучезарной улыбкой, которую я никогда не видел. Она яркая, живая. По кругу центральной фотографии висит много совместных фото. Я цепляюсь взглядом за одну. Моя девочка беременна, у нее большой круглый животик. Она прекрасна! Руки ее мужа лежат на ее животе, словно они — одно целое. Она счастливая, она — само счастье. Я с трудом собираю все воедино. Судя по запустевшему дому, здесь явно давно никто не живет. Елизавета точно живет одна. Не ездит на передних сидениях в автомобиле. На ее животе большой продольный шрам. В ее глазах часто проскальзывают боль, печаль, тоска. Ей снятся кошмары. Она с трудом принимает заботу и ласку. Что-то щелкает в моей голове, и вся картинка собирается в единое целое. Мое сердце замирает в болезненном понимании.

Надрывный крик Елизаветы приводит меня в себя, я слышу, как она требует от Ксении сказать, где ее дочь. Выхожу из ступора, срываюсь с места, бегу наверх, сталкиваюсь со своей девочкой. Ловлю ее, притягиваю к себе. Она такая холодная. Хочу согреть ее, успокоить. Она отталкивает, вырывается, кричит, чтобы отпустил. Обхватываю лицо. Хочу, чтобы посмотрела на меня, узнала. Она не смотрит. Не узнает. Отпускаю, боясь, что сделаю еще хуже. Сажусь на лестнице. Черт, первый раз в жизни не знаю, что делать. Не нахожу

выхода! Безысходность разрывает на куски. Не хочу осмысливать жесткую правду. Реальность, сука, жестокая! Мимо меня проносится Ксения. Ее саму трясет. Она почти рыдает. Слышу, как она пытается убедить Елизавету сделать укол. Моя малышка сопротивляется. Как мышка забивается в угол. Ее трясет. Она рыдает, из ее прекрасных глазок катятся слезы. Ей страшно. Ее губки синеют. Не могу больше этого выносить. Вижу, что все попытки Ксении тщетны. Ни хрена у нее не выходит! Я обязан все это прекратить. Я должен помочь своей маленькой потерянной девочке.

Подхожу к ним, отодвигаю Ксению в сторону. Приказываю, чтобы не трогала ее. Неужели она не видит, как ей страшно. Медленно подхожу к Елизавете. Сердце начинает отбивать грудную клетку. Она сжимается, зажмуривается. Боже! Почему она так меня боится? Обхватываю лицо руками, мягко прошу посмотреть на меня. Посмотреть в мои глаза. Она вся дрожит. Ее дрожь передается мне. Боюсь, что она оттолкнет меня. Молюсь про себя, чтобы послушала, чтобы откликнулась, отреагировала на меня. Ее голова опущена, она боится посмотреть на меня, но все же медленно поднимет голову. Смотрю в ее прекрасные карие глаза, которые сейчас наполнены слезами. В них отчаяние и безнадежность. Прошу смотреть мне в глаза, не отпускать мой взгляд. И она смотрит. Реагирует. Боже, да! Она смотрит мне в глаза. Ее истерика прекращается. Я вижу в них узнавание. Она говорит, что ей очень холодно. Тяну ее к себе, обнимаю, прижимаю к себе. Она такая холодная. Ледяная. Елизавета не вырывается, не сопротивляется. Она уже не плачет. Лишь изредка всхлипывает. Я испытываю невероятное облегчение. Наконец она в моих объятиях. Моя девочка чувствует меня. Целую в висок. Глажу по спине. Тихие всхлипы в районе груди становятся реже. Краем глаза вижу, как Ксения подходит к нам, вытягивает ее руку, обрабатывая спиртом, и делает этот злосчастный укол. Лиза не сопротивляется, лишь немного вздрагивает. Ее грудь вздымается от частого тяжелого дыхания. Чувствую, как бешено колотится ее сердце. Или это мое сердце? Подхватываю ее на руки. Ее руки крепко обнимают мою шею. Она прижимается ко мне, как будто боится, что я ее отпущу. Сажусь вместе с ней на диван. Крепче прижимаю ее к себе. Меня колотит не меньше ее.

— Ксения! Принеси теплое одеяло, — прошу ее. Мою девочку надо согреть. Ксения тут же реагирует, срывается с места, бежит наверх. Лиза склоняет голову мне на грудь. Чувствую, как ее хватка ослабевает. Видимо, действует препарат. Господи Боже, что она ей вколола? Я не знаю, что мне делать, чем ей помочь. И это убивает меня. К нам подбегает Ксения, накрывает Лизу плотным белым одеялом. Мне приходится потревожить мою девочку, чтобы поплотней укутать ее. Чуть отстраняю ее от себя, Елизавета не держится. Она как не живая, как кукла, ее руки падают, голова откидывается назад. Кажется, что она в полной отключке.

— Твою мать! Ксения, что ты ей вколола?! — раздражительно спрашиваю я.

— Все нормально. Она просто спит. Это нейролептик.

— Что?! — ни хрена не понимаю.

— Мощный транквилизатор, — объясняет она. — Не волнуйся. С ней все будет в порядке.

— Откуда у нее дома такие препараты?

— Откуда, откуда. От врача! — мне кажется, что мой мозг сейчас взорвется от переполняющей его информации и вопросов, на которые я хочу немедленно получить ответ. Ксения достает телефон, набирает чей-то номер. Долго ждет ответа. Сбрасывает звонок.

— Кому ты звонишь?

— Доктору Новицкому. Это ее врач, — набирает еще раз. Разговаривает уже с какой-то женщиной. Как я понимаю из разговора, ее доктора нет в городе. Поднимаюсь на ноги, прижимаю к себе мою спящую принцессу. Надо отвезти ее домой.

— Ксения, возьми мою куртку, там, в кармане, ключи от машины, сядешь за руль. — Просто ни на минуту не могу отпустить свою девочку. Девушка тут же слушается. Кивает. Достает ключи, собирает верхнюю одежду Елизаветы. Подбегает к двери раскрывает ее, чтобы мы могли выйти. Добираюсь до машины. Сажусь с Елизаветой на руках, на заднее сидение. Ксения запирает ворота дома. Молча садится за руль. Растеряно осматривает салон.

— Только не говори, что ты не можешь водить на механике?! — вопросительно смотрю на нее.

— Не кричи! Все я могу! Не один ты здесь на нервах.

— Тогда в чем проблема, поехали. — Ксения пристегивается, еще раз оценивает салон. И мы, наконец, трогаясь с места. Прижимаю Елизавету к себе. Она подрагивает во сне. Ее дыхание ровное. Ее глазки опухли от слез. Она такая бледная. Провожу рукой по ее лицу. Прижимаюсь губами к ее виску. Тихонько целую, вдыхаю ее чистый аромат. Что же с тобой произошло, моя маленькая, любимая девочка? Как мне тебя спасти? Как забрать твою боль? Мое сердце сжимается от нестерпимой боли за нее.

Доезжаем до квартиры Елизаветы. Заношу мою спящую девочку домой. Аккуратно укладываю на кровать. Переодеваю ее в пижаму. Ложусь рядом с ней. Глажу по волосам. Подношу прядь волос к лицу, вдыхаю. Прижимаюсь к ней всем телом. Хочу отдать хотя бы частичку своего тепла. Слышу, как Ксения ходит по квартире. Убирает бардак в ванной. Я должен немедленно все узнать. Укутываю Лизу плотнее одеялом, встаю с кровати. Иду в гостиную, оставляю дверь спальни приоткрытой, чтобы видеть свою малышку. Ксения сидит на диване, смотрит в одну точку в стене. В ее руках открытая бутылка виски. Подхожу к ней, сажусь в кресло напротив. Девушка молча протягивает мне бутылку. Беру, делаю несколько глотков. Мне действительно нужна анестезия. Иначе меня разорвет от душевной боли. Ксения забирает у меня бутылку, тоже отпивает. Так мы и сидим: каждый думает о своем, хотя, наверное, мы думаем об одном и том же. Только у нее гораздо больше информации для размышлений.

— Долго она еще проспит?

— Несколько часов. Возможно до утра, — Ксения смотрит в сторону спальни. Устало закрывает глаза. Отпивает виски. Первый раз вижу, чтобы женщина вот так хлестала виски.

— Рассказывай, — без предисловий кидаю я.

— Что? — она приподнимет брови. Забираю у нее бутылку, делаю еще пару глотков. Отдаю ей.

— Все! — пристально смотрю на нее. Даю понять, что я не шучу. — Я хочу знать все, через что прошла моя девочка.

— А не много ли ты хочешь, Ромео, а? — язвит она. — Да я и права такого не имею, рассказывать тебе.

— Ксения, я уже достаточно увидел. Просто помоги мне собрать все воедино. Пожалуйста! — Ксения долго смотрит мне в глаза.

— Ты действительно ее любишь? — задает встречный вопрос.

— Да, — киваю головой.

— Вот скажи мне, Роберт, как женатый мужик, можно ли за такое короткое время влюбиться в женщину, даже толком не зная ее?

— То, что я женат — это досадная ошибка моей жизни, — горько усмехаюсь. — А разве есть разница, сколько я ее знаю, и что я про нее знаю. Ты просто в один момент понимаешь, что любишь, и все.

— Ошибка, — ухмыляется она. — И что же ты не расстанешься со своей ошибкой?

— Не думаю, что я должен перед тобой отчитываться. Но поверь, все намного сложнее, чем кажется, — она ничего не отвечает, только цокает в ответ. Отпивает еще немного виски.

— У тебя есть сигареты? — Ксения встает, направляется на кухню. Встаю, иду за ней, достаю сигареты, протягиваю ей. Она вытаскивает две, отдает одну мне. Подношу девушке зажигалку. Прикуриваю сам, глубоко затягиваюсь горьким дымом.

Ксения садится на подоконник, приоткрывает окно. Встаю рядом, прислоняюсь к стене. Девушка долго смотрит в окно. Медленно курит.

— С Лизкой мы знакомы с детства, — неожиданно начинает она. — Жили в одном дворе, учились в одном классе. До шестого класса особо не дружили. Я была немного пацанкой, а она — хорошей, примерной девочкой, отличницей. Как понимаешь, никаких совместных интересов, — усмехается Ксения. Я внимательно ее слушаю. Не знаю, что подтолкнуло ее на откровения. Видимо виски. Если так, я готов спить ее, лишь бы она все рассказала о Елизавете. Мне важна каждая деталь, даже детство. Мне важно понять всю ее жизнь.

— Но однажды я стала замечать, что ее обижают другие девочки из нашего класса. Лиза была тихой, скромной, ранимой девочкой. Даже, скажем так, ботаником. Она не могла за себя постоять. В один прекрасный день я заступилась за нее, ставя этих малолетних стерв на место. С тех пор мы как-то сдружились. У нас не было ничего общего. Но, как говорится, противоположности притягиваются. Отца у нее не было, он погиб еще до ее рождения. Мать так больше и не вышла замуж, отдавая всю себя ребенку. Мы практически никогда не расставались. Я учила ее, как постоять за себя. Она пыталась вдабливать в меня гранит науки. — На лице Ксении расплывается улыбка. Она рассказывает мне, но кажется, что она полностью погружена в воспоминания. — Мы даже поступили в один университет. Там я отрывалась, конечно, по полной. Наслаждалась, так сказать, студенческой жизнью. Если б не Лизка, которая вовремя меня тормозила, не знаю, куда бы меня занесло. И вот, на втором курсе, она познакомилась с Марком. Он учился на последнем курсе. Парень был просто мечта всех девушек: высокий синеглазый блондин. Прямо принц. Только на белой тойоте вместо коня. Немного не в моем вкусе, я любила плохих парней, но для ванильной Елизаветы в самый раз. С того момента они не расставались. До Лизы, конечно, было трудно достучаться, она была еще невинной девочкой. Так смешно было смотреть, как она смущалась и краснела от его слов и невинных прикосновений. Марк добивался ее долго. Год они просто ходили за ручку, гуляли по паркам, кино, невинно целовались в щечку. После окончания университета, он уехал на стажировку в Лондон. Сколько слез она тогда пролила в подушку. Но преданно его ждала. Это было так романтично. Несмотря на расстояние, Елизавете каждую субботу курьер приносил цветы и ее любимый шоколад. После того, как он вернулся, все изменилось. Их невинные поцелуйчики превратились в настоящие. Лиза поменялась, стала настоящей женщиной. Они больше не расставались. Еще через полгода она переехала жить к нему. Когда Лиза была на последнем курсе, у ее мамы обнаружили рак на последней стадии. Она быстро угасла. Никакое лечение уже не помогало. — Я невольно напрягаюсь. Зная, что будет дальше. Машинально тянусь за еще одной сигаретой. Ксения останавливается, отпивает еще немного виски. — Как ты понимаешь, — продолжает она, —

ее мама умерла. Если бы не Марк, Лиза бы, наверное, долго не выходила из депрессии. Ведь мать для нее была единственным родным человеком. В конце пятого курса Марк сделал ей предложение. Родители Марка — это отдельная история. Он был из состоятельной семьи. У них был даже дворянский титул. Вот ты мне скажи, кому в наше время нужны титулы? — Ксения разводит руками.

— Какая сейчас разница, кто ты, граф или князь? Но для них это имело большое значение. Они причисляли себя к высшему обществу и, конечно, пророчили для Марка большое будущее. Они хотели, чтобы он остался в Лондоне, продолжил свою карьеру там. Но Марк, как говорится, был бунтарем, — девушка начинает смеяться. — Его родители были категорически против их брака. Его мамаша даже предлагала нашей Лизочке деньги, полагая, что она хочет выйти за него ради денег. Марк тогда очень разозлился. Прекратил все общение со своей родней. Те, в свою очередь, угрожали, как это принято в высшем обществе, лишить его наследства.

Пожились они через месяц после предложения. Свадьба была скромной, только для своих. Его родители так и не явились, хотя Марк их приглашал. Сразу после свадьбы наша Лизка забеременела. Я, конечно, видела счастливых беременных женщин. Но так, как она, не радовался этому никто. Она просто светила от счастья. Марк оберегал ее от всего, порой мне казалась что это как-то даже через чур. Он ни куда не отпускал ее одну. Всегда вместе. Тогда-то они открыли свое кафе. Как говорил Марк, семейный бизнес. Когда его родители узнали, что у них будет внучка, они изменили свое мнение по поводу их брака. Ведь Марк был их единственным сыном. Они-то и подарили им этот дом. Марк сначала долго сопротивлялся, не хотел принимать от них такого подарка, в нем играла обида. Уж не знаю, как они его убедили, но в итоге наша парочка стала потихоньку обживать свое семейное гнездышко, — тут Ксения замолкает. Улыбка медленно сползает с ее лица. Я тянусь за очередной сигаретой. Девушка допивает остатки виски. Забирает у меня сигарету, глубоко затягивается. Долго смотрит в окно.

— Знаешь, раньше я никогда не задумывалась о жизни. Просто жила. Плыла по течению. Но никто не знает, какой подарок преподнесет нам судьба. Ты когда-нибудь думал, что в один прекрасный момент проснешься и потеряешь все? Вот и я не думала, — Ксения опять замолкает. Закрывает глаза, трет руками лицо. Смотрю на нее. Я знаю, что будет дальше. Может и не стоит дальше слушать ее. Все и так понятно, к чему эти подробности. Но нет, я — чертов мазохист. Хочу, чтобы она продолжала. Хочу знать правду, какой бы жестокой она не была.

— Когда Лиза была на девятом месяце, вечером, они ехали из своего кафе домой. На светофоре в них влетела огромная фура. Водитель не был пьян. Банально отказали тормоза. Весь удар пришелся на сторону Марка. Их машину далеко тогда откинуло. Марк умер мгновенно. Лизочка все это время была в сознании. Она видела его смерть. Но даже пошевелиться не могла. Ее зажало между сиденьями. Говорят, она так кричала. В салоне было столько крови. Она кричала до хрипоты. Пока не отключилась совсем. Когда приехали спасатели, она была уже без сознания. — Боль нарастает внутри меня с невероятной силой. Ее слова убивают меня, они становятся моим адом. Но Ксения не видит моей реакции, она смотрит в окно, продолжая говорить.

— Когда ее вытащили из машины, она была вся в крови. У нее открылось кровотечение. Как выяснилось потом в больнице, их маленькая принцесса, как они ее называли, тоже умерла, так и не родившись, удар пришелся и на живот. Принцесса так и не увидела этот

мир... — Я вижу, как по щекам Ксении катятся беззвучные слезы. А мне хочется кричать от бессилия. Ну за что? Господи, за что моей чистой девочке досталась такая судьба?!

— Но самое страшное было впереди, — продолжает Ксения. Мне хочется зажать уши руками и не слушать этого. Это бессилие перед самим собой. Я слушал ее как в тумане, сползая на пол, зажимая голову руками. — Лиза долго была в реанимации. Она как будто не хотела возвращаться в реальность. Все жизненные показатели были в норме. Но она не просыпалась. Родители Марка приняли решение похоронить его и их маленькую девочку, не дожидаясь, когда она очнется. Я была с ними согласна. Зачем, скажи, зачем ей видеть все это?! На похоронах его мать обезумела от горя. Она была не в себе. Кидалась на меня, кричала, обвиняя во всем Лизу, их брак. Говорила, что если бы ее сын не женился тогда на Елизавете, ничего бы не было. Как мать, я могу понять ее боль. Но причем, скажи, здесь Лиза?

Тогда-то я и познакомилась с Лешей. Он буквально оттащил от меня обезумевшую мать. Когда Лизочка наконец очнулась, она сразу все поняла. Она не плакала и не кричала. Она просто молчала. Не произносила ни слова. Она не билась в истерике. Она словно умерла вместе с ними. Не сопротивлялась врачам, принимала все медикаменты. Ее тело быстро приходило в норму. Она сидела на больничной кровати, смотрела в окно, раскачивалась из стороны сторону, никого не слышала, ни с кем не разговаривала. Мы с Лешей были с ней каждый день. Он единственный из семьи Марка, кто навещал ее. Все остальные просто игнорировали ее существование. Они оставили ей дом и кафе. И просто укатили жить в другой город.

Лиза смотрела на всех пустыми ледяными глазами, в них была безысходность и обреченность. Когда ее организм пришел в норму, ее выписали домой. Мы с Лешей привезли ее ко мне. Врач сказал, что может быть домашняя обстановка, забота близких, вернет ее к жизни. Но ничего не изменилось. Она неделями просиживала в комнате, смотря в потолок. Она превращалась в тень. Угасала с каждой секундой. Я училась на психолога. Но знаешь, в те дни я поняла, что психолог из меня хреновый. Я ничем не могла ей помочь. Тогда я четко поняла, что никогда в жизни не буду работать психологом. Я просто не смогу выдержать людской боли.

Спустя месяц, я проснулась от нечеловеческого крика в соседней комнате. Когда я прибежала к ней, она кричала, билась в истерике, вгрызалась зубами в подушку. Как потом выяснилось, ей в первый раз приснился сон, который по сей день преследует ее. Один и тот же страшный сон. Тогда ее психотерапевт выписал эти чертовы таблетки. Они должны были помочь. Но еще через неделю после очередного кошмара она просто закрылась в ванной и выпила всю упаковку. Хорошо, что Леха был дома, он выбил дверь в ванну и вовремя вызвал скорую. Все обошлось. Как потом рассказывала Лиза, она не хотела покончить с жизнью. Она говорила, что просто хотела, чтобы боль ушла. После этого случая Леша закрылся с ней на кухне и очень долго разговаривал. Я не знаю, что он ей говорил. Они не рассказывали мне об этом. Но она изменилась, начала разговаривать, нормально ела, пила. Пусть в ее глазах была обреченность и пустота, но это был хоть какой-то сдвиг. Ещё через месяц она занялась работой в кафе. Сняла вот эту квартиру. О возвращении в их дом даже речи не шло. Мы все ее понимали, уговаривали его продать. Но она не соглашалась. Он просто одиноко стоял. Мы с Лехой иногда приезжали туда. Ты знаешь, я боюсь этот дом, он такой же мертвый и пустой. Там так тихо. И всегда очень холодно, даже летом.

Все вроде налаживалось, пусть она не светилась от счастья, но работала, общалась с

людьми. На кладбище она ни разу не была, объясняя это тем, что там их нет. Там чужие мертвые тела. Она их не знает. Она как будто отрицала саму смерть.

Так прошло несколько месяцев. Однажды она вот так просто пропала. Ее не было ни дома, ни на работе. На телефонные звонки не отвечала. Мы с Лешей сбились с ног: где только мы ее не искали. Нам даже и в голову не приходило, что она могла быть в своем доме. Когда мы туда приехали, дом сиял чистотой. Обнаружили мы ее в детской. Она сидела возле кровати, что-то тихо напевала, поглаживая детское одеяльце. Все было почти так же, как сегодня. Неимоверная истерика, полное отрицание реальности. Нам пришлось вызвать скорую, мы ничего не могли с ней сделать. Она также забилась в угол, ужасно боялась нас, пока не приехали медики и не сделали ей этот чертов укол. На следующий день Елизавета ничего не помнила. Леша нашел ей хорошего психолога. Новицкий очень рекомендовал нам положить ее к нему в клинику. Мы боялись ее реакции, никак не могли ей это предложить. Но как ни странно, она согласилась. Вот так просто, без вопросов и споров. Собрала свои вещи и легла в клинику. Пробыла она там почти два месяца. Посещения были разрешены только два раза в неделю. Я уж не знаю, что там с ней делали, но, должна признать, Евгений Иванович — врач от Бога. Вышла Лиза оттуда совсем другим человеком. Вот такой, какой была до этого дня. Хотя дом она до сих пор отказывается продавать. На кладбище не ходила. Но, по сравнению с тем, что было, это — такие мелочи. Она отдалась работе, практически не вылезала из своего кафе. У нее была цель. Она продолжала их семейный бизнес. И знаешь, у нее все получалось: из маленького ничем не примечательного кафе выросло то, что есть сейчас.

Мужчин она вообще не замечала, их как будто не существовало. Все бесполые существа. Хотя поклонников было море: начиная от первого администратора кафе, которого она тут же уволила, как только он начал подкатывать к ней, заканчивая серьезными мужчинами. Один раз за ней таскался налоговый инспектор. Он специально устраивал ей разные проверки, лишь бы в очередной раз попускать свои слюни. — Ксения смеется сквозь слезы. — И знаешь, в один прекрасный день она не выдержала, открытым текстом послала его далеко и надолго. Ох, сколько тогда налоговых проблем перенесло ее кафе. Но к Елизавете не подкопаешься — у нее все чисто.

И вот однажды, не так давно, — девушка, наконец, отрывается от окна, пристально смотрит на меня. — Я потащила ее в твой клуб. Хотя тогда мы не знали, что он — твой. Случилось чудо. Она впервые за три года отреагировала на мужчину. И как отреагировала! Я просто была поражена. Ты должен мне сказать спасибо. Это ведь я посоветовала ей связаться с тобой. Я такая дура. Если бы я знала, чем это обернется... — Ксения замолкает. Смотрит мне в глаза. — Но, сегодня, не смотря на то, что она тебя не узнала, ты смог ее успокоить. Поверь, до этого такое было под силу только транквилизаторам или ее доктору. Может еще есть маленькая надежда, что она когда-нибудь отпустит до конца свое прошлое и заживет настоящим. — Я отворачиваюсь от девушки. Запрокидываю голову. Закрываю глаза. Я не достоин ее будущего. Ей нужен кто-то надежный, честный. Человек, который не принесет в ее жизнь еще большей боли. И это, мать вашу, не Я! В этот момент мое сердце останавливается, а душа умирает. Сердце истекает кровью. Я чувствую каждую каплю боли моей девочки. Судьба та еще сука. Почему она так не справедлива к ней? Я просто не имею права находиться рядом, еще больше терзая ее душу. Но я — чертов эгоист. Я не могу ее отпустить. Она мой свет, моя душа. Я одержимо ее люблю. Ну за что ей это все?! За что?!

— И, если ты посмеешь ее обидеть и заставишь страдать, я сама лично отрежу твои

похотливые яйца и заставлю тебя их съесть! — неожиданно заявляет Ксения. Начинаю нервно смеяться. Черт, а мне нравится, что у Лизы есть такая подруга, которая не боится сказать мужику больше ее в два раза, что отрежет ему яйца. Ничего ей не отвечаю. Поднимаюсь на ноги. Мне нужно к моей девочке. Испытываю непреодолимую нужду обнять ее, почувствовать, отгородить от всего мира.

Елизавета

Просыпаюсь. Еще толком ничего не соображаю, но чувствую себя разбитой. Словно кто-то высосал все мои жизненные силы. Мое тело ватное, абсолютно пустое. Немного кружится голова, во рту сухость. Мои мышцы ноют. Это плохо. Это очень плохо. Поднимаю руку, закатываю рукав. Вот оно — синяк после укола. Мой мозг начинает лихорадочно работать. Пытаюсь вспомнить свой день. Мы были на открытии гостиницы. Встреча с Еленой, Роберт. Признание в любви, даже не пытаюсь сейчас осмыслить его слова. Гораздо важнее восстановить событие вчерашнего дня. Потом я легла спать. Но на мне был халат, я точно помню, как одевала в ванной халат. Но я в пижаме. Поворачиваю голову вправо. Рядом спит Роберт. Изучаю его лицо. У него такой усталый вид. На щеках легкая щетина. Его рука покоится на моем животе. Замечаю на тумбочке его телефон. День. Мне надо знать, какой сегодня день. Вчера была пятница, значит, сегодня должна быть суббота. Аккуратно поднимаюсь, чувствую тяжесть в голове. Осторожно тянусь за телефоном, чтобы не разбудить Роберта. Суббота. Суббота. Повторяю как мантру. Беру телефон, провожу по экрану. Воскресенье! Воскресенье! Нет. Нет. Не может быть. Этого просто не может быть. Ничего не помню. Ничего. Мне кажется, что моя голова сейчас взорвется. Медленно встаю с кровати. Нестерпимо хочется пить. Тихо выхожу из комнаты, прикрываю за собой дверь. Прохожу на кухню, замечаю там Ксению. Она варит кофе.

— Привет, — тихо говорю я. Подруга подпрыгивает на месте. Резко оборачивается.

— О боже, ты меня напугала, — вид, я вам скажу, у нее не очень, такое ощущение, что она очень мало спала или очень много вчера выпила. Открываю холодильник, беру бутылку воды. Быстро открываю крышку. Жадно пью большими глотками. Опустошаю почти полбутылки. Сажусь рядом с подругой на кухонный диван.

— Это опять случилось? — задаю вопрос, ответ на который я и так знаю. Ксюша молча кивает. Мне становится не по себе. Поднимаю голову, смотрю ей в глаза. — Насколько все было плохо?

— Почти так же, как прошлый раз, — Ксюша обреченно качает головой. Устало отпускаю тяжелую голову на стол. Подруга поглаживает мою руку.

— Ты звонила в клинику?

— Да, но Новицкого нет. Он улетел на какой-то семинар, — ты вообще ничего не помнишь?

— Нет. Ничего. Где Леша?

— Леха еще вчера утром улетел в Прагу. Но должен сегодня вернуться.

— Что? — Резко поднимаю голову, за что она мне мстит стреляющей болью. — Если Леша в Праге, тогда кто принес меня домой?! — я уже знаю ответ, но мне нужно подтверждение. Она ничего не говорит, виновато опускает глаза.

— Он все видел, да?! — Ксения качает головой, но в глаза мне не смотрит. Хватаю воздух, чтобы произнести хотя бы слово. Боже!

— Зачем? Зачем ты его туда привезла?! — дыхание замирает. Кажется, даже сердце прекращает свои удары.

— Лиза, я... — подруга замолкает.

— Что ты?! Кто дал тебе такое право?! Кто?! — в моей голове что-то щелкает, мутные картинки вчерашнего дня проносятся перед глазами. Я вижу черные обеспокоенные глаза, в которые я смотрю и боюсь их отпустить. Я помню ледяной холод. И теплые руки, прижимающие меня. Я ни черта не помню, ни то, как я оказалась в доме, ни то, что там делала. Зато помню его глаза. — Я помню, — зачем-то произношу вслух.

— Что? Что ты помнишь?! — взволновано спрашивает Ксюша.

— Я помню его глаза. Что? Что ты ему сказала? Как объяснила мое поведение? — Ксюша опять опускает глаза, что-то мямлит себе под нос. Зажмуриваю глаза, стискиваю зубы. Злость накатывает мгновенно. Меня даже начинает немного потряхивать.

— И насколько далеко ты продвинулась в своих откровениях?! — я уже кричу. Не могу себя сдерживать. Сжимаю кулаки. Зачем она это сделала? Подруга меняется в лице, в ее глазах раскаяние.

— Ты что, рассказала ему ВСЕ?!

— Да, — тихо произносит Ксюша. — Я просто хотела, чтобы он... — она опять замолкает.

— Ну, продолжай. Что же ты молчишь?! Вчера, я смотрю, ты была более болтлива! — меня окутывает гнев, распалая все больше и больше. — Но подруга упорно молчит. Слышу звук шагов. На пороге кухни появляется Роберт. На нем только брюки. Он немного заспанный. Опирается рукой на косяк, осматривает кухню. Его взгляд останавливается на мне. В его глазах как всегда, черная бездна. Пронизывающий, черный взгляд, который смотрит в самую душу. Застываю на месте. В голове проносятся его последние слова, которые я помню — «Я тебя люблю». Стлываю, закрываю глаза.

Ксюша пользуется моментом, соскакивает с места.

— Я, наверное, пойду. Мне сегодня еще Лешу встречать, — быстро выпаливает она, несется к двери.

— Ксения! — кричу ей вслед, — не смей убегать. Мы с тобой еще не договорили.

— Мы поговорим завтра, — отвечает она, продолжая свой путь.

— Ксюша!

— Ксения, можешь идти. Вы поговорите завтра, — вмешивается Роберт. — Гневно смотрю в его сторону.

— Кто дал тебе право командовать у меня дома! — мои нервы на пределе. Они что, сговорились?

— Никто. Я не спрашиваю ни у кого разрешения. Я делаю то, что считаю нужным, — спокойно отвечает он, продолжая прожигать меня взглядом. Слышу, как хлопает входная дверь. Эта маленькая болтушка сбежала! Роберт спокойно проходит на кухню. Садится напротив меня. Берет меня за руки. Привычно поглаживает запястья.

— Как ты себя чувствуешь? — как ни в чем не бывало, спрашивает он.

— Нормально. Хотя в моем случае, нормально, это не совсем подходящее слово, — пытаюсь вырвать свои руки. Но он, как всегда, не позволяет мне этого сделать. — Почему ты до сих пор здесь?

— Потому что хочу.

ГЛАВА 10

Елизавета

Смотрю в обсидиановые глаза напротив меня, и в моей голове никак не укладывается, почему он до сих пор здесь? Почему не сбежал от меня? Зачем ему нужна неуравновешенная любовница, которая в любой момент может выкинуть что-нибудь неадекватное? Может забыть его. Я не вижу в его глазах жалости. А если это не жалость, тогда что? Действительно любовь? Не верю. Какая к черту любовь?!

Он просто смотрит на меня, ничего не говорит. Поглаживает мои запястья большими пальцами. Мысленно я кричала, прогоняла его. Мысленно. А на деле, мне очень не хотелось, чтобы он уходил. Я не хотела, чтобы он оставлял меня наедине с моими мыслями. Смотрела на него, впитывая его образ. Его скулы оттеняла легкая щетина. Роберт выглядел уставшим, не выспавшимся. Возникло непреодолимое желание прикоснуться к его лицу. Я помню его глаза. Из всего вчерашнего дня, я помню его глаза и тепло. Тепло, которое согревало меня. Смотрю в его глаза и не могу отвернуться. Он не отпускает. Мне не верится, что он до сих пор рядом, не смотря на то, что видел вчера. Он здесь. И, похоже, не собирается меня отпускать. Но я должна сделать последнюю попытку. Мы должны отпустить друг друга. Это больше не может продолжаться. Нас не должно быть. Это все неправильно. У него семья. Сын, который нуждается в полноценной семье, который не должен страдать из-за разногласий родителей. В конце концов, в каждой семье случаются кризисы. Они должны их преодолеть. Не смотря на то, что Елена была мне глубоко неприятна, я понимала ее как женщину, она борется за свою семью. За свое собственное счастье. Не важно, какими методами.

— Так почему ты до сих пор здесь? Почему не бежишь от меня сломя голову? — решительно смотрю в его глаза. И сталкиваюсь с такой же его решимостью. Понимаю, что он не отпустит меня.

— Почему я должен бежать? — мягко говорит он. Встает с места, садится рядом со мной. Разворачивает меня к себе, вопросительно смотрит, ждет ответа.

— Потому что я — ненормальная, неадекватная, — тихо произношу, отворачиваясь от него. Он берет меня за подбородок, поворачивает к себе.

— Не смей так говорить! — грозно восклицает он. — Ты не ненормальная! Ты сильная, волевая женщина с непростой судьбой, — прижимает меня к своей груди, зарывается в мои волосы.

— Нет, я не сильная, — говорю ему в грудь, слушаю ритм его сердца. — Мне нужен врач, как только он вернется в город. Скорее всего, я опять лягу в клинику, — чувствую, как Роберт замирает, его тело напрягается.

— Нет, — твердо говорит он.

— Что — нет?

— Тебе не нужен никакой врач и, тем более, клиника! — поднимаю голову, смотрю в его полные уверенности глаза.

— А ты знаешь, что мне нужно? — горько усмехаюсь.

— Да. Знаю.

— И что же это? Не уж то — ты? — я говорю это с иронией в голосе, но в душе, что-то загорается. Надежда? А может? Нет, Лиза, не может. Тебе уже никто не поможет. Твое сердце разбито на осколки.

— Да. Почему бы и нет? Я понимаю, что я не идеальный. У меня не все так просто. Я не могу тебе в данный момент ничего дать кроме самого себя и своих чувств. Но я — эгоистичная сволочь, — Роберт ухмыляется. — Я не могу тебя отпустить. Если ты меня

оттолкнешь, я превращусь в маньяка, преследующего тебя по пятам, — эти слова вызывают у меня улыбку. Роберт наклоняется, целует меня в уголки губ.

— Дай мне шанс, — в его глазах — мольба. Я понимаю, что сейчас должна принять окончательное решение.

— Роберт, — вдыхаю, собираю все свои силы. — О каком шансе ты говоришь? Шанс на что ты просишь? Мы не можем быть вместе. Ты женат. У тебя семья и сын, который нуждается в тебе, — он открывает рот, хочет мне возразить. Подношу палец к его губам, вынуждая его замолчать. — Даже если ты уже все для себя решил насчет своей семьи. Я не могу быть с тобой. Я душой неживая, я никогда не смогу полюбить. Ты понимаешь? Мне нечем больше любить. Нет, не так. Я уже люблю. Любою своего мужа. Да. Не смотри на меня так. Я понимаю, что его нет. Я знаю, что он ушел. Но мое сердце и душа с ним. Я знаю точно, когда-нибудь мы будем вместе. Мне просто надо немного подождать. Меня больше нет. Я там, с ним. И мы обязательно встретимся. А тебе нужно вернуться к жене. Не отнимать у своего сына семью. Пойми: для ребенка это очень важно, — Роберт не дает мне договорить, соскакивает с места. Подходит к окну. Открывает его. Глубоко вдыхает. Прикуривает сигарету, затягивается. Мы молчим. Я смотрю ему в спину и не могу разобрать свои чувства. Мое сердце начинает неровно биться. Становится тревожно. Я боюсь, что он сейчас послушает меня, развернется и уйдет к жене. В моих глазах застывают слезы. Я жадно наблюдаю за каждой его затяжкой. В груди разрастается боль. Он не прав. Он не эгоист. Это я — эгоистка. Я гоню его, а сама не хочу, чтобы он уходил. Но в тоже время, не могу ему ничего дать. Не могу ответить на его чувства. Я тихо всхлипываю, зажимаю рот рукой, но Роберт все равно слышит. Медленно разворачивается, в два шага преодолевает расстояние между нами. Опускается передо мной на колени. Собирает губами мои слезы, от чего они льются еще больше.

— Малышка, пожалуйста, не плачь. Мой брак давно разрушен. Я никогда, слышишь, никогда не любил Елену! Черт! Теперь мне кажется, что я вообще никогда не любил. Я понял это только с тобой, — закрываю глаза, медленно качаю головой.

— Я понимаю, что ты сейчас не готова слышать от меня такие слова. Не готова любить. Просто позволь мне быть рядом с тобой. Я не жду ответной любви. Просто позволь тебя любить, — открываю глаза, долго всматриваюсь в его лицо. Вижу, что он предельно искренен со мной. Боль в груди разрастается. Все чувства смешались, сердце начинает гулко биться. Хочу что-то сказать, открываю рот и снова закрываю. Я просто потеряна.

— Я не знаю, — наконец выдыхаю я. — Я — Роберт не дает мне договорить, сладко меня целует.

— Я все равно не отпущу тебя. Ты — моя. МОЯ. Даже не смей мне возражать! Ты еще не осознаешь это, но ты моя. Позволь мне все решить за тебя, — ну, вот и все, я проиграла в этой битве. Он все решил за меня. Может мне станет от этого еще хуже, но я ведь не узнаю, если не проверю. Ничего не отвечаю, просто молча киваю головой.

— Вот и хорошо, — он берет мои руки, целует их по очереди, прижимает к своим щекам. Он всегда такой теплый. Его тепло передается мне, согревая меня. Что я творю, зачем соглашаюсь с ним? Но возразить и прогнать нет больше сил. Ведь он прав. Я забываю обо всем в его руках. Смотрю в его черные глаза и теряю связь с реальностью.

— Твоя жена... — тихо говорю я, вспоминая нашу последнюю встречу с Еленой.

— К черту мою жену, даже не вспоминай о ней сейчас, не хочу ничего слышать о ней.

— Даже если я скажу, что она следит за нами? — Роберт ухмыляется, немного

приподнимает брови. Но заметно, что это для него не новость. — Ты знал?

— Да, я знал. Но можешь ни о чем не переживать. Очень скоро все это прекратится, — немного раздраженно говорит он. Как и всегда, когда речь заходит о его жене. — Она следит за мной всю нашу совместную жизнь. Раньше меня это даже забавляло. Ведь я особо и не скрывал все свои связи. Ну а то, что она помогала мне избавляться от навязчивых девиц — так вообще было мне на руку. Елена думает, что я ничего не знаю. Но это я позволял ей так думать. Сейчас, с тобой, все по-другому. Скоро все закончится. Ели бы не сын, все было бы намного проще. Ты говоришь, что ребенку нужна семья. А если в этой семье родители не любят и не уважают друг друга? Каждый их разговор переходит в скандал? Нужна ли ему такая семья?

— Я не знаю. Не знаю, — качаю головой. — Это немного не вписывается в мое понимание семьи.

— Вот и хорошо, что не вписывается. Ты — другая. Ты — чистая. Так и должно быть. Так что я не буду тебя посвящать во всю эту грязь. — Он поднимается на ноги, тянет меня за собой. Обнимает за талию. — Как ты себя чувствуешь? Может, тебе лучше прилечь?

— О, нет! Тебе не кажется, что я очень долго лежала? Настолько долго, что, по-моему, я не смогу уснуть ближайшие два дня.

— Хорошо, — на его лице играет обворожительная улыбка. — Тогда пойдем в душ, — тянет меня за собой в ванну.

— Ах, да. Я забыла правило, — усмехаюсь в ответ.

— Никогда не забывай о наших правилах, — строго говорит он.

После совместного долгого душа, где Роберт не позволял мне ничего делать самой, а я уже даже не сопротивлялась этому факту, мой желудок дал о себе знать, напоминая мне, что я не ела почти сутки. Роберт изучил мой холодильник. Потом я выслушала лекцию о том, что мне надо хорошо питаться. Я молчала и закатывала глаза. Дальше он приказал мне одеваться в удобную и теплую одежду.

И вот мы едем по заснеженным городским улицам. Я смотрю в окно на мягкий декабрьский снег, думая о том, что он прав. Если позволять ему все решать за меня, мне не надо ни о чем думать. Возможно, так проще. Возможно, именно это мне сейчас нужно.

По дороге Роберт заезжает в кофейню. Чмокает меня в нос и быстро убегает. Возвращается он уже с ароматным свежесваренным кофе. И очень вкусными круассанами. С удовольствием съедаю свою порцию, кошусь взглядом на круассан Роберта. Он усмехается, отдает его мне. Без зазрения совести съедаю и его порцию. Мы заезжаем к нему домой. Там Роберт переодевается в джинсы, неизменно белый свитер. Вместо кожаного браслета на его запястье теперь красуются большие часы, но на кожаном широком черном ремешке, чем-то напоминающим его браслет. Роберт замечает мой взгляд, направленный на свое запястье, усмехается.

— Привычка, Елизавета Андреевна, привычка. Мне надо было чем-то заменить браслет, — вспоминаю, что он оставил свой браслет где-то у меня в квартире, думаю о том, что мне надо обязательно его найти. Мы выходим на улицу, садимся в машину. Трогаемся с места.

— Куда мы едем? — все-таки решаюсь спросить я.

— Скоро увидите, Елизавета Андреевна, — смотрит на меня через зеркало, подмигивает.

— Почему ты часто называешь меня по имени отчеству?

— Потому что мне так нравится. Ваши имя-отчество, прекрасно сочетаются. Есть что-то в этом аристократичное, королевское.

Мы выезжаем из города. Оглядываюсь по сторонам, соображая, куда же ведет эта трасса, дальше только загородные поселки.

— Куда ты меня везешь?

— Мы едем за Ильей, — что? Он везет меня за своим сыном. Но зачем?

— А где он?

— Он гостит у моих родителей, — он везет меня за своим сыном! К своим родителям! Он вообще, в своем уме?

— Остановись! — кричу я. Роберт резко сворачивает на обочину, тормозит, разворачивается ко мне.

— Что случилось? Тебе плохо? — взволнованно спрашивает он.

— Это тебе, видимо, плохо! Зачем ты везешь меня в дом своих родителей?! Это неправильно! Я не хочу туда ехать. Что ты им скажешь? «Знакомьтесь, это — Лиза, моя любовница», так?! — гневно смотрю на него. Роберт лишь облегченно вздыхает. Отворачивается от меня, спокойно выворачивает на трассу, продолжая движение.

— Роберт! — кричу я. Он что, издевается надо мной?

— Елизавета, мои родители давно знают в каких я отношениях с Еленой. Они знают, что мы не живем вместе. И да, я скажу: «Знакомьтесь, это — Елизавета. Самая красивая девушка в мире»

— Роберт, это не смешно. Прошу тебя, не делай этого. Если ты готов вот так просто познакомить меня со своими родителями, то я — нет. — Я буквально молю его так со мной не поступать. Роберт долго молчит. Приоткрывает окно, подкуривает сигарету. Делает пару затяжек, выкидывает окурок в окно.

— Хорошо, — наконец произносит он. — Я пока не буду тебя ни с кем знакомить. Я просто заберу сына. А ты подождешь меня в машине, — спокойно и очень серьезно говорит он.

— Да. Хорошо. Спасибо. Но, пожалуйста, следующий раз говори сразу, куда ты собираешься меня отвезти.

— Ну уж нет, Елизавета. Если бы я тебе сказал сразу, ты бы никуда не поехала, — он улыбается мне в зеркало. Похоже, его ни на грамм не смущает тот факт, что он везет свою любовницу в свой родной дом. Неужели он не понимает, что это неправильно!

Едем мы довольно долго. Но длительная поездка оправдывает время. Ранняя зима за городом прекрасна. Пушистый белый снег укрывает землю, словно пуховым покрывалом. Деревья клонятся к земле от тяжести снежного наряда. Все замерло. Вокруг столько белого и чистого цвета. Я так сильно увлеклась созерцанием всей этой зимней сказки, что не заметила, как мы подъехали к небольшому двух этажному деревянному домику. Несмотря на размер, дом был просто сказочным и очень вписывался в здешнюю зимнюю природу. Роберт паркуется возле ворот дома, поворачивается ко мне.

— Красиво, правда? — он также как и я осматривает дом и природу вокруг него. На его лице сияет мальчишеская, почти детская улыбка.

— Да. Очень красиво, — с восхищением говорю я.

— Уверена, что не хочешь зайти?

— Уверена, — моя улыбка медленно сползает с лица. Все очарование пропадает.

— Ну хорошо, — мягко говорит он. Протягивает руку, проводит по моей щеке. — Не скучай, я быстро, — отстегивает ремень безопасности, выходит из машины.

Через минут пятнадцать из ворот дома вылетает миленький мальчик в зимней одежде, больше похожий на снеговичка. Следом за ним выходит Роберт. Открывает багажник, закидывает туда сумку. Достает детское кресло. Илюша крутится возле машины, играя с маленькой дворовой собачкой. Неожиданно в воротах появляется пожилая женщина. На вид ей лет пятьдесят. Теперь я понимаю, в кого у Роберта такие черные пронзительные глаза. Не смотря на то, что его мама уже не молода, она очень красивая и статная. В руках у нее большой контейнер и термос. Я, не боясь, рассматриваю ее, зная, что меня не видно за тонировкой. Роберт открывает пассажирскую дверь с противоположной от меня стороны, подмигивает мне, устанавливает детское кресло. Он хочет мне что-то сказать, я подношу палец к губам, глазами молю меня не выдавать. Он ухмыляется.

— Трусиха, — еле слышно, одними губами произносит он и закрывает дверь. Обходит машину, становится возле двери с моей стороны. Игриво постукивает пальцами по стеклу. Вот гад! К нему подходит его мать, подставляет щеку для поцелуя. Роберт улыбается ей как ребенок, целуя обе ее щеки. Кто бы мог подумать, что этот хищник в присутствии матери превращается в мальчишку. Женщина вручает ему контейнер и термос, что-то тихо говорит. Проводит рукой по его волосам, опускается вниз, обнимает мальчика, расцеловывая его. Илюша берет отца за руку и ведет к машине. Роберт открывает дверь, вручает мне контейнер, откуда очень вкусно пахнет домашними пирожками. Помогает сыну забраться в кресло, пристегивает его. Закрывает дверь. Опять подходит к матери, о чем-то с ней говорит. И тут Илья замечает меня.

— Здравствуйте, — тихо, смущаясь, говорит он.

— Привет, — так же тихо отвечаю я.

— Ты — Лиза. Я тебя помню, — со смущенной улыбкой говорит мальчик.

— Я тоже тебя помню. Ты — Илья, — так же улыбаюсь ему в ответ.

— Ты подарила мне Бусю.

— Кого? — не понимаю я.

— Бусю. Медведя, — поясняет мальчик.

— Ах, да. Значит ты назвал его Бусей. Интересное имя для белого медведя, — усмехаюсь я. Наш разговор прерывает Роберт. Он садится в машину, поворачивается к нам. Мило улыбается сыну, снимает с него шапку, лохматит волосы.

— Ты поздоровался с Лизой? — вопросительно выгибает бровь.

— Конечно, поздоровался, — отвечаю я. — Мы прекрасно общались, пока ты нас не прервал.

— Ох, ну извините, что вас прервал, — смеется Роберт. — Можете продолжать, не буду вам мешать, — демонстративно отворачивается от нас. Заводит машину, выезжая на дорогу.

— Что это? — спрашиваю Роберта, указывая на контейнер.

— Это наш обед. А точнее, его часть. Мама наготовила еще очень много чего вкусного. Но по Вашей вине, Елизавета Андреевна, мы не смогли всего попробовать.

— Так я еще и виновата, — хмуря брови, говорю я.

— Конечно виновата. А могла бы к нам присоединится. Моя мама очень вкусно готовит. Вы многое потеряли, Елизавета Андреевна, — хищно улыбаясь мне в зеркало, говорит он.

— Ну, извините, — наигранно надуваю губы. Отворачиваюсь к окну.

— Ну, нет, Елизавета Андреевна, одним «извините» Вы не обойдетесь. Придется Вас наказать, — я сглатываю, поворачиваюсь к мальчику, который с интересом наблюдает за нами. — Ну что, Илья, накажем Лизу за то, что лишила нас бабушкиной еды? — мальчик хитро хихикает, и не решительно качает головой.

— Ну и что вы задумали?! — с возмущением в голосе говорю я.

— Скоро узнаете, Елизавета Андреевна. Наберитесь терпения.

Через полчаса Роберт останавливается на обочине. Выходит из машины. Открывает дверь со стороны сына.

— Выходите, Елизавета Андреевна, мы Вам кое-что покажем. Мы проходим несколько метров по заснеженным дорожкам. И тут я застываю на месте. Это пруд. Прекрасный зимний пруд. Вода в нем еще не успела замерзнуть. Ветви могучих деревьев спускаются к самому краю пруда. Снег и иней серебрятся на них. Я аккуратно подхожу к кромке пруда, оглядываюсь по сторонам, наслаждаясь зимней сказкой. Боже, тут так красиво. Никогда не думала, что зимой на пруду может таиться такое великолепие. Замираю, смотрю вдаль. Глаза слепит от белизны. Вдыхаю морозный воздух. Вокруг такая тишина. Даже не верится, что не далеко от города может быть такое прекрасное место. Оглядываюсь назад: Роберт с сыном смотрят на меня и улыбаются одинаковыми улыбками. Они так похожи.

— Нравится? — спрашивает Роберт. Ничего не отвечаю, просто восхищенно киваю головой.

— Наверное, летом здесь тоже прекрасно, — говорю я.

— Да, Лиза, летом здесь тоже красиво. Но мне нравится бывать здесь осенью или зимой, — Роберт медленно подходит ко мне, притягивает меня к себе за талию. Другой рукой держит сына. Мы стоим в полной тишине, наслаждаясь этим великолепием.

— Ну а теперь, Елизавета Андреевна, наказание, — хитро улыбается он. Отходит от меня на несколько метров, набирает в руки снега. Илюша взвизгивает от радости, следует примеру отца: тоже лепит снежок, начиная закидывать меня.

— Так не честно, — кричу я. — Двое на одного. — Тоже леплю снежок, кидаю в Роберта, но он ловко уворачивается. Ни один мой снежок не попадает в цель.

— Хочешь, я буду за тебя, — кричит мне Илюша. — Вдвоем мы его победим, — киваю ему в ответ.

— Похоже, это заговор, — игриво говорит Роберт, покачивая головой. И тут начинается битва. Мы закидываем Роберта снежками. Илюша звонко смеется, когда ему удается попасть в цель. Чувствую себя ребенком. Мне весело и забавно как в детстве. Мы все вместе падаем в снег, Илья залезает на отца, закидывает его сверху.

— Ну все, сдаюсь! — кричит Роберт, поднимая руки в вверх. — Вы выиграли! — смеется он.

— Я же говорил, что мы его победим, — весело говорит мне мальчик. Роберт резко поднимается, подхватывает сына на руки. Ставит его на ноги, помогая отряхивать снег. Подает мне руку, тянет меня на себя, поднимает, тоже стряхивает с меня снег.

— А теперь быстро в машину, греться! — командует он. Подхватывает меня на руки, несет в машину. Илюша смущенно улыбается, бежит за нами. В машине мы пьем горячий и очень вкусный чай на травах. Едим домашние и еще теплые пирожки.

В город мы приезжаем только после обеда. По дороге Роберт сообщает сыну, что он едет к нему и пробудет у него еще пару дней, чему мальчик несказанно рад, расписывая отцу, чем бы он хотел заняться. Прошу Роберта подвезти меня домой. Пол часа он спорит со

мной, уговаривая отправится с ними в кино. Я чувствую себя лишней и не считаю, что должна отбирать у ребенка внимание отца. Я не отношусь к их семье. Роберт конечно со мной не согласен. Но мой последний довод о том, что я устала, и мне хочется домой, заставляет Роберта замолчать. Я вижу по его глазам в зеркале заднего вида, что он мне не поверил.

Подъехав к моему дому, Роберт выходит из машины, открывает для меня дверь, ведет в подъезд. Когда мы скрываемся за дверями подъезда, он притягивает меня к себе, зарывается одной рукой в мои волосы и долго смотрит мне глаза.

— Ты уверена, что не хочешь провести время с нами?

— Уверена. Мы и так неплохо провели день. Я не могу остаться с вами. Пойми, это неправильно, — Я не знаю, как ему объяснить очевидные вещи. Неужели он не понимает, насколько это все абсурдно? Роберт ничего не отвечает. Прижимает меня к стене, впивается в мои губы, целует. Нет, он не целует, он терзает мои губы. Тянет за волосы, заставляя откинуть голову назад. Проводит дорожку горячих поцелуев по моей шее, слегка прикусывая кожу. С рычанием отрывается от меня.

— Я все понимаю, Елизавета. Я просто не могу оставить тебя одну.

— Со мной все будет в порядке. Иди, тебя ждет сын.

— Хорошо. Я позвоню, — проводит пальцем по моим губам. Целует. Уже мягко и нежно. Глубоко вдыхает. — Пока, — отталкивается от стены, выходит из подъезда.

Захожу в свою пустую квартиру. Облокачиваюсь на тумбу в прихожей, смотрю на себя в зеркало. Мои щеки покраснелись от холода или от поцелуев Роберта. Волосы как всегда растрепаны, потому что этот мужчина явно к ним не равнодушен. Усмехаюсь сама себе. Что я творю? В голове полный сумбур. Что меня ожидает дальше? Неожиданно приходит мысль о его жене. Если он никогда не любил ее, зачем женился? Брак без любви? Не могу этого понять. У них такой прекрасный сын. Маленький ангелочек. Разве дети могут рождаться без любви? У них же все есть для счастья. Почему они этого не видят? Черт, Роберт, Роберт. Интуиция подсказывает мне, что надо бежать от него без оглядки, что наша непонятная связь ни к чему хорошему не приведет. Но я уже не могу. Я могу твердить себе все, что угодно. Мысленно прогонять и отталкивать от себя. Но когда вдохну его запах, почувствую его тепло, я просто не могу ему сопротивляться. Я уже даже не пугаюсь этой мысли. Это уже неоспоримый факт. Назад дороги нет. Будь что будет. Он просил позволить ему все решать за меня, так пусть решает, ни о чем не хочу думать. Раздеваюсь, прохожу в гостиную, включаю свет, внимательно осматриваю пол. Да. Вот он. Я нашла его браслет. Поднимаю его, кручу в руках. Одеваю на свое запястье. Конечно, он болтается на моей тонкой руке. Иду в спальню, беру подушку, на которой спал Роберт, устраиваюсь в месте с ней на диване. Вдыхаю его запах. Бесцельно щелкаю пультом, смотрю на мелькающие картинки на экране. Мой телефон оповещает меня о новом сообщении. Открываю его, вижу фото Роберта и Ильи в кинотеатре. Надпись внизу гласит: «Скажи, что уже пожалела, что не присоединилась к нам?» Я невольно улыбаюсь, глядя на их счастливые лица. Отправляю улыбающийся смайлик в ответ. Сердце начинает щемить. На глаза наворачиваются слезы. От знакомого, но давно потерянного чувства.

Следующие два дня мы с Робертом не видимся. Хотя, по-моему, я знаю, как он провел почти каждый час. Мне на телефон приходит фото отчет с очередным приглашением присоединиться к ним. Естественно я отказываюсь, ссылаясь на работу и очень важные дела.

Но сегодня с утра как ни странно, я не получила ни одного сообщения. Может Роберт тоже, наконец, решил заняться делами?

Передо мной сидит пожилая пара. Мы обсуждаем проведение юбилея одного из супругов. Мой телефон оживает у меня в кармане. Поспешно его достаю, хочу скинуть звонок, но высветившееся имя на экране просто не позволяет мне этого сделать. Извиняюсь перед супругами, поднимаю трубку. Встаю из-за стола, подхожу к окну.

— Алло, — почти шепотом говорю я.

— Привет, сладкая, — слышу такой же шепот в ответ. — Почему мы шепчемся?

— Потому что в данный момент я с клиентами обсуждаю мероприятие. Ты бы не мог перезвонить чуть позже?

— Нет, Малышка. Я хочу, чтобы ты сейчас извинилась перед клиентами, пошла в туалет и прислала мне фото своей обнаженной груди, — по моему телу проходит жар. Он что, действительно думает, что я сейчас все брошу и побегу в туалет фотографировать свою грудь?

— Ты серьезно? Это не смешно.

— А кто сказал, что я шучу? У тебя десять минут. Время пошло, — приказным тоном говорит он и сбрасывает звонок. Я растеряно смотрю на телефон. Твердо решаю, что не буду этого делать. Оборачиваюсь к клиентам. Пытаюсь продолжить с ними разговор. Но навязчивая мысль не дает мне покоя. И что вы думаете, я сделала в следующую минуту? Правильно! Я извинилась и умчалась в туалет. Закрываюсь в кабинке, смотрю на себя в зеркало: мои щеки горят. По телу проходит дрожь. Спешно расстегиваю пуговицы на кремовой блузке. Отодвигаю чашечки лифчика вниз, трясущимися руками фотографирую себя в зеркало. Быстро отправляю фото Роберту. Зажмуриваю глаза. Что я творю? Такие игры не для меня. Но я все же это делаю. Вот как у него получается так ловко мной манипулировать? Ведь я просто могла ему отказать. Могла ли? Ответ очевиден. Нет. Вся власть в его руках. Мое тело рефлекторно подчиняется ему. Быстро поправляюсь, застегиваю блузку, кидаю взгляд на себя в зеркало, мои глаза горят незнакомым мне блеском. Я даже не могу понять, хорошо это или плохо? Открываю дверь, тороплюсь назад к ожидающим меня людям. Резко налетаю на большое теплое тело. Мне даже не надо поднимать голову, запах парфюма и тепло говорят сами за себя. Сильные руки подхватывают меня, затапливают назад в туалет. Роберт быстро закрывает дверь. Надвигается на меня, прижимая меня к кафельной стене. Его глаза так же горят огнем. Черным пламенем. Он ставит руки на стену, заключая меня в ловушку.

— Умница. Фото просто шикарное. Но я хочу посмотреть на оригинал, — не давая мне опомниться и возразить, впивается голодным поцелуем в мои губы, попутно растеривая мою блузку. И вот мой бюстгальтер опять сдвинут вниз. Он отрывается от моих губ, пожирает взглядом мою грудь, от чего мои соски тут же каменеют.

— Ох, я ошибся. Фото — полная хрень. Оригинал в тысячу раз лучше, — хриплым от возбуждения голосом почти рычит Роберт. Быстрыми поцелуями спускается вниз, всасывает мой сосок. Оттягивает его зубами. Прodelьывает тоже самое с второй грудью. Возбуждение горячей волной проносится по моему телу. Я до боли прикусываю губы, чтобы не закричать от переполняющих меня эмоций. Цепляюсь за его плечи, пытаюсь оттолкнуть, но прижимаюсь еще больше, прогибаюсь в его руках.

— Роберт... Пожалуй... Ааа... — вскрикиваю, когда его рука резко задирает мою юбку. Его пальцы впиваются в мои бедра. Запрокидываю голову, бьюсь о кафель, пока

Роберт терзает мою грудь. Кажется еще не много, и я кончу просто от того, что он ласкает мою грудь. Но, видимо, мой разум еще не полностью отключился, напоминая мне, что в моем кабинете меня ждут люди.

— Роберт, пожалуйста,пусти меня. Меня ждут клиенты, — хватая ртом воздух выдаю я.

— Подождут! — рычит мне в ответ.

— Нет. Пожалуйста, — молю я.

— Малышка. Забудь. Ты тоже безумно этого хочешь, — он возвращается к моим губам, прикусывает их.

— Нет. Не сейчас, — нагло вру я. Роберт усмехается мне в губы. Отодвигает давно промокшие трусики, проводит пальцем по складочкам.

— Врушка. Твое тело говорит об обратном.

— Ну пожалуйста, я так не могу, — делаю последнюю попытку. Хотя внутренний голос кричит, чтобы он не останавливался. Но черт, он останавливается, тяжело дышит, сдвигает мои трусики на место. Подносит пальцы, которые только что ласкали мои складочки, к губам, облизывает их.

— Ты такая вкусная, терпкая, — целует мои губы. Отстраняется, поправляет мой бюстгальтер. Медленно застегивает мою блузку. Достает сигарету, прикуривает ее. Глубоко затягивается, выпуская дым мне в лицо.

— Здесь нельзя курить, — зачем-то говорю я. Роберт хищно улыбается, демонстративно затягивается еще раз.

— Так оштрафуйте меня, Елизавета Андреевна, — я поправляю юбку, разглаживаю ее. Нагло выхватываю у него сигарету, глубоко затягиваюсь, отдаю ее назад. Так же нагло улыбаюсь ему в ответ.

— Ох, а она еще и дерзкая. Бегите, Елизавета Андреевна, пока я не наказал Ваш дерзкий ротик. Бегите, — я подхожу к двери, открываю ее, взвизгиваю, когда Роберт шлепает меня по заднице и убегаю к себе в кабинет.

Когда я возвращаюсь, нет, не так. Когда я влетаю в кабинет, пытаюсь выглядеть максимально собранной. Милая пожилая пара как-то странно на меня смотрит и загадочно улыбается. Смотрю на себя в зеркало и с ужасом понимаю, что моя помада размазана. Черт. И этот гад мне ничего не сказал! Быстро вытираю помаду. Пытаюсь продолжить наш разговор. Облегченно вздыхаю, когда все же довольная пара покидает мой кабинет. Но, не тут то было. Следом за ними в дверь врывается Роберт. Со словами «вот ты и попалась», подходит ко мне, резко разворачивает к себе спиной, заводит мои руки за спину, удерживает их одной рукой, другой надавливает на спину, заставляя меня лечь на стол.

— Что ты делаешь?! — возмущенно кричу я. О, боже, это похоже на захват заложников, а не секс. Но Роберт пленных не берет. Он убивает, быстро, резко и на повал. Он наваливается на меня сверху, убирает мои волосы в сторону, прикусывает мою шею. Подбирается к уху, прикусывает мочку.

— Я наказываю Вас, Елизавета Андреевна, — шепчет мне в ухо. — Это еще одно правило. Если Вы мне отказываете, дерзите, будьте готовы принять наказание, — я хочу что-нибудь ответить, возразить, что это так не правильно, грубо, мне даже немного больно. Но с ужасом понимаю, что мне это нравится, это возбуждает, обжигает, заставляя мое тело пылать. Черт, похоже, я — извращенка, меня заводят грубость и боль.

— Руки на стол! — следует очередной приказ, и я подчиняюсь.

— Молодец. Умница, — его голос становится бархатистым, вибрирующим. Я четко ощущаю что это — то, что ему нравится. Ему нравится управлять, доминировать, держать все в своих руках.

— Ну, вашу же мать! Вы когда-нибудь научитесь закрывать дверь! — слышу бодрый, но возмущенный голос подруги. — Или вас заводят зрители?! — я чувствую, как напрягается Роберт. Его рука, которая лежит на столе перед моим лицом, сжимается в кулак. И не удивительно, второй облом за последний час. Мне и самой хочется ее убить.

— Твоя подруга когда-нибудь научится стучать?! — спрашивает он меня, но говорит это очень громко.

— Научусь, когда вы научитесь запирается, — язвит подруга. Роберт медленно поднимается с меня. На меня вдруг нападает нервный смех. Ну это действительно смешно. Я лежу лицом на столе и смеюсь. Ну вы уже знаете, что я не нормальная, так что это не должно вас удивить. Слышу, как Ксюша тоже начинает хихикать.

— Рад, что вас это все забавляет! — недовольно шипит Роберт. — Поднимает меня со стола, разворачивается и быстро подходит к двери.

— Ты куда?! — Кричу ему вслед, бросая на подругу гневный взгляд.

— На свежий воздух, Елизавета Андреевна, — бросает он недовольно мне.

— Похоже, кому-то надо остыть, — смеясь, говорит Ксюха. Роберт покидает мой кабинет, громко хлопнув дверью. Ксюха виновато смотрит на меня.

— Прости, — тихо говорит подруга. Я ничего не отвечаю, лишь киваю ей в ответ.

— Ох, похоже, тебе тоже надо на свежий воздух. Судя по вашей позе, завелись вы не на шутку, — смеется она. — Но Лиза, научитесь, в конце концов, закрываться. Это хорошо, что зашла я, а если это были бы твои сотрудники или клиенты?

— Прекрати меня отчитывать. Все я понимаю. Просто с ним я теряю голову, — подруга загадочно улыбается. Садится на диван, внимательно смотрит на меня. Стоит сказать, что после моего приступа мы с ней больше не виделись.

— Ты больше на меня не злишься? — виновато говорит она. Подхожу к ней, сажусь в кресло напротив.

— Нет, уже нет. Возможно это и к лучшему, что ты объяснила все Роберту. Я просто не смогла бы этого сделать. Но ты могла бы не рассказывать ему это так подробно.

— Могла, — тихо говорит она. — Прости меня, пожалуйста. Я просто хотела, чтобы он понял, что с тобой происходит. И больше не делал каких либо ошибок.

— Да ладно тебе, все нормально, — говорю я.

— Вот и хорошо, — расцветает Ксюша. — Дверь моего кабинета распаивается. Роберт молча проходит. Подходит ко мне. Протягивает руку, я не понимаю чего он хочет, вкладываю свою руку в его. Он тянет меня на себя. Поднимает на ноги. Сам садится в кресло, дергает меня на себя, вынуждая сесть ему на колени. Зарывается в мои волосы, глубоко вдыхает. Его тяжелый парфюм смешан с горьким запахом табака. Похоже, кто-то успокаивал нервы.

— Вообще-то, у нас здесь женский разговор! — возмущается Ксюха.

— Ксюша! — одергиваю я ее.

— Можете продолжать свой разговор, — любезно «разрешает» нам Роберт. — Ксюха закатывает глаза.

— Как ты его терпишь? — ничего ей не отвечаю. Просто посылаю в ее сторону вопросительный взгляд.

— Итак, — продолжает подруга. — Сегодня у нас девичник.

— Как сегодня? Почему сегодня?!

— Потому что мы с Лехой решила провести девичник и мальчишник в один день. За неделю до свадьбы. Ну Лиза. Просто я тут сегодня с утра подумала: как можно проводить девичник за день до свадьбы? Я-то планирую оторваться на нем по полной программе. Ты представляешь, как мы будем себя чувствовать в день свадьбы? Не хочу выходить замуж с похмелья.

— Понятно. Возможно ты и права. И где будет твой девичник?

— Вообще-то, я еще окончательно не определилась. Катюха предлагает поехать к ней на дачу — там баня, свежий воздух, шашлыки и все такое. Предложение, конечно, заманчивое. Но я больше склоняюсь к клубу. Я хочу потанцевать и мужской стриптиз, — подмигивает мне она. Чувствую, как Роберт напрягается, но молчит, сильнее прижимая меня к себе.

— Похоже, ты точно решила оторваться по полной. А Леша в курсе твоих желаний? — игриво спрашиваю я.

— Леша, Леша. Причем здесь Леша? Это мой девичник, последняя, так сказать холостяцкая вечеринка. Я же не лезу в его мальчишник. Думаешь, там не будет девочек? — подозрительно спрашивает она.

— Я думаю, что не будет. Леша не такой, — отвечаю я. Я знаю, как сильно он любит Ксюшу.

— Ох, Лиза. Ты такая наивная. Вот скажи мне, Роберт, как мужик. Разве бывают мальчишники без девочек? — При слове «девочек» — она показывает пальцами кавычки.

— Наверное, бывают, — отвечает Роберт. — Но я на таких не бывал.

— Вот! Так что решено, отрываемся в клубе. Есть у меня на примете парочка, в которых сегодня мужской стриптиз, — загадочно улыбаясь, говорит она.

— Есть предложение, — заявляет Роберт. — Проводите девичник у меня в клубе. Стриптиз обещаю вне сегодняшней программы. Специально для невесты.

— Ну, нет, — возражает подруга. — Хочешь контролировать Елизавету? Боишься, что какой-нибудь мускулистый стриптизер уведет ее у тебя? Даже не думай. Сегодня мы отрываемся без надзора мальчиков, — на ее лице лукавая улыбка.

— Не спеши отказываться, до конца не выслушав предложение.

— И каково твое предложение? — заинтересовано поднимает брови Ксюша.

— Предлагаю всю vip-зону в ваше распоряжение. Отдельную шоу программу, специально для вас. Эротический шоу балет. И личного горячего темнокожего мулата-стриптизера специально для невесты. Напитки, закуски — все за счет заведения. Так сказать, мой свадебный подарок. Клятвенно обещаю не попадаться вам на глаза весь вечер, — усмехается он. — Соглашайся, такие продолжения я два раза не делаю, — я вижу, как вспыхивают глаза подруги.

— Ну хорошо, уговорил, — небрежно кидает она. — Мы с девочками будем к восьми. И я надеюсь, ты держишь свое слово?

— Обижаете, Ксения.

Роберт

На часах десять вечера. Я сижу в своем кабинете, не отрывая глаз от монитора. Сегодня все мое внимание приковано к vip-зоне. Я слежу за своей девочкой. Предлагая Ксении провести девичник у меня в клубе, я не руководствовался благими намерениями. Не то, чтобы я не доверял Елизавете. Но я не доверял ее подруге. И то, что я видел на экране, лишь

подтверждало мои опасения. Я никак не мог понять, зачем эта женщина выходит замуж? Корыстный интерес? Брак по расчету? Потому что влюбленная невеста просто не может себя так вести. Отрывалась она, конечно, по полной. Море алкоголя. Бесконечное заигрывание с официантами. Ну и главное блюдо — обещанный ей стриптизер. Сем знает свое дело. После того, как он связал ее во время танца и почти прилюдно оттрахал, она была очень впечатлена и продлила его еще на два часа. Нет, конечно, о самом сексе речи не шло, но то, что она вытворяла с ним во время танцев, по-моему, было похлеще любого траха. А теперь Ксения уже как полчаса сидит у него на коленях, ест и пьет с его рук. Был бы я ее женихом, я бы, наверное, придушил ее, не задумываясь. Остается надеяться, что ее жених никогда не узнает об этом. Сем отрабатывает на полную катушку. Похоже завтра мне придется выложить ему круглую сумму. Радует только одно: Елизавета очень не довольна происходящим, пьет она меньше остальных, с пренебрежением и даже со злостью смотрит на подругу, в очередной раз пытаюсь утащить ее в туалет. Можно сказать, она просто в шоке от происходящего. Моя девочка чистая и неискушенная всем этим развратом. Хочется просто взять и утащить ее от туда. Но я обещал не вмешиваться. Поэтому в моих руках уже второй бокал коньяка и черт его знает, какая сигарета. Я видел немало частных оргий в своем клубе, по хлеще этой. Да что там видел, я в них участвовал. Но надеюсь, Елизавета никогда об этом не узнает. Бл**ь, Дан мне не простит, если узнает, что Ксения была здесь в таком состоянии, а я даже не сказал ему об этом. Он давно хочет ее отыметь. У него есть один пунктик. Ему нравятся чужие женщины. Он любит доказывать всем, а в первую очередь самому себе, что все женщины — шлюхи. Стоит только правильно попросить, и любая несвободная женщина изменит своему мужу, парню, жениху. Я не согласен с его теорией. Но у него свое мнение по этому поводу. Я знаю, почему он так думает. В его прошлом была подобная очень неприятная ситуация. Но это уже его история.

В программе девичника заявлено эротическое шоу. Это — очень красивый страстный танец пары. Это — гордость нашей программы. В этом танце целая история пары влюбленных. Танцоры одеты, но в их танце есть все: страсть, жесткость, нежность. В их танце присутствует прелюдия, поцелуи, ласки и имитация самого секса. Я не смотрю на них. Я видел это шоу не раз. Я наблюдаю за Елизаветой. В ее глазах отражаются все эмоции данной пары. Она буквально не отрывает от них глаз.

Похоже ее впечатлил танец. Вижу, как она осушает бокал с мартини, встает со своего места, что-то говорит своей подружке, которая наконец слезла с колен Сема. Елизавета покидает vip-зону. Похоже, моя девочка идет ко мне. Осушаю бокал до дна. Прикуриваю очередную сигарету. Жду. Замечаю, как за Лизой идет Яна. Твою мать, эта женщина когда-нибудь уgomонится?! Уволить ее, что-ли, к чертовой матери? Подрываюсь с кресла. Быстро выхожу из кабинета. Замечаю Елизавету, направляющуюся в мою сторону, и Яну, спешащую за ней. Заметив меня, Яна останавливается.

— Яна, ты что-то хотела?!

— Эм. Нет. Я просто... — мнется она.

— Так займись работой! — прерываю ее бред. — Иди! — Яна морщится, но выполняет приказ. Разворачивается и уходит. Елизавета оглядывается, провожает ее взглядом.

— Что между вами происходит? — с дерзкой улыбкой спрашивает она.

— Ничего, — отвечаю я. Приглашаю жестом войти. Она проходит в кабинет. Закрываю дверь, на этот раз на замок. Елизавета проходит, садится в мое кресло за рабочим столом. Пристально смотрит мне в глаза. Берет мои сигареты. Подхожу к ней, подношу зажигалку,

она прикуривает.

— Ревнуешь? — вопросительно приподнимаю бровь. Облокачиваюсь на стол рядом с ней.

— Еще чего. Нет, конечно. Просто спросила, — фыркает Елизавета. Но врать она совсем не умеет. Все написано на ее лице.

— Врете, Елизавета Андреевна. Я еще не наказал Вас за утреннюю дерзость. А Вы уж опять провинились, — забираю сигарету из ее рук, затягиваюсь сам, тушу окурок в рядом стоящей пепельнице.

— Так накажи, — неожиданно выдает она, от чего я почти давлюсь дымом сигареты.

— Ох, Елизавета, Вы сами не знаете, о чем просите.

— Не знаю. А ты покажи мне, — похоже кто-то настроен очень решительно.

— И чего именно Вы хотите? — моя девочка решила поиграть. Что ж, это даже забавно.

Придется принять ее игру.

— Ты говорил, что Яна подчиненная в постели. Покажи мне, как это, — твою же мать, а вот этого я не ожидал. Игра становится интересной. Мой член дергается, как только я представляю, что могу с ней сделать. Долго смотрю ей в глаза и вижу в них решимость.

— Ты уверена, что этого хочешь?

— Да, — твердо отвечает она.

— Хорошо, — протягиваю ей руку. — Поехали.

— Куда? — не понимает она, но вкладывает свою руку в мою. Тяну ее на себя.

Прижимаю.

— Ко мне домой. Мы не будем заниматься этим здесь, — не хочу делать это здесь, где я сотни раз проделывал это с Яной.

— А как же Ксюша?

— Не волнуйся, здесь ее никто не тронет и охрана позаботится, чтобы она благополучно добралась домой. Поехали! — беру ее за руку. Веду к выходу.

Едем мы в абсолютной тишине. В машине искрит напряжение и желание. Посматриваю на нее в зеркало, иногда мы пересекаемся взглядами. Елизавета улыбается, кусая губы. Она в предвкушении. Но она не знает, что ее ждет. Если я начну эту игру, я не смогу остановиться. Я не знаю ее пределы. Но и отказать ей в этой просьбе я тоже не могу. Это все, о чем я только мог мечтать с ней. В моем паху все сводит от желания попробовать это с ней. Заезжаю в свой двор. Паркуюсь. Разворачиваюсь к Елизавете, пора начинать. До боли хочется прикоснуться к ней. Но пока нельзя. Достаю ключи от квартиры вручаю ей, она не понимающие на меня смотрит.

— Сейчас ты поднимешься в квартиру. Я хочу, чтобы ты полностью разделась и ждала меня там. Хотя нет, можешь оставить чулки и сапоги, — глазки Елизаветы загораются. Она медленно кивает, хочет выйти из машины. Ох, моя девочка еще не знает всех правил.

— Стой. Разве я говорил тебе, что ты можешь выйти?

— Эм. Нет, — тихо говорит она.

— Сегодня ночью ты делаешь только то, что я говорю, беспрекословно выполняешь все мои приказы. И да, ты молчишь. Разговаривать тебе тоже нельзя, пока я не разрешу. Тебе все понятно? — она медленно, молча кивает. Умная девочка, быстро учится. — Все, теперь можешь идти. Елизавета скрывается в дверях подъезда. Проходит минут пятнадцать. Наверняка она уже голая. Мое воображение рисует картину того, как она, совершенно обнаженная, в одних чулках и сапогах ждет меня там. А моя девочка полна сюрпризов.

Хочется бежать туда. Но еще рано. Я должен ждать. Прикуриваю сигарету, смотрю на окно. Свет очень тусклый. Она еще и в полумраке. К черту ожидание. Не могу больше терпеть! Иду к ней.

Подхожу к квартире, медленно толкаю дверь. Квартиру освещает лишь только светильник возле кровати. Елизавета сидит в кресле. Обнаженная и прекрасная. Ее распущенные волосы прикрывают ее красивую грудь, а эти чертовы чулки и сапоги сводят меня с ума. «Спокойно, Роберт. Вы играете в подчинение. Ты не можешь сейчас сорваться и просто трахнуть ее», — говорю я сам себе. Эта игра подразумевает мою власть над ней. Но Лиза даже не догадывается, что это именно у нее вся власть надо мной. Она молчит. Ее грудь медленно поднимается и опускается от тяжелого дыхания. Она быстро учится. Не говорит ни слова, просто ждет. Медленно снимаю куртку, разуваясь, прохожу в комнату. Иду к холодильнику, наливаю себе виски. Бросаю в стакан лед. Медленно подхожу к Елизавете, ставлю бокал на столик. Снимаю с себя рубашку. Бросаю ее на диван. Елизавета не сводит с меня широко раскрытых глаз. Она вся в ожидании.

— Где твоя заколка? — спрашиваю я. У нее шикарные волосы, но в данной ситуации они будут мне мешать. Елизавета молча указывает на заколку на столике рядом. Беру ее, подхожу к Елизавете, собираю ее волосы, закалываю их сверху. Чувствую, как моя девочка немного подрагивает. Она не знает, что ее ждет. Что может быть прекрасней этого. Хочется прижать ее к себе, зацеловать, но — нельзя. Это не тот случай. Отхожу от нее, сажусь на диван напротив, беру виски, немного отпиваю.

— Встань! — приказываю я. Пора начинать игру. Она тут же встает, сглатывает. Замолкаю, просто смотрю на нее. Ожидание и неизвестность делают свое дело: Лиза уже возбуждена. А я ведь еще и не прикасался к ней.

— Твое тело прекрасно. Я мог бы любоваться вот так им вечно, — осматриваю ее красивые ножки, бедра, грудь, плечи, лицо. Она — само совершенство. Лиза закусывает губы. Начинает дышать глубже. Она приняла правила. Она подчиняется. Она не сводит с меня глаз. Ждет. Красивая и возбужденная. Впрочем, возбуждена здесь не только она. Делаю еще глоток виски. Расставляю ноги шире.

— Подойди сюда, — указываю ей на место между моих ног. Елизавета медленно подходит. Встает там, где я указал. Черт, я чувствую запах ее возбуждения.

— Встань на колени! — она растерянно моргает, но опускается на колени между моих ног.

— Хорошо, умница, — хвалю ее я. Ее вид на коленях у моих ног сводит меня с ума. — Посмотри мне в глаза! — мой голос становится жестче, — сейчас, Елизавета, я хочу твой прекрасный ротик. Хочу, чтобы твои прекрасные губки обхватили мой член. — Елизавета сглатывает, смотрит то на мой пах, то в глаза. Я не в силах сдержать усмешку, вот оно, воплощение невинности. Неужели она никогда этого не делала? Но ее выражение лица меняется. Из задумчивого в заинтересованное. Она чуть приоткрывает рот, облизывает губы. Да! Она это сделает! Мой член тут же дергается, становясь еще тверже. Елизавета тянется ко мне, расстегивает ширинку на моих брюках, довольно быстро высвобождает член из боксеров. Похоже, тут не одному мне не терпится. Она тянется к члену, обхватывает его рукой. Я дышу сквозь зубы, наслаждаясь моментом, слежу за ее действиями. Лиза усиливает нажим. Ее ладони движутся вверх-вниз. О, да! У нее все очень хорошо получается. Я закрываю глаза, откидываю голову на спинку дивана. Внезапно чувствую ее теплые губы на моем члене. Она тут же всасывает головку, играя с ней языком. Ни хрена себе! Открываю

глаза. Поднимаю голову. Я должен это видеть. Капелька пота скатывается по моей спине. Смотрю, как ее губы обхватывают мой член. Она божественно прекрасна. Хочу получить все и немедленно. Но сдерживаюсь, пока позволяю делать это самой, она должна привыкнуть. Ее шаловливый язык проходится по всей длине моего члена, заставляя меня вздрогнуть. Ее губы опять смыкаются на моей головке, она всасывает ее сильнее. С ума сойти. Эта женщина не перестает меня удивлять. Глубоко вдыхаю, чтобы не кончить сразу. Елизавета продолжает сладкую пытку, уверенно двигает головой, вбирая мой член глубже. Меня невероятно возбуждает то, как она это делает. Не выдерживаю, хватаю ее за волосы. Начинаю двигаться в ней сам. Я одурманен и ослеплен возбуждением, которое уже поглотило меня. Надеюсь, она это примет. Я все равно не смогу остановиться. Мой зверь разбужен и требует большего.

— Можешь глубже? — сквозь зубы рычу я. Она поднимает на меня свои затуманенные глазки, а потом с полной решимостью скользит своими губами еще глубже, до тех пор, пока я не касаюсь ее гортани. Наблюдаю за ней сверху. Помогают ей, погружаюсь в нее снова и снова. Вся кровь концентрируется внизу. Все горит огнем. Все меркнет. С каждым новым движением погружаюсь в нее еще глубже, удерживая ее за волосы. Елизавета все покорно принимает. Ужасно хочется кончить ей в рот. Черт, терпение на исходе. Я понимаю, что надо остановиться. Останавливаюсь, замираю. Тяжело дышу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хватит. Остановись. Иначе все кончится быстрее, чем началось, — выдыхаю я. — Встань, — она тут же подчиняется, встает. Поднимаюсь, встаю рядом с ней. — А ты способная ученица, — провожу пальцем по ее губам, — когда-нибудь я кончу в твой прекрасный ротик, но не сейчас. — И черт, она кивает, соглашается со мной. Ее это не шокирует.

— А теперь, раздень меня! — моя малышка тут же опять опускается на колени, снимает с меня брюки, носки, стягивает боксеры. Поднимается на ноги. Смиренно ждет приказа. Черт, я даже не смел и мечтать с ней о чем-то подобном. Беру ее за бедра, притягиваю ближе к себе, шепчу прямо в губы.

— Ты должна мне доверять. Ты доверяешь мне? — замираю, жду ответа. И моя девочка меня не подводит, медленно кивает, но молчит, как я приказал. — Можешь ответить, — разрешаю я.

— Да, я тебе доверяю, — дрожащим голосом шепчет она. Припадаю к ее губам, страстно целую, поглощая ее рот. Елизавета не отступает, так же страстно отзывается на мой поцелуй. Провожу пальцами по ее твердым возбужденным соскам, Елизавета стонет, прижимается ко мне. Страсть, словно лава, обжигает нас, растекаясь по венам. Но пора остановиться. Отстраняю ее от себя. Хищно улыбаюсь.

— Иди к кровати, сними сапоги, встань на ней на колени лицом к стене. Исполни! — Елизавета делает резкий вдох, замирает. Медлит, но все же выполняет приказ. Беру бокал с виски. Выпиваю все до дна. Лиза выполняет все в точности, как я приказал и вот уже она на коленях, спиной ко мне. Можно было бы, конечно, заставить ее подождать и помучаться в такой позе, но я сам весь горю, и этим ожиданием мучаю себя. Поэтому ставлю пустой бокал на столик. Незамедлительно иду к ней. Подхожу вплотную к кровати. Провожу носом по ее затылку, вдыхаю ее пьянящий аромат. Веду пальцем по позвоночнику. Елизавета издает протяжный нетерпеливый стон. Улыбаюсь сам себе. Да, она на пределе. С силой надавливаю ей на спину, заставляю нагнуться.

— Прижмись лицом к подушке, — она ложится лицом на подушку, ее попа

поднимается выше. Идеальная поза, идеальный прогиб спины. — В этой позе ты великолепна. Ты знаешь, что это моя любимая поза? — Елизавета лишь вздыхает, прикрывая глаза. — Раздвинь ноги шире, — моя девочка раздвигает свои прекрасные ножки, открывая мне обзор на ее блестящую от влаги киску. — Хорошо, — прикасаюсь к ее бедрам. Поглаживаю ее великолепную попку. Немного размахиваюсь, быстрым движением ладони бью ее по попке. На ней остается еле заметный розовый след. Елизавета чуть вздрагивает, издает тихий стон. Поглаживаю ее попку на месте удара. Таким же движением бью по другой стороне.

— Тебе нравится?

— Да, — отвечает она, ее голос дрожит.

— А я смотрю, Вы вошли во вкус, Елизавета Андреевна, — усмехаюсь я. Провожу пальцем по ее киске. Раздвигая ее набухшие складочки, прохожусь по ее клитору круговыми движениями. Черт, она такая влажная. А ведь еще, по сути, я ничего не сделал. Елизавета дергается, стонет, когда я начинаю ласкать ее клитор еще быстрее. Одновременно бью ее по ягодицам, на этот раз сильнее, не прекращая ласкать ее клитор. Мне становится трудно сдерживаться, хочу ее сейчас, немедленно. Хочу быть в ней. Но для начала я должен получить парочку ее оргазмов в свою коллекцию.

— Хочешь кончить?! — спрашиваю я, прекращая ласкать ее клитор.

— Да. Пожалуйста! — хнычет она. — Не останавливайся, — возвращаю свои пальцы на место. Распределяю влагу по ее киске. Слегка надавливаю на клитор. Елизавета награждает мои действия громким стоном. Опять ласкаю клитор, но уже быстрее, интенсивнее. Резко, наотмашь, посылаю еще один обжигающий удар по ее попке. Моя девочка дергается, замирает в немом крике. Кричит, когда ее тело сотрясает оргазм. Чувствую, как она вся дрожит. Я сам едва ли не кончаю вместе с ней только от созерцания ее оргазма. Вхожу в нее сразу двумя пальцами, поглаживаю ее стеночки, которые до сих пор сжимаются и вибрируют. Ее ножки дрожат, ей уже трудно стоять на коленях. Беру ее за талию, тяну на себя, она откидывает голову на мое плечо. Целую ее в висок, убираю влажные волосы с ее лица.

— Открой ротик малышка, — Елизавета поднимает на меня свои затуманенные глаза, подношу пальцы, которые только что были в ней. Она обхватывает губами мои пальцы, тихонько посасывает. Аккуратно их вынимаю.

— Вкусно? — шепчу ей в ушко. — Я тоже хочу попробовать, — целую ее, она приоткрывает губки, впускает мой язык, я упиваюсь ее вкусом и возбуждением. Опять надавливаю ей на спину, заставляя лечь в ту же позу. Беру за бедра, поднимаю ее попку выше. Проникаю резко, одним толчком. На миг замираю, наслаждаясь ощущением. Она такая влажная и тесная. Начинаю медленно двигаться, Вхожу глубже и глубже. Лиза тяжело дышит, хватая ртом воздух. Я и сам задыхаюсь от этих ощущений. Не хочу останавливаться. Сжимаю пальцами ее бедра. Чувствую, как мышцы ее лона начинают ритмично сжиматься. Она снова готова кончить. Так быстро?

— Да малышка! Давай еще раз. Не сдерживайся, покричи для меня, — и она кричит, сжимая простыни руками. А меня разрывает на части от невероятного наслаждения. Останавливаюсь, даю ее маленькую передышку, чтобы начать все сначала. Теперь начинаю двигаться медленно, мучительно медленно для меня. Полностью выхожу и снова врываюсь в нее резким толчком. Вонзаю пальцы в ее бедра до синяков. Я понимаю, что уже слишком, но остановиться не могу. Ее киска до сих пор сжимает меня почти до боли. Моя девочка еще не

отошла от последнего оргазма.

— О. Боже! Роберт! Я больше не могу. Это сильно много для меня, — охрипшим от криков голосом шепчет она.

— Можешь! — рычу ей в ответ. — И я не позволял тебе разговаривать! — размахиваюсь, звонким шлепком бью по ягодице. Не прекращая двигаться, наращиваю темп. Чувствую, как по ее телу идет волна дрожи, — мне остановиться!?

— О. Боже. НЕТ! — задыхаясь, уже почти скулит она.

— Сейчас. Будет. Очень. Жестко, — говорю ей, не прекращая в ней двигаться мучительно медленно. — Если тебе будет больно, некомфортно, неприятно или это слишком для тебя, останови меня. Поняла?! Отвечай! — рычу я, почти задыхаясь, капельки пота струятся по моей спине.

— Да, я поняла. Не останавливайся, пожалуйстаааа.... — о, черт, я знал, что моя девочка сильная, она все примет. Мое возбуждение зашкаливает с утроенной силой. Это уже сумасшествие в чистом виде. Нагибаюсь к ней, снимаю заколку с ее волос, наматываю их на кулак, тяну немного на себя, Елизавета прогибается. Каждый толчок все выше и выше подводит нас за грань безумия. Я слышу ее сдавленные крики и наше совместное тяжелое дыхание. Я уже вдалбливаюсь со всей силы в ее податливое тело. Вот она полностью в моей власти. Отпускаю ее волосы, хватаю за запястья, завожу руки за спину, удерживаю одной рукой, тяну на себя. Лиза не сопротивляется и, слава Богу, не останавливает, потому что я не уверен, что могу в данный момент вообще остановиться, даже если она попросит. Другой рукой поглаживаю ее грудь, сжимаю набухшие соски. Ее голова безвольно падает мне на грудь, Спускаю руку ниже, веду по животу еще ниже. Раздвигаю ее складочки. Нахожу влажный набухший клитор. Слегка надавливаю. Елизавета бьется в моих руках, но я крепко ее держу за руки. Делаю последние сокрушительные толчки до предела, до самого конца. Мышцы ее лона начинают судорожно сжимать мой член. Отпускаю ее руки. Хватаю за шею, чуть сжимаю. Только не сопротивляйся, малышка. Елизавета широко раскрывает глаза, но не останавливает меня. Чувствую под своими пальцами ее учащенный пульс. Елизавета выгибается, по ее телу идет дрожь. Это почти судорога. Вот он, настоящий неподдельный оргазм моей малышки, который передается мне. Она кончает. Поворачиваю ее за шею к себе, впиваясь в губы, поглощая ее удовольствие. Елизавета почти до крови прикусывает мои губы. И я бурной горячей волной изливаюсь внутри нее. Медленно отпускаю ее шею, прижимаю ее мокрое от пота тело к себе. Она запрокидывает голову мне на плечо, ее глаза закрыты. Дыхание глубокое и частое. Ее тело подрагивает. Она так прекрасна. Тяну ее за собой, падаю вместе ней поперек кровати. Целую в висок, Провожу носом по щеке. Она медленно поворачивает ко мне голову. Открывает свои прекрасные глазки.

— Привет, — мягко говорю я. — Как ты, малышка?

— А мне можно уже разговаривать? — шепотом спрашивает она.

— Да, малышка, уже можно, — усмехаюсь я.

— По-моему, я потеряла голос, — опять шепчет она. — Очень хочется пить. — Нежно целую ее пересохшие губки, поднимаюсь с кровати. Иду к холодильнику. Приношу Елизавете большой бокал воды со льдом. Она садится на кровати, с жадностью осушает бокал.

— Спасибо, — уже почти нормальным голосом говорит она. Ложусь рядом с ней, притягиваю к себе. Лиза кладет голову мне на плечо, выводя своим пальчиком какой-то узор у меня на груди.

— Мне кажется, завтра я не смогу ходить, — шепчет она мне в грудь.

— Приму это за комплимент, — усмехаюсь ей в ответ.

— Ты уверен, что ты не доминат? — неожиданно спрашивает она.

— Уверен. Ты хотела узнать, что такое подчинение, я тебе это показал. Вот и все. И я уже говорил, что люблю секс в разных его проявлениях.

— Мне кажется, я — извращека, — смеется она. — Никогда бы не подумала, что мне понравится БДСМ.

— Ты — не извращека. И это был не совсем БДСМ, — прижимаю ее к себе сильнее целую макушку.

— А что это тогда было? — с удивлением в голосе спрашивает она.

— Жесткий секс, легкая форма подчинения, — поясняю я.

— О, Боже. А что же тогда — настоящий БДСМ? — ужасается она.

— Хочешь узнать? — игриво спрашиваю я. Чувствую, как она замирает. Напрягается. —

Расслабься, малышка, я пошутил. Она тут же расслабляется в моих руках.

— Тогда, мне понравился жесткий секс и легкое подчинение, — игриво констатирует она.

— И я безумно этому рад, — зарываюсь в ее волосы, легонько тяну на себя, заставляя поднять голову. Целую в ее прекрасные губки. — Люблю тебя, — шепчу ей в губы. — Лиза замуривает глаза, напрягается. Черт, Боже! Я когда-нибудь начну думать, прежде чем говорить? Это вырвалось непроизвольно. Резко поднимаюсь, переворачивая ее, нависаю над ней. Она просто лежит с закрытыми глазами.

— Черт, малышка. Посмотри на меня. Я... — останавливаюсь, потому что Лиза открывает глаза, подносит свой пальчик к моим губам.

— Тсс, — говорит она. — Давай спать, я так устала. Вы утомили меня сегодня, сэр. — Боже, она не бежит от меня, не бьется в истерике. Да, она не признается мне в ответной любви. Но, черт, Она уже это принимает. Ничего не отвечаю, боюсь спугнуть момент. Просто прижимаю ее к себе. Вдыхаю ее чистый цитрусово-ванильный запах, и мы засыпаем.

Утро встречает нас громким звуком телефона Елизаветы, раздающимся где-то в стороне входной двери. Елизавета недовольно что-то бурчит, переворачивается на живот, зарывается в подушки. И я понимаю ее, просыпаться очень неохота. Телефон, наконец, замокает, но тут же оживает снова. Елизавета пытается встать, хватаю ее за руку, дергаю назад. И, по-моему, она с радостью падает назад на кровать. Рывком подминаю ее под себя. Она ахает от неожиданности, ее сонные глазки распахиваются. Молча всматривается в мои глаза. Мои губы скользят по ее скулам, щекам. Подбираясь к губам. Ее дыхание становится резче, пальчики впиваются в мои плечи. Мы целуемся под неугомонный звонок телефона. Елизавета дергается подо мной, пытается оттолкнуть.

— Я так не могу, — наконец говорит она, когда я отрываюсь от ее вкусных губок. — А вдруг это что-то важное, — со стоном скатываюсь с нее, она быстро поднимается и бежит совершенно голая к телефону. Я просто люблюсь этим зрелищем. Елизавета неохотно поднимает трубку, недовольно хмурит бровки. Долго молчит, меняется в лице, брови хмурятся еще больше.

— Татьяна, успокойся! Этого просто не может быть. Я сейчас приеду, — взволновано почти кричит она. Да что произошло? Она сбрасывает звонок, нервно и растеряно оглядывается по сторонам, ищет свою одежду. Быстро встаю, подхожу к ней.

— Лиза, что случилось? — спрашиваю ее.

— Я не знаю. Ничего не понимаю, — она почти плачет. Не прекращая метаться по комнате, собирает свою одежду. Подхожу к ней, заставляю остановиться. Разворачиваю лицом к себе.

— Елизавета, объясни мне, что происходит! — требую я.

— Я не знаю, звонила Татьяна. Она говорит, что в моем кафе люди из Роспотребнадзора. Говорит, что почти перевернули всю кухню. Предъявляют мне несоблюдение санитарных норм. Говорит, поступила жалоба в прокуратуру о массовом отравлении людей. Роберт, я ничего не понимаю. Этого просто не может быть. Мне срочно нужно туда. Они просят всю документацию на поставки продуктов, — она пытается вырваться из моих рук. Не отпускаю.

— Лиза, послушай меня. Успокойся. Это просто какая-то ошибка. Мы сейчас поедem туда и все выясним.

— Да, хорошо, — уже спокойнее говорит она. — Но только поехали быстрее. Ты понимаешь, чем это может мне грозить?

— Лиза, я сказал — успокойся. Ничем тебе это не может грозить! Это просто ошибка, — ее телефон снова начинает звонить. Она быстро поднимает трубку.

— Елена?! — удивленно отвечает она. Я замираю. Поднимаю брови. И Елизавета подтверждает мои подозрения, медленно кивая мне в ответ. Вот черт, ну за то теперь мне стало все понятно!

ГЛАВА 11

Роберт

Я знал, что Елена не будет сидеть на месте и молча наблюдать. Я ожидал чего-то подобного. И это моя очередная ошибка. Я должен был это предвидеть. Выхватываю телефон у растерянной Елизаветы.

— Ну, здравствуй, милая! — вдохнув, спокойным, ничего не выражающим тоном говорю я. Хотя внутри все кипит. Елизавета округляет глаза, не понимая, почему я так любезен со своей женой. Но Елена знает этот тон, она знает, что он значит. Поэтому поспешно сбрасывает звонок. Вручаю телефон моей растерянной, ничего не понимающей девочке.

— Собирайся, поехали! — быстро подхожу к шкафу, одеваюсь.

Через полчаса мы останавливаемся возле ее кафе. Выхожу из машины, открываю дверь для Елизаветы. Она ужасно нервничает. Сжимаю ее руку, обхватываю подбородок, смотрю в ее взволнованные глазки.

— Успокойся. Все будет хорошо. Через полчаса твое кафе начнет работу в привычном ритме. Ничем тебе это не грозит.

— Но... — пытается возразить она.

— Доверься мне. Пошли! — тяну ее за руку за собой.

На пороге к Елизавете подбегает Татьяна, быстро тараторя, рассказывает Лизе что произошло. Мы заходим в кабинет, в котором уже сидит знакомое мне лицо. Елизавета бежит к шкафчику с документацией, я медленно обхожу стол, сажусь в кресло стоящее рядом.

— И снова здравствуйте, Наталья Александровна, — ее глаза начинают метаться от

Елизаветы ко мне. Конечно, она ничего не понимает. Елена заказала ей эту подставную проверку, а вот на счет меня, ее естественно не предупреждали.

— Здравствуй, Роберт. Не ожидала здесь тебя увидеть, — усмехаюсь ей в ответ. Естественно, она не ожидала.

— Какие-то проблемы? — слегка приподняв бровь, спрашиваю я ее.

— Проблемы очень большие. Я так понимаю, Вы — владелица этого заведения? — спрашивает она, смотря на Лизу. Моя девочка держится, не подает виду, что растеряна. Гордо расправляет плечи, предъявляя папки с документацией.

— Елизавета Андреевна, сварите нам, пожалуйста, ваш фирменный кофе, — прошу я ее. Мне надо остаться наедине с этой продажной стервой.

— Да, конечно, сейчас Татьяна все принесет, — отвечает моя девочка.

— Елизавета Андреевна, будьте любезны, сделайте это сами, только Вы можете сварить этот великолепный кофе, — Лиза непонимающе смотрит на меня и ловит мой предостерегающий взгляд. Понимает меня, спешно выходит из кабинета, прикрывая за собой дверь.

— Итак, Наталья Александровна, заканчивайте цирк, считайте, что Вы уже отработали деньги или чем там мотивировала вас моя жена, — не смотрю на нее. Встаю с места, подхожу к окну, распахиваю его. Мне нужен был толчок, чтобы перейти к активным действиям. Похоже, время пришло. Пора действовать. Вытаскиваю из кармана пачку сигарет, зубами вытягиваю одну, прикуриваю, выпуская дым в окно. Морозный воздух обжигает, отрезвляет, приводит в чувства. Я чертовски расслабился, не продумал шаги Елены. Зная свою жену — это еще так, просто цветочки. Но не будем дожидаться ягодок.

— Странные вы, Соколовы, — говорит Наталья, прерывая мои размышления. — Елена заказывает проверку, ты ее прекращаешь. Знаете что, я вам тут не собачка, чтобы бегать и исполнять ваши команды. Процесс уже запущен, это, знаете ли, тоже не игрушки. — Я совершенно спокойно делаю последнюю затяжку, выкидываю окурок в окно. Разворачиваюсь к ней, подхожу к креслу, упираюсь в него руками, долго смотрю, как она копошится в бумагах, начиная заполнять акты.

— Ну, во-первых, я не Соколов, — она поднимает на меня свои глаза, отрываясь от никому не нужной писанины. — Во-вторых, Наталья Александровна, мы с Вами прекрасно знаем, как это все делается, нет никакого «процесса», — усмехаюсь я. — Если Вы боитесь, что не отработали заказ моей жены, то можете не переживать, я передам ей, что Вы были безупречны. И отработали на все сто процентов. И да, слышал что у Вас скоро юбилей, буду очень рад, если Вы проведете его в моем клубе, скажем так, с сорокапроцентной скидкой. — Она отбрасывает ручку в сторону, снимает очки, заинтересовано смотрит на меня.

— Ты, наверное, хотел сказать, со стопроцентной?

— Я так и сказал, Наталья Александровна, — посылаю ей наглую улыбочку.

— Ну, хорошо, — усмехается она. — Ты умеешь убеждать, Роберт, — берет акты со стола, вытаскивает еще пару каких-то бумажек из своей папки, демонстративно рвет их у меня на глазах. Кидает обрывки на стол. В кабинет входит Елизавета. Ставит поднос с кофе на стол. Непонимающим взглядом смотрит на бумаги. Наталья поднимается со стула.

— Вы уж извините, Елизавета Андреевна, вышла досадная ошибка. У нас там все напутали. Ну, Вы же сами понимаете, как работают чиновники. В жалобе оказалась опечатка в адресе заведения. Так что еще раз извините. Удачной Вам работы, — меня раздрает смех: что несет эта женщина? Я практически давлюсь, чтобы не засмеяться вслух.

Елизавета тоже не дура, она в полном недоумении смотрит на нее, хочет, что-то сказать, открывает и тут же закрывает рот.

— Как опечатка? А название? В нем тоже опечатка? — все-таки выдает она. А вот это она зря. Наталья поджимает губы, она и так оказывается в невыгодном положении, и не привыкла, что ее упрекают. Надо спасти мою отчаянную девочку.

— Елизавета, поверь мне в нашей стране еще и не такое бывает. Давай отпустим Наталью Александровну. И будем все-таки ей благодарны за то, что все выяснилось.

— Да, конечно. Извините. Я просто за время своей работы впервые с этим сталкиваюсь, — говорит Лиза. Наталья молча собирает папки со стола, направляется к двери, оборачивается.

— И да, Роберт, юбилей у меня пятнадцатого января. Надеюсь, все будет как всегда на высшем уровне.

— Можете не сомневаться, Наталья Александровна, — одариваю ее очаровательной улыбкой.

— Что это только что было? — спрашивает меня Елизавета, как только Наталья покидает кабинет.

— По-моему, Наталья Александровна только что все нам объяснила, — сажусь в кресло, беру чашку кофе, отпиваю. — Я уже говорил, что кофе у тебя просто великолепный?

— Говорил. Роберт объясни мне, что тут только что произошло? — недовольно возмущается Елизавета.

— Произошла ошибка. Но мы все уже выяснили. Все, конец истории. Можете продолжать работать, Елизавета Андреевна.

— Роберт, я, может быть и ненормальная, но не совсем дура! Это дело рук твоей жены?! — «моей жены». Ненавижу это словосочетание. Я бы многое отдал, лишь бы она никогда не была моей. Но время не отмотать назад, придется разгребать ошибки прошлого.

— Да, ты не дура. И, как умная девочка, должна просто продолжать работу без лишних вопросов. Все хорошо. Я обещаю тебе, ничего подобного больше не повторится, — Елизавета хмурится, надувает губки. Поднимаюсь с кресла, подхожу к ней, целую ее. Она не отвечает на поцелуй, застывает в одном положении.

— Лиза, малышка, открой свои вкусные губки, — шепчу моей обиженной девочке прямо в губы.

— Нет, — упрямо произносит она, и ее губки раскрываются. Врываюсь, поглощая ее рот, от чего моя девочка ахает, медлит, но все же отвечает на поцелуй.

— Вот так, малышка, не смей мне отказывать! — говорю, отрываясь от ее вкусного ротика. — А теперь давай позавтракаем. Надеюсь, ты накормишь меня?

— Да, конечно, что ты хочешь? На завтрак у нас подают очень вкусные блинчики.

— Вот и хорошо. Давайте ваши блинчики. И по быстрее. У меня, как выяснилось, сегодня есть очень важные дела!

Завтракаем мы в кабинете. Елизавета опять задумчива и молчалива. Это плохой знак, она только начала раскрываться. И я никак не могу допустить, чтоб она опять закрылась от меня. Елена, чертова сука! Иногда мне кажется, что Елена — мое наказание за все мои грехи. Наказание, которое я выбрал сам для себя. Черт, и почему мне раньше казалось, что я все делаю правильно. После утреннего инцидента мне уже не кажется идея папки, лежащей в моем сейфе, столь удачной. Я подвергаю риску теперь не только себя, но Елизавету. Она становится моим слабым звеном. Моим уязвимым местом. Чего я никак не могу допустить.

Я не могу подвергать мою девочку еще большей опасности. Надо искать новые пути. Но какие? У меня нет времени на раздумья. Есть два варианта: как-то надавить на Елену, не так, чтобы она не подключила сюда своего папашу (если она, конечно, этого еще не сделала, на что я очень надеюсь) или оставить свою малышку. Но этого я сделать уже не смогу. Я не могу ее отпустить. Это тупик. Думай, Роберт, думай. Ты просто обязан что-то сделать. Нельзя, чтобы Лиза пострадала. Я, наверное, отдал бы полжизни за то, чтобы вернуть время назад и не быть таким самонадеянным, эгоистичным, алчным идиотом. Время собирать камни. Только мои камни неподъемные для меня, но я должен надорваться и собрать их. Все времени нет, для начала надо навестить мою «дражайшую» супругу и попытаться не убить ее во время нашего разговора.

Лиза молча ковыряется в своей тарелке, она практически ничего не съела. Так не пойдет. Беру ее тарелку, поддвигаю к себе, отнимаю ее вилку. Отламываю кусочек блина с творогом, подношу к ее губкам.

— Открой ротик, малышка.

— Роберт, я не хочу, есть, — недовольно сопротивляется она.

— Елизавета, я не спрашивал у тебя, хочешь ты есть или нет. Открой ротик, — Лиза хмурится, поджимает губки.

— Роберт, я действительно не хочу есть. И прекрати меня кормить. Я не маленькая девочка.

— Не маленькая. А ведешь себя как будто тебе пять лет, — она вообще отворачивается от меня. С шумом кидаю вилку в тарелку.

— Лиза, посмотри на меня! — мой тон заставляет ее повернуться и посмотреть мне в глаза.

— Елизавета, прекрати думать. Я прямо слышу, как в твоей голове вертятся шестеренки. Все хорошо! Забудь про утренний инцидент. Вчера ты сказала, что доверяешь мне.

— Я доверяю, но ...

— Никаких но. Малышка, я больше не допущу, чтобы подобное повторилось. Я согласен, это — моя вина. Я должен был все предугадать. Я должен быть на шаг впереди. Я никому не позволю тебя обидеть. Ты веришь мне? — Лиза вздыхает. Осматривает мое лицо. Протягивает руку, кладет ее поверх моей.

— Да, я верю, — тихо говорит она. По телу разливается тепло. Она мне верит, и теперь я не имею права ее подвести. Переворачиваю наши руки и теперь уже моя рука поверх ее. Лиза смотрит на наши сцепленные ладони. Слегка улыбается.

— Вот и хорошо, — беру опять вилку, подношу к ней. — А теперь — ешь.

— Ты не исправим, — усмехается она. Но все же открывает ротик. Скармливаю ей все, что лежит на ее тарелке. Заставляю выпить сок. Вот так-то лучше.

— Спасибо, малышка, все было очень вкусно, — подхожу к ней. Поднимаю с места, целую ее щечки.

— Я передам Ваши благодарности повару, — улыбается она. Мне пора идти. Очень неохота покидать ее. Но время пришло.

— Проводите меня, Елизавета Андреевна, мне пора, у меня очень много дел, — моя девочка провожает меня до главного входа. Хочу ее поцеловать, но она неожиданно отворачивается, подставляя мне свою щеку. А это еще что такое? Целую ее в щеку. Обхватываю ее лицо, поворачиваю, к себе, заставляя смотреть в глаза.

— Что это было?!

— Роберт, на нас смотрят люди, — тихо говорит она.

— И? Пусть смотрят.

— Это неудобно и неправильно. Татьяна уже и так на меня странно смотрит. Представляю, о чем они шепчутся за моей спиной.

— Елизавета. Какое тебе дело до того, о чем они шепчутся и что думают? Это — твоя жизнь. Ты не должна обращать внимание на то, что скажут люди. Лично мне глубоко наплевать на их мнение. Я всегда делаю то, что хочу. А сейчас я хочу, чтобы ты меня поцеловала! — Лиза хмурится, прикусывает губки, смотрит на меня своими красивыми глазками. — Ну, я жду! Поцелуй меня сама, малышка, — она медлит, оглядывается по сторонам, нерешительно тянется ко мне. Я стою на месте, не помогая ей. Просто хочу, чтобы она это сделала сама. И все же, ее теплые губы касаются моих. Она нежно целует меня, замирает, ждет моих ответных действий, но я замер.

— Давай, малышка, поцелуй меня по-настоящему, — шепчу ей в губы. Она отзывается, целует. Так сладко целует. Перехватываю инициативу, крепче прижимаю ее к себе.

— Вот так, — говорю ей, прерывая поцелуй. — Не смей никогда мне отказывать. Это еще одно правило, — Елизавета закатывает глаза.

— Так много правил, — говорит она. Ничего не отвечаю, целую ее прекрасный носик.

— Пока, — с трудом отрываюсь от нее, выхожу на улицу, вдыхаю морозный воздух, направляюсь к машине. Сажусь за руль, оборачиваюсь на кафе, моя девочка смотрит в окно, провожает меня грустными глазками. Хочется вернуться, стереть ее печальный взгляд, заставить забыть весь мир, чтобы смотрела на меня и видела только мои глаза. Стать центром ее вселенной. Стать ее миром. Поднимаю руку, машу ей, она машет мне в ответ, отворачивается от окна и уходит.

Выворачиваю со стоянки, набираю номер Ирины Александровны. Спрашиваю у нее, где в данный момент находится мой сын. Итак, хорошо, их нет дома. Мой сын на занятиях, потом у него бассейн. Еще два-три часа их не будет дома. То, что надо. А вот в том, что Елена дома я ни на грамм не сомневаюсь. На часах полдень, она еще спит или только проснулась. Раньше обеда она ни разу в жизни не поднималась с постели. Ей не знакомы ранние подъемы. Еще бы, за свои двадцать восемь лет она ни одного дня не работала. А зачем? Ее папочка обеспечил ей безбедную, беззаботную жизнь.

Подъезжаю к воротам. А вот и дом, «милый дом», век бы его не видел. Ненавижу этот чертов дом. И сына бы своего забрал отсюда. Надеюсь скоро так и будет. Паркуюсь возле ворот, глушу мотор. Открываю бардачок. Вот и ключи, которыми я давно не пользовался. Вытаскиваю связку ключей, кручу их в руках, прикуриваю сигарету, смотрю на дом. Пора идти. Глубоко вдыхаю: надо быть предельно спокойным и постараться не придушить ее. Выхожу из машины, выкидываю едва прикуренную сигарету. Подхожу к воротам, открываю своими ключами, спешно подхожу к дому, двери не заперты. Прохожу в идеально стерильное помещение. Еще бы, на Елену трудятся две домработницы. В доме полная тишина. Эта сука еще спит. Поднимаюсь на второй этаж, не могу просто так пройти мимо комнаты моего сына. Чуть приоткрываю дверь, осматриваю комнату, здесь все по-прежнему: теплые тона в оформлении, детская мебель, кровать в виде большой машины, которую мы выбрали вместе с ним. Пожалуй, это — самая теплая комната в этом бездушном доме. Закрываю дверь иду в комнату Елены.

В нашей бывшей комнате, а теперь только в комнате Елены, как всегда полумрак. Плотные темно-синие шторы наглухо задернуты. Слышу звук льющейся воды из ванной.

Елена в душе. Подхожу к окну, отдергиваю шторы, впуская в комнату солнечный свет. Оглядываюсь по сторонам. Я прав, Елена только встала. Ее нижнее белье и халат валяются на полу, возле кровати. Замечаю на ее туалетном столике кокс. Прекрасно! Вот же тварь! Она уже делает это дома. В одном помещении, где находится ее сын! Подхожу к столику, беру пакетик. Сажусь в кресло, стоящее возле окна спиной к двери, ведущей ванну. Жду, покручивая пакетик в руках. Эта тварь слишком долго моется. Настолько долго, что вся моя собранность и спокойствие тает с каждой секундой ожидания. Подавляю в себе желание ворваться к ней в ванну и вытащить ее оттуда за волосы. Прикуриваю очередную сигарету, делаю настолько глубокую затяжку, что сигаретный дым обжигает мне легкие. Черт, я стал очень много курить.

Слышу, как дверь ванной открывается и тихие шаги Елены. Она останавливается. Я затылком чувствую ее взгляд. Тишина. Но я слышу ее тяжелые вздохи, потом они замирают, кажется, она вообще перестала дышать. Эта тварь меня боится, я кожей ощущаю ее страх. И правильно делает! Сегодня ей есть, чего опасаться.

Слышу, как она медленно приближается ко мне. Подходит вплотную к креслу, опять замирает. Нерешительно, медленно, опускает руки мне на плечи.

— Привет, милый, — притворно сладким голосом щебечет она. — Я не ожидала тебя, зачем пришел? Не уж то соскучился? — Ведет руками по моим плечам, спускает руки ниже на грудь, поглаживая ее.

— Очень сильно соскучился! — тихо, спокойно, бесцветным тоном говорю я. Руки Елены застывают на месте, чем вызывают мою злую усмешку. Она хорошо знает этот тон. Знает, что ничего хорошего он ей не сулит. Покручиваю пакетик кокса в руках. Естественно, Елена его замечает, но молчит. Похоже, ее парализовало. После того, что она сотворила сегодня с утра, она что, действительно меня не ожидала? Резко поднимаюсь с кресла. Елена отступает. На ней одно полотенце, которое она придерживает руками. Медленно надвигаюсь на нее. Она отступает до тех пор, пока не наткнется на шкаф. Посматривает в сторону двери. Но ей до нее не добраться. Пути к отступлению закрыты. И в доме мы совершенно одни. Подхожу к ней вплотную, Елена сглатывает. Хватаю за шею, немного сжимаю.

— Сколько раз я предупреждал тебя на счет кокса? — сдерживая ярость, клокочущую во мне, сквозь зубы цежу я.

— Отпусти меня! — кричит эта сука, хватая мои руки, ее полотенце летит на пол. Впивается в меня ногтями, но я не отпускаю.

— Сколько раз?! — не выдерживаю я, повышая голос, кричу ей в лицо. — Отвечай, иначе я тебя придушу! — моя рука еще сильнее сжимает ее шею.

— Три, — хрипит она. — Три раза. Отпусти, — ослабляю хватку, но не отпускаю.

— Правильно, три. Но ты, как вижу, возомнила себя бессмертной, — отпускаю ее шею, боясь и вправду придушить. Обхватываю ее скулы, сдавливаю, она морщится от боли.

— Убери свои руки! Не смей меня трогать! — кричит эта тварь, пытаюсь вырваться. Елена отворачивается, хватаю ее за волосы, тяну на себя. Поворачиваю лицо к себе. Внутри все клокочет от злости и ярости.

— Значит так, милая! Повторяю четвертый раз. И последний! Еще раз я замечу, что ты держишь кокс или употребляешь его в пределах километра от моего сына, сам лично заставлю вынюхать тебя такую дозу, что ты больше не вернешься на эту землю! Поняла меня, тварь?! — она молчит, дергается, пытаюсь меня ударить, машет руками. Натягиваю ее волосы еще сильнее, Елена визжит от боли. — Отвечай, сука!

— Да! — кричит она. Меня трясет от ярости, перед глазами стоит пелена.

— Что да?!

— Да, я тебя поняла! — визжит она. Резко отпускаю ее. Она падает на пол. Хочется наказать, унижить ее, показать ей место.

— Ты, гребаный ублюдок! Ты вырвал мне волосы и чуть не придушил меня! — кричит эта тварь, поднимаясь с пола. Делаю резкий шаг в ее сторону. Елена отпрыгивает от меня как от огня.

— Не смей меня трогать, я буду кричать!

— Можешь кричать сколько угодно. Мы в доме одни, — злорадно усмехаюсь ей в ответ. — А лучше вообще заткнись, пока я тебя не убил! — Оденься! — бросаю пренебрежительный взгляд на ее голое тело.

— Я не нюхаю кокс. Это пакетик остался еще с пошлого раза, он завалился в моей сумке. Сегодня я нашла, хотела выкинуть, — оправдывается Елена, надевая свой халат. Хватаю ее за предплечье, тащу к креслу, толкаю, вынуждая сесть. Пододвигаю стоящий рядом стул. Сажусь с ней лицом к лицу. Беру очередную сигарету, не прикуриваю, просто кручу в зубах, щелкая зажигалкой. Елена тянется к пачке сигарет, которую я бросил на стоящий рядом с нами столик. Щелкаю зажигалкой, подношу к ней, она поднимает на меня свои серые глаза, медлит, но прикуривает.

— Интересно, что скажет Сокол, если вдруг узнает что его обожаемая идеальная дочка — законченная наркоманка? — уже спокойнее бросаю ей.

— Он тебе не поверит! — самоуверенно говорит она. — И я — не наркоманка, сколько можно тебе повторять! Если я несколько раз пробовала кокс, это еще не значит что я — наркоманка!

— А кто сказал, что это я ему поведаю твои маленькие грязные тайны? — все-таки прикуриваю свою сигарету. Выпускаю дым ей в лицо. — Я сделаю так, что твой дилер сам к нему придет и расскажет, сколько раз в неделю ты у него покупаешь эту дрянь. А зная твоего отца, он все ему расскажет, даже то, чего не было, — злорадно улыбаюсь. Елена знает, о чем я говорю, кому, как ни ей знать, на что способен Сокол. Но надо сказать, что я блефую. Я не знаю ее дилера и, тем-более, что и сколько раз в неделю она у него берет. Но мне не составит труда это выяснить, если я захочу. Елена ведется на мой блеф, широко распахивает глаза, бледнеет от испуга или от злости.

— Ты не посмеешь! — нервно визжит она. Да! Я добился цели. Она испугалась. Несмотря на то, что Елена — единственная дочь Сокола, если он узнает, пощады не будет. Не убьет, конечно, но воспитает в ней стойкое отвращение к наркотикам на всю ее оставшуюся жизнь. Сокол хоть и не святой, но наркотики, так же как и я, мягко говоря, не любит. Он много чем занимался в своей жизни, но наркотой — никогда. У него свои стойкие устои и неприязнь к наркоте, за что я его уважаю.

— Что ты хочешь от меня, Роберт?

— Я хотел бы, чтобы ты навсегда исчезла из моей жизни. Но это уже невозможно. Ты — мать моего сына, — встаю со стула, выхожу из комнаты, спускаюсь вниз в гостиную. Подхожу к бару, наливаю себе немного коньяка. Медленно пью, смотря в панорамное окно. Елена спускается вниз. Я слышу, как она тоже подходит к бару, звенит бокалами. Мне не надо оборачиваться, я знаю, что она пьет только красное вино.

— Скажи мне, Елена, что за цирк вы с Натальей сегодня устроили? — продолжая смотреть на заснеженной двор, говорю я. Мне надо успокоиться и попробовать хоть раз

поговорить с ней нормально.

— Ах, вот в чем причина твоей ярости. Испугался за свою маленькую шлюшку? — с усмешкой произносит эта тварь. Закрываю глаза. Если я сейчас сорвусь и опять начну ее учить правильно со мной разговаривать, то никакого спокойного диалога у нас уже не получится. Но эта сука никак не унимается. — Я вот не пойму, почему ты еще с ней? — начинаю считать про себя, чтобы успокоится и не сорваться.

Раз.

— Так долго ты еще ни с одной шлюхой не задерживался.

Два.

— Интересно, что же она такого вытворяет в постели, что ты до сих пор с ней?

Три.

— Может, я могу лучше?

Четыре.

Ты таскаешься за ней уже сколько? Месяц? Полтора?

Пять.

— Раньше твой рекорд был меньше недели.

Шесть.

— Да и взять с нее вроде как нечего — кроме захудалого кафе у нее нет ничего.

Семь.

— А ты уже знаешь, что эта Лиза — ненормальная дура и она даже в психушке два месяца лежала? — восемь, девять, **ДЕСЯТЬ!!!** Резко разворачиваюсь, подлетаю к Елене. Она делает вид, что не боится меня, спокойно сидит на барном стуле медленно попивает вино. Но глазенки то бегают, выдавая ее.

— Не смей, слышишь, не смей вообще говорить о ней. Если я еще раз услышу, что из твоего грязного рта вылетело ее имя — я за себя не ручаюсь. И если ты хоть как-то еще раз попробуешь ей навредить, я тебя убью, тварь. Ясно тебе?!

— Даже так! Как все серьезно, я смотрю. Великий циник, эгоист и реалист Роберт влюбился?! Поздравляю! А как же твоя теория о том, что любви нет, это просто похоть или привязанность? — Елена салютует мне бокалом, хочет выпить. Наотмашь выбиваю бокал из ее рук.

— Заткнись, тварь! — все-таки не выдерживаю. Ничего уже не вижу перед глазами. Бью кулаком в стену возле ее головы, разбивая костяшки в кровь. Елена вздрагивает, зажмуривается. — Не тебе рассуждать о любви. Ты сама-то даже не научилась любить своего ребенка. Все, Елена хватит, я уже сыт этим по горло! Завтра мой адвокат свяжется с тобой по поводу развода, — глубоко вдыхаю. — Все бумаги уже давно готовы. Давай не будем доводить дело до суда, ни мне, ни тем более тебе это не нужно! — вся наглость и самоуверенность сходит с ее искусственного лица. Она начинает всхлипывать. Да твою же мать! Сейчас начнется неизменная истерика. Отхожу от нее, наливаю себе еще немного коньяка. Выпиваю его залпом. Спокойно, Роберт, тебе просто нужно спокойно с ней поговорить. Сажусь напротив нее, беру салфетку со стойки, вытираю немного окровавленную руку.

— Елена, давай просто договоримся как нормальные люди. Ты спокойно подписываешь бумаги на развод и отдаешь мне сына. Я не лишаю тебя материнства. Илюша просто будет жить у меня. Сможешь видеться с ним, когда захочешь.

— Нет! — почти рыдая, восклицает Елена. Никогда не понимал эту женщину. Я только

что чуть не придушил ее, и она не пролила и слезинки. А теперь она плачет, когда я пытаюсь поговорить с ней спокойно. — Ребенка ты не получишь. Развестись ты, конечно, со мной можешь. Но смотри, как бы тебе этот развод боком то не вышел.

— Не смей мне угрожать, Елена!

— А кто сказал, что я угрожаю? Знаешь, в жизни многое может случиться. Тебе могут вернуться мои слезы в стократном размере. Хочешь развода, так давай, рискни. Просто так я ничего не подпишу! Хочешь суда — будем судиться. Но ты же не дурак, должен понимать, что ни один суд ты не выиграешь, — меня пробирает нервный смех.

— Как всегда угрожаешь мне отцовскими связями? — чуть приподняв бровь, усмехаюсь я. — Может, суд я не выиграю, но я все твоё грязное белье вытрясу. Выставлю тебя наркоманкой, надо будет, предоставлю несколько интересных роликов с твоим участием. Занимательное, скажу видео, дочь самого Соколова отжигает на закрытой вечеринке. И как отжигает, прямо не по-детски, с наркотой, с мальчиками, да ладно бы с мальчиками. Ты бы видела, что она с девочками вытворяет. Я думаю, ты будешь просто звездой!

— Тебе никто не поверит! — зло шипит Елена, багровея от злости. Думает, что только она следила за мной. Я тоже этим грешил. Только я преследовал определенную цель, а не бесцельно наблюдал. Надо быть честным, не корчить из себя героя. Я не был до конца уверен, что ее папочка мне по зубам. Тем более сейчас, когда у меня появилось уязвимое место. Моя девочка никак не должна пострадать. В ее жизни и так достаточно несчастий.

— Может и не поверит. Но это кино посмотрят все. Надо будет, я этот ролик в сеть выставлю. Так сказать, сделаю тебя звездой. Я думаю, твой папочка будет очень рад такой славе перед выборами. Или может, отправить этот ролик его конкуренту? Как ты думаешь?! — Елена бледнеет. Она действительно испугалась. Она может подкупить всех. Ее папочка может сделать так, что эксперты признают этот ролик хорошим монтажом. Но Елена то знает, что он настоящий. И Соколов тоже узнает. И тогда мне будет действительно впервые в жизни, ее жаль.

— Хорошо я все подпишу. Илью можешь забирать после развода. Но я буду с ним видаться беспрепятственно, когда и сколько захочу, — неожиданно очень спокойно произносит Елена. Вот так просто! Без борьбы, без истерик и угроз сдается она. И тут теперь уже я в полной растерянности. Я готовился к бою. Не хрена не верю! Это не похоже на Елену. Черт, и от этого становится еще страшнее. Что, бл**ь, она задумала. Елена прекращает плакать, смотрит в одну точку на стене и молчит.

— Вот так просто. Елена, что ты задумала? — спрашиваю я напрямую.

— Ответь мне только на один вопрос, — говорит она, игнорируя мои слова. — Ты никогда меня не любил? Даже когда делал предложение? — она не смотрит на меня, закрывает лицо руками, упираясь локтями в стойку.

— Нет, Елена, никогда. Влечение в физическом плане — это все, что я тогда к тебе испытывал, — честно отвечаю я.

— Я так и думала. А сейчас, значит, влюбился? — также с закрытым лицом произносит она. Ничего ей не отвечаю. Мы просто молчим. — Налей мне еще вина, — тихо просит она. Я наливаю, поддвигаю бокал к ней. Елена берет бокал, смотрит на меня отрешенным взглядом. Немного отпивает, не отрывая от меня глаз. — Ты изменился. Когда мы только познакомились, ты был другим. Не знаю, более молодым что ли, — горько усмехается она. — Ну, знаешь, тогда ты был похож на плохого мальчика. А сейчас ты взрослый хищник. Мне так нравились эти перемены в тебе, — я вообще не понимаю, к чему она это все несет.

Но молча смотрю на нее, пытаюсь понять. — Вот скажи мне, Роберт, — так же тихо продолжает она. — Чего тебе не хватало? Я дала тебе все, что могла и не могла. Посмотри, кем ты был и кем стал сейчас. Ты носишь эксклюзивные шмотки, дорогие часы, едешь на внедорожнике, который стоит хрену кучу денег. Владеешь одним из самых популярных клубов. Все тебя боятся, но уважают. Ну, скажи мне, кем бы ты был без меня? Следил бы со своим дружкой за неверными женами? — она смотрит в упор мне в глаза, в ее голосе нет желчи и упрека. В ее глазах немой вопрос.

— Ты не давала мне этого. Я все заработал сам!

— Конечно сам, — усмехается она — Никто и не говорит, что ты не заработал. Но ведь это мой отец дал тебе эту возможность заработать. Знаешь, в нашей стране люди впахивают с утра до ночи. И не имеют даже и одного процента того, что имеешь ты! Мало хотеть и уметь работать. Важно иметь человека, который даст тебе эту возможность. Мой отец никогда бы и не дал тебе ничего просто так. Но без его подачи ты бы и части этих денег не заработал. И заметь, ты не впахивал на заводе по уши в грязи. Ты чистенько, вот в этой беленькой рубашке, выполнял грязные поручения моего отца. А ты знаешь, он видел в тебе большие перспективы. Однажды он мне сказал, что видит в тебе потенциал. Своего приемника так сказать. Не меня, заметь, а тебя. Потому что ты мой муж. Не жалко терять такие перспективы?

— Нет, Елена, не жалко! — усмехаюсь ей в ответ. — Да, в чем-то ты права, твой отец дал мне эти возможности. Только я ни хрена вам не должен. Я отработал все до последней копейки, — выплевываю ей в лицо. Но Елена как будто меня не слышит, продолжая говорить:

— И вот теперь ты, весь такой гордый и правильный, уходишь, значит, к своей серой мышке. А я должна отпустить... — Елена залпом выпивает вино. Берет мои сигареты, крутит в руках зажигалку, прикуривает. — У тебя даже зажигалка не простая, а серебряная, ты всегда любил пафос. А ведь мы были отличной парой. А нас, оказывается, и не было вовсе. Я все это себе придумала.

— Елена, прекрати нести этот сентиментальный бред. Тебе не идет философствовать о жизни.

— Да, мне не идет, — как-то обреченно говорит она. Но ты знаешь, я верю в законы кармы, действия человека определяют его судьбу. И тебе все вернется, — Боже, что несет эта женщина.

— Елена, ты уверена, что не употребляла сегодня кокс? — насмешливо бросаю ей. И это она будет мне говорить о карме? Я еще много чего хочу ей сказать, указать на ее действия и поступки. Но меня прерывает наш сын. Звонкий голос Илюши врывается в гостиную.

— Папа! — радостно кричит он. Бежит ко мне, ловлю его, подхватываю на руки, — Папочка, ты приехал за мной?!

— Да, малыш, я приехал за тобой. Я обещал тебе цирк. Так сегодня мы идем в цирк, — целую его пухлые щечки.

— Но мы еще не обедали, — возмущается няня.

— Ничего, мы пообедаем где-нибудь в городе.

— Да, да! — кричит Илюша. Поехали! — смотрю на Елену, которая продолжает чинно попивать вино, не обращая на сына никого внимания. И она мне будет рассказывать, что правильно и не правильно в этой жизни.

— Поехали, сынок, — опускаю его на пол. Веду за собой.

— Роберт! Я говорила, что ты можешь забрать его только после того, как подпишу бумаги. Так что Илья должен быть дома вечером.

— Я помню, Елена. Я держу свое слово. Я привезу его вечером, — черт, мне не нравится ее согласие. Это все, о чем я только мечтал, но мне не нравится ее покорность, согласие и податливость. Елена не была бы собой, если что-нибудь бы не выкинула. Она что-то задумала. Мне просто не могло вот так в одночасье повезти. Я добивался этого год. А сегодня почти без боя получил все, что хотел. Бросаю последний взгляд на Елену, она смотрит на меня. Что-то нехорошее мелькает в ее взгляде. Что-то, что мне совсем не нравится.

Вечером, как обещал, я завожу своего сына домой. Встречает его только няня, сообщая мне о том, что Елена ушла практически сразу после моего ухода и до сих пор не появлялась. Выходя из дома, набираю номер Дана, где-то внутри зарождается очень нехорошее чувство.

— Дан, ты можешь поставить одного из своих парней последить за Елизаветой? — без предисловий говорю я, как только он отвечает на звонок.

— Оплатишь моим парням сверхурочные, и они будут следить за твоей королевой двадцать четыре на семь. Что именно им надо про нее узнать? На что стоит обращать внимание?

— Ничего узнавать не надо. Мне просто нужно, чтобы за ней присмотрели. Мне не нравится то, что сейчас происходит. Совсем не нравится! — говорю я, садясь в машину, направляясь в клуб.

— А что именно происходит?

— А то, что Елена согласилась на развод. И отдает мне сына.

— Поздравляю! Что ты для этого сделал? Папка сработала? — заинтересованно спрашивает он.

— В том то и дело Дан, что я ничего не сделал. Ничего! Сегодня утром я кинул ей пару фактов о ее развлечениях, пригрозил видео, которое ты мне подарил бонусом к папке, она просто согласилась.

— Да, это не похоже на Елену, — констатирует он.

— Дан. Я хочу, чтобы они сообщали мне обо всем подозрительном, что происходит рядом с ней, где она находится и что делает каждую минуту. О том, кто крутится рядом с ее кафе и домом.

— Да понял я, понял. Не тебе учить моих ребят работать, — усмехается он. — Они прекрасно знают свою специфику работы.

— Мне нужно, чтобы они начали прямо сейчас! Сам я не могу. У Яны заболела дочь. Мне нужно быть в клубе.

— Считай, что они уже там. Скинь всю информацию на нее, адреса, телефоны.

— Хорошо. Скину, — сбрасываю звонок. Скидываю все Дану. Через пять минут мой телефон оживает. Это опять Дан.

— Мои ребята уже выехали, — сообщает он.

— Так быстро? Спасибо Дан.

— Ну, спасибо как валюту я уже давно перестал принимать, — смеется он. — Так что будешь мне должен.

— По-моему, я тебе должен уже пожизненно, — усмехаюсь ему в ответ.

— Ну не преувеличивай. Как-нибудь рассчитаемся.

На часах полночь. Ни черта не могу сконцентрироваться на работе. Мысли о моей девочке постоянно отвлекают. Три раза звонил няне моего сына, Елена так и не появилась дома. Раз пять под разными предлогами созванивался с Елизаветой. Сейчас она дома в своей постели. Ужасно хочется оказаться там с ней. Просто прижать ее к себе. Только это в данный момент может меня успокоить. Я не могу ей больше позвонить, она уже спит. Через час моих душевных метаний, и очередных попыток, наконец, взять себя в руки и заняться работой, мне звонит Дан.

— Что произошло?! — нервно спрашиваю его.

— Да успокойся ты. Ничего такого не произошло. Просто мои ребята говорят, что твоя королева вылетела из дома, села в такси и направляется в сторону центра.

— Черт! Где она? Два часа назад она сказала, что ляжет спать, — соскакиваю со своего места, слышу, как Дан переговаривается со своими парнями по рабочему телефону.

— Она у тебя, — через минуту отвечает он.

— Что значит у меня? — не хрена не понимаю.

— Это значит, что она вышла из такси и стоит возле входа в твой клуб и, похоже, охрана ее не пропускает, — ничего не отвечаю, скидываю звонок. Мчусь вниз ко входу. Расталкиваю толпу на входе, подбегаю к фейс-контролю. Вижу мою растерянную девочку. На улице собачий холод, а на ней легкое пальто. На голове нет шапки. Ее глазки красные, воспаленные, взволнованные и растерянные. Бледная, ее губы подрагивают. Отталкиваю ошарашенного охранника, который не пускает мою девочку. Завтра же уволю его к чертовой матери! Лиза замечает меня, бросается ко мне, крепкой хваткой цепляется за меня, прижимаясь дрожащим телом. Подхватываю ее на руки. Заношу в клуб. Она прижимается ко мне еще сильнее, вся дрожит. Мне так знакомо ее состояние. Быстро заношу ее в коридор для персонала, не хочу тащить ее через шумный клуб. Быстро поднимаюсь на второй этаж, вношу в свой кабинет.

— Что случилось малышка? — спрашиваю ее, целуя в висок. Сажусь с ней на диван.

— Мне так холодно, — дрожащим голосом шепчет она. — А ты такой теплый, — прижимается щекой к моей груди. Слегка отстраняю ее от себя.

— Подожди малышка, у меня есть плед, — пересаживаю ее на диван, быстро достаю плед, возвращаюсь к ней. Снимаю ее пальто, укутываю в плед, снова сажаю себе на колени. Лиза опять прижимается к моей груди. Обнимаю ее, слегка покачиваю.

— Поговори со мной, маленькая, — прошу, вдыхая ее чистый запах.

— Мне приснился сон. Мой собственный персональный кошмар. Мне было так холодно. Я не хотела пить таблетки, я просто ненавижу их. Но и оставаться одна в давящих на меня четырех стенах тоже не хотела. Извини, я, наверное, не должна была приезжать сюда посреди ночи. Я сама не знаю, что на меня нашло. Я сейчас уеду домой, приму снотворное и мне станет легче, — она отстраняется от меня, пытается встать. Резко дергаю ее к себе, не позволяя это сделать.

— Ну что ты несешь! Ты должна была мне позвонить. Я бы все тут бросил и приехал к тебе. Почему ты не позвонила, малышка? — обхватываю ее холодные щеки, тяну к себе, целую ее дрожащие губы, пытаюсь их согреть.

— Я не знаю, — растеряно говорит она. — Я просто хотела к тебе, — прижимается губами к моей шее. Глубоко вдыхает. Я чувствую ее теплое дыхание. — Я не могла больше там находиться одна, — каждое ее слово в мою шею — как маленький поцелуй. Я просто

счастлив. Черт. Ей плохо, а я счастлив! Счастлив, потому что она пришла ко мне, пришла искать во мне успокоение, жметесь ко мне, как маленький замерзший котенок. Она — моя маленькая любимая девочка. И я понимаю, что уже никогда в жизни не смогу ее отпустить. Стягиваю резинку с ее волос, запускаю руку в ее шелковистые волосы, поглаживаю их, целую. Елизавета успокаивается. Она уже не дрожит, ее дыхание ровное, размеренное. Пересаживаю свою девочку на диван, встаю, подхожу к рабочему телефону, звоню на кухню, прошу принести горячий чай со сливками, кофе для себя. Когда приносят кофе и чай, сажусь рядом с ней, прижимаю за плечи к себе, наблюдая, как она пьет чай. Она кажется такой маленькой, испуганной девочкой. Моей нежной и сладкой девочкой. Я просто должен сделать ее счастливой, хочу видеть ее лучезарную улыбку как на тех фото в ее доме.

— В субботу свадьба Ксении и Леша, — говорит Елизавета, нарушая тишину. — Ты пойдешь со мной?

— А ты этого хочешь?!

— Да, — тихо говорит она, опуская глазки.

— Конечно, пойду, — обхватываю ее подбородок, тяну на себя, нежно целую, наслаждаясь ее вкусом. — Мне надо ненадолго выйти в зал.

— Конечно, иди. Извини, я отвлекаю тебя от работы, — виновато произносит она.

— Елизавета! Прекрати извиняться! — ты виновата только в том, что ехала одна ночью ко мне. Ты должна была мне позвонить, я бы забрал тебя, если ты не хотела оставаться там, — целую ее в носик. Встаю с дивана.

— Я ненадолго. Пей чай.

Через полчаса возвращаюсь в кабинет, моя девочка свернулась на диване и сладко спит. Улыбаюсь этой картине. Тихонько подхожу к ней, укрываю пледом. Сажусь за рабочий стол, посматриваю в мониторы, но мой взгляд постоянно возвращается к ней. К черту работу! Мне надо отвезти малышку домой в теплую кроватку. Встаю из-за стола. Подхожу к ней, она так сладко спит: ее прекрасные губы чуть приоткрыты, ресницы немного подрагивают во сне. Она хмурит бровки, что-то бормочет. Прислушиваюсь, пытаюсь разобрать ее слова. Улавливаю только слово «люблю», потом опять что-то невнятное. И вдруг она резко и громко произносит имя Марк.

Зажмуриваю глаза, трясую головой. Чувствую себя так, как будто на меня вылили ушат ледяной воды, и одновременно всадили нож в грудь. Рана начинает кровоточить. Сжимаю кулаки, возвращаюсь назад к столу. Сажусь в кресло, прикуриваю сигарету. Смотрю на Елизавету, которая продолжает сладко спать, ничего не подозревая о моих душевных муках. Хочется кричать и разнести в этом кабинете все к чертовой матери! Это и есть бессилие перед самим собой. Мысли путаются в голове, я не могу прийти в себя. Ее слова во сне становятся моим адом. Я знал! Она сама сказала, что не сможет полюбить меня. Она любит своего мертвого мужа. С кем я пытаюсь бороться, с мертвецом, который живет всех живых, потому что живет в ее душе. Я даже морду не могу ему набить. Вырвать, забрать у него мою девочку! И это самый сильный соперник — он просто недостижим. Если бы я мог, оживил бы его лишь для того, чтобы доказать ему что она моя. Моя! Моя, черт побери! И меня рвет на части от бессилия. В моей душе бушует буря, ураган эмоций. Я добиваю себя своими же мыслями. Марк, вашу мать! Призрак из прошлого моей Елизаветы. МОЕЙ! Хочется кричать во всю глотку, чтобы он услышал меня.

Раньше я хотел просто ее тело, и я его без труда получил. Потом я хотел, чтобы она просто позволила себя любить и не отталкивала меня. Она позволила. Но теперь мне этого

мало. Я хочу все. Всю ее, до последней капли! Хочу ее душу! Ее безграничную, преданную любовь! Хочется подойти к ней, встряхнуть, заставить смотреть мне в глаза и кричать. «Очнись! Проснись, живи настоящим! Отпусти своего призрака! Его больше нет! А я есть! Я буду любить тебя! Буду ЛЮБИТЬ больше, чем он. Ты МОЯ! Осознай это!». Но моя ли она? Похоже, это только мой вымысел, моя фантазия, в которой я сам себя убедил и сам себе поверил.

Елизавета

Сегодня двадцать пятое декабря. Свадьба Ксении и Алексея. День, в который я должна радоваться за моих друзей. И я радуюсь, по-своему. Моя радость — она печальная, грустная и пропитана тоской. Светлая грусть. Как бы я не хотела в этот день не вспоминать свою свадьбу, у меня ничего не выходит. Я помню этот день, как будто он был вчера. Я помню каждую его минуту, я даже ощущаю запахи того дня. Помню все свои эмоции и чувства. Нет, мне не хочется плакать и биться в истерике, не хочется никуда бежать. Меня просто съедает тоска. Пытаюсь сама себе улыбнуться в зеркало. Губы улыбаются, но глаза наполнены печалью. Наношу макияж, пытаюсь нарисовать маску счастья. Мои друзья в такой счастливый для них день не должны видеть печаль в моих глазах. Осматриваю себя в зеркало. На мне воздушное платье светло-сиреневого цвета, с высокой талией и широкой юбкой, струящейся до пола. Собираю волосы наверх, выпуская несколько прядей, которые ложатся на мои плечи. Глубоко вдыхаю. Вот и все, я готова.

Слышу звонок домофона. Это Роберт. Я специально позвала его с собой. Без него я просто не выдержу на этой свадьбе. Я знаю точно, он поможет мне избавиться от навязчивых мыслей в моей голове. Открываю замки на двери, прохожу в комнату, надеваю туфли. На улице снег, но до машины идти один метр, и дорожки возле моего подъезда расчищены. Ну и потом, я не подружка невесты. После ЗАГСА я сразу поеду к себе в кафе контролировать подготовку банкета. Сегодня мое кафе закрыто для других посетителей. Я буквально настояла, чтобы Ксюха проводила свою свадьбу у меня. Это лишь малая доля того, что я могу для них сделать.

Слышу звук открывающейся двери, шаги, которые приближаются ко мне. Застываю на месте, никак не могу привыкнуть к его присутствию в моей жизни. При каждой нашей встрече мое сердце набирает обороты и готово выскочить из груди. Не могу привыкнуть к его запаху, который я вдыхаю как наркоманка, и не могу им насытиться. Не могу привыкнуть к его касаниям, грубым и нежным ласкам, от которых моя кожа постоянно горит огнем.

Вчера он буквально ошарашил меня новостью, что после новогодних праздников он станет полностью свободным человеком. Хотя его слова звучали по-другому. Он сказал: «Я исправлю ошибку в моем паспорте». Похоже, он всегда считал себя свободным человеком. Но суть в другом. В том, что эта новость меня не обрадовала. Я даже не подозревала, что меня устроит роль любовницы. Вот разведется он, и что потом? Что будет с нами? И эта мысль меня ужасала. А еще меня преследовала навязчивая идея, что за мной следят. Я чувствовала это. Я стала замечать две машины, они менялись, но каждый день то одна, то другая преследовала меня. Возле моего кафе, возле дома, магазина. Я не видела их, только в присутствии Роберта. Похоже, моя паранойя прогрессирует. Теперь у меня началась мания преследования!

Мои ненормальные мысли прерывает Роберт. Он молча, подходит ко мне и меня окутывает его запах, терпкий запах мускуса и сандала, смешанный с запахом табака и мужского тела. Невероятный коктейль, заставляющий мое тело дрожать. Он проводит носом

по моему затылку, вдыхает мой запах. Становится вплотную ко мне, не обнимает, просто прижимается своей грудью к моей спине. Я вижу его через зеркало, возле которого стою. На нем темно-синий, совсем не классический, приталенный костюм, небрежно застегнутый на одну пуговицу. Неизменная белоснежная рубашка с высоким воротником. Большие часы с широким кожаным ремешком, пришедшие на смену его браслету. Браслету, который зачем-то лежит в моем шкафу, но он этого не знает.

— Ты готова? — вкрадчиво спрашивает он, прикусывая мочку моего уха. Целует чувствительное местечко за ухом, вызывая миллионы мурашек на моем теле.

— Да, — тихо отвечаю я.

— Тогда поехали быстрее или мы рискуем не попасть на эту свадьбу.

— Почему? — не понимаю я.

— Потому что ты настолько прекрасна и сексуальна в этом платье, что мне хочется его снять и долго не выпускать тебя из постели. Похоже, эта свадьба станет для меня мучением. Не уверен, что не затащу тебя куда-нибудь в темный угол и не трахну, — в подтверждение своих слов он берет меня за талию и прижимает к себе. Я чувствую доказательство его желания. — Твоя подруга не обидится, если мы немного опоздаем, — говорит он мне в шею, обжигая своим горячим дыханием. Его рука медленно ползет по моей ноге, задирая длинную юбку.

— Нет, пожалуйста, — прошу я. — Мы не можем опоздать, — говорю я, а сама откидываю голову ему на плечо, когда он прикусывает кожу на шее, тут же проводя языком в месте укуса. Роберт не обращает никакого внимания на мои протесты, разворачивая мою голову к себе за подбородок, незамедлительно пожирая мои губы, прикусывая и посасывая их. Но я собираю остатки своих сил, вырываюсь из его объятий, потому что чувствую, что еще пять минут этих сладких мучений, и мы действительно опоздаем на свадьбу. Очень надолго опоздаем. Ксюха и Леша не простят меня за это. Выбегаю из комнаты в коридор, надеваю пальто и вылетаю из квартиры. Выхожу на улицу, жду Роберта у машины. Он неспешно выходит из подъезда, на его лице хищная улыбка, которая заставляет меня прикусывать губы.

— Ты нарушила правило, — вкрадчиво говорит он, открывая, мне дверь. — Ты знаешь, что тебя ожидает вечером?

— Наказание? — хитро говорю я.

— Да. Наказание, — говорит он, растягивая буквы.

И вот мы в ЗАГСе. Слава Богу, не опоздали. Все уже собрались, жених с невестой родители с обеих сторон, друзья, коллеги. Мы ожидаем своей очереди. Смотрю на молодоженов: Леха очень счастлив, он светится, сияя обворожительной улыбкой. Крепко прижимает к себе свою невесту за талию, постоянно целует ее, то в щеку, то в открытые плечи. А вот Ксюшина улыбка натянута. Заметно, что она сильно нервничает. Наверное, все невесты нервничают перед свадьбой. Она просто прекрасна. Ее платье великолепного нежного персикового цвета. Ну, Ксения была не Ксенией, если бы выбрала платье белого цвета. Ксюша что-то шепчет Леше на ухо, оставляя его, подходит ко мне, уводит в туалет. Похоже, кому-то нужна моральная поддержка. В здешнем загсе туалет напоминает комнату невесты — здесь, стоят большие зеркала в полный рост и мягкие пуфики. Подруга тут же открывает окно, вдыхает свежий воздух,

— Есть сигареты? — спрашивает она.

— Нет, откуда у меня они могут быть, ты же знаешь, что я курю только в крайних

случаях, — усмехаюсь я.

— Знаю, — нервно говорит она. — Может, мы поторопились? — неожиданно тихо говорит она, продолжая стоять у открытого окна. Подхожу к ней, аккуратно обнимаю за плечи, чтобы не помять ее прекрасное платье, проверяю ее красивую замысловатую прическу с вплетением жемчужных шпилек. Фаты нет. Ксюха назвала фату пережитком прошлого.

— Ксюшечка, прекрати нервничать. Все будет хорошо. Все невесты сомневаются, и нервничают перед свадьбой. Это нормально. Просто глубоко дыши. Поверь мне, как только вас объявят мужем и женой, ты станешь самой счастливой женщиной на свете и будешь смеяться, вспоминая свои переживания.

— Правда? — как то неуверенно говорит подруга.

— Правда. Поверь мне, я знаю, — говорю ей, поглаживая по плечам. — И потом, вы уже давно живете вместе. Вы ведете себя как супруги. Вы любите друг друга. Так что сегодняшний день добавит тебе только штамп в паспорт. И завтра вы полетите в свое свадебное путешествие.

— Да. Хорошо. Ты права, — уже более уверенно говорит она, глубоко вдыхая. — Ты права. Это просто нервы. Оставь меня, пожалуйста, одну. Мне нужно собраться.

— Хорошо. Только не задерживайся, — целую ее в щеку, выхожу из туалета. Подхожу к Роберту, который тут же прижимает меня к себе.

— Тебе не кажется, что немного не красиво так поступать со своей подругой? — вполне серьезно говорит он.

— Что? О чем ты говоришь? — не понимаю я.

— Своей красотой ты затмеваешь невесту. Это не совсем хорошо по отношению к твоей подруге, — шепчет он мне в ухо. Я закатываю глаза, ничего не отвечаю. Но на моем лице появляется улыбка. — Почему ты не подружка невесты?

— Потому что я не могу.

— Почему? — не понимает он. Как мне ему объяснить, что эта свадьба — для меня испытание? Я просто не могу быть целый день с невестой.

— Роберт, пожалуйста, не спрашивай меня. Не могу, потому что не могу. Мне трудно это объяснить, — наш разговор прерывает Леша. Он подходит к нам, здоровается с Робертом. Как-то странно с подозрением смотрит на него.

— Лиза, солнце, ты как всегда прекрасна, — говорит мне Леша. Я чувствую, как напрягается Роберт, сильнее сжимает мою талию. — Ты не могла бы сходить, поторопить Ксению, у нас осталось очень мало времени.

— Леша, она сама сейчас выйдет. Не переживай, просто она как настоящая невеста немного нервничает, — улыбаясь, отвечаю я. Так мы ждем еще минут двадцать. Я замечаю, как Лешино выражение лица из счастливого становится обеспокоенным. Тут уже нервничать начинаю я. Их время пришло. Бегу в туалет с намерением вытащить ее оттуда, если понадобится, за волосы. Распахиваю дверь — ее нет. Черт! Где она?! Ничего не понимаю. Выхожу в коридор, там стоит уборщица.

— Вы не видели девушку, невесту, она была здесь? — указывая на туалет.

— Так она убежала туда, — женщина указывает на дверь в конце коридора.

— А что там? — спрашиваю я.

— Задний двор. Парковка для служащих, — не дослушиваю ее, несусь туда. Ничего не понимаю. Она что, сбежала?! Выбегаю на улицу. И просто застываю на месте от шока.

Ксюха стоит возле красной спортивной машины вместе другом Роберта, Даном. Курит и о чем-то беседует. Поверх ее прекрасного платья накинута кожаная куртка Дана.

— Ксения! — гневно кричу я. Она резко оборачивается ко мне, выкидывает сигарету, что-то говорит Дану, он быстро садится в машину. Ксюха смотрит на меня виноватыми глазами.

— Прости. Я не могу, — тихо одними губами говорит мне, но я слышу. Быстро садится в машину. Дан с визгом выворачивает со стоянки, увозя Ксюшу в неизвестном направлении.

ГЛАВА 12

Елизавета

В полной растерянности смотрю на удаляющуюся красную машину. Что сейчас произошло?! На улице холодно, морозно, я стою на пороге черного входа в ЗАГС и не могу сдвинуться с места, не чувствую холода. Я просто не могу туда вернуться, потому что там Леша ждет свою невесту. А ее нет! Она сбежала! Красная машина давно скрылась из виду, но я все смотрю вдаль, не веря своим глазам. В голове постепенно происходит осознание случившегося, и по мере осознания мои эмоции меняются. На смену растерянности приходит гнев. Как она могла так поступить с Лешей?! Зачем она вообще согласилась выйти за него, если не была уверена, что хочет этого?! Если у нее были сомнения, почему не поговорила со мной, не поделилась своими страхами? Почему просто не отменила свадьбу? Зачем надо было сбежать именно сейчас, за пять минут до регистрации? И черт ее побери, почему она не просто ушла, а сбежала с этим мужиком?!

Из ступора меня выводит Роберт, дергает меня на себя, затаскивая назад в помещение.

— Ты с ума сошла? На улице мороз, а ты стоишь там в одном легком платье! — раздраженно говорит он. Но мне все равно, я почти не слышу его. Я думаю о том, как мне теперь сообщить обо всем Леше. Что я должна ему сказать? Что его невеста сбежала из ЗАГСа с каким-то мужиком?

— Лиза, что случилось?

— Я не знаю. Она сбежала! Она сбежала с твоим другом! Он только что увез ее! — я не знаю, почему я кричу на Роберта, просто не понимаю, что вообще мне делать. Роберт же долго и серьезно смотрит на меня.

— С другом говоришь, — иронично усмехается он. — Не думал, что у него это получится.

— Ты знал?! Ты знал, что он хочет ее увести и ничего мне не сказал?! — теперь я злюсь на него.

— Елизавета, не смей повышать на меня тон! — серьезно, холодным тоном говорит он. — Я не знал. Но я хорошо знаю своего друга и его интересы к таким женщинам.

— К каким таким?

— К несвободным, — усмехается он. — Одно могу сказать точно, сегодня она уже не вернется. Но в физическом плане, с ней будет все нормально.

— Нет! Звони ему сейчас, немедленно! Пусть вернет ее. Пусть она сама приедет и все нам разъяснит! — требую я.

— Елизавета Андреевна, повторяю еще раз, не смейте на меня кричать! — раздраженно говорит он. Но все же достает телефон, набирает номер, через несколько секунд ухмыляется, скидывает звонок, набирает его еще раз, подносит трубку к моему уху, где мне сообщают что телефон недоступен. И тут я вижу Лешу, который идет к нам. В полной растерянности

смотрю на него, вижу в его глазах такую же растерянность.

— Где она? — спрашивает он меня. — Ну что, что я должна ему сказать?!

— Леша. Она... Она уехала. Ее здесь нет, — вижу в его глазах непонимание, неприятия моих слов. Черт, Ксюша, как ты могла так с ним поступить?

— Что значит уехала? На чем уехала? Наши машины стоят у главного входа.

— Она уехала на такси, — вру я. Просто не могу сказать ему, что его невеста сбежала со свадьбы с другим.

— Куда уехала?! Что она сказала?! — Леша кричит, его растерянность меняется на гнев. Но я не обижаюсь, я прекрасно его понимаю.

— Ничего. Она ничего мне не сказала. Просто уехала, — тихо отвечаю я.

— Лиза! Но она же твоя подруга! Ты была с ней в туалете. И она ничего тебе не сказала?! — кричит мне в лицо. Я растеряно отступаю от него на шаг назад.

— Алексей, не кричи на нее. Елизавета не виновата, что твоя невеста сбежала! — вмешивается Роберт. Встает между нами, чтобы отгородить меня от Лешиного гнева.

— А ты кто, бл**ь, такой, чтобы указывать мне, как разговаривать?! — выплескивает свой гнев Леша. Роберт хочет ему что-то ответить, резко порывается в его сторону, Леша не отступает.

— Слушай меня, Алексей! Я понимаю твое состояние, но Елизавета здесь не причем. Так что будь добр, сбавь тон! — Леша напрягается, сжимает кулаки, потом зажмуривает глаза, медленно разжимает кулаки, открывает глаза. Виновато смотрит на меня.

— Прости меня, солнце, — тише говорит он. Трет лицо руками, лохматит свою уложенную прическу. Дергает за галстук, буквально срывая его со своей шеи, облокачивается на стену. Опять закрывает глаза. Я вижу его боль, я ее чувствую. Я убью эту рыжую стерву, как только она появится мне на глаза! Медленно подхожу к нему, кладу руку на его плечо тихонько поглаживаю. Хочется как-то его утешить, сказать что-то, чтобы немного смягчить его боль. Но не могу не найти не единого слова. К нам подбегает такая же растерянная Катя, подружка невесты. Спрашивает у нас, где Ксюша. Тараторит о том, что время пришло и всех ждут на регистрацию. Леша разворачивается лицом к стене, бьет в нее кулаком, упирается в нее лбом, глубоко дышит. Объясняю Катерине ситуацию, на что та округляет глаза. Прошу ее пойти к родственникам и гостям, объяснить что произошло. Я просто не смогу сейчас перед всеми разъясняться. В моей голове все смешано, злость на подругу, отчаянье и боль за Алексея.

— Сука! — срывается Леша. Еще раз бьет об стену. Подбегаю к нему, глажу по спине.

— Лиза, солнце, лучше сейчас не трогай меня. Отойди! Я могу еще раз сорваться на тебе, — отчаянно, с досадой и болью произносит он. Ко мне подходит Роберт, тянет к себе, обнимает, целует в висок.

— Малышка, лучше поезжай в кафе. Везите туда гостей, родственников. Пусть выпьют, расслабятся.

— Нет. Я не могу оставить Лешу в таком состоянии. Неизвестно, что он сейчас может натворить.

— Все будет хорошо. Ты сейчас ничем не сможешь ему помочь. Я знаю, что ему нужно. Я позабочусь о нем, не переживай. Верну его, возможно, утром и, возможно, не совсем вменяемым, — усмехается Роберт.

— Хорошо. А ты уверен, что именно это ему сейчас нужно?

— Уверен, Елизавета, уверен. Доверься мне, — целует меня, отпускает. — Черт, так

хотелось сегодня снять с тебя это платье, — хмурясь, говорит он. Подходит к Леше, хлопает его по плечу.

— Алексей, по субботам в моем клубе замечательная стриптиз программа, а в моем баре есть прекрасное, очень старое, янтарное лекарство от душевных мук, — Леша поворачивается к Роберту, с минуту просто смотрит на него. Его глаза красные и выглядят, так, как будто он сдерживал слезы, от чего мне становится еще больше не по себе. Хочется разыскать Ксению и просто убить ее! За что она так с ним? За что?

— А знаешь, что, поехали! — говорит Леша, порывается выйти в зал к гостям.

— Алексей, — останавливает его Роберт. — Давай выйдем отсюда, — указывает он на заднюю дверь. — Я подгоню свою машину, — Леша ничего не отвечает, поворачивается и идет к двери, на ходу снимая пиджак, кидает его на пол рядом с галстуком. Роберт подходит ко мне, нежно целует.

— Стриптиз? Ты уверен? — приподнимая бровь, говорю я.

— Да, Елизавета, стриптиз, — ухмыляется он. Не ревнуй, я видел этих танцовщиц сто раз, если не больше. Скажу больше, я их выбирал, — подмигивает мне он.

— Да я и не ревную. Так просто спросила.

— Вот и хорошо, — целует меня еще раз, прижимает к себе, слегка сжимает мои бедра. Отпускает, — Пока. Я буду звонить, — говорит он и уходит за Лешей.

Наконец-то этот день закончился. На часах десять вечера и мне не верится, что я добралась до дома. От напряженного нервного дня раскалывается голова. Лешины родители, родственники и почти все друзья сразу же разъехались по домам. В мое кафе приехала только родня Ксении. Ее бедная мама обзванивала всех кого только можно и нельзя. Список был не большой, поскольку большинство ее знакомых были здесь. После того, как все немного выпили и расслабились, обстановка немного разрядилась. Но начались сплетни и тихие перешептывания. Что только они не несли. Основным предположением было то, что Ксения за пять минут до регистрации узнала, что у Алексея есть любовница, кто-то говорил, что она даже беременная, новость разрасталась сама собой, с каждым часом приобретая все новые и новые ужасные и уродливые очертания. Хотелось зажать уши руками и крикнуть им «Остановитесь! Что вы несете? Ваша Ксения сама укатила с неизвестным мужиком! Зачем вы так очерняете Лешу?!» Я закрылась в кабинете и сидела там до тех пор, пока все не разошлось. В конце вечера одна из официанток спросила меня, что делать со свадебным тортом. И мне захотелось нервно рассмеяться. Я вспомнила, как подруга придирчиво долго выбирала этот злосчастный торт. Я сказала, что они могут делать с ним что хотят. Вот тут действительно начался праздник. Праздник моего персонала, они закатали настоящий банкет. Еды осталось много — не пропадать же ей. Хоть кому-то было весело в этот день. Роберт звонил мне два раза. В первый его звонок в трубке была полная тишина. Он сказал, что они вдвоем сидят в его кабинете. И у Лешы началась первая стадия. Он назвал ее «отрицание произошедшего». Леша искал причину ее побега в себе, анализировал, что сделал неправильно. Порывался ее искать. Второй раз Роберт позвонил мне полчаса назад. И в трубке уже слышалась громкая музыка, голоса толпы, свисты, крики мужчин. Роберт назвал, это очередной стадией. Он назвал ее «Полный улет» или «Пуститься во все тяжкие».

Я иду на кухню, наливаю себе стакан воды, выпиваю таблетку от головной боли. Массирую виски, чтобы боль хоть немного отпустила. Слышу звук телефона, раздающийся из прихожей. Надеюсь, что у Ксении все-таки появилась совесть, и она решила позвонить

хотя бы мне. Но нет, это опять Роберт.

— Как ты, малышка? Ты уже дома? — говорит Роберт, как только я беру трубку. Я не слышу больше шума, на заднем плане тишина.

— Да, я дома. Как там Леша? Он сильно пьян? — спрашиваю я его.

— Достаточно, Елизавета. Но ему сейчас это необходимо.

— Да, я понимаю. А где он сейчас? Что делает?

— Ох, Елизавета Андреевна, лучше Вам этого не знать, — как-то странно насмешливо говорит Роберт. Ничего не понимаю.

— Где он? Что значит «лучше мне не знать»?! С ним что-то случилось?!

— Елизавета, ты опять повышаешь на меня голос! — Роберт говорит это таким тонном, что мне становится не по себе. Нет, он не кричит, не злится. Но его голос настолько холодный, бесцветный, что от него проходят по телу мурашки.

— Прости. Я просто переживаю за него. Где он? Ответь, пожалуйста? — уже спокойно прошу я.

— Малышка, с ним все хорошо. Точнее, я надеюсь, ему сейчас очень хорошо. И как только он полностью насладится моим, так сказать «свадебным подарком», я отвезу его домой, — уже спокойно и опять насмешливо отвечает Роберт.

— Роберт, это то, что я думаю? — возмущенно произношу я.

— Да малышка, это то, что ты думаешь, — я не знаю что сказать. Я даже не могу обвинить и упрекнуть Лешу. Ведь его невеста тоже сбежала со свадьбы не одна.

— А Дан? — спрашиваю я. — Он не звонил тебе?

— Нет, малышка, его телефон по-прежнему отключен. И зная его, он не включит его до завтрашнего утра.

— Ясно, — вздыхаю я, устало опускаясь на кресло.

— Ложись спать, отдохни. Не думай ни о чем. Просто отдохни.

— Я постараюсь.

— Постарайся хорошо, — его голос становится таким мягким, нежным. Он разливается теплой волной по моему телу. Только от его голоса и нежного тона мне становится немного легче. — Ты уже сняла свое прекрасное платье?

— Нет, — улыбаясь, отвечаю я.

— Вот, черт! Я хочу его снять сам! — его голос начинает вибрировать.

— Спокойной ночи, Роберт, — хитро говорю я, сбрасываю звонок. Этот разговор немного поднимает мое никудышное настроение. Головная боль постепенно отпускает. Выхожу из кухни, бреду в душ. Не успеваю дойти до ванны, как мой телефон опять начинает звонить. Смотрю на экран, это Ксения! Быстро провожу по экрану, подношу трубку к уху, молчу. На другом конце, тоже тишина. Я слышу ее дыхание. Слышу щелчок зажигалки, даже слышу, как она затягивается, выпуская дым.

— Так и будешь молчать? — не выдерживаю я. Слышу глубокий вдох подруги.

— Прости меня, пожалуйста, — тихо и как-то обреченно говорит она. — Я — полная дура.

— Нет, ты — не дура! Ты — идиотка! — перед глазами возникает Леша, боль в его глазах. — Тебе не кажется, что прощения ты должна просить не у меня?

— Согласна, — слышу ее обреченный голос. — Как он? — очень тихо, хрипло спрашивает она.

— О, я смотрю, тебя начали волновать Лешины чувства! — я опять начинаю злиться на

нее.

— Лиза я ... Я просто... Я не смогла, — наконец заикаясь, выдает она. — Поверь, я чувствую сейчас себя не лучше, чем он.

— Скажи мне Ксюша, зачем ты так с ним поступила? Зачем?! — почти кричу. — Ты же говорила, что любишь его! Получается, ты лгала?!

— Лиза, я не знаю! Я любила. По крайней мере, мне так казалось. Но сегодня я поняла, что не готова, что сомневаюсь. А если я сомневаюсь, разве я могу выйти за него замуж?! — голос подруги надрывается, кажется еще чуть-чуть и она заплачет. Но мне ни на грамм ее не жалко.

— А может, засомневалась ты потому что на горизонте появился Дан?

— Может быть.

— Хорошо. Скажи мне только одно. Почему ты вот так подло и некрасиво сбежала?! Разве Леша не достоин твоих объяснений? Он же любит тебя! Он все делал для тебя, ради тебя.

— Прекрати! — кричит она, уже рыдая. — Я и так чувствую себя последней дрянью. Да, он достоин! Он много чего достоин! Это я! Слышишь, я его не достойна! Я не знаю, что на меня нашло. Я должна была с ним поговорить. Но... произошло то, что произошло. И... — слышу, как она плачет. — Лиза, мне так плохо и гадко от самой себя.

— Ты... — я не знаю, как ей это сказать, подбираю слова. — Ты переспала с Даном? Да? — все-таки напрямую спрашиваю я.

— Да, — тихо отвечает она. Я замираю, меня буквально парализует. Я знала, я догадывалась. Но все-таки надеялась, что все не так. Все по-другому. Искала ей оправдания. Но все разбивается вдребезги. Ксения всегда была взбалмошной, ветреной, раньше она меняла мужчин как перчатки. Но с Лешей она изменилась. По крайней мере, я думала, что изменилась, стала серьезнее, взрослее.

— Презираешь меня? — отрешенно спрашивает она.

— Нет. Я не знаю, не знаю. Как ты могла?!

— Да не стесняйся, — горько усмехается она. — Говори, как думаешь. Я сама себя презираю.

— Где ты сейчас?!

— Я дома.

— Собираешь вещи?

— Нет. Пока нет. Я жду Лешу. Ты знаешь, где он?

— Я знаю. Но ...

— Но не скажешь, — ее голос дрожит. Мне вдруг становится ее жаль. Не знаю почему, но, кажется, она сама себя наказала.

— Нет! — твердо отвечаю я.

— Хорошо, я подожду. Мне надо попытаться с ним поговорить.

— Да уж, попробуйся. — Ксюша ничего не отвечает, сбрасывает звонок. Кидаю телефон на стол. С одной стороны мне жалко ее, она запуталась, потерялась. С другой, я очень зла на нее. Она могла сделать все по-другому. Более честно по отношению Леше. Но все же, беру свой телефон и отправляю ей сообщение от том, что я не сказала Леше, что она уехала с Даном. В ответ мне приходит «Спасибо».

Сегодня двадцать восьмое декабря, а это значит, что сегодня я стала на год старше. Я на

работе. Последние несколько лет я не праздную свой день рождения. Это просто еще один ничем не примечательный день. Да и мало кто знает, что у меня сегодня праздник. Поэтому никто не надоедает мне ненужными поздравлениями. С Ксюхой я больше не разговаривала. Я не знаю, где она и что делает. Леша улетел в Испанию. В их так и несостоявшееся свадебное путешествие. Он сказал, что ему необходимо побыть наедине с собой. Я не знаю, как прошел их разговор. Леша особо не распространялся, а сама я боялась его об этом спросить. Он лишь сказал, что Ксения съехала с их квартиры. Все это он говорил холодным, ничего не выражающим тоном и спешно сменил тему, переключаясь на меня и мои отношения с Робертом. Леша долго допытывал меня, что я чувствую к Роберту, в каких мы отношениях. А что я могла ответить? Я сама не знала ответов на эти вопросы.

Я не знаю, что я чувствую, и уж тем-более в каких мы отношениях. Я просто плыву по этому течению, смотрю на себя со стороны и жду, куда меня занесет. Возможно, я утону, захлебнусь. Я вообще старалась не думать о том, что чувствую. Нет. Но я чувствовала, как этот мужчина впитывается в меня, проникая под кожу, ускоряя мой пульс и сердцебиение. И мои стены рушатся, камень за камнем. Я уже не могу отгородиться от него. Он просто ворвался в мою жизнь, сметая все на своем пути, выбивая почву из-под моих ног.

Слышу тихий стук в дверь. Говорю, чтобы вошли. Дверь тихо открывается и первое, что я вижу — пионы! Бледно-розовые и бордовые пионы! Большую корзину пионов! Следом заходит Роберт, на его лице играет загадочная улыбка. Он медленно проходит в кабинет, закрывая за собой дверь. Одет он как всегда в белую футболку с длинными рукавами, до неприличия обтягивающую его сильную грудь. Встаю со своего кресла, подхожу к нему, он ставит корзину на пол у моих ног.

— Пионы! — восторгаюсь я. — Где ты нашел пионы зимой?

— Поверьте, Елизавета Андреевна, в наше время нет ничего невозможного. Если моя любимая женщина любит пионы, я достану для нее их в любое время года, — Роберт замолкает, застывает как всегда, когда произносит слова о любви. Ждет моей реакции, смотрит в глаза. Я не знаю, как на них реагировать, меня уже не парализует от страха и неприятия, но и ответить ему я тоже не могу. Также как он застываю, смотрю ему в глаза, в которых я уже не тону. Я давно в них утонула, захлебнулась, потерялась.

— Спасибо! — опускаюсь к цветам, нежно провожу пальцами по лепесткам. Роберт поднимает меня, ставит корзину на стол. Тянет меня на себя. Целует.

— С днем рождения, малышка, — нежно шепчет мне в губы. Медленно ведет руками по моим плечам, спускается ниже, проводит по талии. — Закрой глаза, — так же тихо, бархатным голосом говорит он. Я закрываю глаза, он хватает меня за талию, разворачивает спиной к себе. — Не открывай глаза, пока я не скажу, — я не открываю, мое дыхание учащается, я не знаю, что он задумал и что меня ждет. Но спрашивать бесполезно, он все равно не ответит. Чувствую, как он ведет теплым шершавым пальцем по моей шее, целует там, где прошелся его палец. Вдруг мою шею обжигает что-то холодное.

— Можешь открыть глаза, — шепчет на ухо, прикусывая мою мочку. Открываю глаза, подношу руку к шее, трогаю холодный металл. Веду пальцем ниже, спускаюсь к груди. Покручиваю между пальцев. Роберт отпускает меня, подхожу к зеркалу. На мне — цепочка из белого золота, довольно длинная, она спускается с шеи, ложится между грудей. На ней кулон в виде необычного креста. Это не классический крестик, без знаков веры. Из белого золота, закругленный, без острых углов. Его обвивает лента из желтого золота с россыпью мелких розовых камушков. Я не знаю, что это за камни, никогда не разбираюсь в

драгоценностях. Всю свою жизнь я была к ним равнодушна, меня никогда не интересовали побрякушки, насколько бы дорогие они не были. Никогда не понимала женщин, падких на драгоценности. Я ношу только кольцо на указательном пальце, которое мне дорого.

— Нравится? — спрашивает Роберт, подходя ко мне, обнимает сзади за талию, смотрит на меня через зеркало.

— Да. Спасибо, но не стоило.

— Еще как стоило, — он поворачивает меня к себе лицом. Медленно расстегивает три верхние пуговицы на моей блузке. Помещает кулон в ложбинку между грудей.

— Вот здесь он смотрится гораздо лучше, — улыбается он, рассматривая кулон или мою грудь. — Хочу сегодня вечером видеть тебя только в нем, — хищно улыбаясь, заявляет он. Проводит пальцем по моим губам, наклоняется, целует, нежно посасывая мои губы.

— Итак, как бы ты хотела провести сегодняшний день? — отрываясь от моих губ, спрашивает он.

— Никак, сегодня обычный день, — застегиваю блузку, отхожу к столу. — У меня работа, — говорю я, садясь за стол. Роберт подходит ко мне, облакачивается на мой стол.

— Елизавета Андреевна, я — не романтик. Поэтому и спрашиваю, как ты хочешь провести сегодняшний день? Если ты будешь упрямитесь, я скуплю все воздушные розовые шарики с сердечками, закажу розовый лимузин с шампанским и клубникой, и буду катать Вас всю ночь по городу, — усмехается. — Подумай хорошо, тебе это надо?

— О, Боже, нет!

— Вот и хорошо. Так что я жду ответа.

— Ты сделаешь все, что я захочу?

— Все, что Вы захотите, — игриво говорит он.

— Тогда я хочу фисташковое мороженое. Много фисташкового мороженого и мартини. Хочу поехать домой.

— Ну, Елизавета, я обещаю исполнить сегодня все твои желания. Подумай лучше.

— Разве этого мало? Я просто хочу свое любимое мороженое, мартини и тебя в одной квартире со мной на весь оставшийся день, — посылаю ему хитрую улыбку, подмигивая.

— Мне уже начинают нравиться твои желания. Тогда быстрее поехали. Не хочу терять ни минуты от оставшегося дня.

По дороге домой Роберт покупает много моего любимого мороженого, мартини, горький шоколад и все-таки клубнику.

— И что дальше? — спрашивает Роберт, как только мы пересекаем порог моей квартиры.

— А что дальше? — не понимаю я.

— Ну, это твой день рождения, поэтому сегодня мы делаем то, что ты хочешь.

— По-моему, я уже озвучила свои желания.

— Да, но мне нужны подробности, — с этими словами он уходит на кухню. Я остаюсь в гостиной, думая о том, что же делать дальше. Я привыкла, что все решает он. Роберт возвращается с двумя бокалами мартини со льдом. Передает один мне, чокается.

— С днем рождения, Елизавета Андреевна, — отпивает немного.

— Ты же не пьешь мартини.

— Сегодня пью, — загадочно отвечает он. — Итак, что дальше.

— Я хочу в душ, — вижу, как в глазах Роберта загорается черный огонь. — Но! Только для того, чтобы помыться, — уточняю я.

— Конечно, а зачем же еще, — усмехается он. Берет за руку, ведет в ванну. В душе все идет по давно установленным им правилам. Роберт сам раздевает меня, сам моет, не позволяя ничего делать самой. И, как ни странно, мы только моемся. Иногда он все же дразнит, прикасается губами к шее, невзначай задевает мои затвердевшие соски.

— Значит, ты будешь выполнять все мои желания? — спрашиваю я, когда мы выходим из душа. Роберт молча кивает головой. Я беру его футболку, надеваю на голое тело, вижу, что Роберту безумно это нравится. Закатываю длинные для меня рукава, пытаюсь оттянуть ее ниже, потому что она еле прикрывает мои бедра. Роберт отдергивает мою руку.

— Так вполне хорошо, прекрати ее поправлять, — говорит он, запуская руку под футболку, поглаживает мою попку, чуть сжимая.

— Вот так мы поделили твою одежду, — усмехаюсь я. — Мне футболку, тебе джинсы.

— Мне нравится, — смеется он в ответ. Я прохожу в спальню, расправляю кровать. Убираю одеяло, оставляя только белую простынь и подушки. Роберт стоит на пороге комнаты, с интересом наблюдая за моими действиями. Забираюсь на кровать. сажусь в позу лотоса.

— А теперь я хочу свое мороженое, мартини, шоколад и клубнику прямо сюда, — командую я, хлопая по месту перед собой. Роберт удивленно приподнимает брови, кривовато улыбается.

— Слушаюсь, Елизавета Андреевна, — отвечает он и уходит на кухню. А этот день рождения начинает мне нравиться. Роберт возвращается с подносом, на котором стоит все, что я просила. Ставит его передо мной, садится рядом, облакачиваясь на подушки, наливает нам еще мартини, кидает лед.

— Можно внести кое-какие коррективы? — спрашивает он, передавая мне бокал.

— Смотря какие, — хихикаю я.

— Пьешь ты сама. Но ешь только из моих рук.

— Пожалуй, я соглашусь, — чокаюсь с ним бокалом, чуть отпиваю. Роберт тут же подносит к моим губам клубнику, съедаю ее, намеренно облизывая его пальцы. Роберт тут же целует меня.

— Вкусная клубника, — говорит он, отрываясь от моих губ.

— Да, но я хочу мороженое, — наигранно надуваю губы. Возле них тут же появляется ложечка с мороженым. Он кормит меня мороженым, не забывая после каждой ложки целовать меня. Сам он ничего не ест, слизывает все с моих губ. Временами подливает нам еще мартини.

— Помнишь, ты задавал мне вот здесь кучу вопросов, про меня? — говорю я.

— Конечно помню, на тебе тогда был очень соблазнительный халатик, под который я запускал руки, а ты терялась с ответами, — говорит он, протягивая мне очередную клубнику.

— Теперь моя очередь задавать вопросы, — беру клубнику, подношу к его губам. Роберт захватывает ее губами, слегка прикусывая мой палец.

— Ну попробуйте, Елизавета Андреевна. Что именно Вас интересует?

— Ну, например, когда твой день рождения?

— Еще не скоро, — говорит он, подливая мне еще немного мартини.

— Когда? — настаиваю я.

— Весной.

— Какого числа?

— Восьмого, — я хмурю брови. Роберт усмехается, целует меня в щеку. — Восьмого

мая, — шепчет мне на ухо.

— Хорошо. Почему ты носишь только белые рубашки, футболки, и так далее?

— Почему? Наверное, потому, что мне нравится белый цвет.

— Это не ответ, — говорю я. — Мне, например, нравится темно-синий цвет. Но я же не ношу постоянно одежду только этого цвета.

— Не знаю, малышка. Это привычка. Может потому, что белый цвет холодный, но, несмотря на это, олицетворяет чистоту. Чистоту, которой так не хватает в моей жизни. Я не знаю, я давно уже ношу только белый верх, хотя бывают и исключения.

— Мне кажется, ты чего-то не договариваешь, и за этим цветом кроется что-то еще.

— Возможно, ты права. Но я не хочу сейчас об этом говорить, — уже серьезно, ледяным тоном говорит он. Я понимаю, что эта тема ему не приятна, но никак не могу уловить, причем здесь белый цвет.

Роберт забирает из моих рук бокал, ставит его на поднос, берет очередную ложечку уже подтаявшего мороженого, подносит к моим губам. Он кормит меня мороженым, намеренно пачкая мои губы, впиваясь в них уже не нежным поцелуем, поглощая меня.

— Нет, стоп. Остановись, — отрываюсь от его губ. — Ты сказал, что сегодня хочешь видеть меня только в своем подарке, — говорю я, снимая его футболку, швыряя ее на пол.

— Да, — вибрирующим, почти рычащим голосом отвечает он. — В нем ты просто прекрасна. — Он берет поднос, ставит его на прикроватную тумбу. Удобнее устраивается на кровати, откидываясь на подушки.

— Сегодня Ваш день рождения, так что можете делать со мной что хотите, — хищно улыбается.

— Все, все? Ты действительно отдаешь себя в мои руки?

— Все давно в Ваших руках, Елизавета, только Вы это не осознаете, — прикусываю губы, смотрю на его красивое тело. — Давай, малышка, сделай это, я весь твой, — закидывает руки за голову, ждет моих действий. Пододвигаюсь ближе к нему, расстегиваю ширинку на его джинсах, пытаюсь их снять. Роберт помогает мне, скидывает джинсы на пол, под джинсами он абсолютно голый и уже готовый. Не осознано облизываю губы. Роберт ничего не делает, просто наблюдает за мной. Забираюсь на него сверху, наклоняюсь, прикасаясь к губам. Мои волосы падают ему на лицо. Роберт собирает их, удерживает одной рукой, другую кладет мне на спину, прижимая к себе. Прохожусь языком по его губам, слегка втягиваю его нижнюю губу. Целую его сама, он лишь слегка прикусывает мои губы. Спускаюсь ниже, целую его шею, грудь, слегка всасывая кожу. Роберт отпускает мои волосы, перемещает руки на талию, бедра, поглаживает попку. Сползаю вниз, подбираюсь к его паху, провожу языком по всей длине его члена, от чего он дергается. Слышу, как Роберт резко втягивает воздух. Я помню, как делала это в прошлый раз, помню, как ему это понравилось, его реакцию, черные глаза, которые становились еще темнее, насыщеннее. Поднимаю глаза и сталкиваюсь с таким же взглядом. Роберт наблюдает за каждым моим действием, глубоко дышит. Опять собирает мои волосы, удерживая их. Целую головку, провожу по ней языком, слегка всасываю, обхватываю член рукой, сжимаю, втягиваю его глубже, помогая себе рукой, заигрываю с ним языком: вверх-вниз.

— Елизавета, — мужчина хрипло, протяжно произносит мое имя. От его вибрирующего голоса по моему телу проходит волна дрожи и жара. Продолжаю дразнить его, жадно всасывая, ласкать языком. Слегка царапаю кожу на его бедрах. Роберт тянет меня за волосы, заставляя остановиться. Впивается в мои губы. Целует страстно, порывисто.

— Хочу видеть тебя на себе, — выдыхает мне в рот. Отстраняюсь от него, чуть приподнимаюсь, опускаюсь на его член, до самого основания. Прогибаю спину назад, в глазах темнеет. Это так хорошо, так глубоко. Роберт хватается меня за бедра, вынуждая начать двигаться, слегка приподнимая и опуская меня на себя. Становится жарко, очень жарко. Невыносимо хорошо, не могу сдержать стон удовольствия. Закатываю глаза, откидываю голову назад. Роберт резко поднимается, садится лицом ко мне.

— Не останавливайся, продолжай двигаться, — шепчет мне в губы, целуя, кусая их. Спускается ниже, захватывает мой сосок, терзая его. Я вроде бы сверху, но вся власть над моим телом у него. Я начинаю теряться в этих ощущениях, пылать. С каждой секундой мой разум все больше покидает меня. Я уже не контролирую себя, просто отдаюсь этому безумию, двигаясь вперед, к наслаждению. Выгибаюсь в его руках. Его руки ласкают мое тело, губы терзают чувствительные соски, больно прикусывая их, даря невероятное наслаждение, заставляя мое лоно сжиматься.

— Ты невыносимо прекрасна, — сквозь шум, нарастающий в ушах, слышу его хриплый голос. Роберт впивается в мои бедра, резче насаживая на себя. Подается вперед глубоко, очень глубоко. Толчки становятся хаотичными, его пальцы сжимают мои бедра. Сама впиваюсь в его губы лихорадочным поцелуем. Целую со всей страстью, от которой меня разрывает изнутри. Роберт со стоном отзывается на мой поцелуй, не прекращая все быстрее и быстрее двигаться во мне. Толчки становятся быстрыми, сильными, безжалостно подводят меня к грани.

— Открой глаза, смотри мне в глаза! — это уже приказ, которому я тут же подчиняюсь. Смотрю в его глаза и вижу в них себя. Он растягивает меня, заполняет, дарит безумное наслаждение, от которого хочется кричать во весь голос. И я кричу ему в губы, а он жадно поглощает мои стоны, забирая их себе. Мое тело изгибается в судорогах подступающего оргазма, я кончаю, рассыпаясь на мелкие осколки, атомы, меня больше нет. Я утонула и растворилась в нем. Роберт делает последний сокрушительный толчок, с рычанием прикусывает мою шею, изливаясь во мне. Тянет меня на себя, вынуждая лечь на его грудь. Запускает руку в мои волосы, нежно перебирает их пальцами.

Мы лежим молча, в полной тишине, но слов не нужно: мы все уже сказали друг другу несколько минут назад. Я слушаю его дыхание, ритм сердца. Вдыхаю его запах — он как всегда пахнет мускусом, сандалом и сексом. Внезапно на меня накатывает неопределенное сильное чувство, оно проходит волной по всему моему телу, разливается, впитывается в меня, проникает в кровь, принося за собой тревогу и страх. Я глубоко вдыхаю, стараюсь спрятать, отогнать от себя эти эмоции. Чувствую, как Роберт целует мои волосы, глубоко вдыхает мой запах, но молчит. Обычно после секса он что-то говорит, спрашивает, как я себя чувствую, шепчет мне что ласковое. Поднимаю голову, смотрю на него, он задумчив, сосредоточен.

— Можно вопрос? — тихо спрашиваю я, заглядывая ему в глаза.

— Тебе все можно, малышка, — проводит пальцем по моим губам.

— Ты говорил, что никогда не любил Елену. Зачем ты тогда женился? — тихо спрашиваю я, опять ложась на его грудь, боясь его реакции на свой вопрос. Я не знаю, что на меня нашло, но мне вдруг становится жизненно необходимо понять его. Роберт долго молчит, резко переворачивается, подминает меня под себя, заглядывает мне в глаза, как будто хочет что-то там отыскать, но молчит. Скатывается с меня, встает, абсолютно голый выходит из комнаты. Ничего не понимаю, в растерянности смотрю ему вслед. Зачем я задала

этот вопрос? Не успеваю я полностью осознать случившееся, как Роберт возвращается назад с сигаретой и пепельницей. Садится на кровать, откидывается на подушки, тянет меня к себе под бок. Прикуривает сигарету, глубоко затягивается, выпуская дым в потолок. Я тянусь за его сигаретой, он не отдает, сам подносит ее к моим губам. Я затягиваюсь, он тут же отнимает ее. Так он делает еще пару раз, тушит сигарету в рядом стоящей пепельнице. И когда я уже не надеюсь на ответ, Роберт начинает говорить, поглаживая мою спину.

— Моя жизнь похожа на подъем в гору, на снежную вершину, большую, недостижимую, и от этого цель становится все желаннее. И ты не успокоишься, пока не добьешься своего, любимыми путями, средствами. Вот идешь к своей цели, забираешься на вершину, сметая всех на своем пути, не думая ни о ком, только о себе. Ты считаешь, что все делаешь правильно. Считаешь себя самым лучшим, удачливым, неважно, что и кого ты теряешь на своем пути. Самое главное — цель. Вершина. И вот, ты добился своего. Достиг цели. Находишься в полной эйфории. Гордишься собой. Ты это сделал. Достиг своего пика. Забрался на свою вершину. А дальше что? — он замолкает.

— Что дальше? — нерешительно спрашиваю я.

— А дальше, Елизавета, спуск вниз. И он гораздо быстрее, чем подъем, — горько усмехаясь, говорит он. Я просто молчу, не знаю, что сказать. Если это ответ на мой вопрос, то он какой-то неоднозначный. Я слышу в его словах какую-то горечь, сожаление. Но вопросов больше не задаю. Он молчит, но его молчаливый взгляд говорит о многом.

— Но судьба расставляет все на свои места, — нарушая тишину, говорит он, ведет пальцами по моему телу, вызывая в моем теле тысячи мурашек.

— Тебе не кажется, что судьба — очень страшное слово? — спрашиваю я, встаю с кровати, опять надеваю его футболку, на что получаю одобрительную улыбку.

— Мне кажется, что мы сами делаем свою судьбу, — задумчиво отвечает он. Подхожу к зеркалу, собираю волосы в высокий пучок.

— Что ты хочешь на ужин? — спрашиваю я, смотря на него через зеркало.

— Все, что Вы мне приготовите, — отвечает Роберт. Встает с кровати, ловит мой взгляд на свое обнаженное тело.

— Елизавета Андреевна, если Вы будете так на меня смотреть, я поужинаю Вами, — говорит он, надвигаясь на меня. Я отступаю, выбегаю на кухню.

Ужин почти готов. Готовлю я его под пристальным наблюдением Роберта, к которому я уже привыкла, и это даже почти перестало меня смущать. Неожиданно раздается звонок в дверь.

— Ты кого-то ждешь? — приподнимая брови, спрашивает Роберт.

— Нет, — я действительно никого не жду. Поэтому и не спешу открывать дверь, в которую продолжают настойчиво звонить. Роберт открывает сам, о чем-то говорит с неожиданным гостем. Через минуту зовет меня. На пороге стоит курьер, в руках у него букет кроваво-красных роз, перевязанных черной лентой. И черная коробка с красным бантиком. Курьер просит расписаться, говоря о том, что заказчик просил передать подарок лично в руки. Кто заказчик он не знает. Я расписываюсь, забираю у него цветы и коробку.

— От кого подарок? — с подозрением спрашивает Роберт, как только курьер уходит.

— Я не знаю, здесь нет карточки. Но могу сказать, что отправитель плохо меня знает. Потому что я ненавижу кроваво-красные розы.

— Интересно, — прищуривает глаза Роберт. — Давай откроем подарок, может тогда станет ясно, от кого он.

— Ревнуешь?

— Безумно! Открывай! — говорит он, указывая на коробку.

Я медлю, сажусь на диван. Мне очень не нравится этот подарок и эти черно-красные цвета меня пугают. Нерешительно снимаю бант, открываю коробку. В коробке белый конверт, достаю его — там фотографии. Не сразу понимаю, что на них. Темное небо, снег, заснеженные деревья, ограда. Мраморная плита, рядом статуэтка ангелочка, надписи красивыми буквами на плите. Я еще не понимаю что это, не могу собрать картинки воедино. Но мое сердце начинает ныть, скулить, замедляя стук, кажется, оно и вовсе перестает биться. Мои глаза бегают от снимка к снимку, на них одно и то же место, но снятое с разных ракурсов, издали, вблизи. В горле застревает ком, который я не могу сглотнуть. В ушах нарастает шум, зрение затуманивается от подступающих слез. Начинаю жадно глотать воздух, потому что не могу сглотнуть. Боль начинает разрывать грудную клетку, потому что ко мне приходит осознание, того, что запечатлено на этих фото. Хаотично вожу пальцем по родному лицу, которое высечено на камне. Пытаюсь прочитать красивые буквы надписи внизу, не могу сложить буквы в слова, слезы которые не произвольно текут из глаз, застилают глаза, понимаю только отдельные слова: «память», «любовь», «маленький ангел». Даты рождения и дата....

Кидаю фото на пол, зажимаю уши руками, чтобы избавиться от оглушающего шума в ушах. Тело тут же сковывает ледяной холод, меня начинает трясти. Хочется сползти на пол и выть от раздирающей боли. Ко мне подлетает Роберт, что-то говорит, потом кричит, но я не слышу его. Он поднимает фото с пола, несколько минут рассматривает их, что-то говорит, говорит, я не слышу. Хочу сказать ему, что не слышу, но не могу — просто шевелю губами, не могу произнести ни слова. Меня трясет от холода. Нет! Нет! Не может быть! Там не он. Это Марк.

Роберт выхватывает из моих рук одно из фото, которое я так и держу в руках, собирает остальные с пола, берет цветы. Несет все это в прихожую, слышу звук хлопающей входной двери. Я не могу дышать, пытаюсь вдохнуть и не могу. Чувствую, как кружится голова, в глазах мутнеет, пытаюсь встать с дивана, пошатываюсь. Мне нужны мои таблетки А дальше меня накрывает спасительная темнота.

Резко открываю глаза от обжигающего хлесткого удара по щеке. Ничего не понимаю, мозг отказывается работать. Пытаюсь сфокусировать взгляд, вижу Роберта, его черные, полные волнения глаза. Подношу руку к пылающей от удара щеке.

— Прости меня, малышка, — тихо и нежно говорит он, целуя мою щеку, прижимая к себе. — Ты просто никак не хотела приходить в себя, — оглядываюсь по сторонам, понимаю, что я дома. Мы на моем диване, Роберт держит меня на руках, как маленького ребенка.

— Что произошло? — спрашиваю его, не узнавая свой голос.

— Ты ничего не помнишь? — смотрит в глаза. Гладит тыльной стороной ладони по моей щеке. Начинаю лихорадочно соображать, что же произошло, напрягая, заставляя работать свой мозг. В моей голове начинают мелькать картинки, одна за другой. Картинки моего ада. Они так ясно вспыхивают, гаснут, выдавая мне все новую и новую фотографию. Из глаз начинают катиться слезы. Боже, откуда у меня столько слез? Они катятся сами по себе, беззвучно скатываясь с моего лица. Я зажмуриваю глаза, пытаюсь их остановить, но ничего не выходит. Роберт вытирает мои слезы, собирает их губами, крепче прижимает меня к себе, качивает на руках. Прижимаюсь к его груди, заливая ее слезами.

— Не надо, малышка, пожалуйста, не плачь, — говорит он в мои волосы, хаотично целуя их. — Я найду эту тварь, которая послала тебе этот подарок, и убью ее! Слышишь меня, маленькая? Только не плачь. Тырываешь мне сердце своими слезами.

— Я больше не буду. Все, я не плачу, — всхлипывая, говорю я, продолжая плакать. — Мне нужны мои таблетки, они там, в ванной, мне нужно их выпить, я усну, и все будет нормально.

— Нет, малышка! Тебе не нужны никакие таблетки. Ты справишься и без них. Ты у меня сильная девочка, — поднимает меня на руки, несет в спальню, укладывает на кровать, накрывает нас теплым одеялом. Обнимает меня, обвивает руками и ногами, как будто боится, что я убегу.

— Закрой глазки и попытайся уснуть.

— Я не могу. Я боюсь.

— Чего ты боишься, маленькая?

— Боюсь, что завтра проснусь и все опять забуду. Опять уйду туда, — я не могу произнести слово «дом».

— Не бойся, я закрою все двери на замки и выкину ключи.

— А если я не вспомню тебя? Буду кричать и требовать, чтобы ты меня отпустил?

— Я успокою тебя. Заставлю вспомнить меня. И ты вспомнишь.

— Обещаешь?

— Обещаю, маленькая. Спи, — он целует меня в висок. Зарывается в мои волосы, нежно перебирает их, поглаживая по голове. Окутывает своим теплом. И как не странно, я засыпаю.

Роберт

Еще не когда я не был так близко к желанию убить Елену. Где-то крошечной частичкой сознания я понимаю, что мне сейчас не стоит к ней ехать. Надо остыть немного, потому что я не знаю, чем может закончиться это визит. Я просто придушу ее. Зверь внутри меня требует свободы, крови, расплаты, сейчас, немедленно и я никак не могу его утихомирить. Как только я увидел, что изображено на этих чертовых снимках, я сразу понял, от кого этот подарок. Мне не надо узнавать, кто его послал. Я знаю точно, что это она. Этой твари просто надоело жить. И мой долг — помочь ей закончить свою никчемную жизнь. Я хотел найти ее в ту же минуту, как только доставили этот подарок. Но я никак не мог оставить Елизавету одну. Я был нужен ей. Утром она не убежала, не забыла меня, но была печальна и молчалива.

И вот сегодня, как только я убедился, что с моей девочкой все хорошо, я мчусь, наплевав на все правила, на бешеной скорости, убивать эту дрянь. Вот я у цели. Вылетаю из машины, даже не закрыв ее. Даже не пытаюсь вдохнуть, успокоиться, это бесполезно. Сейчас мне поможет только немедленная расплата! Расплата за нервный срыв моей малышки. За ее потерянное сознание, за ее горькие слезы. Вбегаю в дом. Тишина. Быстро поднимаюсь на второй этаж, ничего не вижу перед собой, ярость слепит глаза. Влетаю в ее комнату. Никого, полный порядок. Как будто ее и не было в этой комнате. Выхожу в коридор, сталкиваюсь со своим сыном, который несет ко мне. Подхватываю его на руки, прижимаю к себе, целую в пухлые щечки. Вдыхаю чистый детский запах и меня немного отпускает.

— Илюша, а где мама?

— Мамы нет. Она уехала вчера.

— А куда она уехала?

— В Им... — запинаяется он. — В Эм... я забыл. — Улыбаюсь, ставлю его на ноги.

— Ничего. А где Ирина Александровна?

— Она там, в моей комнате. А я твою машину в окно увидел, — Илья берет меня за руку, ведет в комнату. Заходим, находим там няню моего сына, которая складывает постиранное белье моего сына в комод. Здоровуюсь с ней, Илюша бежит показывать мне рисунки, которые недавно нарисовал.

— Ирина Александровна, где Елена?

— Она еще ночью улетела в Дубай, — с недовольством отвечает она, пытаюсь скрыть свою неприязнь, отвернувшись к комоду. Похоже, няня моего сына тоже не ценит так называемую «любовь к сыну» Елены.

— И когда она вернется?! — громче, чем надо спрашиваю я. Елена — умная тварь. Знает, когда надо вовремя исчезнуть. Эта сука чувствует, что находится на волосок от своей расплаты.

— Сказала, что после Нового Года.

— Прекрасно! Соберите мне, пожалуйста, вещи моего сына, я его забираю, — женщина молча кивает, незамедлительно приступает к сборам.

— Папа, мы едем к бабушке на Новый Год?! — оживляется Илюша.

— Да, сынок, сегодня я отвезу тебя туда, а сам приеду через пару дней, как раз к празднику.

Никогда не придавал большого значения новогодним праздникам. С появлением Илюши этот праздник внес некоторые коррективы в мое мировоззрение. Сын многое перевернул в моей жизни в лучшую сторону. На календаре — тридцать первое декабря, на часах восемь вечера, в клубе творится полный хаос в хорошем смысле этого слова. Все готово, через час открытие. Я пробуду здесь еще час, дальше всем управлять останется Яна, которая бегает, как ошпаренная курица, пытаюсь все организовать на уровне. Яна уже десять раз упрекнула меня за то, что я оставляю ее одну. Ну, если отставить ее одну означает, что я оставляю ее с кучей охраны, большим штатом персонала, артистами, танцовщицами, то да — я оставляю одну. У нее все получится. Ей не впервой, и она еще никогда меня не подводила. Не могу понять, откуда у нее это паническое настроение. Остаться я не могу, меня ждет мой сын и Елизавета, которая не знает, что я задумал. Я просто сказал, что ее ждет сюрприз, на что она долго хмурила брови, говоря, что не любит сюрпризы. Она ждет меня к девяти. Сюрприз заключается в том, что я просто посажу ее в машину и отвезу к моим родителям и сыну. Будет сопротивляться — свяжу, но она будет праздновать этот Новый Год со мной и моими близкими.

Захожу в кабинет, наблюдая на мониторе, как толпа вливается в клуб, готовясь оторваться этой ночью по полной. В клубе уже достаточно народу: по данным охраны, уже около четырехсот человек, не считая персонала, и в данный момент он продолжает заполняться. Полный аншлаг.

Ну все, мне пора, меня ждет моя девочка и мой сын. Выхожу из клуба под недовольное бурчание Яны и ее ироничные поздравления с наступающим. Не обращаю на нее никакого внимания, сегодня мне ничто не испортит настроение. Я почти подъезжаю к дому Елизаветы, как мой телефон начинает вибрировать. Это Яна. Я сказал ей беспокоить меня только в крайних случаях.

— Я еще не успел уехать, а у тебя уже настал крайний случай? — насмешливо

спрашиваю я. Но напрягаюсь, когда слышу крики и шум в трубке, и это далеко не радостные возгласы толпы, это настоящая паника. Резко сворачиваю на обочину.

— Яна, что случилось!? Что там у тебя происходит?! — кричу ей в трубку.

— Роберт, клуб горит! Загорелась крыша. Возвращайся немедленно! — в панике кричит мне она, параллельно кричит охране, чтобы открыли все запасные выходы. Бросаю трубку, минуту просто сижу в ступоре, ничего не соображая. Мой клуб не может гореть. Мозг продолжает тупить, но тело реагирует незамедлительно. Резко разворачиваюсь, на полной скорости гоню назад в клуб...

ГЛАВА 13

Роберт

Огонь — это опасная стихия, но в тоже время — сила, мощь. Огонь завораживает, притягивает. Я смотрю на эту стихию, которая в данный момент пожирает мой клуб. Место, которым я гордился, в которое вкладывал все силы и средства.

Вокруг меня бегают Яна, что-то причитая, ругаясь матом, по-моему, даже обращается ко мне. Пропускаю ее слова мимо ушей, смотрю на огонь, сидя на заднем сидении своей машины. Просто наблюдаю.

Вокруг суетятся люди, кто-то снимает на телефон, кто-то делает селфи на фоне пожара. Похоже, завтра это место станет еще популярнее, только вот дохода мне это не принесет. Усмехаюсь сам себе, шарю по карманам в поисках телефона, намереваясь снять мой крах. Телефона нет, похоже, я потерял его, когда вместе с охраной выводил людей из клуба. В горле до сих пор саднит от едкого дыма, ощущаю тяжесть в голове и легкую тошноту, все еще не могу откашляться. Не смотря на то, что мой клуб уже обречен, огонь его не щадит, молниеносно расходится под порывами ветра. Вокруг суетятся несколько бригад пожарных. Хочется крикнуть им «Да ладно, ребята, не старайтесь, пусть горит, к чертовой матери. Все равно спасти уже нечего. Так хоть меньше мусора вывозить будет».

— Яна, в клубе точно никого не осталось?

— Нет. Не должно, ты же сам проверял, — обреченно говорит она, садясь в машину с другой стороны. — Какого хрена ты бегал в свой кабинет, когда там никого не было?

— Надо было забрать кое-что очень ценное, — хлопаю по карману, проверяю, на месте ли заветная коробочка.

— Настолько ценное, что это стоило тебе отравления? Ты вообще мог оттуда не выбраться! — с упреком говорит она.

— Выбрался же, — поворачиваюсь к ней, вся ее белая блузка пропитана дымом и копотью, на лице черные точки от разлетающегося пепла. Впрочем, мой вид не лучше, возможно даже хуже. Снимаю куртку, протягиваю ей, она вся продрогла, ее верхняя одежда осталась там.

— Спасибо, — благодарит она, протягивая мне бутылку виски.

— Я смотрю, ты тоже вынесла кое-что ценное, — беру бутылку, срываю крышку, отпиваю несколько глотков, вытираю рот тыльной стороной ладони, отдаю бутылку ей.

— Этот виски я взяла из своей машины. Завтра к родителям собиралась, это был подарок отцу, — горько усмехается, отпивает из бутылки, морщится, глубоко вдыхает. — Не пойму, какого черта ты такой спокойный? Или ты еще до конца не осознал, что произошло?

— Возможно, и не осознал, а что ты мне предлагаешь делать? Биться в истерике? — забираю из ее рук бутылку, отпиваю еще, смотря на разъезжающихся людей, которые спешат

в другие места. Праздник продолжается! До нового года осталось сорок минут.

— Не биться, конечно. Но ты через чур спокойный. Как будто это не твой клуб горит.

— Моего клуба больше нет. Стоит ли переживать за то, чего нет? — Яна молчит, обдумывая мои слова. Пожар почти потушен, большинство людей разъехались. На обочине стоят две машины скорой помощи. В них несколько девушек, их чуть затоптали. Люди в панике превращаются в безжалостных зверей, каждый думает только о себе. Угарным дымом отравилась пару охранников, но они уже в норме, отдышались.

— Пипец, не думала что вот так останусь без работы, — хмыкаю ей в ответ. Естественно Яну беспокоит только это. Вообще не понимаю, почему она до сих пор сидит со мной. Ведь я уже ей не выгоден.

— Ты лучше мне скажи, какого хрена не сработали датчики дыма?!

— Пожар начался с крыши, там вся проводка. Видимо поэтому и не сработали.

— Яна, это все чушь! Включилось бы автономное, резервное питание. Датчики должны были сработать от него!

— Я откуда знаю, почему они не сработали?! — нервно кричит мне в ответ. Жадно глотает виски, вдыхает воздух от крепкого алкоголя, которой обжигает ей гортань.

— Не переживай, Яна, без работы не останешься, ты — ценный кадр. Поэтому я тебя не отпущу.

— И чем я буду управлять? Вот этим?! — указывает на пепелище.

— Ну, зачем этим. Построим другое. Локация здесь выгодная.

— На что построим?

— Во-первых, клуб был застрахован.

— Думаешь, страховка покроет все расходы и убытки? — усмехается она.

— Нет, Яна, не покроет. Но и я не нищий. А может, и не клуб построим, что-нибудь другое. Так что не переживай, прорвемся, — слегка приобнимаю ее за плечи. Она — все-таки женщина. Женщина, которую я когда-то имел продолжительное время. Женщина, которая, не смотря на свою хрупкость, не поддавалась панике, выводила людей наравне со мной, стойко держалась до последнего. А сейчас ее всю трясет. — Но если ты уйдешь, я все пойму, — говорю ей, забирая бутылку.

— Думаешь, я с тобой только ради денег и выгоды?! — с неким упреком и обидой спрашивает она.

— А разве нет?

— Нет, — как-то обреченно говорит она. — Были у меня на тебя другие планы.

— По-моему, я изначально дал тебе понять, чтобы ты не питала никаких надежд. И ты как вроде бы все понимала.

— Да, но знаешь, мы, женщины, такие существа — говорим одно, а думаем совсем другое, — обдумать ее слова мне не надает неожиданно появившейся Дан. Он осматривает охреневшим взглядом останки моего догорающего клуба, присвистывает.

— Ох**ть! Вот это файер-шоу ты устроил! Покруче салюта на главной площади!

— А то! Мы умеем удивлять, — усмехаюсь я. — Правда, Яна?

— Ну и вид у тебя. Сам лично тушил пожар?

— Ага, почти! Занимался эвакуацией! — усмехаюсь ему в ответ.

— Жертвы есть? — уже серьезно спрашивает он.

— Вроде нет, слава Богу.

— Причины пожара? — Дан включает детектива или мента, который, как бы он не

противился, все равно в нем живет.

— Не в курсе. Пожар с крыши начался, огонь из-за ветра быстро распространился, чертовы пожарные по пробкам долго ехали. Так вот пусть теперь эти эксперты мне и отвечают, какого хрена произошло, и почему не сработала пожарная сигнализация, — объясняю ему, а самого в дрожь кидает, пот холодный выступает — а если мы не всех вывели, если в этой всеобщей панике не заметили кого. Хрен с ним с клубом, он уже сгорел. А вот за людей отвечать придется.

— А сам то, что думаешь, — задумчиво спрашивает он, протягивая мне сигарету. — Само загорелось или помог кто! — прикуриваю сигарету, делаю затяжку, но легкие настолько забиты угаром, что отказывался принимать никотин.

— Не знаю, Дан, не знаю. Может, и помогли, завтра все ясно станет, — смотрю, как пожарные сворачивают работу. Вот и все, от моего клуба остались только обугленные стены и покореженный металл. — А ты что здесь делаешь? — выкидываю сигарету, выхожу из машины к Дану.

— Так мы приехали на шоу посмотреть. — Указывает на машину, стоящую на противоположной стороне. — Но ты, как всегда, впечатляешь шоу-программами, — смотрит на часы. — До нового года осталось шесть минут, — с усмешкой говорит он. Разворачивается быстро идет к машине, на которой приехал. Из машины вываливает уже веселая компания: Ромка, пара девушек. Замечаю среди них малолетку Инну, которая тут же повисает на Дане. Друг что-то им говорит, отдергивает девушку. Открывает багажник, берет пару бутылок, и так же быстро возвращается к нам. В руках у него бутылка шампанского и коньяк.

— Ну что, с наступающим! — открывает бутылку шампанского, передает его вышедшей к нам Яне.

— С наступающим! — бурчит Яна, отпивая шампанское. Дан смотрит на часы.

— Уже с Новым Годом! — говорит он, открывая коньяк, чокается с нами бутылками. Делаю плоток виски, от которого меня начинает тошнить, думаю о моей девочке. Что она сейчас делает? Что себе напридумывала? Я даже позвонить не могу. Телефона нет.

— Дан дай телефон, — он молча протягивает мне аппарат. Набираю номер моей малышки. Город взрывается огнями фейерверков, криками людей. Звонок постоянно срывается.

— Чертова связь перегружена! — говорю Дану, продолжая набирать заветный номер, но там тишина.

— Как говорится, как Новый Год встретишь... — усмехается Дан. Мы уже как полчаса стоим возле моей машины, хлещем коньяк, пытаюсь вызвать такси, которое в это время не так-то просто дожждаться.

— Да иди ты на хрен со своими поговорками! — слегка толкаю его в плечо.

— А вот и команда поддержки прибыла! — недовольно бросает Яна, указывая бутылкой в сторону.

Оборачиваюсь, вижу, как из черной машины выходит моя малышка со своей подругой. Елизавета бежит ко мне. На ней распахнутое пальто, под ним темно-синий брючный костюм, с глубоким V — образным вырезом. В ложбинке между грудями поблескивает мой подарок. Ее волосы собраны в высокий конский хвост. Красивая, и очень взволнованная. Краем глаза вижу, что ее подруга, заметив Дана, тормозит, оставаясь стоять возле машины. Ну, кто бы сомневался! Дан уже получил свое, и, судя по тому, что приехал с Инной, Ксению

он уже вычеркнул из своего списка «достижений». Но мне вообще плевать на них — я застыл на месте от того, что вижу большое волнение в глазах Елизаветы. Она шокировано смотрит на остатки моего клуба, ее взволнованные глазки возвращаются ко мне.

— Роберт, — дрожащим голосом произносит мое имя, кидается мне в объятия. Становится невыносимо хорошо. Плевать на все: на клуб, на деньги. Моя малышка здесь, со мной. Вдыхаю ее чистый запах полной грудью, и дышать становится легче. Она — мой наркотик, моя анестезия, мой воздух. Жметесь ко мне, хаотично глядя руками мою спину.

— С тобой все хорошо? — взволнованно спрашивает она, отрывается от моей груди, гладит по лицу, заглядывает в глаза.

— Все хорошо, сладкая. Теперь все хорошо, — отстраняю ее от себя. — Я испачкал твой прекрасный наряд. Она немного хмурится, осматривает свою одежду, и опять прижимается ко мне. Целую ее волосы, отстраняю от себя. Застегиваю ее пальто на все пуговицы.

— Холодно, а ты опять полураздетая. Так нельзя.

— Ты сам в одном свитере. Где твоя куртка? — переводит взгляд на стоящую рядом Яну, недовольно смотрит на нее, замечая на ней мою куртку. Яна, сучка, ухмыляется ей в ответ, плотнее закутываясь в куртку.

— С Новым Годом! — говорит Яна, салютуя Елизавете бутылкой. Лиза не отвечает, делает вид, что вообще ее не услышала. Моя девочка ревнует. И это так приятно.

— Поехали домой, — говорит Елизавета. Домой! Как сладко звучит это слово. И мне уже все равно, куда мы с ней поедим: ко мне или к ней. Любое место рядом с ней будет домом.

— Поехали, — целую ее вкусные губки, оборачиваюсь к Дану, который прожигает взглядом Ксению, стоящую возле своей машины. Щелкаю ему пальцами, чтобы пришел в себя. Что между ними происходит? Что они не вместе — это понятно. Ксения так и не подошла к нам, а Дан продолжает прожигать ее надменным взглядом. Но я-то его знаю, если бы он вычеркнул ее из своего списка, он бы даже не посмотрел в ее сторону. Наконец, друг приходит в себя, замечая меня.

— Отгонишь мою машину на стоянку, — кидая ему ключи от машины. — И еще одна просьба, довезите Яну домой.

— Сама, как-нибудь доеду, — фыркает Яна.

— Яна, сейчас не время показывать свою самостоятельность. Такси ты не дождешься, так что езжай с Даном, не дури.

— Разберемся, — ухмыляется Дан, подмигивая Яне. Вот и хорошо, пусть разбирается. Беру свою девочку за руку, тяну к машине. Садимся в машину, Ксения за рулем.

— С Новым Годом, — ехидно поздравляет меня эта рыжая лиса.

— Ага, и тебя тоже, — так же со злой усмешкой отвечаю ей, машу рукой Дану чтобы обратить ее внимание на то, что Дан зажимает Инну. И это действует. Ксения сверкает злым взглядом в их сторону, быстро отворачивается, делая вид, что ей все равно.

Обнимаю свою малышку, она уже вся перепачкалась от моей сажи, но все же жметесь ко мне, обнимая.

— С тобой точно все хорошо? Как ты себя чувствуешь?

— Все хорошо, малышка. Не переживай. Чувствую я себя намного лучше, чем выгляжу.

— Как же так? Как загорелся твой клуб?

— Я не знаю. Еще пока не знаю. Загорелась крыша. Но черт, пожар очень быстро распространялся. Да ты и сама все видела. Ты лучше мне скажи, как ты узнала об этом?

— Ты не приехал, я звонила. Твой телефон был не доступен. Я переживала. А потом позвонила Ксюша и сказала, что твой клуб горит, — даже не спрашиваю, как Ксения узнала о пожаре, мне все равно. Самое главное, что Елизавета со мной. Ксения довозит нас до дома Елизаветы. Моя малышка из вежливости предлагает ей зайти, Ксения отказывается. Заметно, что между ними натянутые отношения.

— Что происходит с твоей подругой? — интересуюсь я, как только мы пересекаем порог квартиры.

— Ничего. Все нормально, наверное. Я еще с ней не разговаривала.

— Понятно, так получается ты на стороне Алексея? — мне совсем не нравится ее привязанность к этому мужчине. Ревную ли я? Да, я ревную. Хотя понимаю, что моя ревность беспочвенна. Но все же, ничего не могу с собой поделать.

— В данной ситуации, да, я на его стороне, — недовольно заявляет Елизавета. Выкладывает из кармана пальто свой телефон, и я вспоминаю, что меня ждет мой сын. Я обещал ему провести этот праздник вместе.

— Можно воспользоваться твоим телефоном? Мой, похоже, сгорел.

— Да, конечно, — Елизавета протягивает мне телефон, и я благодарю Бога за то, что моя мать не меняет свой номер уже несколько лет, и я с легкостью его вспоминаю.

— Алло, мам, это я, — говорю, как только она поднимает трубку.

— Роберт, ты где? С тобой все в порядке?! — слышу взволнованный голос матери.

— Да, мам, уже все хорошо. На работе возникли кое-какие неприятности. Я никак не мог вырваться.

— Я так волновалась. Звонила тебе, но твой телефон отключен. Илюша постоянно спрашивал, когда ты приедешь. Что за неприятности? С тобой все хорошо? Где ты? — это так похоже на мою маму, когда она переживает, то задает сразу все вопросы.

— Мам, я говорил тебе, что люблю тебя?

— Роберт, не заговаривай мне зубы! Отвечай на мои вопросы! — требует она, чем вызывает мою улыбку.

— Мам, со мной все хорошо. Я завтра приеду и все объясню. Передай Илюше утром подарки, которые оставлял.

— Так я ему уже все отдала. Сказала, что от тебя. Он был такой расстроенный, — с грустью улыбаюсь. Ко мне тихо подходит Елизавета, берет за руку. Ведет в ванну.

— Ладно, мам мне пора. Я завтра обязательно приеду!

— Хочешь поговорить? — спрашивает Лиза, когда заводит меня в ванну. Берется за край моего уже совсем не белого свитера, тянет вверх. Помогаю ей стянуть его с меня.

— Нет, Елизавета, не сегодня, — моя девочка все понимает, молча кивает в ответ. Смотрю на нее, она готовилась к моему приходу — на ней элегантный и, в тоже время, сексуальный темно-синий костюм, который открывает прекрасный вид на ее грудь и обтягивает ее аппетитную попку.

— Прости, малышка, праздник сегодня не состоялся, — говорю я, расстегивая пуговички на ее пиджаке, под которым только черное кружевное белье.

— Ну что ты говоришь? За что просишь прощение? Я так испугалась, когда Ксения сказала, что твой клуб горит. Твой телефон был отключен и я... — ее голос срывается.

— Тсс, — прерываю ее, прижимая к себе. — Все хорошо.

Елена

Мне двадцать восемь лет и в мое жизни есть все. А если чего-то нет, то оно обязательно

будет. Так было всегда, с самого моего рождения. Я — единственная дочь в семье, после моего рождения мать так и не смогла больше забеременеть, по каким бы клиникам не таскал ее мой отец. А я была этому рада, я не любила и не хотела ни с кем делиться ничем — ни вещами, ни вниманием родителей. Я всегда знала, кто мой отец и на что он способен. Я видела это по людям, окружающим его, заискивающим с ним, готовым целовать его руки, а если понадобится — и туфли. И мне это безумно нравилось, я чувствовала себя особенной, принцессой. Моя мать иногда в шутку называла отца королем, он смеялся и называл нас своими королевами. Я всегда знала: стоит мне лишь попросить отца, и я все получу. Мои желания исполнялись всегда. Я не отказывала себе ни в чем. В детстве это были игрушки и платья. Сейчас детские игрушки заменили взрослые. Но не спешите меня осуждать и называть избалованным ребенком. Задумайтесь на секунду, если бы у Вас была такая возможность получать все, что вы хотите, разве Вы бы этим не пользовались? Если Ваш ответ — нет, то Вы — лицемеры!

Но, как всегда, бывает главное, что Вы хотите — бесценно, невозможно купить, я поняла это только сейчас. Раньше я думала, что купить можно все. Абсолютно все! И до последнего времени мои убеждения меня не подводили.

Мысли начинают путаться в голове, в висках ощущается давящая боль. Вытряхиваю сумку в поисках порошка. Черт, в спешке я взяла не ту сумку. Достая сигареты, жадно затягиваюсь, но никотин не помогает.

— Красиво горит, — констатирует мой водитель — охранник, а по совместительству любовник-сообщник. Иногда меня начинает от него тошнить, хочется блевануть на него во время секса. Но он пока мне нужен. Я всегда умела манипулировать людьми, начиная с детства, где практиковалась на родителях и так называемых друзьях. Ко всем можно найти свой подход. Таким как Вадим, много не надо. Но для моих целей денег ему не хватило, пришлось его мотивировать сексом. Наивный идиот поверил в то, что, такая как я, будет с таким как он.

— Да, красиво, — отвечаю ему, рассматривая свою цель. Роберт — прямо супермен, герой, кинулся спасать никчемных людишек. Хотя я не верю в его благородные цели, скорее он переживал за свою шкуру. Ведь увечья и жизнь людей повесят на него. Зря он переживает, он не нужен мне за решеткой. Завтра эксперты определят, что это был несчастный случай. Из-за ветра оборвались провода замкнулись на крыше. Неисправность сигнализации повесят на пожарных-проверяющих, а точнее на их техника, который не заметил поломку.

Возле моего мужа бегают потаскушка-Яна. Я слишком поздно про нее узнала и, когда у меня уже был готов план по ее устранению, Роберт сам ее бросил. На минуту мне кажется, что Роберт замечает меня: он резко оборачивается и смотрит в нашу сторону, мне даже кажется, что он смотрит мне в глаза. Но это невозможно — наша машина стоит далеко, она ему не знакома, да и стекла у нас зеркальные. Надеюсь, он поверил, что я в Эмиратах, хотя кто его знает, мне никогда не удавалось прочесть его до конца. Когда мне казалось, что я знаю про него все, он подкидывал мне очередной сюрприз. Но этим он притягивал еще сильнее.

Он долго смотрит в нашу сторону, смотрит таким взглядом, от которого хочется бежать. Я всегда его боялась, боялась черного взгляда, тона этого его ледяного, от которого мороз по коже проходил. Сдержанного, как затишье перед бурей. Но мне всегда нравилось выводить его из себя. Я боялась его, но провоцировала, потому что секс с ним, когда он в ярости,

всегда сносил мне крышу. Меня заводило, как он доказывал мне в постели, кто здесь главный, поработал, унижал, а я покорялась, сдаваясь. Он всегда любил такие игры.

Неужели почувствовал? Нет. Отвернулся. Садится в машину рядом с Яной. Хорошо. Все идет по плану. Вот и дружок нарисовался, черт бы его побрал. Прикрыть бы его шарашкину контору. Следопыт хренов. Хотя нельзя его недооценивать, свое дело он знает хорошо. Вот кого надо в сообщники брать. Но тут не выйдет, у них непонятная дружба, в которую я не верю. Ну, выгоду Роберта от этой дружбы я понимаю. Но Дан, что ему-то надо? Бегает, как преданная шавка, выполняет команды. А главное, ничего не требует взамен.

По телу проходит дрожь, кидает в холодный пот, головная боль усиливается. Мне срочно нужен порошок. Роберт прав, я становлюсь зависимой. Но он сам в этом виноват. Раньше я получала свой кайф, адреналин от него. Он лишил меня его.

— Ладно, Вадик, поехали, — мы выворачиваем на обочину, и тут я замечаю ее, эту серую мышку. Она вылетает из машины и несется к моему мужу.

— Останови! Останови немедленно! — кричу Вадиму, он резко тормозит, меня кидает вперед от резкого торможения. Но я успеваю опереться руками о панель. Сжимаю кулаки с такой силой, что мои ногти впиваются в кожу. Маленькая ненормальная шлюшка кидается в объятия моего мужа. МОЕГО. А он сжимает ее в ответ, целует. У меня перехватывает дыхание, накатывает гнев, злость, ярость. Подавляю порыв выбежать и оттащить эту шлюшку за волосы. Унизить, сделать больно, чтобы никогда не смела прикасаться к моему мужу. В эту минуту я ненавижу их обоих. Она льнет к нему как облезлая кошка, а он смотрит на нее таким щенячьим взглядом. Я больше не могла на это смотреть. Закрываю глаза.

— Поехали, — Вадим кладет руку мне на колено, ведет выше, задирая мое платье.

— Куда поедем? Ко мне или в гостиницу к тебе? — ненавижу этот его приторный тон. От его голоса режет уши.

— В гостиницу! — скидываю его руку. — И я останусь там одна. Мне надо подумать. Мне нужен новый план, — так не пойдет все, что я задумала, может и эффективно, но долго, не могу больше ждать. Нужно что-то делать сейчас. Когда Роберт все поймет, а он поймет, если уже не понял, он точно меня убьет.

Еле как отделяюсь от навязчивого Вадима. Пришлось выдержать его слюнявый поцелуй, после которого хотелось немедленно прополоскать рот. Захожу в свой номер, включаю только тусклый светильник, задергиваю шторы, ищу свою сумку. Нахожу в ней пакетик кокса, карту. Делаю пару дорожек на стеклянном столике. Вытаскиваю банкноту из кошелька, скручиваю в трубочку, вдыхаю первую дорожку, вздрагиваю, закатываю глаза, повторяю тоже самое со второй дорожкой. Резкий, оглушающий холодок заставляет мое тело вздрогнуть, лицо немеет. Откидываю голову на спинку кресла, ДА! Наступает долгожданная эйфория. Все становится на свои места. Ощущается прилив бодрости, ясность ума. Вот теперь можно подумать.

Встаю с кресла, наливаю себе вина. Раздеваюсь, беру бокал вина, иду в ванну. Наполняю ее водой, добавляю пены. Опускаюсь в воду, пью вино. В голове вспыхивает картинка того, как Роберт обнимает и целует свою серую мышку. И что он нашел в этой психопатке? Потянуло на неуравновешенных женщин? Да если и так, он слишком долго с ней. И, похоже, не собирается ее бросать. А как он взбесился, когда я говорила о ней. Черт, неужели и в правду влюбился. Это — проблема. Я не знаю, какой он, когда любит. Меня он не любил. Горечь, обида, вместе с яростью опять накатывают волнами. Спокойно, надо успокоиться. Решение надо принимать с холодной головой. Отпиваю еще вина. Нужно что-

то кардинальное и быстрое. Мой нынешний план хорош. Лишить Роберта его клуба, потом отрезать все его связи, перекрыть счета. Он останется ни с чем. Нищим. Серую мышку тоже немного потерпеть, свести с ума. Но на это надо время, за один день это не провернешь, а времени у меня мало. Потому что Роберт не дурак и не сидит на месте, у него тоже свои планы. И кто его знает, возможно, его планы окажутся лучше. Я, конечно, могла бы вмешать отца. Но есть одно «но»: придется рассказать ему о настоящей супружеской жизни его дочери. Отец меня любит, он уничтожит их в два счета. Но тогда с Робертом я уже не буду, да и Роберт, скорее всего, тоже исчезнет навсегда. У моего отца не бывает мягких решений. У него — все кардинально. Он изначально не одобрял мой выбор. Со временем, конечно, Роберт втерся к нему в доверие, даже понравился ему своей напористостью, твердым характером. Настолько, что отец впустил его в свои дела. Дал заработать неплохо. Мой отец старых устоев, он считает, что если девушка выходит замуж, то ее муж должен сам ее обеспечивать. Он дал Роберту возможность меня обеспечить. Позволил ему поднять свой капитал, не всегда честными методами. Но, как любит говорить мой папа, на честную жизнь честно не заработаешь. Роберт слишком привык к деньгам и связям. Лишь то, что он является зятем Соколова, открывает ему все дороги. Если он все потеряет — он прибежит ко мне. Он слишком привык к такой жизни и уже не может от нее отказаться. И тогда он прибежит ко мне, и я буду наслаждаться своим триумфом. Он никогда не сменит свою идеально белую рубашку на унылую жизнь. Любовь к белому ему привила работа на моего отца: на темной одежде можно не заметить пятен крови, а вот на идеально белой она заметна всегда, даже если это маленькая капелька.

А с другой стороны, пока я осуществлю свои планы, возможно, мой муж готовит свои. Это может ударить по мне. Надеюсь, его сейф с компроматом сторел. А если нет. Если у него есть копии? Думай, Елена, думай. Нет безвыходных ситуаций. Боже, как я хочу, чтобы его серая мышка просто исчезла, растворилась, как будто и не было ее никогда.

Да, вот оно! Это идея! Все гениальное — просто. Она просто должна исчезнуть. Исчезнуть так, чтобы ее никто никогда не нашел. Ты гениальна, Елена! Все намного проще, чем ты думала. А теперь мне нужен Вадим. Нужно действовать быстро. Это надо сделать завтра, пока Роберт думает, что я в Эмиратах.

Елизавета

Утром Роберт уехал за своей машиной. Он сказал, что у него есть кое-какие дела, но он вернется после обеда. Велел быть готовой. Сказал, что обещанный сюрприз не отменяется, он просто откладывается до сегодняшнего вечера. Я не смела возражать ему. Его клуб сторел, он был немногословен, молчалив, но так спокоен, как будто и не случилось ничего. Мне кажется, я переживала больше, чем он. Это было довольно раскрученное и популярное место, говорящее о том, что в него вложили очень много сил и денег. И тут я понимаю, что совершенно не знаю его характер, не могу определить его реакцию на то или иное событие. Может, его молчаливость и спокойствие говорит о том, что он сильно переживает? Я ждала его весь вечер, звонила, телефон был не доступен. В какой-то момент я даже злилась на него. В конце, когда я совсем отчаялась и пришла к выводу что, мы, в конце концов, ничего друг другу не должны, мне позвонила Ксюша и сообщила, что «Чикаго» горит. В этот момент мое сердце остановилось. Он был в клубе, он звонил мне оттуда, а потом его телефон стал недоступен. Невозможно передать словами мои ощущения в тот момент. Страх, панический ужас овладел мной. Моментаً выступил холодный липкий пот, земля уходила из-под ног, я впала в оцепенение, в ступор. Ксения что-то кричала мне в трубку, но я

ее не слышала, я боялась за НЕГО. Я сорвалась с места, накинув первое попавшееся пальто. Слава Богу, моя подруга очень хорошо меня знала, она поймала меня по дороге, потому что я бежала по обочине, никак могла поймать ни одного такси. Я отчаянно не понимала, почему на дороге так мало машин. Это сейчас, когда я анализирую произошедшее, я понимаю, что в это время наступил Новый Год. Когда я увидела его и убедилась, что с ним все в порядке, у меня подкосились ноги от облегчения. В голове пульсировала только одна мысль — с ним все хорошо. Все хорошо. От моих мыслей меня отвлекает звонок в дверь. Заглядываю в глазок, вижу пожилую женщину. Открываю ей дверь, краем глаза замечаю мужчину в черном, но тут же чувствую резкую боль в голове и проваливаюсь в темноту. Мне кажется, я лечу в пропасть...

Медленно прихожу в себя, а скорее всего, в себя меня приводит головная боль. Такое ощущение, что мою голову сжали в тисках. Перед глазами все плывет, не понимаю где я, пытаюсь сфокусировать взгляд. В помещении полумрак, единственный источник света — маленькое окно. За ним сумрак. Дышать тяжело, не сразу понимаю, что мое дыхание затрудняет заклеенный рот. Дергаюсь и не могу пошевелиться. Руки связаны за спиной настолько сильно, что мои кисти занемели. Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь разглядеть, где я. Страха еще нет. Ничего не ощущаю, просто пытаюсь понять, где я. Комната маленькая — не смотря на полумрак, я вижу обшарпанные грязные стены, в воздухе витает запах плесени и сырости. Из-за нехватки кислорода часто дышу носом, но от этого становится еще хуже. Я лежу на железной ржавой кровати. Подо мной сбитый влажный матрас, и я понимаю, что источник плесени и затхлости — именно он. Моя одежда пропитана сыростью. Постепенно начинаю ощущать свое тело. Холодно, очень холодно, мое тело немеет. Не верю в происходящее. Это сон, наверное, просто сон. Новый кошмар. Становится страшно, так страшно, что внутри все скручивает от ужаса. Страх и паника приводят в действие мое тело. Начинаю дергаться. Но ничего не выходит. Пытаюсь перевернуться. Вокруг — звенящая тишина, которая вызывает еще большую панику. В попытке перевернуться падаю с кровати, ударяюсь головой, которая и без этого болит. Удар вызывает резкую стреляющую боль, от чего, кажется, что пронзает током. Слышу тяжелые шаги за дверью, лязгающий звук открывающегося замка, пытаюсь сесть, прижимаю колени к груди. В комнату входит мужчина во всем черном. Черная шапка натянута до бровей, он осматривает меня. В темноте я вижу только его черный силуэт, но чувствую, что он смотрит мне в глаза. Мужчина включает свет. Но лучше бы он этого не делал. Помещение, а точнее сказать, коморка, выглядит как пристанище бомжей. От яркого света слепит глаза, вызывая стреляющую боль в голове. Стараюсь успокоиться, не паниковать. Смотрю на мужчину, он ухмыляется, осматривая меня засаленным, противным взглядом. Пытаюсь рассмотреть его, понять, почему меня похитили? Просто так ведь этого не делают, ему что-то надо от меня. Но я его не знаю. Мужчина высовывается в дверь.

— Она очнулась! — кричит он кому-то. Слышу стук каблуков, в дверях появляется женщина. Не сразу узнаю ее, а точнее никак не могу осознать, что это Елена. На ней длинная шуба, в которую она кутается. Мельком смотрит на меня, поворачивается к мужчине.

— Оставь нас одних, — мужчина наклоняется к ней, что-то шепчет на ухо и уходит, закрывая за собой дверь. Елена брезгливо осматривает комнату, морщит нос от неприятного запаха, обжигает меня презрительным взглядом, от которого чувствуешь себя маленькой, жалкой. Она просто смотрит на меня долго, пристально, Рассматривает каждый сантиметр

моего тела. Я начинаю дрожать, уже не от страха, а от холода, пытаюсь взять себя в руки, но никак не могу прекратить трястись. Елена открывает дверь, выходит в темный коридор.

— Вадим! — кричит она. — Принеси обогреватель, а то эта мышка вырубится раньше времени, — усмехается она. Смотрит на меня таким взглядом, что становится жутко. Что ей надо от меня? Что она хочет сделать со мной? В ее глазах — наслаждение. Наслаждение моей болью и страхом. Она будет мне мстить, мстить за мужа. На глаза наворачиваются слезы от ужаса происходящего. Мужчина приносит маленький обогреватель-вентилятор. Ставит его посреди комнаты, направляя теплый воздух в мою сторону. Становится немного теплее, но дрожь все равно не проходит. Теплый воздух усиливает затхлый запах, меня начинает тошнить.

— Все, иди. — Елена обращается к мужчине. — Не заходи сюда, пока я не позову. — Мужчина уходит, прикрывая за собой дверь. Елена подходит ко мне, наклоняется, смотрит в глаза.

— Страшно, да? — спрашивает меня, растягивает слова, почти шипя. Ее глаза затуманены гневом, злостью, в них сверкает пренебрежение. Моя паника достигает своего пика, я задыхаюсь, дергая головой. Пытаюсь освободить занемевшие руки. Закрываю глаза, чтобы не смотреть на нее. Слышу, как Елена отходит от меня. Какой-то шорох и шуршание. Открываю глаза, вижу, как Елена насыпает белый порошок на руку, втягивает его носом, слегка вздрагивает, запрокидывает голову. На ее лице появляется блаженная улыбка. Она пододвигает стул, садится рядом со мной, прикуривает сигарету, затягивается, смотрит на меня.

— Вот скажи мне, мышка. Что есть в тебе такого, чего нет у меня? Что ты такого вытворяешь в постели? Хотя нет, ничего такого ты не можешь. Ты просто маленькая никчемная шлюшка. Я знаю, почему он на тебя кинулся. Мужики не любят сильных женщин, таких как я. Им нужны слабые серые мышки как ты. Такие как я, могут сожрать. Нам надо постоянно доказывать свое превосходство. А с такими мышками как ты, не надо — вы сразу покоряетесь. Я права? — вскидывает брови, слегка улыбаясь, — Права! — сама себе отвечает она, проводит алым ногтем по моей щеке, слегка царапая.

— А я ведь предупреждала тебя. Давала шанс. А ты не послушала меня. Так что, все по честному. — размахивается, бьет меня щеке с такой силой, что моя голова резко отклоняется в сторону. Щека горит огнем, непроизвольно начинают бежать слезы. Елена докуривает сигарету, кидает ее на пол, тушит, придавливая сапогом. Наклонятся ко мне. Вжимаюсь, боясь очередного удара, но она резко срывает с моего рта скотч. От острой обжигающей боли вскрикиваю, глотая недостающий воздух.

— Можешь кричать, сколько угодно. Тебя все равно никто не услышит. Мы далеко, — смеется она. — Да не бойся ты так. Я же облегчаю жизнь нам обоим. Помнится мне, ты хотела к своему мертвому мужу и ребенку. Так я отправлю тебя туда, — мое сердце останавливается, я перестаю дышать, слышу нарастающий шум в ушах. Оглушительный шум. Боль в груди разрастается, заставляя корчиться, скулить. Елена еще раз бьет меня по другой щеке.

— Успокойся, не время для припадков. Мы еще не поговорили.

— Нам не о чем разговаривать! — кричу ей.

— Ну как же не о чем? Да приди ты в себя! Прекрати скулить, мышка! — тянет ко мне руку, я пытаюсь отшатнуться, но она ловит меня за волосы, притягивает к себе, разжимает пальцы, слегка поглаживает по голове. — Больно тебе, мышка, больно? — спрашивает

меня. — Вот и мне больно. Всю жизнь больно, — продолжает, не дожидаясь моего ответа. — Всегда было больно знать, что он с другими. Но с тобой в десять раз больнее, — говорит она, продолжая гладить по голове. — Не плачь мышка, скоро все закончится, боль уйдет. Я облегчу ее, прекращу. И нам обоим станет легче.

Елена убирает руку с моих волос. Встает со стула, выходит из комнаты. Я пытаюсь дышать глубоко, перед глазами все плывет. Мне кажется, что я вот-вот отключусь. Я даже хочу этого, чтобы ничего не чувствовать. Все мысли в голове смешаны, хватаюсь за одну из них. Елена сказала, что поможет мне облегчить мою боль, поможет встретиться с Марком. Я хочу, чтобы она это сделала, чтобы боль и агония прекратилась. Я успокаиваюсь, глубоко вдыхаю, все скоро закончится. В голове возникает образ Роберта. Он сильный, он справится, он поймет меня. Ему есть, ради кого жить. А я должна уйти.

Елена возвращается. В ее руках — бутылка красного вина. Она отпивает из бутылки, достает еще один пакетик с белым порошком, повторяет процедуру. Опять садится напротив меня.

— Он обвиняет меня в том, что я нюхаю вот эту дрянь. Вот скажи мне, мышка, разве он имеет на это право, когда сам посадил меня на него? Не в прямом смысле, конечно, но все же, — усмехается она. Ее глаза не блестят больше гневом и яростью. В них абсолютная пустота. — Хочешь сказку? Такие мышки как ты любят сказки, — я смотрю на нее и мне уже все равно, что она несет, я хочу, чтобы она побыстрее с этим покончила. Елена отпивает еще вина, отворачивается от меня, смотрит в стенку.

— Жил был король, и была у него единственная дочь — принцесса, красивая, умная. Король ее очень любил, не отказывал ей ни в чем. Когда принцесса подросла, к ней начали ходить свататься разные принцы. Но принцессе они были не интересны. Они были скучные и однообразные. Принцесса вообще не хотела замуж. Ей и так было хорошо. И вот однажды, принцесса встретила одного... — она останавливается, долго мочит. — Назовем его молодым хищником, например, тигром. Ведь это наша сказка, мы можем называть его как хотим. Тебе нравится это определение? — я молчу, мое сознание плывет, я словно в тумане. — Отвечай! Тебе нравится тигр?! — кричит она. — Молчишь! Ну молчи, мышка, молчи и слушай. Так вот, тигр был молод и красив. Он был черным тигром. Хотя черных тигров не бывает, но в нашей сказке будет! Тигр был с подругой принцессы. Он очень понравился принцессе, понравился до дрожи, от одного его взгляда подкашивались ноги. Тебе знакомо это чувство, мышка? Конечно, знакомо! — усмехается она. — Но тигр не обращал никакого внимания на принцессу. Но ведь принцесса привыкла получать все, что захочет, а она его хотела, очень хотела. Принцесса устранила подругу. Сделала так, что тигр сам ее вышвырнул. А принцесса помогла ему. Вот тогда тигр и обратил свое внимание на принцессу. Только принцесса еще не догадывалась, что тигр узнал, что она дочь короля, и только поэтому она стала ему интересна. Принцесса тогда вообще ничего не замечала. Тигр околдовал ее. Он то дарил мимолетную ласку, то с презрением отталкивал ее. И от этого становился еще желаннее. Мы всегда хотим того, чего у нас нет.

Принцесса забыла, что она принцесса, и выполняла все желания тигра. Бегала за ним на край света лишь только за его мимолетную ласку, грубую, жесткую ласку, которая лишала принцессу рассудка. Она горела в черном огне. Король был против того, что принцесса встречается с нищим тигром. Король хотел, чтобы его дочь вышла замуж за достойного ее принца. Но принцесса не послушала отца и сбежала из королевства вместе с тигром. Сбежала в его нищету. Но тигр, он хитрый, он все предусмотрел: у него был свой коварный

план. Тигр сделал принцессе предложение. Принцесса летала от эйфории и счастья, конечно же, она согласилась. Когда король узнал об этом, он пригласил ее и тигра к себе в замок. Ведь он любил свою дочь и хотел, чтобы она была счастлива. Тогда он сказал принцессе, чтобы она подумала, подумала хорошо, хочет ли она на самом деле стать женой тигра, ведь назад дороги не будет. Принцессы выходят замуж раз и навсегда. Принцесса убедила короля, что это все, что она хочет. И тогда король согласился, он одобрил их брак. Королю даже понравился тигр. Тигр оказался хитрым, он втерся в доверие короля настолько, что король пустил его в свои королевские дела. Король подарил молодоженам замок. В день свадьбы король сказал своей дочери, что теперь она должна слушаться тигра и быть ему хорошей женой. И зажили они счастливо, но так казалось только принцессе, она не видела корыстных интересов черного тигра. Принцесса рассказывала ему все, что знала о короле и его королевских делах. Король поручал тигру свои дела, ведь он хотел, чтобы его дочь не нуждалась ни в чем. Король сделал из молодого тигра настоящего хищника, его все боялись и уважали, ведь он был опасным хищником.

Королевские дела далеко не благородные. А ты знаешь, мышка, что у тигра лапы по локоть в крови? Что он безжалостно выполнял все поручения короля, тем самым заслуживая его доверия. Знаешь, что он не чистый и благородный, каким хочет казаться?! — Елена опять срывается, кричит. Подходит ко мне, хватая за подборок, заставляет смотреть на нее. В ее глазах опять ярость, злость. — Ну что ты молчишь, мышка, не нравится сказка, не такой уж и идеальный тигр, да!? — я не знаю, что ей ответить, я просто ей не верю, Роберт не такой. Да, он местами жесткий и властный. Но про какую кровь она говорит? Я перестаю понимать ее сказку. Я не хочу больше ее слушать. Мне хочется тишины и покоя, вечного покоя. Мне кажется, что я вот-вот отключусь. Но мой организм издевается надо мной, оставляя меня в сознании.

— Елена, я не хочу слушать никаких сказок, просто покончи с этим быстрее, — говорю ей осипшим голосом.

— Что мышка, не терпится попасть на небеса? Не волнуйся, ты скоро там окажешься, я даже сделаю это безболезненно для тебя. Но сказку все-таки придется дослушать, — она отпивает еще вина из бутылки, прикуривает очередную сигарету. — На чем я там остановилась? Ах, да. Так вот, все было хорошо, тигр получил все, что хотел. Принцесса тоже была счастлива. Но, через какое-то время принцесса стала замечать, что тигр все меньше и меньше интересуется принцессой, он стал часто пропадать, не появлялся дома. Он охладил к принцессе. Что только принцесса не делала. Однажды принцесса пригласила подругу, что бы разделить постель с тигром. Тигру очень понравилась эта игра. Но он быстро наигрался, ему все это наскучило. Тогда принцесса совсем отчаялась. Однажды она заметила, как тигр был рад за своего друга, у которого родился сын. И что, ты думаешь, сделала принцесса? Правильно! Она забеременела, втайне от тигра. Когда тигр узнал, что принцесса беременна, он был рад, настолько рад, что первые два месяца настаивал на аборте. Но принцесса не сдалась, не смотря на то, что он не поддерживал ее всю беременность, пренебрегал ей и еще не родившимся ребенком. Но все мучения принцессы были не зря, как только тигр взял на руки их новорожденного сына, она увидела перемену в его глазах, увидела его слезы радости. Принцесса поняла, что победила, тигр полюбил ребенка, он был сумасшедшим отцом. Принцессе даже показалось, что он полюбил ее. После королевских поручений тигр мчался домой, проводил много времени с ребенком и принцессой. Ребенок многое поменял в жизни тигра, он даже решил отказаться от

королевских дел, решил стать честным, отчиститься от грязи, и король его понял, понял как отец. Король желал счастья своей дочке и внуку и отпустил тигра в честную жизнь. К тому времени, черный тигр достаточно заработал, и смог спокойно уйти в легальный бизнес. Когда сыну тигра исполнилось три года, принцесса стала опять замечать, что тигр стал отдаляться от нее, гулять на стороне, заводить себе каждую неделю новую шлюшку. Принцесса негодовала, закатывала истерики, но тигру было все равно, он смеялся ей в лицо, и жестко пресекал все истерики, пока, в конце концов, не ушел от принцессы в свою пещеру. Сына он любил, но принцесса стала ему не нужна. Принцесса отчаялась, все больше и больше погружаясь в депрессию. Но ее спасал белый чудесный порошок, после которого жизнь казалась более ясной и радужной, чем была на самом деле. Ведь тигр был ее жизнью, ее наркотиком, ее адреналином. Она надеялась, что все изменится, что тигр, в конце концов, нагуляется и вернется к ней. И она ждала, долго ждала. Не рассказывала ничего королю, не жаловалась. Король любил дочь, он мог за нее уничтожить того, кого она любила.

Но вот однажды, тигр встретил серую, никчемную, ненормальную мышку! — ее отрешенный голос опять переполняет гнев. Елена отпивает еще вина. Швыряет бутылку в мою сторону, которая разбивается о стену над моей головой. На меня летят осколки и брызги вина, один из маленьких осколков впивается мне в щеку. Я вижу что-то страшное в глазах Елены, от ее взгляда хочется кричать от ужаса, кажется, что она не в себе и может сделать со мной все, что угодно. Моя смерть уже не будет безболезненной, как она обещала. Во мне снова поднимается панический ужас, шум в голове нарастает, сердце отбивает грудную клетку. Становится страшно, очень страшно от незнания того, что может сделать эта женщина. А ее глаза обещают мне многое, я вижу в них все круги ада.

— А знаешь, что самое смешное, мышка? То, что принцесса сама привела тигра в норку к мышке! Он не хотел ехать в твое захудалое кафе, но я настояла на этом, давила на его отцовскую любовь. Он любит сына и сдался. Если бы я знала, чем обернется эта поездка в твое кафе, — Елена начинает смеяться истеричным, страшным смехом, от которого я зажмуриваю глаза. Мне хочется зажать уши руками, чтобы не слышать ее. Но мои руки крепко связаны и от того, что я дергаюсь, пытаюсь освободиться, их затягивает еще больше, я уже практически их не чувствую. Елена вдруг резко прекращает смеяться, соскакивает со стула, от чего тот опрокидывается, подлетает ко мне, сжимает мои щеки двумя руками, сильно сжимает, смотрит мне в глаза, я чувствую ее тяжелое дыхание.

— Скажи мне, мышка. Какой он, когда любит?! Какой?! Он нежный и ласковый, он страстный?! Каким блеском горят его глаза!? Скажи мне, мышка, как любят хищники?! — кричит мне в лицо обезумевшим голосом. Мне хочется крикнуть ей в ответ, что хищник нежен и ласков, что в его глазах горит страсть и раскаленная лава, в которой хочется сгореть. Я только сейчас до конца осознаю его любовь ко мне. И мне становится больно, больно от того, что я не могла ответить на его любовь. Из глаз катятся слезы горечи, что я никогда больше не смогу почувствовать его обжигающую, но спасительную для меня любовь. Хочется в последний раз заглянуть ему в глаза, но этой возможности у меня уже не будет. И мне уже все равно, что несла здесь Елена о его жизни, о его грязи и пороках. Я хочу в последний раз почувствовать тепло моего черного тигра.

— Ну что же ты молчишь, мышка?! Ты же знаешь, как он любит! Расскажи мне, просто расскажи, я хочу знать! — я вижу, как ее красные глаза наливаются слезами. Елена продолжает сдавливать мои щеки, ее глаза хаотично бегают по моему лицу. — Скажи мне, мышка, как влюбить в себя черного тигра?! Тебе же уже все равно, тебя не станет. Раскрой

мне этот секрет перед смертью. Раскрой, и я отправлю тебя к твоему мужу! — я глотаю слезы, в горле стоит ком, который я не могу сглотнуть, становится нечем дышать. Двери комнаты резко раскрываются, в них влетает мужчина.

— Елена, пора заканчивать! Мои ребята только что мне сообщили, что твой муж направляется сюда. Он нас нашел! — Елена как будто не слышит его, продолжая смотреть мне в глаза. — Елена, нам надо уходить, пока не поздно! Ты слышишь меня? Надо заканчивать с этим, пока твой муж еще далеко и мы можем уйти! — Елена отпускает меня, медленно встает, поворачивается к мужчине, протягивает руку. Мужчина молча вытаскивает из-за пояса пистолет, отдает его Елене. Она берет, направляет его на меня, целится. Я смотрю в глаза своей смерти, но я ее не боюсь, я ждала этого.

— Ну что ты молчишь, мышка!? Не хочешь открыть мне тайну? Так будь ты проклята, мышка! — Елена щелкает затвором. Я зажмуриваю глаза. Ну вот и все, через несколько секунд мои мучения закончатся

ГЛАВА 14

Роберт

Когда я был моложе, мои жизненные принципы были совершенно другими. Наверное, если бы в тот момент клуб, в который я вкладывал много сил и средств, сгорел, я бы вел себя совсем по-другому. Сейчас же я осматриваю обугленные стены бывшего клуба в дневном свете, и мне становится смешно. Возможно, это нервный смех. Если кто-то сейчас видел меня со стороны, он бы подумал что я сумасшедший. Сумасшедший, который стоит посреди обгоревшего здания и смеется. Но мне плевать, кто и что может обо мне подумать. Я смеюсь, потому что это действительно смешно. Когда я строил клуб, от меня сбежало три дизайнера и пара проектировщиков, потому что их идеи не совпадали с моими. Я был слишком придирчив и помешан на тотальном контроле их работы. И, наверное, то, что мой клуб сгорел, это — их проклятие. А теперь клуба нет. Но мне все равно. Разве это главное в жизни? Нет. Главные ценности — они нематериальны. Главное — то, что у меня есть сын и любимая женщина. Мои родители живы и здоровы. И хрен с ним, с клубом! Как пришло, так и ушло. Начну все сначала, займусь чем-нибудь другим. Благо возможности есть, а дело найдется.

Единственное, что сейчас меня волновало — кто спалил мой клуб. Было несколько вариантов: конкуренты, те, кому я в свое время перешел дорогу (а таких было немало) и «любимая» супруга. А то, что его подожгли, сомнений не было. Не надо даже ждать экспертизы, все и так ясно. Но сейчас праздники, никто не хочет работать. Никто, кроме нашей доблестной полиции, которой в данный момент приспичило опросить меня. Мне пока не поступило никаких обвинений, но намеки на то, что в клубе не соблюдалась пожарная безопасность, уже были. Благо, никто сильно не пострадал. Девушки и охранники уже выписались из больницы. После разговора с полицией решаю поехать домой, все равно ничего решится, пока праздничные дни не закончатся.

Выкидываю все мысли из головы, еду за своей малышкой. Отдохну пару дней, а там будет ясно, как действовать дальше. По дороге набираю номер Елизаветы, она не отвечает, набираю еще раз, слышу только одинокие гудки. Делаю вывод, что Лиза просто не слышит, возможно, она в душе, но черт, в груди что-то сжимается от неприятных предчувствий. Это так на нее не похоже, обычно она сразу отвечает на звонок. Глубоко вдыхаю, прикуриваю сигарету в попытке унять необоснованное волнение. Не выдерживаю, набираю ее номер еще

раз — тот же результат. На автомате прибавляю газу, мне надо быстрее добраться до нее и убедиться что с ней все хорошо. Подъезжаю к ее дому. Быстро добираюсь до квартиры, звоню, один звонок, второй, третий, тишина. Черт, а вот это мне уже совсем не нравится. Набираю ее номер еще раз, нет ответа. И еще раз звоню в дверь, не отпуская звонок, одновременно набирая ее номер. Отпускаю звонок, слышу знакомую мелодию, это ее телефон и он звонит в квартире. Спокойно, Роберт, спокойно. Ничего не произошло, она просто вышла и забыла телефон дома. Пытаюсь убедить сам себя, что все в порядке, моя паника беспочвенна. Только ни хрена не выходит, плохие предчувствия не отпускают. Куда она могла уйти? Утром она никуда не собиралась, обещала дожидаться меня. Облокачиваюсь на дверь и лечу назад, хватаюсь за косяк, останавливая свое падение. Дверь открыта. Застываю на пороге квартиры, боясь проходить дальше. Она ушла из дома, хотя никуда не собиралась. Не взяла с собой телефон и забыла закрыть дверь. Осматриваю прихожую, ее верхняя одежда на месте, обувь тоже, сумка стоит на тумбочке. Твою мать, а вот это мне уже совсем не нравится. Прохожу в квартиру, тишина, полный порядок, на кухонном столе так и стоят две чашки, из которых мы пили кофе. Внутри все скручивается узлом, сердце начинает отбивать грудную клетку. Никогда не страдал приступами паники, но сейчас мне становится нечем дышать. Набираю номер ее подруги. Ксения отвечает довольно быстро.

— Ты знаешь, где Елизавета?! — спрашиваю без предисловий.

— Нет, я не видела ее со вчерашнего дня.

— Может она звонила тебе сегодня?

— Нет, Роберт. А что случилось?

— Ее нет дома, дверь открыта, все ее вещи здесь, включая телефон и верхнюю одежду!

— О, Боже, да что произошло? Ты опять, что-то сделал, Ромео? — кричит она.

— Ксения, я ничего не делал, все было хорошо, просто замечательно, меня не было два часа. Черт, ты думаешь, она опять убежала туда? — даже не знаю, как назвать это чертово место, — когда я уходил, с ней все было хорошо!

— Я не знаю, она так за тебя вчера переживала, ты же знаешь ее, она ничего не скажет, неизвестно какие мысли крутятся у нее в голове.

— Понятно, я еду туда! — бросаю трубку, выбегаю из квартиры. Переживала за меня? Но все же было хорошо, никаких признаков. Малышка что ты там себе надумала? Мой телефон опять начинает трезвонить.

— Да! — кричу я, даже не смотрю, кто звонит.

— Ключи от дома у меня. В прошлый раз я забрала их. Я еду с тобой, — заявляет Ксения.

— У меня нет времени ждать тебя! Я еду туда немедленно! — скидываю звонок, сажусь в машину. Мчусь на полной скорости, машину немного заносит на скользкой дороге.

Наконец добираюсь до места. Выбегаю из машины. Дергаю ворота, закрыто, никаких следов, не похоже, что она вообще была здесь. За спиной слышу визг тормозов. Оборачиваюсь, это Ксения. Она вылетает из машины, без разговоров открывает ключами ворота. Вбегаем во двор.

— Ксения, если у нее нет ключей, как она могла попасть в дом?

— Я не знаю, не знаю! Может у нее были свои, хотя вряд ли, конечно. Она специально не держит ключи у себя, — открываем дом. Тишина. Я с порога чувствую, что ее нет. Ксения несется на второй этаж, я остаюсь внизу, я знаю, что ее здесь нет. Сажусь на диван, сжимаю голову руками. Где она может быть?

— Ее здесь нет, и не было, — констатирует девушка, садясь со мной рядом. Я чувствую, как ее трясет.

— Ксения, подумай хорошо. Куда она могла пойти? Может, есть другие места? Кладбище, например.

— Нет. Туда она пойти не могла. Во-первых, она не знает туда дороги, поскольку ни разу там не была. Во-вторых, во время приступа она думает, что они живы. Я просто не знаю. Кафе закрыто. Кроме меня и Лехи у нее никого нет. Даже если представить, что она просто вышла, почему ничего с собой не взяла?

— Послушай, допустим, она приехала сюда, ключей у нее не было. Куда она могла дальше пойти? — Ксения молчит, машет отрицательно головой. Достāju телефон, набираю Дана.

— Только хотел тебе звонить, у меня для тебя новость, — говорит он, как только поднимает трубку.

— Дан, давай потом, у меня к тебе вопрос, на который ты обязан дать мне ответ. Как найти человека, если он пропал пару часов назад?! Дан, ты же чертов следопыт, ты должен знать!

— А кто пропал!? Не свою ли жену ты ищешь. Так я ее уже почти нашел, — усмехается он.

— Дан, твою мать, на хрен мне задалась Елена! Елизавета пропала! Мне срочно нужно ее найти! — даже не пытаюсь осмыслить то, что он говорит о Елене. Мне нужна моя девочка.

— В смысле пропала?

— Дан, не тупи! Пропала, значит, пропала! — соскакиваю с дивана, выхожу во двор. Иду к машине. Я не знаю, куда мне ехать, но сидеть на месте тоже не могу.

— Роберт. Успокойся, — уже вполне серьезно говорит он. — Подробности, Роберт, мне нужны подробности. Все с самого начала.

— Утром я уехал в клуб. Ну или туда, где он когда-то был, — останавливаюсь возле машины, прикуриваю сигарету, краем глаза вижу, как Ксения выбегает из ворот, становится рядом со мной, чем раздражает меня. Отворачиваюсь от нее. — В общем, отсутствовал я пару часов. Когда вернулся, ее уже не было. Ее телефон, сумка и даже верхняя одежда на месте. А главное, Дан, квартира была открыта. Она просто исчезла. Везде, где она могла быть, я проверил, ее нет. Ты понимаешь меня, нет!

— Ясно. Но это же женщины, может она вышла к соседке, например, заболталась? И ты зря паникуешь.

— Нет, Дан, не может. Она не общается с соседями. Что-то не так, Дан, поверь, я чувствую это. С ней что-то произошло!

— Хорошо. Ясно. Говоришь, все было на месте, и дверь была открыта. Я не хочу тебя накручивать раньше времени, но это признаки типичного похищения. Но это просто версия. Так что....

— Стоп, Дан. Что ты там говорил мне про Елену? — останавливаю его, сам не веря в свои догадки. По моему телу холодной волной пронесется испарина. Елена, твою мать!

— Думаешь, она как то к этому причастна?!

— Дан, что ты хотел мне про нее сказать! — повторяю еще раз, мне некогда думать и анализировать вместе с ним. Я знаю, на что способна моя жена.

— Ну, помнишь, ты вчера предположил, что это поджог. Я тут с утра накидал пару

вариантов.

— Дан, можно без подробностей!

— Можно. Короче, я пробил кое-что, и выяснилось, что Елена никуда не улетала. Она даже из этого города не выезжала. Она где-то здесь, — вот оно, есть! Елена. Сука! Теперь я точно убью эту тварь! Это похищение будет последнее, что она сделала в этой жизни. Она сама лично подписала себе приговор.

— Дан, пробей ее еще. Телефон, гостиницы, карту. Везде, где она могла засветиться. Я еду к тебе.

— Хорошо, — без всяких вопросов говорит он. Где-то теплится надежда, что это не Елена. Что все не так плохо, с моей девочкой все хорошо. Она просто куда-то вышла, я зря поднял панику. Я хочу, чтобы так было. Но, черт, смотрю в глаза ее подруге, и понимаю, что на это нет никакой надежды. Если Ксения, которая знает ее практически всю жизнь, не знает, где она может быть, тогда с ней точно что случилось. А точнее не что-то, а кто-то. С ней случилась моя жена! Сажусь в машину, Ксения бежит за мной.

— Роберт, стой. Ты знаешь, где она? — я вижу в ее глазах дикое волнение.

— Нет. Пока не знаю. Но я ее найду! — хочу закрыть дверь машины, но девушка мне не дает, цепляясь на нее руками.

— Я с тобой.

— Нет, Ксения. Со мной ты не поедешь. Лучше езжай в квартиру Елизаветы, может, мы все-таки зря паникуем и она вернулась домой. Если нет, тогда жди там. Подумай еще, подумай хорошо. Где она может быть? И если что, сразу звони мне, — девушка мнетя, но все же кивает головой, отпуская дверцу.

— Обещай, что ты ее найдешь? — с надеждой просит она. Если бы она знала, как я хочу ее найти. И я ее обязательно найду!

— Обещаю! Все, мне пора! — завожу двигатель, срываясь с места. До квартиры Дана еду в полном тумане, удивляюсь, как вообще доехал. Перед глазами стоит пелена, слепая ярость. Мне впервые в жизни становится страшно, действительно очень страшно. Моя паника дает о себе знать, мои руки начинают трястись, мертвой хваткой цепляюсь за руль. Елена! Я чувствую, что это ее рук дело. Теперь в моей голове сходится вся картинка. Я должен был понять это сразу. И это — мой очередной прокол.

Елена! Сука! Все же было ясно! Легко согласилась на развод на моих условиях. Подарок! Поджог клуба. Я же, черт побери, видел тогда этот черный блеск в ее глазах. Как я мог это все упустить! Только Богу известно, на какие изощрения способна моя жена. И это полностью моя вина. Я должен был убереечь Елизавету. Мой мозг до сих пор отказывался принимать реальность. Кажется, что я сплю, и вот-вот проснусь, обниму свою малышку.

Добираюсь до квартиры Дана, дверь уже открыта, друг знает, что я уже здесь. Дверь, прихожая, кухня, делаю все на автомате. Понимаю, что если я хочу найти Елизавету, мне надо оставить все чувства и эмоции за порогом. Нужно действовать с холодной головой. А страдать и корить себя потом. Дан сидит за кухонным столом, перед ним его ноутбук, и черт его знает, сколько незаконной информации там хранится, не зря он носит его всегда с собой. Молча сажусь рядом с ним, прикуриваю сигарету, Дан не любит, когда в его доме курят, но сейчас мельком смотрит на меня и молчит, продолжая ковыряться в ноутбуке.

— Дан, не молчи! Что-нибудь нашел?

— Нашел, твоя жена засветилась в «Валенсии» она сняла там номер несколько дней назад, расплачивалась картой, видимо не ожидала, что ты будешь ее искать. И так, по

мелочи, в нескольких ресторанах и барах.

— Номер, какой у нее номер?

— Да успокойся ты, твою мать! Нет ее там. Сегодня рано утром она сдала номер. И на час ночи у нее действительно забронирован билет в Эмираты. А самое интересное, что летит она не одна, а с неким Вадимом Стечкиным. Знаком?

— Не знаю, нет. Есть фото? Найди на него всю информацию. Номер она сдала, самолет у нее ночью. Где, твою мать, она?! А машина Елены, телефон?

— Телефон отключен. И очень умело отключен, твоя жена не дура, батареею вынула. Так что я не могу определить, где она!

— Ищи все, что можешь на этого Стечкина.

— Да стой ты. Уверен, что Елена причастна к пропаже твоей королевы? Просто если это не так, мы потеряем время.

— Уверен, Дан, никогда не был настолько уверен. Нутром чувствую. Ищи быстрее, у нас нет столько времени, Елена явно под наркотой, и одному Богу известно, что ей взбредет в голову в таком состоянии, — Дан молча встает из-за стола, подходит к холодильнику, вытаскивает оттуда бутылку водки, ставит передо мной, бутылку, рюмку, лайм.

— Успокой пока свои нервы. Мне нужно немного времени, чтобы найти всю информацию на него. И прекрати курить в моей квартире, — ухмыляюсь, демонстративно тушу окурок в пепельнице. Дан опять садится за ноут. Мой телефон начинает трезвонить. Смотрю на экран — это Ксения. Молниеносно поднимаю трубку, в душе теплится надежда.

— Алло, ты ее нашел?! — кричит она, и моя надежда разбивается на тысячу осколков. По-моему, я даже слышу звон этих осколков в своей голове. Осколки, которые впиваются в мою голову.

— Нет пока! — сквозь зубы шиплю в трубку, этот ее вопрос как немой упрек. Я понимаю, что она здесь не причем, но сейчас она меня бесит. Скидываю звонок, чтобы не наговорить лишнего. — Рыжая ведьма! — Бросаю телефон на стол открываю бутылку. Дан на минуту отрывается от экрана.

— Это да, — ухмыляется он. Пропускаю его слова мимо ушей. Мне похрену, что там у них происходит. Меня разрывает неизвестность, бессилие и потеря времени на поиски. Ярость и боль ослепляют и оглушают сознание. Сжимаю кулаки с такой силой, что, кажется, мои кости сейчас треснут. Хочется кричать от бессилия.

— Знакомое лицо? — Дан поворачивает экран ко мне, на нем фото с документов. И я его узнаю.

— Это водитель-охранник моей жены, Сокол приставил его к ней несколько месяцев назад, боится перед выборами.

— Ну, теперь все ясно. Если, как ты утверждаешь, твоя жена похитила Елизавету, то это он ей помог. Лучшей кандидатуры не найти. Остается надеяться, что он — хреновый сообщник, и где-нибудь засветился.

— Дан, ищи быстрее. Мы теряем очень много времени. Одному Богу известно, что задумала эта тварь, — выпиваю очередную рюмку водки, но она меня не берет, потому что в данный момент меня может успокоить только Елизавета. Дан ничего не отвечает, продолжая стучать по клавишам. Так проходит полчаса, которые кажутся мне вечностью. Я курю в распахнутое окно, думая о том, что если через десять минут поиски Дана не дадут результатов, я начну свои поиски, своими методами. Придется обратиться к людям, с которыми я думал, никогда больше не встречусь. Они исполнят мою просьбу, но я останусь

им должен. А есть ли у меня другой выход? Нет. Мне нужно ее найти.

— Да. Да! есть! — кричит Дан. — Обожаю новые машины напичканные электроникой. Люди гонятся за новинками, роскошью, не думая о том, что эта техника может рассказать о них все.

— Что ты нашел!?

— Ну, если вкратце, то машина этого Вадима находится вот здесь, — Дан указывает на монитор, на котором изображена карта, с красной мигающей точкой, это и есть местонахождение Елены.

— Где это? Далеко?

— Где-то час езды. Загородный поселок, почти заброшенный.

— Прекрасно! Поехали! — срываюсь с места, бегу к двери. Останавливаюсь.

— Дан, дай ствол. Желательно, не зарегистрированный.

— Ты уверен? Не думаю, что в твоём состоянии тебе можно доверить оружие. Доверься мне, я все сделаю сам, — говорит он, смотря на меня с подозрением.

— Дан, я держу себя в руках и не намерен брать на душу очередной грех. Просто дай мне ствол. Мой дома, у нас нет столько времени. — Дан молча кивает, уходит в комнату. Вылетаю на улицу. Сажусь в машину, завожу двигатель. Жду Дана. Он довольно быстро выходит, садится в машину. Протягивает мне ствол.

— Давай захватим Ромку по дороге, неизвестно, сколько там человек и что вообще происходит, — ничего не отвечаю, киваю в ответ. Выезжаю на дорогу. Держись малышка. Ты же у меня сильная девочка. Я уже рядом, я близко. Надеюсь, ты когда-нибудь простишь меня.

Елизавета

«Ничего я не жду в мире целом,

У любви на виду под прицелом,

У судьбы на краю в зимнем поле

Всё стою и пою я от боли.

От боли я пою.

Люблю!»

— Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь... — считаю про себя с закрытыми глазами. Считаю собственные вздохи. Почему-то решаю, что двенадцатый вздох будет последним.

— Восемь, девять, десять, одиннадцать, — сильно зажмуриваю глаза. Кажется, мое сердце уже остановилось. Я не чувствую его. Вы когда-нибудь задумывались, о чем человек думает перед смертью? Я думала о числе двенадцать и вдохах.

— Двенадцать... — я слышу выстрел, который оглушает меня, что-то сыплется на мою голову. Открываю глаза, вижу перед собой Елену. Ее пистолет по-прежнему направлен на меня. Она глубоко дышит. Ее руки дрожат, по щекам катятся слезы, струйки слез. Она выстрелила в стену над моей головой. Промахнулась?

— Я не могу, не могу, не могу! — повторяет она, продолжая целиться в меня. — Я не могу, мышка. Не могу, но я должна, так будет лучше для всех, понимаешь?! Ты понимаешь меня, мышка?! — кричит она.

— Елена, или ты это делаешь сейчас или мы просто уходим. Твой муж уже близко, — Елена медленно опускает руку с пистолетом. Вытирает глаза, размазывая косметику.

— У меня новый план. Я передумала, — говорит она, продолжая смотреть мне в глаза.

— Елена, какой нахрен новый план?! Ты сошла с ума. Не хочешь убивать ее, не убивай. Уходим! — мужчина заметно нервничает, постоянно осматривается по сторонам. Его скулы напрягаются. Он подходит к Елене, тянет ее за руку, пытаюсь увести с собой. Елена не поддается, дергается.

— Ты, чертов трус! Испугался моего мужа?! Конечно, испугался! Так давай, беги! Беги! Но он все равно тебя найдет, — она вырывает руку. Мужчина с минуту мешкается, медлит.

— Да и пошла ты! — кидает он ей и быстро выходит из комнаты. Через пару минут слышу визг тормозов, громкие мужские голоса, улавливаю среди них до боли знакомый. Непроизвольно дергаюсь, всхлипываю. Елена не реагирует, продолжая смотреть на меня. Кажется, она вообще ничего не слышит. Ее дрожащая рука с пистолетом опять поднимается, целясь в меня. Я снова смотрю в глаза своей смерти. Елена поджимает дрожащие губы, склоняет голову на бок. Молчит. Я закрываю глаза и опять начинаю считать собственные вздохи.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, — слышу тяжелые торопливые шаги, которые приближаются к двери.

— Семь, восемь, девять, десять, — и, по-моему, я считаю уже не свои вздохи. Я считаю тяжелые вздохи Елены.

— Одиннадцать, — дверь с грохотом открывается. — Двенадцать.... — выстрел, от которого закладывает уши. Резко открываю глаза. Первое что вижу — это Елена, которая выпускает пистолет из своих рук, он с грохотом падает на пол. Она медленно оседает, пока не падает на колени. Поворачиваю голову в сторону двери. Вижу Роберта, он прислоняется к стене, и медленно сползает по ней. Он смотрит на меня, начинает кашлять, чуть приоткрывает губы, что-то шепчет. На его губах появляется кровь, которая струйкой стекает по его подбородку. Меня начинает трясти как в лихорадке. Жгучая, невыносимая боль разливается в груди, сжигая весь кислород. Не могу вдохнуть. Боюсь отпустить его глаза, которых завлакивает пелена. Он уже на полу, его белоснежная рубашка моментально становится ярко алой. Дергаюсь, пытаюсь встать на ноги, ничего не выходит. Переваливаюсь на бок, ползу к нему. Слышу в коридоре шум. В дверях появляется Дан. Бегло осматривает комнату, натывается на Роберта, садится рядом с ним, что-то говорит, ничего не слышу, в ушах нарастает шум.

— Развяжите мне руки! — кричу сквозь шум в ушах, пытаюсь перекричать его. — Пожалуйста, развяжите руки! — Дан не реагирует, поднимается на ноги, вытаскивает из кармана телефон, куда-то звонит. Я пытаюсь поползти к Роберту. — Пожалуйста, руки, — молю я. Дан подходит к Елене, одевает черную перчатку, поднимает ее пистолет.

Я уже близко, я почти рядом с ним. Наконец, мои мольбы были услышаны, Дан развязывает мне руки. Я встаю на колени, рядом с Робертом, его черные глаза закрыты, дыхание тяжелое. Смотрю на ярко алое пятно крови на его животе, и ничего больше не вижу. Кровь. Так много крови. Опять кровь. Наружу прорываются слезы и дикий крик. Роберт бледнеет на глазах. Подношу руки к ране.

— Лиза, лучше не трогай его сейчас, — слышу голос Дана. Мои руки застывают на месте. — Врачи уже летят.

— Летят? — не понимаю я.

— Да, Лиза летят. Мы довольно далеко от города. У нас нет столько времени. Вертолет скорой помощи скоро должен быть здесь. — Сажусь рядом с Робертом, аккуратно кладу его голову к себе на колени. Глажу его бледные щеки, вытираю кровь с его подбородка, губ.

Роберт открывает глаза, смотрит на меня, мои слезы падают ему на лицо, быстро стираю их пальцами. Он хрипит, пытается, что-то мне сказать. Тянет руку к моему лицу, перехватываю ее, помогаю ему прикоснуться к моей щеке. Боже, она такая холодная. Моя рука трясется вместе с его рукой. Он опять открывает рот, пытаюсь, что-то сказать.

— Нет. Не надо. Молчи, — подношу палец к его губам, они почти синие. Слышу всхлип, который перерастает в нечеловеческий вой. Поднимаю голову. Елена стоит на коленях, сжимает голову руками.

— Я не хотела. Не хотела. Он сам. Я ... Я... — она захлебывается собственными словами. У нее из носа течет тоненькая струйка крови, которую она пытается стереть, размазывая по лицу. Она начинает жутко выть, напоминая дикое животное. Падает на пол.

— Отойди от него он мой! МОЙ! — кричит она. Дан резко поднимает ее на ноги, пытается вывести из комнаты. Елена сопротивляется, истерически кричит, повторяя, что Роберт принадлежит ей. Наконец, Дан скручивает ее, зажимая рот рукой, вытаскивает из комнаты. Рука Роберта отрывается от моей щеки, безвольно падая на пол. Его глаза закрываются. Прижимаюсь своей щекой к его. Целую, глажу, пытаюсь отдать свои силы, тепло.

— Пожалуйста, прошу тебя. Не уходи. Открой глаза. Пожалуйста. Смотри на меня. Умоляю, только не уходи. Не оставляй меня. — Мои слезы заливают его лицо, захлебываюсь ими, повторяю слова. Качаюсь с ним из стороны в сторону. Отрываюсь от него. Я не слышу его дыхания. Приглядываюсь, утирая слезы, пытаюсь разглядеть хоть малейшее движение. И я не могу ничего сделать, чтобы помочь ему. Лишь смотреть, как он истекает кровью, уходя от меня. Зажимаю рот рукой, чтобы не завывать, не закричать от раздирающей грудную клетку боли. Не выдерживаю, кричу в полный голос.

— Пожалуйста! Пожалуйста! Я не смогу жить без тебя! Ты слышишь?! Не смогу! — в ушах нарастает шум. Слезы душат. Мне кажется, он становится еще холоднее и бледнее. Подношу пальцы к его шее, пытаюсь нащупать пульс, но мои руки настолько трясутся, что я не могу почувствовать пульс. — Нет! Нет! Нет! — сердце замирает. — Не смей умирать, ты слышишь! Не смей меня оставлять! Я больше этого не выдержу. Пожалуйста! Я больше не смогу быть сильной! Ты нужен мне! Слышишь?! Нужен! — земля уходит из под ног. Я уже ничего не вижу и не слышу.

— Господи, Боже. За что? Почему ты забираешь у меня всех, кто мне дорог?! — мне хочется умереть самой, прямо сейчас, чтобы больше не чувствовать эту повторяющуюся боль. Все повторяется, какое-то гребаное дежавю, проносится перед глазами. Опять кровь, много крови под моими ногами.

— Я умоляю тебя, Роберт. Борись. Не оставляй меня! Не делай этого со мной! Я люблю тебя!!! Ты слышишь?! ЛЮБЛЮ!!! — мне кажется, что я лечу в пропасть, все ниже и ниже. Чувствую, как чужие руки отрывают меня от него. Нет, я не хочу! Я не могу его отпустить. Мне кажется, что если я сейчас его отпущу, то больше никогда не увижу. Цепляюсь за Роберта. Прошу людей не отнимать его у меня. Почему они меня не понимают?! Хватаю воздух пересохшими губами. Его все-таки забрали у меня. Дан тянет меня на себя. Не могу подняться, ноги не слушаются. Он что-то говорит, но я не слышу.

— Верните его, не забирайте его у меня, — повторяю снова и снова. Меня захлестывает истерика. Чувствую, как Дан сжимает мое лицо, заставляя смотреть ему в глаза.

— Тише, девочка, тише. Успокойся, все будет хорошо. Ему нужна помощь, он потерял много крови, но я знаю этого сукина сына, он выберется, — хватаюсь за его куртку мертвой

хваткой, тяну на себя.

— Я не смогу без него, — шепчу пересохшими губами.

— Он не оставит тебя. Поверь мне. Он выберется, — гладит меня по голове, успокаивая. Ко мне подходит женщина в темно синей униформе, в руках у нее шприц. Резко дергаюсь, понимая, что это.

— Нет, не надо. Я не хочу спать. Пожалуйста, не надо! — кричу охрипшим голосом.

— Лизочка, это успокоительное. Оно поможет тебе. Тебе станет легче. Пожалуйста, позволь ей сделать тебе укол. Ты очень слаба, тебе нужны силы, — женщина не дожидается моего разрешения, тянет мою руку на себя, обрабатывая ее спиртом. Пытаюсь вырваться. Я ненавижу эти чертовы уколы. Но Дан держит мою руку, не давая увернуться. Мои руки настолько онемевшие, что я даже не чувствую укола. Силы покидают меня. Последнее что чувствую — как крепкие мужские руки подхватывают меня и куда-то несут. Проваливаюсь в бездну, там очень темно...

Резкий визг тормозов заставляет меня подскочить на месте. Смотрю в лобовое стекло и вижу огромную грузовую фуру, летящую на нас. Все как будто замедляется. Я смотрю на Марка. Но это не он, на его месте сидит Роберт. Его лицо бледнеет, на белой рубашке расплывается ярко алое пятно крови. Смотрю на свои руки — они тоже все в крови. Тянусь к Роберту, хочу прикоснуться к нему, но чем ближе мои руки приближаются к нему, тем дальше он от меня. Оглядываюсь по сторонам: я уже не в машине, не знаю где я, в полной темноте, ничего не видно. Вокруг тишина.

— Роберт! — кричу я, но слышу только собственное звенящее эхо. Где-то вдалеке вспыхивает свет, вижу приоткрытую дверь, из которой льется солнечный свет. Медленно иду в сторону двери.

— Лиза, — слышу голос. Голос, от которого хочется кричать. Кричать от захлестывающей меня радости.

— Лиза, иди сюда, — о, Боже, это Марк. Мой Марк. Я так давно не слышала его голос. Срываюсь на бег, чтобы быстрее добраться до двери. Спотыкаясь, добегаю до двери, резко распахиваю ее, переступаю порог, и понимаю, что нахожусь в нашем доме. В гостиной много белого света. Тут как раньше тепло и уютно. На душе сразу становится хорошо. По телу разливается теплота. Ищу глазами Марка, нахожу его возле открытого окна. Он стоит спиной ко мне. В его светлых волосах играет солнечный свет. Медленно иду к нему, еще несколько шагов и я смогу дотронуться до него. Застываю в паре метров, не могу пошевелиться. Меня словно парализовало. Хочу протянуть к нему руку, дотронуться до него, но не могу дотянуться.

— Марк, я не могу пошевелиться, помоги мне. Повернись, подойди ко мне, — он не реагирует, продолжая смотреть в окно. — Марк, пожалуйста, повернись. Я хочу тебя обнять.

— Нет, Лиза. Тебе нельзя до меня дотрагиваться. Тебе нельзя ко мне, — тихо говорит он.

— Но почему?! — не понимаю я. — Я так давно тебя не видела. Вы ушли от меня. Вы меня оставили одну. Почему вы не взяли меня с собой? Почему?! Просто повернись, посмотри на меня.

— Лизочка, я не могу. Просто послушай меня. Ты должна уйти, ты должна отпустить меня. Отпусти меня, девочка. Я хочу уйти. Ты не отпускаешь меня.

— Но почему? Почему? Возьми меня с собой, — почему он не понимает меня? — Я так

истосковалась по тебе, я хочу с тобой.

— Нет! — резко говорит он. — Со мной нельзя. Ты должна остаться. Остаться, а меня отпустить. У тебя впереди долгая жизнь. Ты будешь с ним счастлива. Он любит тебя. А ты любишь его. Теперь все будет хорошо. Он нуждается сейчас в тебе. Он борется за жизнь из-за тебя. Ты должна помочь ему, дать силы. Он будет оберегать тебя. Но ты должна отпустить меня. Я хочу спокойно уйти. Перестань плакать и страдать, перестань звать меня. Отпусти меня. Я устал. Разорви эти нити, — его голос наполнен теплой грустью.

И я понимаю, что он прав. Я держу его. Мне действительно нужно отпустить его. Если ему плохо, я должна отпустить. Меня охватывает дикое волнение. Роберт. Я нужна ему. Мне кажется, что падаю в бездну собственного сумасшествия. Я хочу кричать, кричать от понимания того, что в данный момент я хочу не к Марку. Я хочу видеть Роберта. Хочу почувствовать его. Боль безжалостно разрывает грудь. Вскрикиваю, и не могу вздохнуть. Закрываю глаза и вижу перед собой черные, невыносимо черные глаза Роберта. Я вижу в них целую вечность, мою жизнь, любовь. Меня резко захватывает вина. Вина перед Марком.

— Прости меня. Я предала тебя. Я люблю тебя. Но... Но эта другая любовь. Теперь мне кажется, она призрачная, иллюзорная. А он — мое настоящее. Я люблю его по-другому, дико, безумно. Мне кажется, я больше не смогу без него. Я должна идти к нему. Я должна ему это сказать. Доказать. Он должен это почувствовать. Прости меня, я отпускаю тебя, — замираю в ожидании ответа. Марк долго молчит.

— Вот и хорошо, ты все поняла. Иди, он ждет тебя. Иди. Спасибо, что отпускаешь меня. Ты будешь счастлива с ним. Тебе надо только успеть к нему. Это судьба, Лиза. Он — твоя судьба. Иди.

— Где он? Где Роберт? Что с ним?!

— Он пока там. Ты нужна ему. Он ждет, — я срываюсь с места, не зная, в какую сторону бежать. Двери уже нет, я не нахожу выход. В голове пульсирует мысль, что мне нужно успеть. Бегаю по комнате в поисках выхода. Мне нужно успеть к нему. Я не могу опоздать.

Все звуки исчезли, вокруг меня воцарилась звенящая тишина. Я слышу, как бьется мое сердце. Очень сильно бьется, причиняя боль.

— Лиза. Лиза. Ты меня слышишь? — в тишину врывается женский голос. Резко распахиваю глаза, одновременно вдыхая от нехватки кислорода. Сажусь на кровати, осматриваю комнату — все белое, стерильно белое. От солнечного света, заливающего больничную палату, слепит глаза. Ненавижу больницы. От едкого запаха лекарств начинает тошнить. Все тело словно онемевшее. Ксения кидается мне в объятия, плачет.

— Как ты? Как ты себя чувствуешь? Я так испугалась, — она надавливает мне на плечи, заставляя лечь.

— Где он!? — перехватывая ее руки, спрашиваю. Подруга молчит. — Где он? Где Роберт, почему ты молчишь?! Что с ним?! Отвечай! Он... Он..

— Лиза, он здесь! Он жив. Слышишь, жив! — ОН ЖИВ! ОН ЖИВОЙ! Меня захлестывает волной облегчения.

— Сколько я спала? Сколько сейчас времени? — пытаюсь встать с кровати.

— Уже полдень, я не хотела тебя будить. Но ты так металась во сне. Лиза, не вставай. Тебе нужно отдохнуть, — не слушаю ее, поднимаюсь с кровати. Голова начинает кружиться, накатывает усталость, пытаюсь сделать шаг, меня качает в сторону. Подруга подхватывает меня.

— Лиза, куда ты собралась? Врач сказал, что тебе нужен отдых, — она опускает взгляд на мои руки, слегка хмурится, слезу за ее взглядом, на моих запястьях багровые кровоподтеки от веревки.

— Все хорошо, я не больна. Мне нужно к нему. Я хочу его видеть. Я нужна ему. Ты меня не остановишь, — хватаюсь за спинку кровати, пытаюсь идти дальше. Ксюша поддерживает меня за руку.

— Лиза, к нему нельзя. Туда ни кого не пускают.

— Куда туда?

— В реанимацию. Ему всю ночь делали операцию, повреждена брюшная полость. Ох, я не хирург, точно не скажу. Он потерял много крови. Нам остается только ждать, — в голове сразу вспыхивает его белая рубашка, залитая кровью. Зажмуриваю глаза, дергаюсь вперед.

— Мне нужно к нему. Отпусти меня! — кричу ей, когда она пытается усадить меня на кровать.

— И что здесь происходит? — в палату входит Дан с двумя стаканчиками кофе.

— Она рвется к нему. Я объясняю ей, что к нему не пускают, но она меня не слушает, — говорит Ксения, забирая у него кофе. Дан долго смотрит на меня. Молчит.

— Пошли, — говорит он, протягивая мне руку. — Я попробую договориться. Дюймовочка, отдай ей свой белый халат. — Ксюха хмурится, снимает халат, накидывая мне на плечи. Дан поддерживает меня за руку, когда мы выходим из палаты. Медленно доходим до больничного лифта. Поднимаемся на этаж выше. Выходим. Дан сажает меня на стул напротив двери, напоминающей бокс. Оттуда слышится писк приборов. Кажется, мое сердце бьется в унисон с этим звуком. Дан велит ждать, и скрывается за дверью рядом. Сжимаю руки, пытаюсь унять волнение. Руки не слушаются, начинают трястись. Дан выходит с высоким пожилым мужчиной в белом халате, который внимательно осматривает меня.

— Десять минут, — говорит мужчина. Нажимает на кнопку возле двери. Оттуда появляется молодая медсестра. Дан помогает мне подняться.

— Справишься? — спрашивает меня, сжимая руку.

— Да, спасибо, — отвечаю я.

Захожу в палату, мое сердце замирает. В нос бьет острый резкий запах медикаментов. Писк приборов. Роберт весь окутан трубками и проводками. Мое сердце несется вскачь и снова замирает. Подхожу ближе. Он весь бледный. Подношу дрожащую руку к его щеке. На глаза наворачиваются слезы. Глажу его колючую от щетины щеку. Наклоняюсь, легонько целую его щеки. Начинаю тихо плакать.

— Привет, — тихо говорю ему. — Ты меня, наверное, не слышишь, а я так много хочу тебе сказать, — глажу его по руке, она еле теплая. Он всегда был такой горячий, он согревал меня, отдавал свое тепло. — Пожалуйста, вернись ко мне. Мне тяжело без тебя. Ты так мне нужен. Пожалуйста. Без тебя моя жизнь не имеет смысла. Ты вернул меня к жизни. Не забирай ее у меня, — вытираю беззвучные слезы. Целую его холодную щеку, прижимаясь к ней. Меня трясет, из меня как будто высосали все силы. В палату входит медсестра. Она даже не смотрит на меня, проверяя показатели на приборах. Меняет капельницу.

— Как он? Он скоро очнется? — она как то странно смотрит на меня.

— Вы не разговаривали с врачом? — с удивлением спрашивает она.

— Нет.

— Ну как супруге я, наверное, могу Вам сказать, — не смею ей возражать, не известно, что там наговорил, Дан чтобы меня пропустили. — Операция, в принципе, была не очень

сложная. Но он потерял много крови, давление падало почти до нуля. Ну, он у Вас крепкий мужчина, он боролся. Так что сегодня его второй день рождения. Все могло закончиться очень плачевно, — наверное, я резко бледнею, мне кажется, что мое давление тоже резко падает, в глазах темнеет. Девушка придерживает меня, чтобы я не упала.

— Ох, наверное, я не должна была Вам всего этого говорить. Не переживайте так. Он выберется. Молитесь. Молитвы — они помогают, и он обязательно вернется к вам. Его состояние — стабильно тяжелое, — «Стабильно тяжелое» пульсирует в моей голове. Это плохо. Меня пугает слово «тяжелое».

— Когда он придет в себя? — спрашиваю я, хватаясь за ее руку.

— Это никому не известно. Возможно завтра, а возможно и через несколько недель. Все зависит от динамики. Но еще раз повторяю, он у вас молодой и сильный. Ухудшений нет, и это уже не плохо, — начинаю реветь в полный голос. Сглатываю, набираю побольше воздуха, чтобы прекратить истерику.

— Что вы, тише, тише. Вот так, дышите, глубже. У вас осталось несколько минут, — она сжимает мою руку и выходит из палаты.

— Пожалуйста, пожалуйста, вернись ко мне, — я начинаю задыхаться, глотая воздух, — я так люблю тебя. Вернись ко мне, пожалуйста. Ты так мне нужен. Я не сильная, я не могу без тебя, — целую его холодные руки, прижимаюсь щекой к его руке. Проходит минута, в палату опять заходит медсестра, и я понимаю, что мое время вышло.

— Можно еще несколько минут, — прошу ее, она смотрит на меня с сожалением.

— Нет. Девушка, поймите и нас тоже. Мы и так нарушаем все правила, пуская Вас сюда. Может позже доктор разрешит Вам еще раз навестить его, — легонько сжимаю его руку. Хочется тоже уйти из сознания, чтобы не видеть его таким, чтобы не чувствовать пустоты.

Медленно выхожу из палаты. Мне кажется, что я сейчас упаду. Ноги подкашиваются, все кружится, перед глазами мутно. Сквозь пелену слез вижу женщину, стоящую рядом с Даном и врачом. Узнаю в ней маму Роберта. На ней нет лица, она что-то кричит врачу, требуя пустить к нему. Облокачиваюсь на стену, чтобы не упасть. Врач объясняет ей, что к нему нельзя и что он и так нарушил правило, пустив его жену, при этом он указывает на меня. Мать Роберта резко оборачивается в мою сторону, осматривает меня беглым взглядом, я вижу в ее глазах слезы. Чувствую себя виноватой, ведь если бы не я, его мать бы пропустили к нему. В глазах резко темнеет. Медленно оседаю на пол, сползая по стене. Звон в ушах нарастает. Меня накрывает темнота...

Прихожу в себя от резкого едкого запаха. Оглядываюсь по сторонам — я в комнате, которая похожа на процедурную.

— Вот так, приходим в себя, глубоко размеренно дышим, — вижу склонившегося надо мной все того же врача. Сзади него стоит взволнованный Дан.

— Что произошло? — тихо спрашиваю я. Сознание возвращается, но я чувствую невероятную слабость и усталость.

— Нервное истощение произошло, переутомление. Так нельзя, Вам срочно нужен отдых и хорошее питание. Думаю, когда ваш муж очнется, он не оценит ваше состояние.

— Доктор, скажите, с ним же все будет хорошо? Он скоро очнется? — с надеждой спрашиваю я.

— Очнется. И не таких на ноги ставили. Да и как он может не очнуться, когда его ждет такая красавица-жена. Так что сейчас перевезем Вас в вашу палату, Вы постараетесь поесть и отдохнуть, если не можете — дадим снотворное. А за это я Вам обещаю еще раз пустить к

мужу. Ну что, договорились? — подмигивает мне седой бровью.

— Да, хорошо, спасибо.

— Ну вот и прекрасно.

Пятый день я хожу по этому коридору, мне кажется, я уже могу делать это с закрытыми глазами, я изучила каждую трещинку на белом кафельном полу. «Я должна быть рядом с ним. Он живой. Живой. С ним все хорошо» — единственные слова, которые я повторяю про себя пятый день. Где-то там, совсем рядом, за дверью, он дышит и его сердце бьется. Остается только ждать. Ждать и надеяться. Все вокруг мне напоминало о нем. Смотрю на белые стены, и они напоминают мне о том, что он любит белый цвет. Вчера я встретила парня с изображением Джокера на футболке и вспомнила о его машине. В местной столовой на первом этаже висит картина, на которой изображены розовые пионы.

Врач, как и обещал, разрешил мне еще одно посещение, после того как я поспала и привела себя в порядок. Но я отдала его маме Роберта. Мы сталкиваемся в этом коридоре каждый день. Поначалу мы не разговаривали, просто молча смотрели друг на друга. Дан что-то ей объяснял, рассказывал о случившемся. Возможно, он даже сказал, кем я являюсь на самом деле. На третий день нашего молчаливого созерцания, женщина подошла ко мне сама. Она предложила сесть на диван и выпить с ней чаю. Даже этот чертов чай на травах напомнил мне о нем. Напомнил мне о том, как мы пили его в машине после прогулки возле пруда. Сделав глоток чая, я разревелась. Женщина молча забрала у меня чашку и обняла за плечи. В ее объятьях было так же тепло, как и в его руках. Она покачивала меня и рассказывала о детстве Роберта, о том, как он болел, о драках с мальчишками. Она говорила, что он всегда был сильным и выносливым, никогда не плакал и не жаловался. Она говорила о том, что он скоро очнется и все будет хорошо. Кажется, она убеждала в этом сама себя, мы плакали вместе, я чувствовала ее дрожь. Наши бесконечные слезы остановил Дан одной фразой: «Женщины, прекратите его оплакивать. Своими слезами вы навлечете беду». С этого момента я больше не плачу. Моя жизнь замкнулась в этих белых стенах, дверях реанимационного отделения. Иногда хотелось послать к чертям все правила, ворваться в эту дверь, чтобы просто его увидеть, попросить открыть глаза, посмотреть на меня. Мне не хватало его черного взгляда, его наглой ухмылки, его теплого обжигающего тела. Его грубых и одновременно таких трепетных ласк. Его голоса. Шепота в мои губы. Стука его сердца, который меня успокаивал.

Я чувствовала себя уставшей и измотанной, ничего не хотелось, ни есть, ни пить. Ксюха пыталась накормить меня, но мне просто ничего не хотелось. Мне нужен был только он. Подруга обижалась на меня, ругала, уговаривала. Иногда я поддавалась, лишь для того чтобы у меня оставались силы ходить по этому белому коридору. Вчера состояние Роберта стало просто стабильным, уже не тяжелым. Но к нему все равно ни пускали.

Сейчас я сижу на белом диване в приемном покое, смотрю в большое светлое окно. На улице бушует метель, кружа белые хлопья снега. Мимо меня проходят разные люди — плачущие родственники безнадежно больных, тени людей, которые потеряли своих близких или бьющиеся в истерике от отчаяния. Иногда промелькивали и счастливые лица тех, чьи родные вылечились. Я старалась не замечать их, не думать. Обстановка все больше и больше угнетала. Хотелось забиться в угол и рыдать. Но я дала себе слово не плакать, и с тех пор из моих глаз не пролилось ни одной слезинки.

Ко мне подходит только что пришедшая Ксюша. Садится напротив меня, внимательно

осматривает, недовольно хмурится.

— Давно ты на себя в зеркало смотрела? — с недовольством спрашивает она.

— Не знаю, а зачем? — продолжаю смотреть в окно на кружащийся снег.

— Елизавета, так нельзя. Ведь ему уже стало лучше. Когда ты последний раз спала?

— Сегодня. Я спада сегодня.

— Где? Вот на этом диване? — ее голос возмущенный, но мне все равно, я не могу его оставить.

— Что ты хочешь от меня?!

— Я хочу, чтобы ты поехала домой, приняла душ, нормально поела, выспалась и появилась здесь только завтра. Если хочешь, я здесь останусь, пока ты не приедешь.

— Нет, я не могу. Когда он очнется, я должна быть здесь, — Ксюха морщится, пытается возразить, но ее останавливает появившейся Дан.

— Привет, королева, как ты? — спрашивает он, садясь рядом со мной, слегка обнимая. Он называет меня королевой, не знаю почему, но я не спрашиваю. Кажется, он вообще не называет женщин по именам. Ксюху он называет Дюймовочкой. Смотрю на них и не понимаю, что между ними происходит. На минуту их взгляды встречаются и они замирают. Но через минуту первый приходит в себя Дан, разрывая их контакт, подруга отворачивается к окну и тут же замолкает.

— Нормально, все нормально, — отвечаю ему. Дан кажется хорошим парнем. Он всегда собранный, в меру спокойный. Кажется что он вообще не эмоциональный. Я чувствую, что он переживает за друга. Он много делает, постоянно разговаривает с врачом, решает проблемы с клубом. Недавно я случайно услышала, как разговаривая с кем-то телефону, он упоминал Елену. Но я не стала у него спрашивать, где она и что с ней. В данный момент весь мой мир фокусировался только на одном человеке.

— Послушай меня, королева. Я могу понять твое состояние. Но так нельзя, ты находишься здесь круглыми сутками. Роберт не простит мне, если узнает, что я позволил его женщине довести себя до такого состояния, — слова «его женщине» вскрывают в моей груди новую боль. Он всегда называл меня своей, а я отрицала это. Но теперь мне кажется, что я стала его с первого взгляда. Почему я так поздно это осознала?

— Что, так плохо выгляжу? — спрашиваю его, приподнимая брови.

— Королевы всегда прекрасны. Просто тебе надо немного отдохнуть, — пытаюсь ему улыбнуться, но ничего не выходит. — Давай договоримся так: ты едешь домой, отдыхаешь. А за это я обещаю Вам выбить очередное свидание, — подмигивает он мне.

— Ты попросишь врача пустить меня к нему? — с надеждой спрашиваю я. Дан просто кивает мне в ответ. — Хорошо, я поеду домой.

— Вот и прекрасно. Я пойду, поговорю с врачом. А когда я вернусь, тебя не должно здесь быть, — киваю ему в ответ. Дан слегка сжимает меня и уходит. Поворачиваюсь к Ксюше. Она до сих пор задумчиво смотрит в окно.

— Что у вас происходит?

— А что происходит? — делает вид, что не понимает. Смотрю на нее вопросительным взглядом. Ксюха вздыхает, хмурится.

— Ты действительно сейчас хочешь об этом поговорить?

— Ксюша, я просто хочу хоть на минуту отключить свои мысли, не хочешь, можешь не отвечать.

— У нас ничего не происходит, мы просто здороваемся, иногда он молча приносит мне

кофе. Когда вас привезли в больницу, он позвонил и сообщил о случившемся. Этим и ограничиваемся, — отвечает она.

— Ты хочешь сказать, что ты вместе с ним сбежала от Леши ради того, чтобы у вас ничего не происходило? Я перестала тебя понимать.

— Лиза, пойми, я сбежала не из-за Дана. Он, скорее, просто помог понять... — она останавливается, смотрит в сторону, и тут же отворачивается к окну.

— Ты до сих пор здесь? — слышу возмущенный голос Дана позади себя. Поднимаюсь с дивана. Наклоняюсь к подруге.

— Обещай мне все потом объяснить, я попытаюсь тебя понять, — шепчу ей на ухо. Она просто кивает в ответ.

— Все, я ухожу, — обращаюсь к Дану и покидаю больницу.

Добираюсь до дома. Прохожу в пустую и тихую квартиру. Оглядываюсь по сторонам, осматриваю мебель, стены. Все кажется таким пустым и безжизненным. Делаю все на автомате: принимаю душ, расчесываю волосы. Одеваюсь. Иду на кухню, открываю полупустой холодильник, долго изучаю его содержимое. Варю кофе, выпиваю его, съедаю одно печенье, не чувствуя его вкуса. Прохожу в спальню, натываюсь взглядом на не застеленную кровать, и понимаю, что я не меняла постельное белье с того момента, как мы с Робертом последний раз здесь спали. Медленно подхожу к кровати, сажусь на нее, веду руками по простыням, подушке, на которой он спал. Ложусь на сторону Роберта утыкаюсь лицом в подушку, вдыхаю. На ней остался его неповторимый терпкий запах. Вдыхаю полной грудью, чтобы надышаться им. Обнимаю подушку, дышу. Я дышу им. Тоска выворачивает наизнанку. Перед глазами возникает его лицо, каждая черточка — как он улыбается, как злится, хмурится. Вспоминаю нашу встречу в клубе, его обжигающий взгляд, его власть над моим телом. Нашу первую ночь в его квартире. Его признание в любви. Как просил меня позволить его любить, как показывал мне с сыном зимний пруд. Свой день рождения. Нащупываю на груди подаренный им крестик, сжимаю его в руке. У меня начинают дрожать руки, к горлу подступают ком, глаза начинают слезиться, но я сдерживаю слезы, пытаюсь не плакать. В мою голову въелись слова Дана «Перестаньте его оплакивать». Я не хочу его оплакивать. Это слово звучит очень жутко. Еще раз глубоко вдыхаю его запах и понимаю, что так пахнет моя жизнь. Жизнь, которую он вернул мне. У моей любви есть запах. Моя любовь пахнет мускусом и сандалом и неповторим терпким ароматом его тела.

Слышу громкую мелодию телефона, от которой подскакиваю на кровати. Оглядываю комнату, в которую бьет солнечный свет. О, Боже, я уснула, я просто провалилась в сон. Беру телефон, который продолжает звонить. Смотрю на время — девять утра. Я проспала весь вечер и ночь. Звонит Ксения. Поднимаю трубку.

— Алло.

— Ну наконец-то я до тебя дозвонилась, — слишком эмоционально говорит она, сердце тут же замирает.

— Что случилось?

— Случилось, Лиза, случилось, — бодро и громко говорит она. — Лизочка, он очнулся, он пришел в себя еще ночью. Сейчас его переводят в палату. Ты понимаешь меня? — Застываю на месте. Мне кажется, я не могу вздохнуть от дикой радости. Не могу вымолвить ни слова, слезы начинаю катиться сами собой. Господи, он очнулся. Спасибо.

— Лиза, ты слышишь меня? — кричит в трубку подруга. — С тобой все хорошо?

— Почему? Почему ты не позвонила мне ночью? Почему только сейчас?

— Лиза, тебя все равно бы к нему не пустили. Его мама с семи утра требует, чтобы ее пропустили к нему. Но врач сказал, что разрешит посещение только после перевода в палату. Я хотела, чтобы ты отдохнула.

— Я немедленно выезжаю, — не дожидаясь ее ответа, сбрасываю звонок.

ГЛАВА 15

Роберт

Как в тумане, на автомате добираемся до места указанного на карте. Навстречу нам вылетает машина с зеркальными стеклами. Резко выворачиваю, перекрывая ей путь, из нее вылетает охранник Елены, нервно размахивает передо мной пушкой, что-то орет, требует. Я вижу, как он нервничает, его руки трясутся. Когда он замечает, что из моей машины выходят Дан и Ромка, резко дергается в их сторону. Пользуюсь моментом, выбиваю из его дрожащих рук пистолет. Выкручиваю руки, резко поворачивая к себе спиной. Он взывает от боли, его ноги подкашиваются. Дан и Ромка просто наблюдают. Задаю этому мудаку только один интересующий меня вопрос.

— Где она?! — он указывает головой в сторону старого, покосившегося деревянного дома, продолжая скулить, требует его отпустить. Оправдывается, говоря, что он ни в чем не виноват, обвиняет во всем Елену. Отпускаю его, толкая лицом в снег. Бегу к дому. Слышу, как Дан спрашивает у него сколько человек находятся в доме. Мудак отвечает, что там только Елена и Лиза. Забегаю в полуразрушенный дом. В тесном коридоре двери в две комнаты. Одна из дверей закрыта. Толкаю дверь ногой, от чего та с грохотом бьется о стену. Глазам открывается ужасающая картина. Елена целится в сидящую на полу Елизавету. Через доли секунды Елена резко оборачивается, вздрагивает при виде меня, одновременно нажимая на курок.

Тело простреливает резкая, адская боль, выбивая из меня весь воздух. Пытаюсь вдохнуть, поворачиваю голову к Елизавете, вижу ужас в ее затуманенных глазках. Сползаю на пол по стене. Тело немеет, холодеет, открываю рот, чувствую, как из него выливается кровь, которая мешает мне вдохнуть. Силы медленно покидают меня. А дальше все как в тумане, обрывками, голос Дана, который приказывает держаться. Крики моей девочки. Ее теплые руки на моем лице, легкие поцелуи, слезы. Пытаюсь держаться, не закрывать глаза. Хочу ей ответить, но ничего не выходит. Сквозь шум в ушах слышу, как моя девочка требует не оставлять ее. Просит, умоляет. Ее дрожащий голос наполнен болью. Но я не могу ей ответить, я уже не вижу ее, меня накрывает темнота. Ее голос становится все дальше и дальше от меня. Последнее, что я слышу, как она кричит, что ЛЮБИТ меня. И я не знаю правда это или мой бред. А потом все исчезает, словно меня выключили.

Кто-то в отключке, в коме, без сознания или где я там был? Видит свет в конце туннеля, умерших родственников, и всякую подобную хрень. Я нечего не видел. Меня как будто отключили и потом заново включили. По всему телу растекается боль, кажется я чувствовал ее каждой клеточкой своего тела. С каждой минутой она усиливается все больше и больше. Отдаленно слышу голоса, эти голоса мне не знакомы. Пытаюсь открыть глаза, но яркий свет ослепляет. Все расплывается как в тумане. Первые минуты ни хрена не вижу. Вообще не понимаю, что происходит. Опять уплываю в темноту. Отключаюсь. Дальше картинка попеременно меняются. Перед глазами появляется то врач, то медсестры. Они что-то говорят, но я не понимаю. Тело то вопит от боли, то отпускает. Таким немощным я еще себя никогда не чувствовал. Терплю какие-то манипуляции врачей над моим телом. И опять

накрывает темнота.

В очередной раз прихожу в себя, зрение уже лучше, чувствую, как холодные руки глядят мое лицо. Мама. Она беззвучно плачет, что-то говорит, всхлипывает. При попытке сдвинуться с места мое тело пронзает током и адской болью. Мать тут же дергается, хватая меня за руку, просит не двигаться.

— Мам, — хриплю из-за сухости во рту, не могу сглотнуть. Мама хочет что-то сказать, всхлипывает, зажимает рот рукой.

— Мам, не надо, не плачь, — пытаюсь ее успокоить. Она машет головой, утирая слезы платком.

— Все, я не плачу. Как ты, сынок? Как себя чувствуешь? — а как я? Я не знаю. В голове вертится только одно слово «хреново»

— Не знаю, мам. Еще не определился.

— Не смей больше меня так пугать! Ты слышишь меня?! Я больше этого не выдержу! — грозно говорит она, хаотично глядя меня по лицу. И только сейчас мое сознание, наконец, подкидывает мне полную картину произошедшего.

— Мам, где она? — мне нужно знать, что с моей девочкой все в порядке.

— Елена?! Елена она...

— Мам остановись. Где Елизавета? С ней все в порядке?

— Лизочка. Она была здесь, каждый день. Но вчера Данил уговорил ее поехать домой, отдохнуть. Она такая маленькая, худенькая, измотанная. Почему ты ничего не рассказывал про нее?! Девочка так тебя любит, — мама пытается улыбнуться сквозь слезы.

— Это она тебя сказала?

— Нет, она не говорила, но это и так видно, сынок. Она не отходила от реанимационного отделения. Спала здесь. Первые дни постоянно плакала. Девочка совсем измоталась, — сердце начинает болезненно ныть. Я так виноват перед своей малышкой. Я принес в ее жизнь очередные страдания. Как будто ей мало в жизни боли, так судьба подкинула ей еще и меня. Мне изначально надо было задушить в себе все чувства, и не приближаться к ней. Я, чертов эгоист, думал только о себе. И теперь моя девочка в очередной раз страдает.

— Мам, я люблю ее. Она — все самое светлое и чистое, что было в моей жизни, — мать вздыхает, улыбается сквозь грусть.

— Это я уже поняла. Но, как же так, что с Еленой? Ты поступил не правильно. Как мужчина, ты должен был развестись с ней как положено. А уж потом влюбляться. Разве я так тебя воспитывала?

— Я знаю мам, знаю. Ты прости меня, я столько дерьма в жизни сделал. Не оправдал твои надежды, — мне не дают договорить медленно открывающиеся двери палаты. В них заходит Елизавета. Смотрит мне в глаза, застывает на месте. И я тону, тону в ее карих омутах. Ее глазки наполняются слезами, ее вкусные губки начинают трястись. Я не выдерживаю, пытаюсь встать. От малейшего движения боль вспыхивает яростной вспышкой, пронзая все тело. Мать надавливает мне на плечи. Голова безвольно падает на подушку. Закрываю глаза, дышу сквозь зубы. Жду, когда боль немного стихнет. Открываю глаза, опять смотрю на мою девочку, она прислонилась к стене и не сводит с меня глаз, утирая слезы ладонью.

— Ну, я пойду, наверное, поговорю с врачом, — говорит моя мать. Она все понимает. Целует меня в щеку и выходит из палаты.

— Не плачь, малышка. Иди ко мне, — зову ее. Лиза отталкивается от стены, медленно идет ко мне. Она похудела, бледная. Черт, до чего ты довел ее, Роберт. Лиза садится на край кровати. Дотрагивается до моей руки, слегка сжимает. Подносит вторую руку к моей щеке, гладит. Плачет, не сводя с меня глаз. Не выдерживаю, хватаю ее за плечи, притягиваю к себе. Боль вспыхивает новой обжигающей вспышкой, но мне все равно. Глубоко вдыхаю ее неповторимый запах, утыкаюсь носом в ее шею, дышу ей. Глажу по шелковистым волосам, закрываю глаза. Она лихорадочно целует мои щеки, скулы, подбородок. Мне хреново и хорошо одновременно. Глажу ее спину, пытаюсь успокоить. Мое лицо уже мокрое от ее слез. Боже, до чего я ее довел.

— Маленькая моя. Милая, любимая девочка. Пожалуйста, не плачь, все хорошо. Со мной все хорошо, — шепчу в ее шею, нежно целую. Она вздрагивает от моих поцелуев. Моя чувствительная девочка.

— Роберт, — дрожащим голосом шепчет она. Поднимает голову, смотрит мне в глаза, долго смотрит. И я вижу в этом взгляде весь мой мир. Всю мою жизнь.

— Я ... Я... — пытается что-то сказать, дрожит.

— Тсс. Не надо, ничего не говори. Прости меня, маленькая, — сжимаю ее руку.

— За что? За что ты просишь прощения? — не понимает она.

— За все. За твои слезы. За боль. За мой эгоизм. За то, что натворила с тобой Елена... — она останавливает меня, подносит свой пальчик к моим губам.

— Молчи. Не надо. Я... — останавливается, набирает воздуха. Я так люблю тебя! — наконец выдает она. — Я думала, что потеряю тебя. Ты вернул меня к жизни. Ты слышишь?! Я не могу без тебя больше. Не смей никогда меня оставлять! — мое сердце взрывается в бешеной эйфории, отбивая грудную клетку. Хочется кричать и вопить от дикой, раздирающей радости. Мне не показалось, она действительно меня любит. И, черт побери, стоило умереть, чтобы услышать эти слова от моей малышки. Я — все-таки гребанный эгоист. Я не смогу ее отпустить никогда. Она моя. МОЯ! Превозмогая боль, тяну ее на себя, целую ее соленые от слез губки.

— Я люблю тебя, моя маленькая девочка, — шепчу ей в губы. — Ты моя. Моя. И я никогда тебя не отпущу и не оставлю. Ты моя жизнь. — Она всхлипывает, целует меня в ответ. Наконец я могу говорить ей слова любви, не боясь ее реакции. И как бы парадоксально это не звучало, так хорошо как сейчас, я себя не чувствовал. Целую ее в макушку. Лиза утыкается мне в шею, глубоко вдыхает, немного подрагивает. Глажу ее волосы, перебираю их.

Мы лежим так уже где-то полчаса. Молчим. Слова не нужны. Все самое главное мы уже сказали друг другу. Слышу звук открывающейся двери. На пороге замирает моя мама, не решаясь зайти. Елизавета поднимается, оглядывается, на ее лице смущение.

— Мам, дай нам еще пять минут, — мама кивает и выходит.

— Слушай меня. Сейчас ты поедешь к моим родителям. И останешься там хотя бы до завтра. Ты отдыхаешь, высыпаешься, хорошо ешь. Там свежий воздух, — чувствую, что мои силы иссекают, их уже практически не осталось.

— Нет. Я не могу. Я уже была дома, отдыхала. Я хочу, остаться с тобой, — возражает она.

— Молчи и слушай меня. Ты делаешь так, как сказал! — Лиза долго смотрит на меня и, наконец, я вижу улыбку.

— Ты вернулся. Уже командуешь?

— Да. И ты делаешь так, как я сказал. Нечего сидеть здесь круглыми сутками. Приедешь завтра. А теперь иди и позови мою мать, — Лиза кивает, встает.

— Стой. Иди сюда. Наклонись, — она наклоняется к моему лицу. — Скажи это еще раз.

Что? — не понимает она.

— Скажи мне еще раз.

— Я люблю тебя, — склоняется ниже, нежно целует меня.

— Все. Теперь иди, — она опять улыбается. Встает, выходит из палаты. Я закрываю глаза, чувствую, что вот-вот снова отключусь. Сил вообще не осталось. Черт, и долго это все будет продолжаться? Ненавижу бессилие. Ненавижу зависеть от других. Слышу, как заходит моя мама.

— Роберт, — зовет меня. Открываю глаза, мама с волнением смотрит на меня.

— Мам, все хорошо. Отвези Елизавету к нам домой. Отдохните, накорми ее. Она похудела и бледная вся. Хватит возле меня крутиться.

— Но, — возражает мать. — Тебе нужна помощь.

— Вот только не надо. Здесь полно персонала и, судя по тому, что я лежу в одноместной далеко не стандартной палате, здесь все включено. Так что, езжайте домой и чтобы до завтра я вас здесь не видел, — мать тоже начинает улыбаться. Гладит меня по волосам.

— Хорошо, — говорит она, — я все понимаю. Не хочешь, чтобы тебя видели беспомощным.

— И это тоже, — мать еще что говорит, но я уже практически ее не слышу, просто киваю в ответ. Она уходит. И я опять отключаюсь, проваливаюсь в сон.

Потом вокруг меня разворачивается хаос. Врачи — один, второй. Бесконечные вопросы, осмотры. Засыпаю, просыпаюсь от очередных процедур, смен капельниц. Когда просыпаюсь, на улице уже ночь. В палате горит тусклый свет. Напротив меня сидит Дан, что-то пишет в планшете. Ощущаю ужасную сухость во рту. Невыносимо хочется пить.

— Дан, — еле как хриплю я. Друг подпрыгивает, подходит ко мне. — Дай воды, — Дан наливает в пластиковый стакан воду, стоящую на тумбочке, закрывает стакан крышкой с трубочкой, протягивает мне. Приподнимаю голову, пью, глотки даются с трудом, но жажда сильнее.

— Ну что, как дышится? Легкие не болят? — спрашивает он, как только я отрываюсь от стакана.

— По-моему, у меня болит все. Чувствую себя, как будто по мне прокатился каток.

— Кашель не мучает?

— Дан, мне вот сейчас ни хрена не смешно. К чему эти вопросы? Причем здесь легкие и кашель? Меня вроде в живот ранили.

— Ну как причем? По официальной версии у тебя двухстороннее воспаление легких, — усмехается он, пододвигает стул ближе ко мне, садится.

— Даже так? Как я понял, это версия Сокола. Ну и на этом спасибо. Хорошо хоть гонорей не приписал, — Дан начинает ржать.

— Что еще пишут в официальных версиях?

— Дохрена чего пишут. Легенда хорошая. Сам Сокол придумал. Кстати, он тут очень интересуется здоровьем любимого зятя. Так что жди, завтра утром он тебя навестит, и расскажет все из первых уст.

— Елена? Что ты с ней сделал?

— Я сдал ее ментам. Ну, как ты понимаешь, сидела она там пару часов. Но этого было вполне достаточно для определения ее пальцев на оружии, и теста на наркотики. Ну, я там ее поугал немного, — ухмыляется Дан. — Она все выла, что убила тебя, так я не стал возражать. У нее совсем крышу снесло, кричала, каялась, рыдала. Потом ее забрал Сокол. Ну, я думаю, он уже сообщил ей, что ты все-таки живой. Завтра он тебе все сам поведаст. Если хочешь, можем попытаться ее посадить. Есть у меня один неподкупный следак. Может помочь. А что, хороший для тебя вариант. Родительских прав ее лишат. И развестись ты сможешь с ней без ее согласия.

— Нет, Дан, я этого делать не буду. Не буду сажать Елену. Она мать моего сына. Да и выстрелила она скорее от испуга.

— А ты знаешь, что в ней сидела лошадиная доза героина?

— Вот и хорошо. Сокол сам с ней разберется. Поверь мне, она уже бросила. И очень сожалеет о содеянном. Да и я сам виноват в том, что произошло.

— Ты там пока в отключке был, случайно с Богом не встречался? Смотрю раскаянье из тебя так и прет. Все грешки замолил? — ухмыляется это гад. Все свои грехи я никогда не искуплю. Да и к Богу мне дорога закрыта.

— Нет, не встречался. Только есть у меня вина перед Еленой, как ни крути. Так что вот, считай, рассчитались. Мы теперь друг другу ничего не должны.

— Ну, не скажи. Это как Сокол теперь решит. Но судя по его легенде, ты еще поживешь.

— Ну вот, завтра и решим. Ты лучше домой ко мне съезди, папку из сейфа и флешку забери. Пусть пока у тебя полежит. Так, на всякий случай.

— А вот это правильное решение.

— Ага, — мои силы опять на исходе. Говорить уже трудно. Все мысли путаются в голове. Тело начинает опять ныть. Боль возвращается. Закрываю глаза, слегка морщась.

— О, я смотрю, кому-то нужна очередная доза. Сейчас медсестру позову. Она облегчит твою ломку. Медсестры здесь, знаешь ли, прямо из моих фантазий. Я б тоже не отказался у них полечиться.

— Не знаю, не замечал, — Дан нажимает на кнопку возле моей кровати. Через минуту приходит молодая девушка. Ставит мне укол. Дан с ней мило флиртует, интересуясь, свободна ли она. Девушка отвечает, что у нее есть парень. Ну все, игра началась. Но мне похрену, я уже практически не слышу его. Я уплываю в свою темноту.

Утром прихожу в себя от ощущения, что я не один. Я точно знаю, что это не врачи. Еще не открыв глаза, я чувствую присутствие Сокола. Есть в этом человеке особая аура, которая ощущается на расстоянии. Открываю глаза, Сокол стоит возле окна. Хренов любитель природы. Он умеет ждать, может часами пялиться на виды за окнами. Он чувствует, что я уже не сплю, но продолжает молча смотреть в окно. Ну что ж, помолчим. Закрываю глаза, прислушиваюсь к своим ощущениям, тело словно онемевшее. Пытаюсь глубоко вдохнуть, вдохи даются с трудом.

— Ну как ты себя чувствуешь, дорогой зятек? — спокойным тоном спрашивает он. Можно подумать, его интересует мое самочувствие.

— Вашими молитвами, Владимир Иванович.

— Ну что ты, здоровье надо беречь. Воспаление легких — это коварное заболевание. Кажется, ничего страшного, но если запустить или неправильно лечить, могут быть и осложнения. Знаешь, был у меня один знакомый, так вот он даже умер от пневмонии. Запустил, так сказать, — хмыкает он. Угрожает, но я его не боюсь. Отбоялся уже свое.

— Да вроде не так все запущено. Дышу пока, — отвечаю ему.

— Хорошо. Это хорошо. Очень не хочется внука без отца оставлять. Так что дыши. Дыши глубже, Роберт, — говорит он, продолжая смотреть в окно. Молчим еще какое-то время, потом Сокол медленно отворачивается от окна. Пододвигает стул ближе ко мне. Садится. Долго смотрит мне в глаза.

— Значит так. Я тут слышал, что ты со своим заболеванием страдаешь провалами в памяти. Совершенно не помнишь последнюю неделю, — вот не может Сокол говорить на прямую. Всю жизнь какими-то чертовыми намеками. Ну что ж, будем играть по его правилам. Выбора нет.

— Есть немного, Владимир Иванович. Память иногда меня подводит. Буду несказанно рад, если поможете все вспомнить.

— Конечно помогу, что ж не помочь. Не чужие все-таки люди. Значит так, перед твоей болезнью моя дочь застучала тебя с очередной шлюхой. Бедная девочка, не хорошо ты с ней поступил. Так что она требует немедленного развода. Ее сейчас очень тяжело и она уехала в Германию отдохнуть, нервы подлечить. А ты вот после ее отъезда заболел, сильно заболел. Пневмония — тяжелое заболевание. На днях к тебе зайдет наш адвокат, подпишешь документы на развод. Как положено, дом оставишь жене. Землю и место, на котором стоял твой клуб тоже отдашь, я в свое время много сил потратил, чтобы выбить тебе это место. За счета свои скрытые не переживай. Оставь себе. Моему внуку тоже нужно достойное обеспечение. Так что не волнуйся, все по-честному. Старею я, знаешь ли, сентиментальный стал. Жалостливый. Да и выборы у меня скоро, мне эта шумиха не нужна. И да дружку своему скажи, пусть папочку и флешку мне передаст. Да копий пусть не снимает. Ты меня знаешь, я свое слово держу. Разойдемся по-хорошему. А если что удумаете, так Бог — он все видит, может и наказать вас. Надеюсь, ты меня понял. Живи пока, выздоравливай, — Сокол замолкает, продолжая смотреть в глаза. — Надеюсь, мы друг друга поняли?

— Сын, — говорю я. — Илюша должен остаться со мной.

— Ну, пока моя дочь выздоравливает, приходит в себя, сын будет с тобой. А когда она вернется, вы решите это сами, с кем он останется. Тут я вмешиваться не могу. Да и ребенка стоит спросить, с кем ему будет лучше. Но я, как дед, имею полное право принимать участие в его воспитании. Дети у меня никудышные, может, из внука достойного человека воспитаем. Так что, мое общение с внуком должно остаться прежним.

Сокол сочинил хорошую легенду. Я, значит, козел, который изменил его благочестивой дочурке. Она, значит, депрессию в Германии лечит. Испугался, значит, Сокол. А выборы тут мне, кстати, на руку сыграли. Не хочет Сокол репутацию марать перед выборами. А охренительные бы заголовки бы вышли на первые полосы: «Дочь Соколова Владимира Ивановича — наркоманка, пыталась убить своего мужа». Я представляю, в каком шоке был он сам, когда узнал, кто его дочь на самом деле. Но надо сказать, его вариант событий меня устраивает, могло быть и хуже. Слово он свое сдержит, если дал. Только за это я его и уважаю. Но слово словом, а мне нужна страховка.

— Нет, Владимир Иванович, папка и флешка останутся у меня. Я верю вашему слову, знаю, что сдержите. Но с папкой убедительнее будет. Вы и меня тоже хорошо знаете. Просто так я не буду ее использовать, — его скулы напрягаются, по-моему, я даже слышу, как скрепят его зубы.

— Ну, будем считать, что договорились, — констатирует он. Встает со стула, подходит ближе, бьет, как бы подбадривая, меня по в бок. В место рядом со швами. Бьет сильно. Мои

мышцы тут же напрягаются, и нижняя часть отзывается адской болью. Сука! Закрываю глаза, глубоко вдыхаю, в глазах темнеет. Слышу, как Сокол выходит из палаты. Матерюсь сквозь зубы, преодолевая боль. Ну, чего-то подобного я и ожидал. Сокол не мог просто так мне все простить. В палату заходит медсестра, замечает мое состояние. Зовет врача.

— Швы начали кровоточить. Я же предупреждал Вас не делать резких движений. И не пытаться пока вставать. Еще рано.

— Да надоело, доктор, лежать в одном положении. Но я уже понял, что нельзя мне вставать.

— Вот и хорошо. Будете выполнять все указания, выздоровление пойдет быстрее, — медсестра делает мне очередной укол обезболивающего, дышать становится легче.

— Привет, Эллочка, — слышу бодрый голос Дана. Он проходит в палату, наклоняется к девушке, что-то шепчет ей на ухо. Девушка тихо хихикает, выходит из палаты.

— Ну и как она? — спрашиваю его.

— Кто? Элла? Не знаю, еще не пробовал. Так, только думаю, — ухмыляется он. — А вот вчерашняя, «У меня есть парень, я не такая» очень громко стонет, аж уши закладывает.

— Ты все не уймешься. Не боишься, что однажды руки тебе переломают, за то, что распускаешь их на чужое?

— Ну, пусть рискнут. Так и я их не насилую, все по общему согласию. Шлюхи остаются шлюхами, даже имея парня, — ничего не отвечаю, переубедить его бесполезно.

— Папку забрал?

— Да, еще вчера.

— Спрячь ее понадежнее, пока я не выйду отсюда, — Дан кивает в ответ.

— Как прошло с Соколом?

— Нормально. Могло быть и хуже. Слушай, а куда он отправил мою дражайшую супругу?

— Не знаю, куда-то в Европу, в клинику для наркозависимых, да и нервишки подлечить. Она, походу, двинулась после выстрела. Я вот тут думаю, может зря я не сказал ей, что ты живой. Думаешь, перегнул? Она в этом состоянии практически все подписала, пока папочка ее не появился.

— Даже если подписала, он все равно бы ее вытащил. Да и меня его легенда устраивает, — закрываю глаза, боль после визита тестя отпускает, опять проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от нежных прикосновений к своему лицу, не открываю глаза, просто наслаждаюсь, чувствую любимый запах моей малышки. Ее пальчики очерчивают мои скулы, глядят лицо, зарываются в волосы, нежно перебирая их. Чувствую, как она наклоняется ко мне, проводит губами по моим щекам. Целует шею. Черт. По телу проходят мурашки. Действие обезболивающего еще не прошло, и это хреново, потому что я ее хочу, а мне, вашу мать, НЕЛЬЗЯ.

— Остановись, малышка, — открываю глаза. Елизавета улыбается.

— Почему? Я скучала, — смотрит на меня наивными глазками.

— Елизавета, я тоже скучал. Так скучал, что мне хочется показать тебе, насколько сильно я соскучился. Но я не могу, — Елизавета моргает, хмурится. Отстраняется от меня.

— Прости, — ловлю ее за крестик, который болтается перед моим лицом, легонько тяну на себя. Целую, нежно провожу языком по сладким губкам, всасываю их, наслаждаясь вкусом. Я словно мазохист: мне нельзя, но не могу удержаться. Разрываю наш поцелуй, откидываюсь на подушку, закрываю глаза, глубоко дышу. Сейчас я мечтаю, чтобы боль

вернулась и охладила мой пыл.

— Больше ты меня никуда не отправишь, я хочу быть с тобой, — заявляет Елизавета.

— Елизавета Андреевна, часы посещения с двух до пяти. Не нарушайте, пожалуйста, режим. Мне не нужны няньки, здесь их предостаточно.

— Ты меня выгоняешь? — обижено говорит она.

— Нет, малышка, я не гоню тебя. Я хочу привязать тебя к себе крепкими цепями и не отпускать ни на минуту. Хочу, чтобы ты всецело была моей. Душой и телом. Хочу любить тебя каждую секунду. И я это сделаю. Но только, когда смогу встать с этой чертовой постели, — надеюсь, она меня поняла. Ненавижу чувствовать себя беспомощным. Лиза хмурится, долго смотрит на меня.

— Я поняла. Не надо меня привязывать, я и так твоя. Вся твоя.

— Я знаю, — ухмыляюсь ей в ответ. — Но привязать я тебя все равно хочу, например, к кровати, — Лиза смущенно улыбается, опускает глазки. Обожаю в ней эту невинность. Но придется немного развратить мою девочку. Помнится, в последний раз она меня не подвела. Хочу ей наговорить кучу пошлостей и посмотреть, как краснеют ее щечки, просто чтобы насладиться ее реакцией, но меня останавливают открывающиеся двери. В палату входит мама, за ее спиной стоит мой сын. Он боится проходить. Мама подводит его ко мне. Илюша осматривает меня непонимающими глазками, хмурит бровки. Черт, сын не должен был видеть меня таким.

— Папа, ты заболел?

— Да, сынок, заболел.

— Ирина Александровна говорила мне, когда я болел, что я должен пить лекарство и тогда я быстро вылечусь. Ты пил лекарства?

— Да, Илюша, я пил. Я тоже скоро буду здоров, — провожу по его волосам, глажу щечку.

— Папа, а бабушка сказала, что мама тоже заболела и уехала лечиться. Ты ее заразил? — спрашивает Илюша, и сам того не понимая, попадает в цель. Это правда, сказанная устами моего сына. Болезнь Елены — это моя вина.

— Да, сынок, я ее заразил. Она уехала лечиться в другой город. Когда она поправится, она вернется. А ты будешь жить со мной. Договорились?

— Да.

— Вот и хорошо. А пока я лечусь, за тобой присмотрят бабушка и Лиза.

— Хорошо. Папа, Лиза сказала, что если ты разрешишь, она сводит меня в кино на новый мультик. Можно я пойду? — поворачиваюсь, смотрю Елизавете в глаза, на ее лице смущение, она закусывает губки в ожидание моего ответа.

— Конечно можно, сынок. Идите, повеселитесь, — Илюша оглядывается на Елизавету, радостно ей улыбается. Похоже, они нашли общий язык.

— Папа, а можно она купит мне шоколадное мороженое?

— Конечно можно, только немного, — моя малышка смотрит на нас, и ее глаза светятся. И я хочу, чтобы она чаще так улыбалась. Я должен давать ей больше поводов для счастья.

Елизавета

Время бежит незаметно. Еще два месяца назад я думала, что потеряю Роберта. А сейчас этот мужчина стоит в ванной перед зеркалом в одних спортивных штанах и бреется. Он не знает, что я за ним наблюдаю. Он думает, я еще сплю. Я до сих пор не могу поверить своему

счастью. Счастью, которое, как я думала, было потеряно для меня навсегда. Все произошло так быстро, события сменялись одно за другим. И я благодарю судьбу за подарок в виде этого мужчины, за еще один шанс на счастливую жизнь. Теперь, спустя время, мне кажется, что наше совместное будущее было неизбежным. Никогда не думала, что я способна на такую сумасшедшую, одержимую любовь, которая накрыла меня с головой.

После того, как Роберта выписали из больницы, я хотела забрать его к себе, но он не позволил мне этого сделать. Он попросил Дана отвести его к нему в квартиру, в очередной раз расписав мне часы посещения и сказав, что ему не нужны няньки. Я понимала, что он не хочет, чтобы за ним ухаживали, понимала, что это задевает его самолюбие, мужскую гордость, что он не хочет, чтобы я видела его беспомощность. Но я просто не могла без него, я хотела быть с ним. Поэтому на его заявление я мило улыбнулась и поехала домой. Через пару часов я стояла на пороге его квартиры с двумя чемоданами. Роберт злился, нервничал, говорил, чтобы я возвращалась домой, а я раскладывала свои вещи по его полкам, не обращая на него внимания. В конце концов, он просто прекратил со мной разговаривать, строя из себя обиженного. После того, как мы молча поужинали, я ушла в душ. После душа обнаружила Роберта спящим. Он был еще слаб и быстро уставал. Я легла рядом с ним и уснула с глупой улыбкой на губах. Я больше не могла без него ни минуты. И мне было плевать, что он думает по этому поводу. А утром я проснулась от его нежных ласк и поцелуев. С тех пор я не покидала его квартиры, она стала моим домом.

С сексом все было сложно, нет, я не жаловалась: каждый день, при любом удобном случае, он прикасался ко мне, ласкал, целовал. По ночам его руки доводили меня до безумия, подводя к грани, заставляя перешагивать через нее и рассыпаться в сладостном оргазме. Но дальше этого не заходило, он не позволял прикасаться к нему, объясняя тем что, он хочет много всего и сразу, но пока не может себе этого позволить из-за того, что операция проводилась на животе, и разрез получился намного больше, чем пулевое ранение. Я видела, как ему тяжело — он как мазохист доводил меня руками, губами, языком до безумного оргазма, а потом курил одну сигарету за другой возле распахнутого она.

Илюша пока живет с бабушкой. Мы с Робертом три-четыре раза в неделю проводим вместе с ним, забирая его в город. Выходные проводим у его родителей. Илюшу мы забрать пока не можем. Квартира Роберта не рассчитана на троих. Да и планировка не подразумевает наличие детей. Но дело даже не этом: Роберт постоянно занят своим новым проектом. Я — работой в кафе. Елена находится на лечении в Германии. И, судя по последним разговорам Роберта с бывшим тестем по телефону, она пробудет там еще, как минимум, месяца три. Я боюсь ее возвращения. Боюсь, что она заберет Илюшу. Развод состоялся полтора месяца назад, но с кем будет жить сын, так и не было решено. Я очень привязалась к этому мальчику. Я прекрасно понимаю, что никогда в жизни не заменю ему мать. Илья по ней скучает. Однажды он задал вопрос, который застал нас с Робертом врасплох: «Теперь Лиза будет моей мамой?» Маленькие дети не глупые, они все видят и все чувствуют. А Илья видел, как Роберт относится ко мне, как целует, обнимает. Роберт ответил, что Елена — его мама и ее никто не сможет заменить, и когда она вернется, он обязательно будет проводить с ней столько времени, сколько захочет. Но только после того, как Роберт убедится, что она полностью здорова.

Роберт, замирает, медленно поворачивается ко мне.

— И долго ты будешь шпионить за мной? — загадочно улыбаюсь в ответ. Он изначально знал, что я за ним наблюдаю. Он всегда чувствует меня. Безошибочно

определяет, где я, даже не смотря в мою сторону.

— Я не шпионю. Я жду, когда ты освободишь ванну, — подхожу к нему, провожу руками по спине, наблюдая, как по его коже разбегаются мурашки. Прижимаюсь к спине щекой, слегка обнимаю. Роберт продолжает бриться и умываться.

— Какие планы на сегодня? — спрашивает он меня, разворачиваясь в моих руках, слегка целует мой нос, губы.

— Как всегда, работа. Есть предложения?

— Да, есть, сегодня мы ужинаем с застройщиком комплекса, надо обсудить проект.

— Это деловой ужин. Я не хочу тебе мешать.

— Застройщик сам настоял на том, чтобы я привел тебя.

— Это еще почему? Зачем я вам нужна?

— Может потому, что мой застройщик Алексей? — ухмыляется Роберт.

— Правда?

— Да, любимая, правда, — Роберт отрывается от меня, спускает лямки с моей комбинации вниз, она падает на пол.

— Почему ты не сказал мне, что Леша будет строить комплекс?

— Ну, во-первых, — целует меня в шею, заставляя откинуть голову назад, — все решилось только вчера. — Теснее прижимает меня к себе за талию, проводит руками по позвоночнику. — Во-вторых, я говорю тебе это сейчас, — я провожу пальцем по кромке его штанов, забираюсь под резинку, поглаживаю его член, который тут же оживает в моих руках. Роберт сжимает мою попу, целует страстно, сплетая наши языки. Я начинаю двигать рукой по его твердому члену. Роберт прикусывает мою нижнюю губу, перехватывает руку, отстраняя меня от себя. Я хмурюсь, обиженно надувая губы.

— Нет, малышка, не сейчас, я опаздываю, — шепчет мне в губы. Шлепает меня по попе, подводя к душу.

— И в душ сегодня ты тоже идешь одна, — говорит он, глубоко вдыхая, пытаюсь успокоиться. Я улыбаюсь ему в ответ, облизываю губы. Захожу в душевую кабину, встаю под теплые струи воды. Роберт не сводит с меня глаз, наблюдая за каждым моим движением. Беру его гель для душа, растираю его на ладонях, провожу руками по телу, ласкаю грудь, задеваю затвердевшие соски. Медленно веду руками по животу вниз, запускаю руку между ног, лаская себя, продолжая смотреть ему в глаза. Его черные глаза становятся еще насыщенные, он глубоко дышит, но не сдается.

— Мазохист, — шепчу ему одними губами, ахаю, задевая чувствительный клитор. Роберт резко разворачивается и покидает ванну, громко хлопнув дверью. И что теперь прикажете мне делать? Похоже, это я — мазохистка. Глубоко вдыхаю, делаю воду прохладней.

После инцидента в душе мы молча завтракаем, одеваемся. В полной тишине покидаем квартиру. Роберт берет меня за руку, ведет к машине, открывает заднюю дверь, помогает сесть. До моего кафе мы тоже едем в полной тишине. Прощаемся возле входа в кафе. Роберт целует меня.

— Люблю тебя, — шепчет в губы и быстро уходит. Ох, черт, наверное, я зря все это затеяла в ванной. Я должна понимать, как ему тяжело.

Захожу в кафе, прохожу в свой кабинет. Занимаясь работой, заглядываю в календарь, и с ужасом понимаю, что я забыла, какое сегодня число. Сегодня, первый раз за четыре года, я забыла о годовщине со дня смерти Марка и нашей принцессы. Накатывает вина, грусть. Но

это уже не истерика, не та вина как раньше. Просто легкая печаль с малой долей горечи. Откидываюсь на спинку кресла, закрываю глаза. Вспоминаю все моменты из моей прошлой жизни с Марком. Наше знакомство, свадьбу, день, когда я сообщила ему, что беременна. Но теперь все вспоминается по-другому, без дикой боли и нехватки кислорода. Все наши светлые моменты я вспоминаю с легкой теплой улыбкой.

Беру телефон, набираю Ксению. Прошу ее приехать ко мне. Подруга появляется через час. С беспокойством смотрит на меня. Она не забыла сегодняшнюю дату. Ксюха молча проходит в кабинет, садится на диван.

— Как ты? — спрашивает меня.

— Нормально. Все хорошо, — прошу принести нам кофе. Встаю с кресла, присаживаюсь рядом с ней. — Как там?

— Где там? — не понимает она.

— На кладбище, — тихо говорю я. Подруга удивленно округляет глаза.

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да. Я хочу туда поехать. Сегодня. Лучше сейчас.

— Ты уверена в этом?

— Да, уверена. Я не знаю, где это. Отвезешь меня?

— Да, конечно. Сейчас, так сейчас. Знаешь, в прошлом году я посадила там цветы. В этом году они должны расцвести.

И вот мы у цели. Мы стоим на стоянке у главного входа на кладбище. Сегодня хорошая солнечная погода и это место не кажется мне зловещим. Но я не решаюсь выйти. Долго смотрю в окно на ворота.

— Если ты не хочешь, мы можем приехать потом, когда ты будешь готова, — Ксюша берет меня за руку, слегка поглаживая.

— Нет, я пойду, сейчас. Проводи меня, пожалуйста, — говорю я, выходя из машины. Мы медленно идем по тропинкам, я смотрю себе под ноги, стараясь не замечать сотни могил вокруг себя. Тихо. Вокруг ни одного человека. Все неподвижно. Ветра нет. Ксюха останавливается, и я понимаю, что мы пришли. Я замираю, боясь понять голову.

— Ты как? — спрашивает она меня.

— Нормально. Иди. Подожди меня, пожалуйста, в машине.

— Ты уверена?

— Да. Иди, я недолго, — подруга просто кивает и медленно уходит. Закрываю глаза, глубоко вдыхаю, стараясь набрать больше кислорода. Поднимаю голову, открываю глаза. Дыхание замирает. Вижу большой мраморный памятник. Посередине высечено лицо Марка. Внизу красивыми буквами надпись про то, что его любят, помнят. Про вечный сон для него и маленького ангела. Чуть ниже две даты рождения и смерти. Его и нашей дочери. Вся сжимаюсь, становится холодно. Делаю пару шагов, подхожу ближе. Могила ухоженная. Опускаюсь на колени на мраморную плиту внизу. Провожу пальцами по изображению Марка, по красивым буквам. Одинокая слезинка катится вниз по моей щеке, смахиваю ее пальцем. Эти слезы уже не от боли и потери. Эти слезы от воспоминаний. Светлых воспоминаний, которые пережила вместе с этим человеком.

— Привет, мои хорошие, — говорю я. — Вот я и пришла к вам. Вы простите меня, что так долго не приходила. Я не могла. Марк, надеюсь, там тебе стало легче. Я отпустила, слышишь, отпустила тебя по-настоящему. И знаешь, ты был прав, мне стало легче, я счастлива. Теперь я могу глубоко дышать. Все изменилось, мир приобрел разные краски, —

обвожу контур лица на портрете, его губы в легкой полуулыбке. — Теперь я буду приходить к вам почаще.

Я думала, что придя сюда, я опять почувствую боль, тоску. Но нет, мне становится спокойно. Я как будто поставила точку в этом отрезке своей жизни, перелистнула последнюю страницу прочитанной книги. Книги без счастливого конца, но от этого она не стала менее любимой. Я закрыла эту книгу и начала новую историю. Медленно поднимаюсь, думая о том, что позже, когда станет теплее, надо прийти сюда и посадить побольше цветов. Последний раз провожу по холодному мрамору, поднимаюсь на ноги.

— Пока, теперь я буду навещать вас чаще, — медленно разворачиваюсь, иду к выходу. Выхожу за ворота. Сажусь в машину, Ксюха поворачивается ко мне.

— Все хорошо? — как-то грустно спрашивает она.

— Да, хорошо. Отвези меня, пожалуйста, домой.

— Домой — это куда? — с легкой ухмылкой спрашивает она. — Домой к тебе или домой к Роберту?

— К нам домой.

— Значит, к Роберту, — констатирует она, заводя двигатель. Откидываю голову на спинку сидения, закрываю глаза. Ни о чем не думаю, просто расслабляюсь. Слышу писк телефона, оповещающего меня о новом сообщении. Это Роберт.

«Ужин в восемь. Я заеду за тобой к половине восьмого. Хочу, чтобы ты надела то сексуальное черное платье, которое мы купили на той неделе. Люблю тебя, малышка»

На моем лице появляется улыбка. Он больше не злится на меня за утренний инцидент. Убираю телефон в сумку. Но следом приходит еще одно сообщение.

«Ты должна быть в чулках и без трусиков»

Вот блин, он решил мне отомстить. Пару раз, когда я соблазняла его, пытаюсь спровоцировать на секс, доступный нам, он жестоко мне мстил, наглядно показывая, что я с ним делаю. Он просто доводил меня до изнеможения, но кончить так и давал. Я отчаянно не понимала, почему он не позволял мне его удовлетворить. Он говорил, что это для него ничтожно мало, он хочет меня всю. За своими мыслями не замечаю, как Ксюха довозит меня до дома. Она паркуется напротив подъезда, поворачивается ко мне.

— Может, поужинаем сегодня или сходим в SPA?. Мы так давно не проводили время вместе, — с грустью и сожалением говорит она. Мы действительно в последнее время очень мало общаемся. Я до сих пор не могу до конца простить ее за боль и предательство по отношению к Леше.

— Я сегодня не могу, мы ужинаем с Лешей. Я говорила тебе, что Роберт хочет построить загородный комплекс для отдыха? — подруга отрицательно машет головой. — Ну, там отдых на природе, баня, сауна, бассейн. Отдельные домики для постояльцев, прогулки на лошадях, охота, рыбалка и все в этом духе. Плюс бар и развлекательные программы по вечерам. Он хочет, чтобы Лешина фирма все это построила.

— Что-то подобное я и ждала от Роберта. Он как всегда, в своей стихии — клуб, комплекс для отдыха. Почти тоже самое, — усмехается она. — Знаешь, я даже не представляю его, занимающегося чем-то другим.

— Ну да, что есть, то есть, — усмехаюсь ей в ответ.

— Как он там? — улыбка сползает с ее лица. Она отворачивается от меня, смотрит в окно.

— Кто? Роберт?

— Леша. Как он? У него все хорошо?

— Да. Он вернулся к работе. Вроде все как прежде. Но ты знаешь, я думаю, что он просто все держит в себе, прячет внутри, запирая все свои чувства на замок. После приезда он заходил ко мне в кафе. И задавал такие же вопросы о тебе. Он старался говорить непринужденно, но у него плохо получалось. Я видела, как менялся его взгляд, тон голоса, когда он произносил твоё имя, — Ксюха сидит неподвижно, продолжая смотреть в окно. Через несколько минут она берет сигареты, предлагает мне, я молча отказываюсь. Она подкуривает сигарету, я вижу как её руки немного подрагивают.

— И что ты ему сказала? — спрашивает она, приоткрывает окно, выдыхая дым на улицу.

— Я сказала как есть. Что мы с тобой последнее время мало общаемся.

— Я по нему скучаю, — тихо, почти шепотом говорит она. — За время наших отношений я так привыкла к его присутствию в моей жизни. Иногда когда что-то происходит, неважно что, мелочи. Я беру телефон, чтобы поделиться с ним, но вовремя останавливаюсь, вспоминая, что у меня больше нет на это права, — делает последнюю затяжку, выкидывает сигарету в окно.

— Тогда зачем?

— Что зачем? — спрашивает она, повернувшись ко мне.

— Зачем ты его бросила? Ради мимолетного секса с Даном? Ради похоти?

— Нет. Не поэтому. Я поняла, что я его не люблю. Нет, я люблю его как друга, как брата, как родного человека. Но я не люблю его как мужчину. Ты понимаешь, о чем я? — я просто киваю головой. Да, я понимаю, о чем она говорит. — Поверь, очень страшно в один прекрасный момент понять, что ты не любишь. Поверь, я боролась с этим. Я переубеждала себя. Знаешь, это больно понять, что ты не испытываешь тех чувств, которые сама себе придумала. Черт, это сложно. По-моему, сейчас я несу какую-то чушь. Я не знаю, как объяснить тебе все то, что творится в моей душе, голове, сердце, — Она глубоко вдыхает, улыбается мне одними губами. — Может, тогда поужинаем завтра?

— Завтра мы едем к его родителям и сыну Роберта, и пробудем там два-три дня. Может, на следующей неделе? Я позвоню тебе.

— Да, конечно. Я все понимаю. Я рада за тебя. Я рада, что ты оставила своё прошлое и шагнула в месте с Робертом в новую жизнь. Ты счастлива с ним?

— Да. Очень счастлива. Спасибо тебе.

— За что?

— Ну, это ведь ты уговорила меня на отношения с ним, — улыбаюсь ей лукавой улыбкой.

— Да я-то здесь причём. Вы бы все равно были вместе, — с уверенностью говорит она.

— Возможно. Ну ладно, мне пора. Роберт приедет за мной в полвосьмого. Мне надо ещё собраться. Я позвоню тебе.

— Да. Хорошо.

Ужин с Лехой проходит в непринужденной обстановке. С Робертом он общается, как будто очень давно его знает. Они шутят, обсуждают темы, не касающиеся работы. Леша рассказывает о поездке в Испанию, о погоде, пейзажах. Роберт вспоминает свой визит в эту страну. Леха намекает Роберту, что я никогда не была за границей. Я действительно нигде не была, у меня нет отца, мама тянула меня, как могла, работая на двух работах, естественно такие поездки были нам не по карману. После свадьбы мы с Марком хотели поехать куда-

нибудь в свадебное путешествие, но я узнала, что жду ребенка, и мой врач сказал мне забыть о поездках и долгих перелетах.

Роберт игривым тоном обещает показать мне весь мир. А дальше наша непринужденная беседа заканчивается. Мужчины начинают обсуждать дела. Я честно стараюсь проявить интерес к их разговору, вникнуть в суть дела. Но когда начинается обсуждение проекта, сметы и прочих непонятных для меня вещей, вообще теряю нить разговора, в какой-то момент я даже зеваю. Леха издаёт смешок.

— Не засыпай, солнце, мы уже почти закончили, — говорит мне друг. Рука Роберта, которая лежит у меня на колене, сжимается. Сколько бы я ему не говорила, что Леша мне как брат, он все равно ревнует меня. Ему не нравится, что Леша называет меня солнцем. Роберт поворачивается ко мне, демонстративно целует в губы, заявляя на меня свои права. На что я закатываю глаза. Они продолжают разговор, и тут я чувствую, как рука Роберта ползет выше по моей ноге, забираясь мне под платье с пышной юбкой. Я выполнила его приказ и не надела трусики. И, кажется, он хочет это проверить, именно сейчас. Он подбирается к резинке чулок, обводит ее пальцами, подбирается выше, поглаживает голую кожу на внутренней стороне бедра, при этом не прекращая обсуждать с Лешей дела, даже не смотря в мою сторону. Мне становится неловко и неудобно. Я понимаю, что Леша даже не подозревает, что вытворяет Роберт под столом. Это заставляет меня перехватить наглуую руку, которая уже добралась до моей киски. Сжимаю его запястье, хочу оторвать от себя. Роберт впивается пальцами в мою ногу, предупреждая, что не остановится. Шумно сглатываю, отпускаю его руку. Боже, что он творит? Он ненормальный, мы же в общественном месте! Его пальцы медленно поглаживают мои складочки. Мое дыхание учащается, отпиваю немного сока из бокала, пытаюсь выровнять дыхание. Чувствую знакомую пульсацию между ног, давлюсь соком, когда Роберт резко вводит в меня сразу два пальца.

— Малышка, с тобой все в порядке? — Как ни в чем не бывало, заботливым голосом спрашивает он меня.

— Да. Все хорошо, — пытаюсь говорить спокойно. Леша с интересом за нами наблюдает. Роберт отворачивается от меня, продолжая разговор. Его пальцы начинают движение медленно, мучительно медленно, поглаживая стенки моего влагалища, растягивая его. Я пытаюсь отвернуться, смотреть в окно, только чтобы Леша не увидел моей реакции. Но Роберту все равно, он обсуждает смету, продолжая трахать меня пальцами. Не выдерживаю, сжимаю ноги. Роберт вынимает пальцы. Не церемонясь, грубо раздвигает мои ноги, поглаживает влажными пальцами мой клитор. Закусываю губы от рвущегося из груди стоны. Я уже на грани, еще пару движений и кончу вот так.

— Солнце, с тобой все в порядке? — обеспокоенно спрашивает меня Леша. — Ты покраснела, и у тебя выступил пот.

— Да, мне что-то не очень хорошо. Здесь душно. Мне нужно на воздух, — мой голос дрожит, потому что Роберт и не думает отступать, он продолжает ласкать мой клитор. Поворачивается ко мне, внимательно смотрит мне в глаза. И когда мой оргазм уже неизбежен, он останавливается, убирает руку, расправляет мою юбку. Берет со стола салфетку. Вытирает пот с моего лба. Леша говорит о том, что они в принципе уже закончили и остальное могут обсудить на следующей неделе. Роберт просит счет. У Лехи звонит телефон, он встает, немного отходит. Роберт наклоняется ко мне.

— Сегодня я буду безжалостно трахать тебя всю ночь, — шепчет мне на ухо, прикусывая

мочку. — Ты доигралась, малышка. — Я ничего не могу ответить, меня трясет, возбуждение захватывает меня, кажется, что сердце бьется в висках. Я тяжело дышу, сжимаю руки, комкая салфетку на столе. Между ног все пульсирует, требуя немедленной разрядки. Роберт внимательно осматривает меня. Проводит пальцами, которые недавно были во мне, по моим губам, я ловлю его палец и сильно его прикусываю, злясь на него.

— Кажется, тебе и правда нужно на свежий воздух, — нагло ухмыляется он. Вытаскивает ключи из кармана, протягивает мне.

— Иди, подожди меня в машине. Я скоро, — я молча встаю и быстро удаляюсь, даже не прощаясь с Лешей. Выхожу на улицу, глубоко вдыхаю холодный воздух. Меня накрывает и трясет как в лихорадке. Никогда не испытывала такой бешеной потребности в сексе. Я хочу его до боли, сейчас, немедленно и мне уже плевать, где мы находимся. Сажусь в машину, откидываюсь на спинку, закрываю глаза, пытаюсь расслабиться. Глубоко дышу. Ничего не помогает. Слышу, как Роберт садится в машину. Тишина. Я кожей чувствую, что он смотрит на меня. Не реагирую, продолжая глубоко дышать с закрытыми глазами. Я даже немного зла на него за то что он довел меня до того бешеного состояния. Роберт заводит двигатель, мы трогаемся. Рука Роберта опять оказывается на моей ноге, бесцеремонно поднимая мою юбку. Хочу поднять голову, посмотреть на него.

— Не поднимайся, откинись на спинку, раздвинь ноги шире, и не открывай глаза, — приказным тоном говорит он. Я сглатываю, делаю так, как он сказал. Мы продолжаем ехать, его рука продолжает путешествие по моей ноге. Он осторожно касается пальцами моих складочек, нежно поглаживает. Мое тело покрывается мурашками, пульс подскакивает за доли секунды. Я уже не сдерживаюсь, бесстыдно постанываю. Его пальцы поглаживают круговыми движениями мой клитор, а меня трясет. Если он не даст мне кончить в этот раз, меня разорвет на части. Но Роберт как всегда чувствует мое состояние, его пальцы ускоряют темп, усиливая нажим. Я теряю связь с реальностью, забываю где я, не чувствую дороги, не слышу шум. Ничего. Все мои чувства и ощущения сосредоточены только на движениях пальцев. Я на грани, и вот-вот кончу. Его пальцы замирают, он останавливается. НЕТ.

— Нет! Пожалуйста! — кричу ему в изнеможении. — Пожалуйста, не останавливайся, — жалобно хныкаю я. Машина останавливается. Роберт глушит двигатель и опять тишина. Черт, ему что, доставляет удовольствие изводить меня и наблюдать за этим. Поднимаю голову, открываю глаза. Смотрю в окно, мы стоим возле дома. Поворачиваюсь к Роберту. Этот гад откинулся на спинку, вид у него вполне спокойный и расслабленный, на лице играет хищная ухмылка, которая начинает меня злить. Сверлю его злым взглядом. А ему все равно, он продолжает смотреть на меня и ухмыляться. Это все действительно его забавляет!

— Малышка, ты в курсе, что все это время ехала на переднем сидении? — приподнимая бровь, насмешливым тоном спрашивает он. Оглядываясь по сторонам, я действительно сижу на переднем сидении рядом с Робертом. Меня настолько захватило возбуждение, что я даже не заметила как сама села сюда, и когда он ласкал меня пальцами и одновременно вел машину, я этого тоже не поняла. Вот почему он приказал мне не поднимать голову и не открывать глаза. Хочу что-то сказать, открываю рот, но слова исчезают. Я не чувствую страха, ужаса. Да мне даже плевать на все в данный момент.

— Иди к черту! Я с тобой не разговариваю. Ты весь вечер издеваешься надо мной. Скажи честно, тебе доставляет это удовольствие?! — зло шиплю ему в ответ.

— Что такое? Моя девочка не кончила? Злая неудовлетворенная женщина? — опять

усмешается он. Ничего не отвечаю, выхожу из машины, громко хлопнув дверью. Почти бегом поднимаюсь на нужный этаж. Подхожу к двери и понимаю, что ключей от квартиры у меня нет, я забыла сумку в машине. Просто прекрасно! Между ног до сих пор не утихает пульсация, я настолько влажная, что, кажется, эта влага уже течет по моим ногам. Внизу живота все скручивает почти до боли от неудовлетворенного желания. Облокачиваюсь на двери, скрестив руки на груди, жду Роберта. А он, похоже, не торопится. Проходит минут пять, он, наконец, появляется. Медленно, не спеша, подходит к двери. В одной руке держит мою сумку, в другой покрывает ключи.

— Елизавета Андреевна, прежде чем убежать, убедитесь, что Вам есть куда бежать, — подходит ко мне, слегка отодвигает в сторону, открывает двери, легким жестом приглашая меня войти. Я прохожу, он заходит следом за мной, закрывает двери. Я делаю вид, что обижена, не смотрю на него, снимаю обувь, верхнюю одежду. Не успеваю дойти до дивана, на меня сзади буквально налетает Роберт. Слегка подталкивает к спинке дивана. Упираюсь в нее руками, он прижимается к моей спине.

— Ты... — пытаюсь сказать ему, что мне надоели его игры, и я уже ничего не хочу. Но Роберт не дает мне этого сделать, зажимает рот рукой.

— Тсс, малышка. Ты забыла, что ты со мной не разговариваешь. Молчи, — распускает мне волосы, вытаскивая все шпильки. Прижимается пахом к моей попке. Я чувствую, как он хочет меня, как его трясет от голода. Дикого голода по мне. Сжимает мою грудь, поглаживает затвердевшие соски через платье. Выгибаю поясницу, подаюсь к нему, бесстыдно трусь об его член. Роберт быстро расстегивает молнию на платье, спускает его с моих плеч. Ласкает мою грудь, сильно сжимает соски. Сладкая судорога боли пронзает мое тело. Кусает мочку уха, рычит сквозь зубы, продолжая терзать мою грудь то нежно лаская, то сильно сжимая. Убирает мои волосы в сторону, кусает чувствительную кожу на шее. Хватает меня за волосы, оттягивая их, заставляя запрокинуть голову назад, смотрит в глаза. В его взгляде голод, дикое желание. Он дышит сквозь зубы. Отпускает волосы. Надавливает на спину, заставляя перегнуться через спинку дивана. Резко задирает мою пышную юбку. Дарит чуть-чуть нежности, поглаживая бедра.

— Раздвинь ноги шире! — его бархатный голос вибрирует от напряжения. Выполняю его приказ, раздвигаю ноги. Слышу звук расстегивающейся ширинки. Проходят секунды, и он врывается в меня резко, грубо, одним толчком до упора. Громко вскрикиваю, хватаю воздух. Роберт замирает на секунду, а потом срывается, хватая меня за бедра, впивается в них пальцами до синяков. Натягивает на себя, трахает меня, да именно трахает. В его движениях нет ни капли ласки, нежности. Только жесткость, грубость.

Я начинаю кричать, срывая голос, чувствую, как капельки пота скатываются по моей спине. Роберт безжалостен, не щадит, не останавливается ни на секунду, наполняет меня собой на полной скорости, заставляя меня срывать горло от криков. С каждым толчком меня пронзает удовольствие, которое сосредоточивается в одной точке и растекается мощными волнами по всему телу. Роберт склоняется ко мне, обхватывает мою шею одной рукой. Я прогибаюсь, запрокидываю голову. Его ладонь сжимается на моем горле, становится трудно дышать. Он не прекращает двигаться. Сама не верю, что меня накрывает оргазм, когда его рука перекрывает мне кислород. Замираю в немом крике, мое тело подкидывает в судороге бешеного экстаза. Он медленно разжимает руку, перехватывая ей волосы, тянет на себя, продолжая безжалостно в меня вбиваться. Я слышу собственный громкий крик, смешанный с его тяжелым дыханием. Из глаз катятся слезы от переполняющих меня эмоций. И я улетаю

в космос, который только он дарит мне. До самого края, до дна. Сотрясаясь всем телом. Ощущаю его последние сокрушительные толчки, чувствую, как его самого трясет, его рука еще сильнее натягивает мои волосы, он с рычанием изливается в меня. Тянет меня на себя, заставляя встать к нему вплотную. Впивает в губы, сильно прикусывая, тут же проводит языком по месту укуса. Я вся дрожу, ослабленная. Роберт зарывается мне в волосы, целует их, вдыхая мой запах. Мы ничего не говорим. В эту ночь все слова заменяют стоны, прикосновения, оргазмы. Он, как и обещал, брал меня долго, много, в душе, в кровати. Он целовал каждый сантиметр моего тела. Ласкал то нежно, невесомо, то грубо, поработая, заставляя подчиниться. Мы признавались друг другу в любви без слов, наши тела заменяли буквы.

На улице ночь. Комнату освещает лишь тусклый свет ночника. Я не знаю, сколько сейчас времени, да и мне все равно. Моя голова покоится на груди Роберта. Я как всегда слушаю его сердце. Самое дорогое для меня сердце. Роберт курит прямо в кровати, медленно выпуская дым в потолок, поглаживая меня по спине, накручивает на пальцы пряди моих растрепанных волос.

— Как ты, маленькая? Я не сильно тебя замучил?

— Я не знаю, как я. Я вообще не чувствую собственного тела, — издаю смешок ему в грудь. — Но мне так хорошо, — Роберт чуть приподнимается, тушит окурок в пепельнице. Откидывается назад на подушку. Медленно водит пальцами по моему телу. Молчит, долго молчит, как будто что-то обдумывает. Через какое-то время тянет руку к прикроватной тумбе, открывает ящик, не вставая с кровати. Мне становится интересно, что же он там ищет, приподнимаюсь на локтях, вижу в его руках темно синюю бархатную коробочку. Он кладет ее себе на грудь перед моим лицом.

— Что это?

— Открой и посмотри, — с мягкой и нежной улыбкой произносит он. Я еще не знаю что там, но мои руки уже непроизвольно начинаю дрожать, сердце ускоряет свой ритм. Сажусь на колени рядом с ним, беру коробочку, кручу в руках, не решаясь открыть.

— Ну же, малышка, смелее, открой ее, — усмехается он. Медленно ее открываю, замираю, прикусывая губы. Это кольцо, из белого золота с большим сапфиром и мелкими бриллиантами вокруг. Я не знаю, что сказать. Пробегаюсь пальцами по темно-синему камню, поглаживаю его. Роберт поднимается, так же как и я садится на колени напротив меня. Смотрит мне в глаза. Осторожно вынимаю кольцо, покручивая, исследуя пальцами. Замечаю на нем гравировку, присматриваюсь, читаю красивые буквы, которые соединяются в слова: «Моя навсегда». Роберт забирает из моих рук кольцо.

— Я хотел это сделать на выходных, даже готовил сюрприз, ужин, цветы и всю прочую романтическую чушь. Но я не могу больше ждать ни минуты, — он останавливается, глубоко вдыхает. — Елизавета, малышка, моя любимая девочка. Я безумно сильно тебя люблю. Мне кажется, я полюбил тебя с первого взгляда. Я благодарен судьбе, Богу, ну или кто там нас свел. Спасибо, что дала мне шанс на наши отношения, позволила себя любить, не оттолкнула, не смотря ни на что. А ведь я далеко не идеален. Наверное, я не достоин тебя. Но любовь — коварная штука, она не оставляет нам выбора. Прошу тебя, позволь мне одеть это кольцо на твой красивый пальчик. Сделать тебя моей до конца. На всю жизнь. Я постараюсь наполнить твой мир радостью, счастьем. Сделаю все, что ты хочешь. Я буду любить тебя вечно, — он замирает, продолжая следить за моей реакцией. Я вижу, как он сильно волнуется, смотрит то на меня, то на кольцо у него в руках. Боже. Он раскрыл передо

мною душу и сделал мне предложение! Руки начинают подрагивать, внутри все трепещет. В моей голове нет никаких сомнений. Да, я хочу этого! Я хочу быть его навсегда, как написано на кольце. Медленно протягиваю руку к кольцу. Роберт широко улыбается. Надевает кольцо мне на палец. Подносит руку с кольцом к губам, целует мои пальцы. Тянет на себя, обнимает, прижимая меня к своей груди.

— Ах да, по-моему, я забыл задать тебе самый главный вопрос, — усмехается он. — Ты выйдешь за меня замуж?

— Да, — шепчу ему в грудь.

— Что, я не слышу? — смеется он. Я отрываюсь от его груди, целую его.

— Я тоже безумно тебя люблю и хочу быть твоей навсегда. И, мне кажется, я стала твоей, как только впервые посмотрела в твои глаза, — я прижимаюсь к нему всем телом, хаотично целую его лицо, скулы, щеки, губы. Это мое место, быть всегда рядом с ним. Он подарил мне новую жизнь и новое счастье. — ДА, Я ВЫЙДУ ЗА ТЕБЯ ЗАМУЖ, — шепчу его губы.

ЭПИЛОГ

Судьба брела уныло по дороге,
Подолом платья, подметая пыль.
От долгого пути устали ноги,
А в сердце только полный штиль.
Она плелась, а не летела,
А путь её был так далёк.
Она любви, тепла хотела,
Чтоб кто ни будь, к груди привлёк.
Она с любовью разминулась.
И смотрит в землю, а не вдаль.
Она по жизни так споткнулась,
Боясь всего теперь, а жаль...
И, как-то, сразу растеряла
В пыли дорог мечты свои.
И грусть её, печаль достала,
О той — ушедшей вдаль любви.
Любовь, чтоб встретить непременно,
Судьба должна её искать.
И стать подругой неизменной.
И перестать себя терзать.

(Георгий Холин)

Елизавета

На безоблачном небе ярко светит летнее солнце, становится жарче. Вокруг благоухают цветы, посаженные мамой Роберта. Дует едва ощутимый ветерок. Откидываюсь в садовом кресле, надеваю солнечные очки, наслаждаясь летней погодой. Погружаюсь в дрему. Меня будит громкий крик Илюши. Открываю глаза, мальчик несется ко мне с криком: «Лиза, он опять меня пугает». Вслед за Ильей идет Роберт. Мальчик подбегает ко мне, обнимает за шею.

— Роберт, прекрати пугать ребенка, — наигранно грозным тоном говорю я.

— А что я такого сделал? Мы просто играли. Он опять прибежал к тебе жаловаться? Ты его через чур балуешь и оберегаешь. А он — мальчик. С ним надо быть строже.

— Но он еще маленький!

— Лиза, мужчину надо воспитывать с детства.

— Илюша, иди к бабушке, попроси ее достать из холодильника мороженое, — говорю я мальчику, целуя в щеку.

— Шоколадное? — восторженно спрашивает он.

— Да, шоколадное, — Илья отрывается от меня, весело несется в сторону дома.

— Опять будешь отчитывать меня за неправильное воспитание ребенка? — насмешливым тоном спрашивает Роберт.

— Да, буду. Ты слишком строг к нему, — Роберт опускается передо мной на корточки, внимательно смотрит в глаза.

— Я постараюсь быть помягче. Но и ты должна понять, что он — будущий мужчина, и силу характера надо воспитывать с детства, — Роберт кладет обе руки на мой живот, тихонько поглаживает. Прислоняется к нему ухом.

— Как там моя маленькая Елизавета вторая?

— Она спит, — отвечаю, зарываясь пальцами в волосы Роберта. — И, по-моему, мы уже решили, что не будем называть нашу дочь Елизаветой.

— Ну, решила это ты. А я до сих пор хочу, чтобы у нас в доме было две моих девочки. Две Елизаветы. Елизавета первая, — Роберт покрывает нежными мимолетными поцелуями мой внушительный живот. — И Елизавета вторая, — отрывается от моего живота, заглядывает в глаза. Его невероятно глубокие черные глаза гипнотизируют, не отпускают.

— И не надо на меня так смотреть.

— Как так? — усмехается он.

— Ты прекрасно знаешь, как на меня действует твой взгляд, и пользуешься этим, — отрываюсь от его завораживающего взгляда.

— Знаю, — самоуверенно заявляет он. — Ты сама сказала мне, что стала моей, как только посмотрела мне в глаза, — берет меня за подбородок, поворачивает к себе.

— Роберт, мне не нравится эта идея. Назвать нашу дочь так же как меня. Я хотела бы назвать нашу девочку Настей.

— Анастасия? — смотрит на меня заинтересованным взглядом. — А что, Анастасия мне тоже нравится. Я подумаю над Вашим предложением, Елизавета Андреевна.

Удивлены? Не понимаете, что происходит? Как так получилось, что при моих сложных диагнозах, бесперспективных прогнозах, и тяжелой операции, я нахожусь на шестом месяце беременности? Я сама до сих пор нахожусь в легком шоке от своего положения. Я не верю своему счастью. Иногда мне кажется, что я сплю, и это мой сон. Если это сон, я не хочу просыпаться.

День, когда я узнала о своей беременности, я не забуду никогда. Да и как я его могу забыть, если это был день нашей свадьбы? Мы поженились через два месяца после того, как Роберт сделал мне предложение. Мы не хотели большого, шумного празднования. На нашей свадьбе не было лишних людей — только близкие и родные, никаких коллег, дальних родственников и прочих. Было уютно и по-домашнему. На мне было воздушное светло-голубое платье. Зато жених не подвел: он был в белом, впрочем, как и всегда. Нам не нужны были шумные гуляния и пышные торжества. Самое главное было внутри нас. Кольца на пальцах, бесконечные поцелуи, сплетенные руки. Но мой муж разбавлял всю сладкую

ваниль, в красках описывая, что он будет делать со мной в нашу брачную ночь, обещая сделать ее незабываемой. Он постоянно повторял, что теперь я по-настоящему принадлежу ему. Растягивал слова «моя жена», как будто пробовал их на вкус, смакуя, наслаждаясь ими.

Во второй половине дня, когда наша маленькая уютная компания расположилась в родительском доме Роберта, я почувствовала себя плохо. Стало неожиданно душно, воздуха не хватало, кружилась голова и в глазах темнело. Наша брачная ночь действительно была незабываемой, потому что мы провели ее в больнице. Я не помню, как, в какой момент потеряла сознание, но быстро пришла в себя. Роберт был непреклонен, не слушал меня, и немедленно увез в больницу. Когда мы туда приехали, со мной уже все было хорошо. Я чувствовала себя великолепно. Врач предположил, что поскольку это был день нашей свадьбы, на мое состояние подействовало волнение, суета, усталость. Я была согласна с врачом. Но моего мужа не переубедишь.

После сдачи анализов и осмотра, врач вполне спокойно и буднично сообщил нам, что я нахожусь в положении уже примерно два месяца. Слова доктора поначалу никак не повлияли на меня. Я сказала, что этого не может быть, и их диагноз не верен! Если у меня кружится голова и ненормированный цикл — это еще не значит, что я беременна. Врач положил на стол какие-то бумажки с анализом крови, указывая на повышение особого гормона, заявляя, что ошибки быть не может. Но, если я не доверяю их анализам и компетенции, они могут сделать мне УЗИ. Пока я спорила с врачом, доказывая свою правоту, Роберт словно застыл. Он, молча слушал нас и все сильнее сжимал мою руку. Он перевал наш спор одной фразой «Сделайте ей УЗИ немедленно». Он сказал это таким тоном, что не то, что я, даже врач не смел ему возразить.

В кабинете УЗИ врач самодовольно указывал нам на маленькую точку посреди экрана, заявляя, что не ошибся. Но мне было уже все равно, что он там говорит и какое у него выражение лица, я не отрывала взгляда от экрана. Смотрела на маленький комочек внутри меня, и не могла пошевелиться. Я не верила своему счастью. В голове крутились сотни мыслей, меня одолевали эмоции. Первые несколько минут я смотрела на экран и не верила в происходящее. Не могла осознать, что действительно жду ребенка. Этого просто не может быть! Из глаз катились слезы радости, которых я даже не чувствовала, пока Роберт не стал мне их вытирать. Он что шептал мне на ухо, но не слышала его. Через несколько минут моего ступора, я, наконец, осознала, что внутри меня зародилась новая жизнь. Я мысленно благодарила Бога за такой подарок, за это чудо. Да, именно чудо. Наше маленькое чудо.

Когда я полностью пришла в себя и начала слышать окружающих, врач посоветовал срочно обратиться к моему гинекологу, поскольку видит некоторые сложности. Доктор вручил мне первый снимок нашего малыша и удалился. Дрожащими руками я держала этот снимок, продолжая созерцать маленький комочек. Роберт медленно опустился передо мной на колени, забрал снимок из моих рук, повернул меня к себе, заставляя смотреть в глаза.

— Малышка, — тихо произнес он. Я перебила его. Кинулась ему на шею со словами «Спасибо», сжимала его в своих объятиях, не прекращая благодарить.

— Малышка, любимая, за что ты меня благодаришь, — не понимал он.

— Ты подарил мне малыша! — объясняла я.

— Лиза, милая, это я тебя должен благодарить.

— Нет, ты не понимаешь, — возражала я. — Мне говорили, что я не смогу больше забеременеть, мой врач сказал, что мне поможет только чудо. Ты подарил мне чудо! Понимаешь? — Роберт тепло улыбался, поглаживал мой живот. Целовал руки.

— Малышка, это действительно чудо. Наше маленькое чудо, которое внутри тебя. Здесь наш малыш. И это счастье. Счастье, которое подарила мне ТЫ.

На следующий день мы поехали к моему врачу. После сдачи очередных анализов, прохождения УЗИ, мой гинеколог долго хмурилась, рассматривая бумаги. А потом эта женщина заявила нам, что все сложно. Что я, конечно, беременна, но это не очень хорошо. Что с моими диагнозами беременность будет сложной, возможно я пролежу все девять месяцев в больнице и, если дойдет до родов, то не о каком естественном рождении не может быть и речи. После всей этой тирады она грубо и цинично заявила, что лучшим вариантом для меня и моего здоровья будет избавиться от ребенка пока не поздно. Я не буду рассказывать о своих чувствах в тот момент, потому что тогда я даже не успела осознать сказанное ею, как разразилась буря со стороны моего мужа. В таком гневе я не видела его никогда, он как всегда спокойным ледяным пугающим тоном, обещал моему врачу, что после этих слов она больше ни дня здесь не проработает. Он еще много чего ей наговорил. Кончилось все тем, что женщина назвала его неадекватным и пригрозила подать на него в суд за оскорбление.

Через три дня, Роберт нашел мне замечательного, уже немолодого акушера — гинеколога, Александра Сергеевича, который сказал нам, что будут сложности, но не все так плохо, и с нами будет все хорошо.

На протяжении четырех месяцев, как и предрекал мой первый врач, я практически живу в больнице. Иногда меня отпускают домой, но ненадолго. Но мне все равно! Я готова вообще не выходить из больницы, лишь бы с нашей малышкой было все в порядке.

Роберт

Когда я делал предложение Елене, я ни капельки не волновался, я знал точно, что она согласится. Да и предложением это сложно было назвать. Как то за завтраком я просто кинул ей насмешливым тоном фразу: «После того что я сделал с тобой ночью, я обязан на тебе жениться». Вот так просто, даже не смотря в ее сторону, без кольца и длинных тирад. И она, естественно, с визгом согласилась, тут же расписывая мне, какой шикарной будет наша свадьба.

С Елизаветой было все иначе. Я волновался как мальчишка, долго выбирал кольцо, готовил речь, ужин с цветами и прочей романтичной фигней. Но я не выдержал, плюнул на все, сделал ей предложение в нашей кровати. Я ужасно боялся ее реакции, боялся что откажет, отдалится от меня. Ведь мы оба были уже женаты. И если для меня мой брак ничего не значил, то для Елизаветы ее погибший муж был центром вселенной.

Но моя девочка в очередной раз меня не подвела. Она согласилась стать моей до конца. Вверила мне себя, не задумываясь. Я был несказанно счастлив. Я не знаю, за какие заслуги мне Бог послал эту женщину, но я готов благодарить его вечно за подаренный мне шанс на любовь и счастье вместе с ней.

Моя малышка очень сблизилась с моим сыном. И это было просто прекрасно. Видеть, как два дорогих мне человека ладят друг с другом. Илюша буквально не отходил от Лизы, я даже немного по-доброму ревновал, потому что как только эти двое встречались, они могли часами играть, читать, разговаривать, не замечая меня.

Лиза очень боялась возвращения Елены. Боялась, что она заберет у нас Илью. Но Елена осталась собой. Лечение в Германии может и избавило ее от наркозависимости и маниакального желания заполучить меня любой ценой, но никак не привило любовь к ребенку. Она вернулась через четыре месяца. Подкупила ребенка кучей подарков,

обещаниями, которые, как показало время, она и не сбиралась выполнять. Потом она больше общалась со мной, нежели с сыном. Как всегда язвила, поздравляя меня с бракосочетанием. Я не нервничал, не психовал, так же ехидно принимал ее поздравления, думая о том, что она не исправима и так ничего и не поняла в этой жизни. Бывшая супруга увлеченно рассказывала мне о том, что начала новую жизнь в Европе. О том, что я отнял у нее лучшие годы, и ей надо восстанавливать пробелы. Я не знаю, чего она добивалась, какие чувства хотела вызвать во мне, рассказывая о своем новом мужчине, который ее, конечно же, любит, в отличие от меня, и готов ради нее на все. И, черт, я искренне желал ей счастья с этим мужчиной.

Через пару дней Елена снова укатила в Европу на неопределенный срок, устраивать свою личную жизнь. Илья был расстроен, как ни крути, она его мать, и он ее любил. Очень больно смотреть на то, как твой сын разочаровывается в матери. После этого Илья еще больше привязался к Лизе. Потому что моя девочка делала все, чтобы он меньше грустил, увлекая его новыми занятиями, беседами, играми и, в конце концов, женской лаской и заботой, которой так не хватало моему сыну. Моя мать так вообще души не чаяла в Елизавете. После того, как она узнала о печальной, трагической судьбе девушки, она провозгласила ее дочкой. И эти две женщины ополчились против меня, строя закулисные заговоры. Тут я, конечно, шучу, хотя в каждой шутке есть доля шутки, а все остальное...

И вот теперь, моя малышка носит под сердцем еще одну мою девочку, которую я уже безумно люблю, так же как и ее мать. Наше чудо должно появиться на свет через три месяца. Не все, конечно, так гладко как хотелось бы — у моей девочки сложная беременность. Но старый добрый гинеколог, которого, кстати, посоветовала нам моя мама, обещал нам, что все будет хорошо. И теперь для полного счастья мне не хватает появления на свет нашей дочери Анастасии. Конечно, я хочу назвать свою дочь Елизаветой второй. Но и Анастасия мне тоже очень нравится. Но Лиза пока не должна этого знать. По вечерам нам нужно о чем-то спорить. Ах да, на днях я приобрел прекрасный дом рядом с домом моих родителей. И это тоже пока тайна. Я, как всегда, пытаюсь быть романтиком и готовлю Елизавете и Илье сюрприз.

Кто-то считает, что судьба существует и ее не избежать. Вопрос в том, что мы под этим понимаем. Может ли человек управлять своей судьбой? Я думаю, что нет. Судьба не поддается влиянию и изменению. Судьба не спрашивает нас, как распорядиться нашей жизнью, и чего мы хотим. Судьба — это сложившийся факт, о котором мы узнаем только в конце нашей жизни!

Существует древний китайский миф о Красной Нити судьбы.

Он гласит, что Боги повязали вокруг щиколоток каждого красную нить и связали с теми, с кем мы должны соприкоснуться. Нить может растянуться или запутаться, но она никогда не порвется. Если двум точкам суждено соединиться, вселенная всегда найдет способ их связать. Это означает, что люди, которые предназначены друг другу судьбой, связаны вместе невидимой красной нитью. Невидимая красная нить соединяет тех, кому суждено встретиться, независимо от времени, места и обстоятельств.

Однажды одна встреча может изменить всю вашу жизнь, и предопределить судьбу. Эта встреча обернется Любовью. Верьте в любовь. Она сильнее всего. Любовь сильнее судьбы. Любовь — это и есть судьба. Если Вы еще не нашли свою настоящую любовь — Ваша судьба еще не состоялась. Ищите любовь, не отрицайте ее, не проходите мимо. Ищите свою судьбу.

